Министерство культуры Омской области
Омский государственный историко-краеведческий музей
Омское региональное отделение Союза краеведов России
Омский государственный педагогический университет
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
Омская государственная областная научная библиотека
им. А. С. Пушкина

ПЯТЫЕ
ЯДРИНЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
V Всероссийской научно-практической конференции
на тему:

«КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Омск
2019

ББК 63.3(2)61
УДК 94+908
П998

Организаторы:
Министерство культуры Омской области
Омский государственный историко-краеведческий музей
Омское региональное отделение Союза краеведов России
Омский государственный педагогический университет
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

д.и.н. П. П. Вибе (ответственный редактор), к.и.н. Ю. А. Сомова (ответственный секретарь), к.и.н. О. В. Блинова, к.и.н. М. А. Жигунова, к.и.н. Т. Н. Золотова, О. В. Котовщикова, к.и.н. И. И. Кротт, Т. М. Назарцева, д.и.н. В. Г. Рыженко, д.и.н. Н. А. Томилов, д.и.н. М. К. Чуркин, В. А. Шаркова.

П998 Пятые Ядринцевские чтения: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (30 – 31 октября 2019 г.) / Отв. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2019. – 443 с.

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Пятые Ядринцевские чтения», состоявшейся в Омске 30 – 31 октября 2019 г. На конференции обсуждались актуальные вопросы краеведческого движения в провинции, рассматриваемые в контексте социокультурной ситуации в обществе, а также проблемы изучения региональной истории и культуры, участия научного сообщества в изучении истории края, развития музейной деятельности. Материалы конференции будут полезны для профессиональных историков, педагогов высшей школы, музейных работников, специалистов архивного и библиотечного дела, краеведов.

Рекомендовано к печати решением Редакционно-издательского совета Омского государственного историко-краеведческого музея (Протокол №6 от 03.10.2019).

ISBN 978-5-8042-0639-1

© Омский государственный историко-краеведческий музей, 2019

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 316.7(908)

Беневаленская Евгения Николаевна,
кандидат исторических наук,
Алтайский государственный педагогический университет,
научный сотрудник,
УНИЛ «Историческое краеведение»,
Барнаул,
e-mail: rabota-ben11@yandex.ru

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

* Статья выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 18-39-00047.

На основе применения междисциплинарного и компаративного подходов в статье охарактеризованы теоретико-методологические принципы исследования феномена региональной идентичности в историографии. Установлено, что заметной тенденцией отечественной и зарубежной историографии является возрастающий интерес к изучению вопросов самоидентификации региональных сообществ в России в советский и постсоветский периоды. Работы ученых в этой области открывают новый ракурс измерения российской идентичности за пределами столицы, который позволяет пересмотреть место и роль провинции в социокультурной жизни страны. Обоснована ценность такого подхода, который состоит в возможности рассмотреть не только процессы трансляции политическими элитами символов советско-российской государственности, но и показать особенности адаптации коммеморативных практик в локальных социумах, выявить влияние местных традиций и коллективной памяти на формирование образа прошлого региона. Использование исследователями теоретико-методологических положений различных социогуманитарных и естественнонаучных дисциплин для разработки проблем формирования идентичности на региональном уровне повышает эвристический потенциал исторических источников и позволяет дополнить существующую систему знаний о феномене советской и постсоветской провинции. В конечном итоге это дает возможность более объемно представить особенности социокультурного развития российского общества.

Ключевые слова: краеведение; региональная идентичность; коллективная память; локальные сообщества; методология; историография.

Benevalenskaya Elena Nikolaevna,
Ph.D., candidate of historical sciences,
Altay State Pedagogical University,
researcher,
Historical study of local lore,
Barnaul,
e-mail: rabota-ben11@yandex.ru

HISTORICAL AND LOCAL LORE STUDIES AND FORMATION REGIONAL IDENTITY

Based on the use of interdisciplinary and comparative approaches, the theoretical and methodological principles for the study of this phenomenon in historiography are characterized. It has been established that a noticeable tendency of domestic and foreign historiography is the increasing interest in the study of issues of self-identification of regional communities in Russia in the Soviet and post-Soviet periods. Works in this area open up a new perspective on the measurement of Russian identity outside the capital, which allows us to review the place and role of the province in the socio-cultural life of the country. The value of this approach consists of the opportunity to consider not only the processes of the political elites' transmission of symbols of the Soviet-Russian statehood, but also to show the adaptation features of commemorative practices in local societies, to reveal the influence of local traditions and collective memory on the formation of the past image of the region. The use of theoretical and methodological provisions of various socio-humanitarian and natural sciences to develop problems of identity formation at the regional level raises the heuristic potential of historical sources and makes it possible to supplement the existing system of knowledge about the phenomenon of the Soviet and post-Soviet provinces. In conclusion, this makes it possible to present more thoroughly the features of the socio-cultural development of the Russian society.

Keywords: study of local lore; regional identity; collective memory; local communities; methodology; historiography.

В современной историографии заметное место занимают идентитарные исследования. В рамках проблемных полей новой локальной и культурно-интеллектуальной истории, представленных в трудах С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцевой, Л. П. Репиной, рассматривается роль историко-краеведческого знания в процессах формирования коллективной памяти и региональной идентичности [1; 2]. Понятия «региональная» и «локальная идентичность» учеными не противопоставляются и анализируются как единый феномен осознания своей малой родины и ее исторической специфики, который проявляется как на уровне региона в целом, так и на уровне его отдельных населенных пунктов [3].

Автором статьи подготовлено монографическое исследование роли историко-краеведческих изысканий архивных и музейных учреждений, библиотек, образовательных и общественных организаций Алтая в конструировании региональной идентичности во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. Использованный компаративный подход дал возможность определить в коммеморативных практиках общероссийские черты, обусловленные единым с центром культурным и социальным контекстами и выявить специфичные особенности локальной модели их развития, определявшиеся природно-географическими условиями, историческим ландшафтом, этническим и культурным своеобразием региона.

На основе принципа «широкого контекстуализма» рассмотрены трансформации содержания региональной практики изучения местной истории в музеях, архивах, библиотеках, общественных организациях и школьном краеведении в связи с изменениями социокультурного контекста, политического и идеологического дискурса. В частности, проанализированы ключевые персоналии и события, формирующие в рассматриваемый период каркас исторической памяти регионального сообщества, воссоздана смысловая структура конструируемого в ходе массовых государственных и общественных мероприятий образа региона.

При разработке темы исследования использовались микроисторические подходы, позволившие реконструировать повседневный опыт и условия, в которых осуществлялась творческая деятельность архивистов, музейных и библиотечных сотрудников, учителей, членов краевых отделений Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. – Общества «Знание»), Союза писателей и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Интенсивный микроанализ и изучение материалов местных архивов и музеев дали возможность выявить факторы, сопутствующие или препятствующие конкретной работе по познанию прошлого и распространению знаний о нем среди населения Алтайского края.

Для воссоздания конкретных реалий общественно-политической и духовной атмосферы, в условиях которой работали учреждения и организации краеведческой направленности, был проанализирован большой массив источников личного происхождения. В результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам. Культурные инициативы подвижников краеведческого движения являлись важным фактором приращения духовно-интеллектуального потенциала региона. Обладая ярким организаторским и исследовательским талантом, они выстраивали коммуникации со специалистами-историками столичных и сибирских вузов и научных учреждений, вели плодотворную деятельность по совершенствованию музейной, архивной и издательской работы. В условиях отдаленности территории края от крупных научных центров своей просветительной деятельностью они способствовали подъему образовательного и культурного уровня населения, транслировали позитивные представления о ключевых исторических событиях и персоналиях Алтая, что сыграло существенную роль в сохранении коллективной памяти и укреплении идентичности регионального сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Маловичко С. И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории // Историческая память и российская идентичность. – М.: РАН, 2018. – С. 133 – 159.

2. Маловичко С., Румянцева М. Проблема пограничья в предметном поле новой локальной истории // Dobre i złe sąsiedztwa. Historia kluczem do zrozumienia współczesnych relacji międzysąsiedzkich / Red. nauk.: T. Maresz, K. Grysińska-Jarmuła. – Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2016. – P. 306 – 315.

3. Репина Л. П. Образы и символы прошлого в традиции историописания и политике памяти // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 18 – 20 октября 2017 г.). – Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СКФУ, 2017. – С. 125 – 128.

УДК 908+94(57)

Вибе Петр Петрович,
доктор исторических наук,
директор,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: pwiebe@mail.ru

ОМСК – СТОЛИЦА БЕЛОЙ РОССИИ: МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ

В докладе рассматриваются причины возникновения мифов о событиях Гражданской войны в Сибири. Дается характеристика роли А. В. Колчака в этих событиях и Омска как белой столицы России. Выясняется механизм появления мифологем в публичной истории Гражданской войны в Сибири.

Ключевые слова: публичная история, мифологизация, Гражданская война, Сибирь, Омск, Верховный правитель России, столица белой России.

Vibe Peter Petrovich,
doctor of history,
Director,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: pwiebe@mail.ru

OMSK IS THE CAPITAL OF WHITE RUSSIA: MYTHOLOGIZATION IN THE SPACE OF PUBLIC HISTORY

The report discusses the causes of myths about the events of the Civil war in Siberia. The role of A. V. Kolchak in these events and Omsk as the white capital of Russia is characterized. The mechanism of mythologems appearance in the public history of the Civil war in Siberia is revealed.

Keywords: public history, mythologization, Civil war, Siberia, Omsk, Supreme ruler of Russia, capital of white Russia.

Исторически сложилось так, что в годы Гражданской войны Сибирь являлась одним из основных плацдармов белого движения в России. На ее территории разворачивались события, имевшие глобальные последствия для судеб нашего Отечества. Здесь находилась многотысячная Сибирская армия, сдерживавшая основные силы Красной армии; в Томске заседала Сибирская областная дума – высший орган законодательной власти в крае; от Омска до Владивостока возникло несколько правительств, претендовавших на власть как в отдельных областях, так и на территории Сибири и даже во всей России. В центре этих событий оказался Омск, ставший резиденцией сначала Временного Сибирского правительства, затем Уфимской директории и, наконец, Российского правительства. Здесь же находилась резиденция Верховного правителя России – адмирала А. В. Колчака. Кроме того, в Сибирь вынуждены были бежать многие наши соотечественники, составлявшие до революции цвет нации. Среди них были популярные политические и военные деятели, известные ученые и представители русской культуры, многие из которых приобрели всероссийскую известность. Все эти обстоятельства дали основание нашим современникам гордо называть Омск периода Гражданской войны третьей столицей России или столицей белой России.

Появившиеся в постсоветское время исторические исследования, посвященные истории Гражданской войны в Сибири, безусловно, внесли качественно новый вклад в изучение данной проблемы. В научный оборот были введены многочисленные документы, находившиеся ранее на специальном хранении. Значительно расширилась тематика исследований.

Но наряду с малотиражными академическими работами профессиональных историков, не всегда доступными читателям, появилась и масса других исторических информационных продуктов, которые принято в последнее время называть «публичной историей» [1]. К ним, в первую очередь, следует отнести научно-популярную литературу, публикации в СМИ и интернете, телевизионную документалистику, музейные экспозиции и выставки, тематические экскурсии и публичные лекции, различного рода базы данных. Публичная история как относительно новое направление формирования исторического сознания призвана заниматься трансляцией академического знания доступным и понятным для широкой аудитории языком, но без его искажения и упрощения фактов. Это одна из ее ключевых задач. Ученые, имеющие профессиональное историческое образование, начинают говорить не только с коллегами, но и с самыми разными читателями и слушателями. Но, когда место историков занимают люди, не готовые к выполнению этой миссии, нередко появляются невероятные

исторические «сенсации», рождаются и укореняются в общественном сознании многочисленные мифы и легенды.

Мифологизация как форма интерпретации истории существовала всегда. Но если история основана на общенаучных и специальных методах получения знания, то миф – это, прежде всего, образ прошлого, базирующийся на индивидуальной или коллективной памяти, на вере. Он, как правило, воздействует на эмоциональную сферу восприятия.

Учитывая ту роль, которую сыграл Омск в истории Гражданской войны в России, а также многолетнее одностороннее представление ее событий в официальной советской историографии, именно этот период нашей локальной истории изобилует значительным количеством искажений. Не случайно на это обращают внимание в своих публикациях наши коллеги из Центра изучения истории Гражданской войны, созданного при Историческом архиве Омской области [2]. По их мнению, «только об особняке семьи Батюшкиных (где в 1918 – 1919 гг. была личная резиденция Верховного правителя А. В. Колчака, а ныне находится Центр изучения истории Гражданской войны) существует минимум 10 мифов, искажающих не только историю здания, но и через него – историю Омска» [2, с. 9].

Ранее мы отмечали, что «… закончившаяся столетие назад на полях сражений Гражданская война в России продолжается и в наши дни, но уже на полях коллективной памяти» [3, с. 47]. Это проявляется не только в войне с памятниками, но и в ожесточенном противостоянии двух взглядов на историю Гражданской войны, сторонников которых можно условно разделить на «красных» и «белых», в зависимости от того, интересы какой стороны в гражданском противостоянии они отстаивают и защищают. И те, и другие, безусловно, причастны к формированию в пространстве публичной истории многочисленных легенд и мифов.

Первые «красные» мифы рождались, что называется, «с колес», «по горячим следам» происходивших событий. Их авторами, конечно же, были не историки, а политики. Так, например, известно, что первым шагом новой омской власти, установившейся после мятежа Чехословацкого корпуса, было обращение к большевикам с предложением о сотрудничестве и компромиссе. 9 июня 1918 г. командир Степного корпуса полковник П. П. Иванов-Ринов направил в Москву в СНК телеграмму, в которой обещалась продовольственная помощь голодающим районам России в том случае, если большевики откажутся от попыток восстановления советской власти в Сибири. Вряд ли такое соглашение могло быть долговременным. Обе стороны воспользовались бы мирной передышкой для укрепления и консолидации своих сил перед решающими битвами Гражданской вой-

ны, маховик которой был уже запущен. Но СНК не раздумывая отказался от каких-либо переговоров с «сибирским корниловцем», сообщив в своем обращении за подписью В. И. Ленина о том, что «против мятежников двинуты надежные части, обеспеченные всем необходимым снаряжением и вооружением»[1]. Но это был блеф, реально такими силами большевики в Сибири в тот момент не располагали. Тем не менее, этот очевидный миф позднее, при публикации документов в советское время, оставался без внимая историков и не оспаривался ими, а следовательно, укоренялся в общественном сознании.

Советская историография Гражданской войны изобиловала «белыми пятнами». В результате, «Россия, кровью умытая», как образно охарактеризовал охваченную огнем страну известный советский писатель А. Веселый, в публичной истории была в значительной степени мифологизирована. Нередко в советских фильмах этот период представлен комедийно и даже оперетточно («Свадьба в Малиновке», «Неуловимые мстители», «Зеленый фургон» и др.).

В наши дни представители «красных», публично рассуждая о Гражданской войне, по-прежнему используют упрощенную схему, характерную для советской историографии, согласно которой события в Омске в 1918–1919 гг. развивались примерно следующим образом: Марьяновские бои и падение советской власти в мае-июне 1918 г. – Приход к власти ставленника Антанты адмирала Колчака – Восстание 22 декабря 1918 г. – Белый террор – Партизанское движение – Освобождение Омска 14 ноября 1919 г. 5-й Армией Восточного фронта[2]. В результате за рамками исторического повествования оказываются события, связанные с установлением в Омске власти нескольких правительств, организация жизнедеятельности города и быт горожан, процесс формирования антибольшевистских вооруженных сил и многие другие. Главным врагом советской власти, виновником всех бед и злодеяний объявляется исключительно ставленник американо-английских и французских империалистов адмирал А. В. Колчак, который якобы с первых дней падения советской власти установил в Сибири свою «кровавую диктатуру» и ввел массовый белый террор против народа.

Следствием такого подхода является расхожий миф о том, что адмирал А. В. Колчак пришел к власти уже в июне 1918 г. Анализируя позна-

[1] Дело Сибири. – 1918. – 11 июня; Известия. – 1918. – 11 июня.

[2] См. например: Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917 – 1920 гг.) / Сб. док. материалов. – Омск: Омское областное государственное издательство, 1952.

ния посетителей Центра изучения истории Гражданской войны, его сотрудники приходят к выводу, что в их мыслях «…обычно можно увидеть следующую картину: на протяжении всего периода Гражданской войны Омск являлся столицей антибольшевистской России с правительством А. В. Колчака, лично (!) участвовавшего в занятии города 7 июня 1918 г.» [2, с. 10]. Подобные же заявления приходится читать в омских газетах, пресс-релизах туристических фирм и даже на официальном портале Администрации города Омска. Например, в исторической справке, относящейся к 1917 – 1919 гг., в разделе «Лента событий» городского сайта сообщается: «В период с июня 1918 года по ноябрь 1919 года город был резиденцией Верховного правителя России, адмирала Александра Васильевича Колчака (1874 – 1920), объявившего Омск столицей белой России»[1].

Происхождение этого мифа, очевидно, кроется не только в историческом нигилизме определенной части омичей, о котором мы уже писали, но и в усилиях представителей «красного» направления взвалить весь груз ответственности за все происходившее в то время в Омске именно на Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака, а также в упрощенном показе противоборствующего лагеря и происходивших в его недрах событий или просто их замалчивании. Как ни странно, но мало кто из омичей, например, знает имя П. В. Вологодского – председателя Совета министров всех антибольшевистских правительств в Омске, уважаемого человека, получившего звание Почетного гражданина Сибири. Или имена известных ученых и политических деятелей, членов этих правительств: Г. Г. Гинса, П. И. Преображенского, В. В. Сапожникова, Н. Я. Новомбергского. Но зато всем нам с детства известны имена организаторов двух неудачных восстаний в Омске, повлекших за собой многочисленные жертвы, – П. А. Вавилова, А. А. Масленникова, М. М. Рабиновича, А. Е. Нейбута, А. С. Поворотникова и других руководителей большевистского подполья, поскольку в их честь в свое время были названы многие улицы города. Правда, в чем истинная заслуга этих людей перед Омском, вряд ли кто-то может сказать.

Таким образом, из летописи Омска вследствие исторической неграмотности и тенденциозности выпадает очень важный хронологический отрезок Гражданской войны, характеризующийся ожесточенной политической борьбой в контрреволюционном лагере не только в Сибири, но и в белой России в целом. Этот период, получивший название «демократическая контрреволюция» был неудобен советской историографии в силу необходимости объяснения поражения большевиков на выборах в Учредительное собрание и затем его разгона. Так называемая «третья сила в революции»

[1] http://admomsk.ru/web/guest/city/history/timeline/1917 – 1919.

была чрезвычайно популярна среди крестьянства и части рабочих. Эсеры и меньшевики не были явными антагонистами большевиков и порой вступали с последними в союзнические отношения. Но, когда их пути окончательно разошлись, большевики «записали» всех своих оппонентов в единый контрреволюционный лагерь. Наиболее одиозным представителем этого лагеря был, по их мнению, адмирал А. В. Колчак. Он-то и оказался в центре внимания советской историографии.

А между тем, такой непростой и достаточно длительный процесс формирования антибольшевистской власти в Сибири и России, завершившийся провозглашением адмирала А. В. Колчака Верховным правителем России лишь в ноябре 1918 г., был полон закулисных интриг и трагедий. Власть в Омске последовательно переходила от Западно-Сибирского комиссариата Временного правительства автономной Сибири к Временному Сибирскому правительству, затем к Временному Всероссийскому правительству (Уфимской директории) и, наконец, к Российскому правительству.

А что же адмирал А. В. Колчак? В чем была его роль во всех этих событиях лета – осени 1918 г.? Абсолютно ни в чем! Он к ним вообще не имел отношения! Ведь только 13 октября 1918 г., в день, когда Уфимская директория поручила «временное заведование неотложными делами» соответствующим министерствам Временного Сибирского правительства, адмирал А. В. Колчак впервые появился в Омске. Он направлялся с Дальнего Востока на юг России в Добровольческую армию генерала М. В. Алексеева для борьбы с большевиками[1]. В Омске адмирал узнал о смерти М. В. Алексеева и его планы изменились. В то время в Сибири не было другой известной личности такого масштаба. Естественно, что адмирала стали рассматривать в качестве кандидата на вхождение в состав нового Совета министров Временного Всероссийского правительства. Именно с этого времени, т.е. лишь с середины октября 1918 г., начинается омский период в биографии А. В. Колчака.

18 ноября 1918 г. в Омске в результате государственного переворота был решен вопрос о Верховном правителе России. Им стал адмирал А. В. Колчак. На смену Временному Всероссийскому правительству пришло Российское правительство. Таким образом, миф о том, что адмирал А. В. Колчак причастен ко всем событиям, происходившим в Омске в период Гражданской войны, противоречит реальным фактам и искажает его историю.

Производным от этого мифа является еще одно неверное суждение, переросшее в советской публичной истории в миф о том, что адмирал

[1] Заря. – 1918. – 16 октября.

А. В. Колчак, став Верховным правителем, олицетворял собой все антибольшевистские силы, консолидировал их. На самом деле все было иначе. Известно, например, что сразу после государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске ЦК партии эсеров объявил А. В. Колчака врагом народа и заочно вынес ему смертный приговор [4, с. 230]. Такая же угроза последовала и премьер-министру П. В. Вологодскому. Эсеры требовали арестовать участников переворота и освободить членов Директории, восстановив их в правах. В противном случае они также намеревались объявить П. В. Вологодского врагом народа и предложить всем областным правительствам выступить против Омска [4, с. 229]. Не признал сразу А. В. Колчака Верховным правителем России и атаман Г. М. Семенов. Для разрешения конфликта была даже создана чрезвычайная следственная комиссия, которую возглавил генерал Г. Е. Катанаев [5, с. 233 – 234].

После провозглашения Верховным правителем России А. В. Колчак выступил с обращением к населению. В нем мы видим и трагедию того времени, и взвешенный, совершенно не «диктаторский» подход к сложившейся в стране ситуации, и благородство человека, искренне уверенного в своей правоте и возможности возрождения России. Но подобная позиция вызвала недовольство крайне правых кругов, требовавших более жесткого курса. Реакционная часть политиков и военных вела себя решительно и агрессивно. Именно благодаря их «решительности» было так жестоко и неадекватно подавлено восстание 22 декабря 1918 г. в Омске, учинена расправа над членами Учредительного собрания. Ответственность же за все это история возложила на адмирала А. В. Колчака. Да, действительно, за столь короткий отрезок времени, отведенный ему судьбой, он не смог консолидировать вокруг себя все здоровые патриотические силы белой России и ее столицы, Омска, для реализации поставленной цели. Внутренние противоречия и борьба за власть, некомпетентность и амбициозность отдельных лидеров белого движения, безусловно, ослабляли его. Поэтому неизбежны были предательства, расстрелы, поражения. Но, объективный показ событий Гражданской войны, в том числе и в форматах публичной истории, требует взвешенного подхода, лишенного тенденциозности и «классовой ненависти» к персоне адмирала А. В. Колчака.

23 июля 1918 г. Омск был провозглашен столицей Сибири, а с ноября того же года его по праву можно считать «белой столицей» России в противовес большевистской Москве. Это звание за ним сохранялось всего лишь один год, но это был год больших надежд на возрождение России и горьких разочарований, активной политической, общественной, культурной жизни и ожесточенного, кровавого противостояния белых и красных.

«Столичный» статус Омска долгое время замалчивался в советской историографии. Город представлялся лишь как центр большевистского подполья. И это тоже было мифом! Здесь находился не только ЦК РКП(б) Сибири, который осуществлял руководство восстаниями во многих сибирских городах, но и Российское правительство, распространившее свою власть на огромную территорию, а следовательно, Омск был российской столицей. Но преувеличивать его роль все же не следует. Вместе с тем, в постсоветской литературе теперь уже представители «белого» направления в публичной истории Гражданской войны нередко этим грешат.

Так, например, можно встретить высказывания о том, что «…Омск почти целый год оспаривал свои столичные права у большевистской Москвы» [6, с. 134]. На наш взгляд, это принципиально неверно. Еще раз подчеркнем, что Омск был столицей белой России лишь в противовес большевистской Москве. И лишь на время Гражданской войны! Сложившееся «столичное двоевластие» было временным, оно продолжалось всего лишь год. У лидеров белого движения и в мыслях не было оспаривать «столичные права» Москвы. В их понимании Омск был временной столицей. Эту функцию, в зависимости от политической и военной ситуации, могли выполнить и другие города – Екатеринбург, Новониколаевск, Иркутск и т.д. Но после окончания Гражданской войны и восстановления, по мнению лидеров белого движения, законной власти функции столицы вновь должны были перейти Москве.

Безусловно, омичам лестно, что их город в свое время приобрел всероссийское значение. Но историческая справедливость требует формирования объективного образа Омска, волею судеб оказавшегося на полтора года в эпицентре важнейших событий.

Выбор Омска в качестве белой столицы был не случайным. В начале XX в. он был уже достаточно крупным административным, транспортным и духовным центром Сибири. Омск был резиденцией Степного генерал-губернатора, являвшегося одновременно Наказным атаманом Сибирского казачьего войска, Акмолинского губернатора, архиерея Омской епархии. Значительный толчок развитию Омска дало строительство в конце XIX в. Транссибирской железнодорожной магистрали и последовавший за этим бум переселенческого движения в Сибирь. Крупными очагами науки и культуры Омск не располагал, но в нем были Сибирский кадетский корпус, мужская и женская гимназии, Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества с музеем, публичная библиотека, городской театр. Накануне и в годы Первой Мировой войны в Омске появляются монументальные постройки столичного образца (учреждения,

торговые и доходные дома, представительства фирм). Все это, а также удаленность Омска от районов активных боевых действий делали его привлекательным для лидеров белого движения.

Сразу же после свержения советской власти в Омске в июне 1918 г. город стал стремительно наполняться беженцами из большевистской России. В их числе были представители военных и политических кругов, многие выдающиеся деятели науки и культуры. Население города быстро росло, увеличившись в несколько раз, и достигло к середине 1919 г. более 500 000 человек [7, с. 83]! В результате, к концу своей «столичной» истории город уже не справлялся с такой массой населения. В конце октября 1919 г. из-за густонаселенности Омска и распространения эпидемий Главнокомандующий армиями Восточного фронта М. К. Дитерихс вынужден был даже отдать приказ о запрете въезда на территорию города всем частным лицам, направляющимся не по служебным делам[1].

По мере развития событий Гражданской войны в Сибири в Омске формировалась специфическая среда, которая обусловливала особый жизненный уклад и особый менталитет горожан, а они, в свою очередь, влияли на всю городскую повседневность.

Неверно представлять себе «столичную» жизнь Омска в 1918 – 1919 гг. радужной и безмятежной. Образ города формируют люди, живущие в нем и действующие в своих интересах. Но в Омске случилось так, что не омичи формировали его образ в 1918 – 1919 гг. В то время наш город был средоточием иногородних сторонников разных политических сил антибольшевистского лагеря, которые вели между собой постоянную бескомпромиссную борьбу за власть и рассматривали его как временное пристанище. Чужим был Омск и для представителей иностранных миссий, чехословаков, и многих других людей, вынужденно оказавшихся в Сибири. Вряд ли кто-то из них связывал свое будущее с Омском после окончания Гражданской войны. Наконец, в Омске существовало законспирированное большевистское подполье во главе с ЦК РКП(б) Сибири, которое сплошь состояло из «понаехавших» большевиков, готовившее вооруженное восстание с целью восстановления советской власти в Сибири. Весь этот бурлящий людской котел не замирал ни днем, ни ночью и волновался в предвкушении важных событий, порой совершенно далеких друг от друга и достигших небывалой для Омска концентрации. Образно говоря, Омск «проживал» в это время несколько разных жизней. В одной жизни были заседания правительства, важные государственные решения, золотой запас России, иностранные миссии; в другой – лекции ученых, концерты и

[1] Наша газета. – 1919. – 23 октября.

спектакли заезжих артистов, выставки художников и литературные вечера, фешенебельные магазины и роскошные рестораны; в третьей – забастовки рабочих, вооруженные восстания, расстрелы, тиф. А все это вместе и была повседневная жизнь провинциального «столичного» Омска, протекавшая на фоне общенациональной катастрофы, разрухи, голода, полнейшей неопределенности. События Гражданской войны, безусловно, следует расценивать как историческую травму, преодолеть которую до конца наше общество так и не смогло. В этой связи попытки брендирования «столичного» статуса Омска в наши дни представляются весьма необдуманными и неуместными.

Как видим, история Омска в годы Гражданской войны сложна и многообразна. Упрощать и мифологизировать ее – значит способствовать фальсификации подлинной истории. Безусловно, публичная история, или «история для всех», может носить несколько упрощенный характер. При этом упрощение необходимо лишь для удобства использования исторической информации. Таковы, скажем, школьные учебники истории. Но это вовсе не значит, что допускается искажение или замалчивание реальных фактов и событий. В публичной истории советского времени подобные перегибы были, и делалось это умышленно с целью манипулирования сознанием людей. В основе мифологизации прошлого лежали идеологические принципы. Право на существование имела лишь такая история, которая была востребована социалистическим обществом. Поэтому мифы советского времени о Гражданской войне были необходимы для того, чтобы подкрепить собой уже готовую идеологическую конструкцию.

В постсоветский период классовый подход к оценке событий и явлений Гражданской войны стал серьезно расшатываться. Введение в научный оборот неизвестных ранее документов и смена научных парадигм способствовали более глубокому и разностороннему анализу этого сложного периода в российской исторической науке. Вместе с тем, в публичной истории на смену советским мифам о Гражданской войне пришли постсоветские, только с обратным знаком. Но если первые были идеологически детерминированы, то в основе вторых зачастую лежат некомпетентность, склонность к сенсациям и фальсификациям, идеализация белого движения и попытки создания исключительно положительного образа его лидеров.

Известно, что борьба с историческими мифами начинается с признания их существования. Но этого недостаточно. Профессиональным историкам следует активнее внедряться в пространство публичной истории с целью разоблачения этих мифов, популяризации исторического прошлого на ос-

нове верифицируемых знаний. «Профессионализм в данном случае, – по мнению известного историка И. М. Савельевой, – подразумевает знание истории (историческое образование) плюс владение специальными практиками работы с общественными группами и организациями» [1, с. 155].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Савельева И. М. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. – 2014. – №3. – С. 141 – 156.

2. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2018. – №3. – С. 9 – 15.

3. Вибе П. П. Монументальная история Омска: загадки и новые открытия. – Омск: ОГИК музей, 2019. – 68 с.

4. Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. – М.: Пятый Рим, 2018. – 864 с.

5. Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. – М.: Отечество, 1994. – 320 с.

6. Лосунов А. М. Специфичные черты столичности «белого» Омска в условиях гражданской войны // Вопросы методологии и истории: Сборник научных статей / под ред. В. Н. Худякова. – Омск: изд-во ОмГПУ, 2008. – С. 134 – 143.

7. Сизов С. Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.). – Омск: СибАДИ, 2018. – 240 с.

УДК 913(571.15)-05

Демин Михаил Александрович,
доктор исторических наук,
Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул,
e-mail: mademin52@mail.ru

АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ 1950 – 1970-Х ГГ.: ОТ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ К НАУЧНЫМ ОБОБЩЕНИЯМ

В докладе рассматриваются эволюция взглядов и изменение характера исследовательской деятельности ряда известных историков-краеведов. А. П. Уманский овладел научными методами работы с источниками и стал признанным в историографии специалистом в области археологии и этнополитической истории XVII в. А. Д. Сергеев защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента, но до конца жизни тяготел к краеведческим изысканиям. Б. Х. Кадиков, несмотря на университетское образование и хорошую научную подготовку, реализовал себя, прежде всего, как краевед и музейный работник. П. А. Бородкин совмещал архивные изыскания и подготовку популярных историко-краеведческих и художественных сочинений.

Ключевые слова: краеведы; Алтай; Уманский; Сергеев; Кадиков; Бородкин.

Demin Mikhail Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences,
Altai state pedagogical university,
Barnaul,
e-mail: mademin52@mail.ru

THE ALTAI RESEARCHERS OF 1950 – THE 1970TH: FROM LOCAL HISTORY RESEARCHES TO SCIENTIFIC GENERALIZATIONS

In the report evolution of views and change of nature of research activity of a number of the famous historians-local historians are considered. A. P. Umansky seized scientific methods of work with sources and became the expert recognized in a historiography in the field of archeology and ethnopolitical history of the 17th century. A. D. Sergeyev defended the master's thesis, was entitled the

associate professor, but until the end of life was drawn towards local history researches. B.H. Kadikov, despite university education and good scientific preparation, realized himself, first of all, as the local historian and the museum worker. P. A. Borodkin combined archival researches and preparation of popular local history and art compositions.

Keywords: local historians; Altai; Umansky; Sergeyev; Kadikov; Borodkin.

Работы известного историка и краеведа Алексея Павловича Уманского в 1950-е – первой половине 1960-х гг. носили в большей степени краеведческий характер. Это проявлялось, прежде всего, в широком круге исторических сюжетов, к которым он обращался. На первом месте находились археологические изыскания, в рамках которых также не была выработана приоритетная тематика, а изучались памятники различных эпох и культур. В статьях и рецензиях по истории Алтайского края А. П. Уманский также обращался к событиям и процессам в широком хронологическом диапазоне, начиная от колонизации региона и его вхождения в состав Российского государства и заканчивая историей гражданской войны и социалистического строительства. Вместе с тем, получив опыт работы в высшем учебном заведении и общения с представителями столичной научной школы, А. П. Уманский стремился ввести новый материал в контекст культурно-исторических процессов прошлого в соответствии с научными трактовками своего времени [1, с. 97 – 100].

Со второй половины 1960-х гг. А. П. Уманский приступает к изучению истории «Телеутской землицы» в XVII в. и ее взаимоотношений с Россией, Джунгарией и соседними тюркоязычными народами Южной Сибири: выявляет большой массив новых архивных источников, публикует серию статей и две монографии, защищает кандидатскую и докторскую диссертации по этой теме. В результате он становится признанным в научном сообществе специалистом по телеутской проблематике. Одновременно он вводит в научный оборот результаты археологических исследований, обосновывает необходимость выделения новой («каменской») археологической культуры. В сибирской историографии А. П. Уманский утвердился как профессионал высокого научного уровня.

Другой видный исследователь истории Алтая – Алексей Дмитриевич Сергеев в 1950-1960-е гг. работал учителем в сельской школе, а затем директором Алтайской краевой станции юных туристов и активно занимался историко-краеведческими изысканиями. Вместе со школьниками он совершал походы по местам боевой и трудовой славы, проводил археологиче-

ские разведки и небольшие раскопки, организовал в с. Бобровка школьный краеведческий музей. В 1973 г. он защищает кандидатскую диссертацию по сибирской историографии и затем переходит на работу в высшее учебное заведение. При этом в своих исследованиях он по-прежнему касается широкого круга исторических вопросов. Большое внимание он уделял работе в местных отделениях Географического общества и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, являлся одним из организаторов и первым председателем координационного совета Алтайской краевой краеведческой ассоциации. Биограф Сергеева Т. К. Щеглова справедливо называет его продолжателем лучших традиций алтайского краеведения [2, с. 192].

Почетный гражданин города Бийска Борис Хатмиевич Кадиков получил высшее профессиональное историческое образование в Пермском государственном университете, специализировался на археологии. После переезда в 1955 г. в Бийск он продолжал интенсивные археологические разведки и раскопки, в частности, много лет исследовал комплекс памятников близ озера Иткуль. Только за первые 10 лет работы на Алтае ему удалось собрать археологическую коллекцию в количестве 3135 предметов [3, с. 78]. Однако работа в качестве сотрудника и директора отдаленного от научных центров Бийского краеведческого музея, широта интересов, увлеченность и стремление разгадать множество «тайн истории» не позволили ему сосредоточиться на углубленной разработке определенных научных проблем. Кроме археологии Б. Х. Кадиков занимался топонимикой, русской и аборигенной этнографией, историей купечества и многими другими вопросами истории Бийска и Алтая. Как популяризатор исторических знаний, собиратель многочисленных историй об «изначальной рани», создатель музейных экспозиций и великолепный рассказчик он оставил глубокий след среди жителей Бийска и близлежащих районов, внес существенный вклад в воспитание исторической культуры.

Петр Антонович Бородкин закончил барнаульский учительский институт и экстерном – Грозненский пединститут. После демобилизации в 1945 г. возвращается в Барнаул и назначается начальником Государственного архива Алтайского края, а затем работает заведующим архивным отделом крайисполкома. Фактически более 35 лет в его распоряжении находились богатейшие фонды краевого архивохранилища. Бородкин активно и плодотворно использовал архивные документы, опубликовав около 400 статей, книг, очерков, брошюр, сборников документов. Подавляющая часть его работ представляет собой публикации вновь выявленных архивных материалов. При этом в ряд основанных на архивных источниках работ

он вводит элементы беллетристики, художественные описания и вымышленные диалоги реальных исторических лиц. Со временем тяга к художественному творчеству привела к созданию исторических повестей и романа «Иван Ползунов», автор был принят в Союз писателей РСФСР. При этом фактическую канву произведений по-прежнему во многом составляли данные, почерпнутые из архивов.

В заключение отметим разнообразие подходов и тематики трудов алтайских краеведов. Эволюция их взглядов и деятельности не всегда приводила к появлению научных исследований, но результаты их изысканий отличались востребованностью среди широкой общественности. Многогранность и обширная источниковая база краеведческих работ опровергают высказываемое порой мнение об их заведомой неполноценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Демин М. А. Историко-краеведческие исследования А. П. Уманского во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – №1. – С. 96 – 101.

2. Щеглова Т. К. Краевед Алексей Дмитриевич Сергеев // Сергеев А. Д. О краеведении Алтайского края. – Барнаул, 2008. – С. 183 – 193.

3. Занина Н. И. 70 лет со дня рождения археолога, историка, краеведа Б. Х. Кадикова // Страницы истории Алтая. 2002 г.: Календарь памятных дат. – Барнаул, 2001. – С. 78 – 80.

4. Гришаев В. Ф. Бородкин Петр Антонович // Энциклопедия Алтайского края. – Барнаул, 1996. – Т. II. – С. 82.

УДК 39

Жигунова Марина Александровна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН,
Омск,
e-mail: marizh.omsk@mail.ru

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ГОРОДА ОМСКА

На примере города Омска анализируется деятельность различных учреждений культуры и образования, способствующих сохранению и презентации русских народных традиций. Выявляются наиболее известные и любимые омичами учреждения, вносящие особенно весомый вклад в сохранение историко-культурного наследия сибиряков. В докладе раскрываются различные формы презентации традиционной культуры русских в современной городской среде посредством культурно-досуговой, музыкальной, хореографической, музейной, библиотечной, литературной, театральной, образовательно-просветительской, научно-методической деятельности.

Ключевые слова: русская культура; сохранение и трансляция народных традиций в современности; деятельность учреждений культуры; город Омск.

Zhigunova Marina Aleksandrovna,
Ph. D (history), associate professor,
Senior researcher,
Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museology
of The Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS,
Omsk,
e-mail: marizh.omsk@mail.ru

PRESENTATION OF ETHNIC CULTURE OF RUSSIANS IN THE ACTIVITIES OF MODERN INSTITUTIONS IN THE CITY OF OMSK

The author analyzes the activities of various cultural and educational institutions of Omsk, which contribute to the preservation and presentation of Russian folk traditions. The most famous and beloved institutions of Omsk, making the most significant contribution to the preservation of the historical and cultural heritage of Siberians, are identified. The report reveals various forms of presentation of traditional Russian culture in the modern urban environment through cultural, leisure, musical, choreographic, Museum, library, literary, theatrical, educational, scientific and methodological activities.

Keywords: Russian culture; preservation and transmission of folk traditions in modern times; activities of cultural institutions; Omsk city.

В рамках многолетнего комплексного изучения социокультурного пространства города Омска в 2015 – 2018 гг. автором были проведены специальные массовые исследования и экспертные опросы среди омичей с целью выявления учреждений города Омска, вносящих наибольший вклад в сохранение и презентацию этнической культуры русских. По итогам анализа ответов, полученных от респондентов различных поло-возрастных и социально-профессиональных категорий, был составлен рейтинг 10 наиболее известных, любимых и значимых учреждений, которые занимаются сохранением историко-культурного наследия сибиряков.

Чаще всего (52% опрошенных) упоминается Государственный Омский русский народный хор. Этот первый в Сибири профессиональный народный коллектив был создан в 1950 г. Его основателем и художественным руководителем стала выпускница Омского музыкального училища Е. В. Калугина, которая взяла за основу подлинно сибирское народное творчество, бережно сохраняя исконную стилистику песен и танцев. В настоящее время Омский русский народный хор, отмеченный многочисленными наградами, лауреат международных и всесоюзных конкурсов, является одним из ведущих профессиональных народных коллективов России. Он побывал на гастролях во многих городах России и около 30 странах мира.

Второе место (37% опрошенных) занял Сибирский культурный центр (СКЦ) – отдел русской традиционной культуры Государственного центра народного творчества Министерства культуры Омской области (1998 г.). Учреждение является методическим центром для созданных в муници-

пальных районах Омской области Центров русской (славянской) традиционной культуры. Также оно широко известно в качестве организатора всероссийских, межрегиональных и областных проектов по сохранению и развитию русской традиционной культуры и художественных ремесел. Самыми яркими из них являются «Егорий Хоробрый», «Троицкие гулянья» и «Покровская ярмарка». В 2018 г. СКЦ выступил координатором инновационного проекта, направленного на пропаганду традиционной русской культуры в широких слоях городского населения – Всероссийский культурно-образовательный форум «Академия русской культуры». Уникальность данного мероприятия не только в его масштабности и универсальности, рассчитанной на участников любой поло-возрастной категории, но и в комплексном подходе организаторов, сумевших объединить представителей культуры, науки, образования и Русской Православной Церкви.

Следующие места рейтинга занимают Омский государственный историко-краеведческий музей и Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля (соответственно – по 35 и 33% опрошенных). Омичи по праву гордятся этими музеями, поскольку вся их разноплановая деятельность связана с изучением и презентацией историко-культурного наследия в целом, и русской культуры – в частности. Деятельность этих музеев предоставляет определенные возможности и создает оптимальные условия для этнокультурной самоидентификации. В музейных собраниях заключен огромный информационный пласт не только местной, но и всероссийской истории и культуры. Выявление, исследование и ввод в научный оборот этой информации является одним из актуальных направлений сохранения, изучения и трансляции этнокультурного наследия, изучения региональных традиций и механизмов их развития и трансформации. Отдельно следует отметить издательскую деятельность музеев. Первыми каталогами, изданными в ОГИК музее, стали каталоги по хозяйству и культуре русских, подготовленные совместно с сотрудниками ОмГУ под руководством Н. А. Томилова. В последующие годы было выпущено еще несколько каталогов, включая уникальный «Каталог: Этнографические коллекции районных музеев Омской области». Аналогов такой масштабной работы по каталогизации коллекций муниципальных музеев в России нет. Кроме каталогов, музей выпускает периодические издания («Известия ОГИК музея» и «Омский краевед»), монографии, методические рекомендации, сборники статей и документов, хроники, учебные пособия. Но одной из главных видов деятельности музеев остается экспозиционно-выставочная. На постоянной экспозиции «Азиатская Россия» был представлен целый комплекс «Русские», реконструированный в 2019 г.

Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля – крупнейшее в Сибири художественное собрание, включающее полотна выдающихся мастеров кисти, скульптуры, графики, гравюры, дворцовой мебели, фарфора, стекла, редкие печатные издания и другие уникальные предметы. Выпущенные музейные каталоги позволяют оценить богатство русской живописи. Особую ценность представляет и коллекция иконописи, которая насчитывает 177 живописных произведений и 116 единиц меднолитой культовой пластики XVI – начала XXI в. Приоритетной задачей музея в настоящее время является завершение работы над масштабным проектом «Эрмитаж-Сибирь».

На пятом месте (28% опрошенных) – Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина. Сегодняшняя «Пушкинка» – главная научная библиотека области, фонд которой насчитывает более 3 млн экземпляров изданий разных видов, из которых более 50 тысяч единиц хранения относятся к уникальным документам, имеющим мировое, федеральное и региональное значение. На официальном сайте библиотеки имеются специальные разделы «Краеведение Омского Прииртышья», где наиболее полно представлены издания по истории и культуре Омской области. В настоящее время на базе библиотеки проводятся всевозможные мероприятия, в т.ч. – публичные и тематические лекции, научно-практические семинары, конференции и круглые столы, дискуссионные площадки и различные культурные мероприятия.

На шестом месте рейтинга (16% опрошенных) – Омское музыкальное училище (колледж) им. В. Я. Шебалина. Это государственное образовательное учреждение было основано еще в 1920 г. Созданный в 2007 г. О. Г. Сидорской фольклорно-этнографический ансамбль «Новая деревня» является лауреатом различных Всероссийских и Международных конкурсов, обладателем Гран-при Первого Европейского чемпионата по фольклору, Трижды Лауреатом Международного фестиваля-смотра фольклорных коллективов и исполнителей фольклорных учебных коллективов «Вселиственный венок». В 2008 г. в «Шебалинке» появилась новая специальность – «Сольное и хоровое народное пение». Выпускники этого отделения успешно пополняют ряды Омского русского народного хора и поступают в Санкт-Петербургскую государственную консерваторию на кафедру «Этномузыкологии».

Седьмое место (15% опрошенных) занимает Омский драматический театр «Галерка», созданный в 1990 г. Его бессменный художественный руководитель В. Ф. Витько с самого начала четко определил творческое кредо коллектива: «Старый добрый русский театр», отдав предпочтение

классическим традициям русской психологической школы. В репертуаре театра – пьесы, поставленные по произведениям известных русских писателей, детские спектакли по мотивам русских народных сказок. В настоящее время театр «Галерка» – обладатель многочисленных (практически ежегодных!) наград различного уровня: от региональных до международных.

Далее следует Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская». История этого учреждения начинается с 1987 г. Несмотря на то, что до Большеречья следует преодолеть 200 км от областного центра, это не останавливает желающих погрузиться в атмосферу традиционного быта русской деревни. Наибольший интерес вызывают интерактивные театрализованные экскурсии, календарные и свадебные обряды, мастер-классы по основам гончарного и кузнечного ремесла, ткачества, вышивки, росписи по дереву и глине, обработки бересты, лозоплетения, народного костюма, традиционной обереговой куклы.

На девятом месте – Межрегиональное национальное культурно-спортивное объединение «Сибирь» («Омский Дом Дружбы»), созданное в 1996 г. с целью сохранения, развития и пропаганды национальной культуры различных народов Омского Прииртышья. Его «визитной карточкой» является областной фестиваль национальных культур «Единение», который проводится ежегодно, начиная с 1998 г. в рамках областного фестиваля русской культуры «Душа России». Завершают первую десятку наиболее значимых учреждений Омский академический симфонический оркестр и Русский камерный оркестр «Лад».

Таким образом, наибольший вклад в презентацию традиционной культуры русских вносят государственные учреждения культуры различного профиля, созданные в конце XIX (ОГИК музей) и на протяжении XX вв. Современные формы трансляции историко-культурного наследия осуществляются посредством культурно-досуговой, музыкальной, хореографической, музейной, библиотечной, литературной, театральной, образовательно-просветительской и научно-методической деятельности. Имеющийся в Омской области высокий этнокультурный потенциал нужно бережно изучать, сохранять и приумножать, чтобы новые поколения имели возможность приобщиться к исконно русским (как народным, так и классическим профессиональным) культурно-бытовым и художественно-творческим традициям сибиряков.

УДК 316.93

Кокоулин Владислав Геннадьевич,
доктор исторических наук,
Новосибирское высшее военное командное училище,
профессор юридического факультета,
Сибирский университет потребительской кооперации,
Новосибирск,
e-mail: kwladislaw@yandex.ru

«ВОЙНА ПАМЯТНИКОВ» И «ВОЙНА ПАМЯТИ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье анализируется сложный символический потенциал российского исторического наследия и его использование в политической борьбе в постсоветской России. Массовое применение исторических символов в политической борьбе и дискредитация политических противников с помощью «исторического прошлого» получили в исторической науке название «войны памяти». Средства этой борьбы включают научно-исторические работы, исторические романы, публицистику, учебную литературу, установку и снос памятников и так далее. Памятники выполняют в этой борьбе особую роль – они закрепляют победу в символическом пространстве. Разобрана смысловая характеристика памятников Ивану IV, Николаю II, Сталину, Колчаку и памятники в современном Крыму. Отмечается размытость массового исторического сознания современных россиян, выявляются истоки этой размытости, механизмы формирования и ее влияние на смысловое содержание тех или иных памятников.

Ключевые слова: мемориализация; политическая борьба; массовое сознание; А. В. Колчак; И. В. Сталин; Николай II; историческое сознание.

Kokoulin Vladislav Gennadievich,
doctor of history,
Novosibirsk higher military command school,
professor of law faculty,
Siberian University of consumer cooperation,
Novosibirsk,
e-mail: kwladislaw@yandex.ru

«WAR OF MONUMENTS» AND «WAR OF MEMORY» IN POST-SOVIET RUSSIA

The article analyzes the complex symbolic potential of the Russian historical heritage and its use in the political struggle in post-Soviet Russia. Mass application of historical symbols in political struggle and discrediting of political opponents with the help of «historical past» in historical science were called «wars of memory». The means of this struggle include scientific and historical works, historical novels, journalism, educational literature, installation and demolition of monuments and so on. Monuments play a special role in this struggle – they consolidate the victory in the symbolic space. The semantic characteristic of monuments to Ivan IV, Nicholas II, Stalin, Kolchak and monuments in modern Crimea is analyzed. The author notes the blurring of mass historical consciousness of modern Russians, reveals the origins of this blurring, the mechanisms of formation and its influence on the semantic content of certain monuments.

Keywords: Memorialization; political struggle; mass consciousness; A. V. Kolchak; I. V. Stalin; Nicholas II; historical consciousness.

После распада Советского Союза в 1991 г. сложный символический потенциал российского исторического наследия стал активно использоваться в политической борьбе. Массовое применение исторических символов в политической борьбе и дискредитация политических противников с помощью «исторического прошлого» получили в исторической науке название «войны памяти». Средства этой борьбы включают научно-исторические работы, исторические романы, публицистику, учебную литературу, установку и снос памятников и так далее. Памятники выполняют в этой борьбе особую роль – они закрепляют победу в символическом пространстве.

Традиция установки памятников в России восходит к XVIII в. До этого в честь побед воздвигали храмы. Со времен Петра первого появилась традиция установки памятников, характерная для Западной Европы и восходящая к античности. В XIX веке памятники устанавливала не только государственная власть, но и частные лица. При этом увековечивали не только князей Древней Руси и царей, но и выдающихся полководцев и даже просто тех, кто считался символом той или иной исторической эпохи (Иван Сусанин, Минин и Пожарский как символы преодоления Смутного времени). После победы большевиков в октябре 1917 г. начинается систематическая борьба с памятниками. 12 апреля 1918 г. по инициативе

В. И. Ленина Совнарком принял декрет «О снятии памятников царям и их слугам». С этого времени начинается планомерная борьба с памятниками.

За годы Советской власти произошла практически полная смена памятников Российской империи. Большая часть была вообще уничтожена, а та, которая осталась, изменила свои смыслы. Были переименованы все улицы, которые хотя бы намекали на тех деятелей имперской России, которые не были революционерами и не принадлежали к героям новой власти.

Советская власть закрепила свою политическую победу и в символическом пространстве. В каждом сибирском городе и поселке были установлены памятники борцам за власть Советов. Во всех более или менее крупных и средних российских городах были установлены памятники В. И. Ленину. Памятники другим вождям и героям устанавливали и сносили в зависимости от политической конъюнктуры.

Радикальные изменения, которые произошли в постсоветской России, потребовали нового осмысления исторического прошлого и символического закрепления победы новой власти.

Можно выделить основные группы памятников, которые подверглись и подвергаются радикальным трансформациям. Памятники российским царям и императорам имеют непростую судьбу. Памятники Петру I, Екатерине II и даже Александру III рассматриваются большинством россиян как восстановление исторической справедливости, как историческая преемственность развития страны. Памятники Ивану Грозному и последнему российскому императору Николаю II вызывают бурные протесты и слепую ненависть (в Новосибирске, который до 1925 г. назывался Новониколаевском в честь последнего российского императора, памятник Николаю II был осквернен сразу же после его установки). Памятники основателю Советского государства В. И. Ленину хотя и уничтожались в массовом порядке в 1990-е гг., но многие из них благополучно дожили до настоящего времени и никаких дискуссий вокруг их сноса не ведется. В то же время ведется активная борьба против установки памятников генералам и адмиралам, возглавлявшим противников большевиков в годы Гражданской войны.

Памятники руководителю Советского государства в 1924 – 1953 гг. И. В. Сталину в огромном количестве стояли по всей стране до XX съезда КПСС в 1956 г., после которого все памятники были демонтированы. После распада Советского Союза во многих российских городах вновь появились памятники Сталину. Как правило, в крупных городах они располагаются на частной территории. Так, в Архангельске памятник Сталину располагается на территории частной автомобильной парковки. Имеются

и памятники Сталину в составе музейных экспозиций. Особых политических дискуссий такие памятники не вызывают.

Иная ситуация сложилась в Новосибирске. Сторонники установки памятника в этом крупном российском и крупнейшем сибирском городе захотели, чтобы бюст был установлен на видном месте. Они предлагали установить его или в Сквере героев революции, или на территории Монумента Славы. Однако художественный совет при мэрии эту заявку отклонил. Сквер героев революции и Монумент Славы в Новосибирске являются памятниками федерального значения и их целостность нарушать нельзя. Худсовет рекомендовал установить памятник Сталину рядом с памятниками маршала Георгия Жукова, Константина Рокоссовского и Виктора Талалихина в мемориально-историческом парке на территории технического колледжа имени Александра Покрышкина. Но директор колледжа заявила, что Сталин будет мешать учебному процессу. Попытались установить Сталина возле Дома офицеров, но Российское военно-историческое общество, возглавляемое министром культуры Владимиром Мединским, на этом месте поставило бюст фельдмаршала Михаила Кутузова. Активисты пытались апеллировать к мэру Новосибирска. Хотя мэр Анатолий Локоть принадлежит к КПРФ, но он занял уклончивую позицию – предложил провести опрос мнения горожан.

Интересен в данном контексте и символический смысл памятника И. В. Сталину. Противники его установки ссылаются на репрессии и геноцид в отношении ряда народов СССР, нарушение законности и отсутствие демократических свобод. Сторонников установления памятника можно разделить на две группы. Первая – очень небольшая – это сталинисты, которые занимаются в публицистике апологетикой Сталина. Так, в Крыму мемориальная доска, посвященная пребыванию Сталина на Ялтинской конференции, была облита красной краской, а рядом на стене написали слово «палач». Вторая – довольно многочисленная – переносит на Сталина те черты, которые явным образом контрастируют с современной Россией. Они аргументируют свою позицию тем, что при Сталине страна развивалась как промышленная держава, не было коррупции, были бесплатная медицина и образование, руководители всех уровней несли ответственность за свои решения. Но, таким образом, тот Сталин, которому они хотят поставить памятник, только внешне напоминает руководителя Советского государства в 1924 – 1953 гг. Содержание этого символа сильно отличается от реального исторического прототипа.

Рассмотрим следующую группу памятников – противникам большевиков в годы Гражданской войны. Начало «политической реабилитации»

деятелей белого движения, в частности, адмирала Колчака, положили художественные произведения (романы, повести, фильмы и т.д.). В 1990 г. выходит фильм «Дорогой мой верховный правитель» о трагической любви Колчака и А. В. Тимиревой. В 2008 г. в массовом прокате оказалась кинокартина «Адмирал». Параллельно выходят повести романы на эту же тему: «Жертва безумия» – беллетризированная биография адмирала Колчака, повесть «Чалдония» и роман «Сибирская трагедия». Для всей этой продукции характерно огромное количество исторических ошибок и искажений, а также мифологизация образа Колчака – как «благородного сына России», который «любил родину» и «сражался за счастье и величие России».

Однако с памятником Колчаку дело обстоит иначе. Хотя в 1997 г. президент России подписал указ «О возведении памятника россиянам, погибшим в годы Гражданской войны» с целью утверждения в обществе идей «примирения и согласия», в повседневной жизни никакого «примирения и согласия» с вождями белых не наблюдается. Сибиряки активно выступают против памятников Колчаку. В Иркутске памятник после долгих дебатов был установлен на частной территории [2]. Характерно, что на постаменте этого памятника адмиралу А. В. Колчаку белогвардеец и красноармеец символически опускают направленные друг против друга винтовки с примкнутыми штыками. Это явная манипуляция общественной памятью.

В Омске имя Колчака активно используется в коммерческих целях: открыт ресторан «Колчак» и выпускается водка «Колчак». Но против установки памятника общественность решительно возражает. Властям удалось лишь открыть мемориальную доску на стене Кадетского корпуса, посвященную адмиралу как полярному исследователю. А установить памятник так и не удалось.

Следует отметить, что протесты против памятника Колчаку напрямую связаны с политической борьбой, идущей в современной России, и общим ухудшением общественно-политической ситуации. Также россияне выступают против того, что экспертом в деле мемориализации выступает Православная Церковь.

В 1999 г. в 23 населенных пунктах России попытались установить памятники чешским легионерам на основании соглашения между правительствами РФ и Чешской республики. Однако это сразу же раскололо общество. Большинство россиян видит в этом кощунственное отношение к тем, кто погиб в годы Гражданской войны, и выступает категорически против такого памятника антигероям. Другая часть россиян памятники чехословакам допускает, но только на кладбищах.

Особый интерес представляет феномен памятников в Крыму. Сложное и противоречивое историческое прошлое Крыма – его территория часто входила в состав образований, воевавших с Россией – Хазарского каганата, Крымского ханства и т.п. В постсоветский период до 2014 г. Крым входил в состав Украины. В это время явно выделяется конфликт между попытками навязать Крыму украинскую идентичность и сопротивление пророссийски настроенных сил. В 2007 г. в Севастополе пытались установить памятник гетману Петру Сагайдачному, но Севастопольский городской Совет установил на этом месте памятник Александру Пушкину. В Симферополе рядом стоят два памятника – жертвам националистов и коллаборационистов под названием «Выстрел в спину» и генералу-диссиденту Петру Григоренко с надписью на украинском и крымско-татарском языке «гуманисту и правозащитнику, верному другу крымско-татарского народа» [1, с. 20 – 21]. Идет политическая борьба вокруг памятников В. И. Ленину и Екатерине II. Против первого выступают как монархисты, так и демократы. Против второго – крымские татары, которые считают его оскорбительным для национальной памяти крымских татар. Что касается памятника Ленину, то крымские татары добиваются лишь его переноса с центральной площади Симферополя в музей. Кстати, это более сдержанное отношение к Ленину как символу, в отличие от позиции украинских националистов. Коммунисты выступают сторонниками обоих памятников. Неоднозначную реакцию в крымском обществе вызвало появление в Керчи на памятном знаке жертвам депортации («Против жестокости и насилия») упоминания еще одной пострадавшей этнической группы – итальянцев. Изменения были внесены после встречи в Керчи итальянской общины с Владимиром Путиным и Сильвио Берлускони. Это, конечно, восстановление исторической справедливости. Но крымские татары восприняли это как покушение на их роль пострадавшего в Крыму в сталинские времена народа. Интересно, что в Крыму борьба за реальные и символические ценности сложным образом переплетается. Терпя поражение в реальной борьбе, сторонники великой империи пытаются взять реванш в символическом пространстве.

Следует отметить, что в политике оказались тесно переплетены борьба за политические программы и борьба за символы. Противостоящие имперской системе силы выступают за то, чтобы некими символическими актами обозначить и закрепить в общественном сознании свои успехи. Сторонники имперской системы стремятся не только защитить старые символы, но дополнить и упрочить их. Борьба за имперские символы по сути становится борьбой за саму имперскую систему. Терпящие поражение на реальном

фронте политической борьбы продолжают особенно упорно удерживать оборону на символическом фронте.

Вся эта борьба за памятники и против памятников ярко свидетельствует о двух тенденциях. Первая – эта борьба является частью реально идущей политической борьбы в обществе, ведущейся в символическом пространстве. Вторая – она свидетельствует о размытости массового исторического сознания современных россиян. Механизмы формирования этой размытости достаточно очевидны – учебная литература, непрерывно меняющая свое содержание; массовая культура, транслирующая проамериканские «глобальные» ценности; бурный поток псевдоисторических сочинений и неоднозначное отношение к историческому прошлому России. Все это оказывает непосредственное влияние на смысловое содержание тех или иных памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подвинцев О. Б. Постсоветская «война памятников» в Крыму: до и после присоединения к России // Вестник Пермского научного центра. – 2016. – №5. – С. 18 – 24.

2. Шиловский М. В. Война с памятниками или за памятники: мемориализация памяти о Гражданской войне в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – №1 (в печати).

УДК 94(57)+314.46

Красильникова Екатерина Ивановна,
доктор исторических наук,
доцент кафедры истории и политологии,
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск,
e-mail: katrina97@yandex.ru

ЮБИЛЕИ НОВОСИБИРСКА: ПОЛИТИКА И ПАМЯТЬ*

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №19-011-31114 «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX – нач. XXI в.)».

В статье показана логика развития политики памяти в Сибирском регионе, которая отразилась в динамике коммеморативной составляющей торжеств, устраивавшихся в честь юбилеев Новосибирска. Автором установлены признаки исторической преемственности и разрывов в практиках использования коммеморациий и символов прошлого в ходе празднований юбилеев Новосибирска в 1943 и 1993 гг. Объясняются смыслы политики памяти, результатом реализации которой и являлись юбилейные торжества; установлены социально-политические и культурные контексты, отражавшиеся на характере празднований в разные годы; приведен анализ праздничных коммеморациий на предмет исторической преемственности в их формах и содержании, а также на предмет эффективности их использования.

Ключевые слова: политика памяти; коммеморация; историческая память; Новосибирск; юбилей; день города.

Krasilnikova Ekaterina Ivanovna,
Doctor of Historical Sciences,
associate Professor of the Department of history
and political science,
Novosibirsk state technical University,
Novosibirsk,
e-mail: katrina97@yandex.ru

ANNIVERSARIES OF NOVOSIBIRSK: POLITICS AND MEMORY

The article shows the logic of the memory policy's development in the Siberian region, which is reflected in the dynamics of the commemorative component of the celebrations in honor of the anniversaries of Novosibirsk. The author establishes the signs of historical continuity and gaps in the use of commemorations and symbols of the past during the celebrations of the anniversaries of Novosibirsk in 1943 and 1993. She explains the meaning of the memory politics, the result of which were the anniversary celebrations; established socio-political and cultural contexts that affect the nature of the celebrations in different years; the analysis of festive commemorations for historical continuity in their forms and content, as well as for the effectiveness of their use.

Keywords: memory politics; commemoration; historical memory; Novosibirsk; anniversary; city day.

Актуальность изучения истории юбилеев обусловлена социально-политическими и культурными вызовами «мемориальной эпохи». Восприятие обществом его исторического прошлого в значительной степени зависит от политики памяти. Одним из каналов ее трансляции являются массовые праздники, нацеленные на увековечивание коллективной памяти. Особенно в их ряду выделяются юбилеи городов, традиция праздновать которые получила тенденциозное развитие в советский период и во многом определила характер современных празднований. Юбилеи городов выражают исторически сложившиеся стереотипы восприятия регионального прошлого и исторические мифы, которые до сих пор используются в идеологических целях. Цель данного исследования – сравнить исторические символы и коммеморативные практики, использовавшиеся в ходе торжеств, посвященных 50-летию и 100-летию Новосибирска их организаторами и проследить изменения в смыслах политики памяти на уровне города. Действуя в опоре на акторно-ориентированный подход к изучению политики памяти, который направлен на выявление ее доминирующей модели, присущей конкретному времени и месту, обратимся для реализации обозначенной цели к широкому кругу исторических источников, в числе которых новосибирская пресса, делопроизводственная документация административных подразделений местных органов власти, ответственных за организацию торжеств, юбилейные историко-краеведческие издания и документальная кинохроника.

В 1943 г. впервые отмечался юбилей города Новосибирска – его 50-летие. Город, ставший за два года текущей Великой Отечественной войны крупным центром оборонной промышленности, был погружен в решение задач помощи фронту. Праздничные коммеморации прославляли Новосибирск в качестве «города, созданного советской властью, как политический и индустриальный центр». При этом упускалось из внимания то, что оборонные предприятия эвакуировались за Урал вынужденно, и лишь поэтому промышленный рост города превышал планы мирного времени. Приходится признать, что именно в 1943 г. родилась политизированная позитивная оценка роли войны в истории Новосибирска, которая укоренилась в историографии последующих лет и в коллективной памяти новосибирцев.

Если в 1920–1930-х гг. дореволюционное прошлое Новосибирска изображалось в официальных коммеморациях мрачным, то в 1943 г. прошлое Новосибирска и Сибири в целом героизировалось. Начало прогресса в развитии всей Сибири связывалось не с революцией, как раньше, а с запуском движения по Транссибирской магистрали и ролью Новониколаевска в этом событии [1]. На этом фоне актуализировалась и видоизменялась память о забытом ранее «отце-основателе» – строителе моста через Обь Н. М. Гарине-Михайловском как о зачинателе промышленного прогресса Новосибирска.

В связи с 50-летием Новосибирска не было пышных торжеств. Но 13 декабря в недостроенном здании театра оперы и балета прошло традиционное, помпезное торжественное заседание местной партийной и советской элиты, получившей возможность ознакомиться с выставкой по истории города, прославлявшей его промышленную мощь [2].

Подготовка к торжествам в часть 100-летия Новосибирска началась еще до распада СССР – в 1989 г., когда горсовет планировал показать, каких грандиозных успехов достигло социалистическое строительство в крупнейшем «миллионнике» на востоке страны за короткий исторический период[1]. Однако торжества, состоявшиеся в 1993 г., фактически после распада СССР, отразили столетнюю историю города иначе. С одной стороны, коммемораторы не отказывались от признания успехов промышленного, транспортного (метро), культурного и научного (Академгородок) развития города в советский период. С другой стороны, очевидны явные разрывы в публичных репрезентациях исторического прошлого. Во-первых, «реабилитировалось» дореволюционное прошлое города, которое впервые с 1910-х гг. изображалось «спокойным» и «благополучным». Акцентиро-

[1] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р-594. Оп. 1. Д. 1201.

валось не промышленное развитие Новониколаевска на ранних этапах, а развитие города за счет торгового и банковского капитала. С этим аспектом местной истории проводилась параллель из капиталистического настоящего: «растут коммерческие банки, биржи, частные фирмы»[1]. К уже знакомому образу Н. М. Гарина-Михайловского юбилейная краеведческая литература добавила обширный перечень «отцов-основателей» города – инженеров-мостостроителей, которых ранее в советское время в Новосибирске практически не знали[2]. Во-вторых, героизации исторического периода революции и гражданской войны была противопоставлена его оценка как страшного, катастрофического времени, самого худшего в истории города. Имена прежних героев военно-революционных лет были затушеваны в публичных коммеморациях. Такая частичная «десоветизация» была удобна «отцам города» начала 1990-х, декларировавших либерально-демократические ценности. В-третьих, акцентировался исторический опыт быстрого восстановления города на выходе из остро кризисных ситуаций. Этот образ был необходим на фоне социально-политических и экономических неурядиц начала 1990-х гг., как и небывалые по размаху торжества в честь столетия Новосибирска, отвлекавшие население от проблем безработицы и обнищания.

Город праздновал свое столетие два дня – 3 и 4 июля. Особенно новосибирцам запомнился небывалый до сих пор фейерверк над площадью Ленина. Документальная кинохроника торжеств, смонтированная студией «Новосибирсктелефильм» показывала солнечный город, заполненный счастливыми, веселящимися людьми. Любопытно, что камера оператора, снимавшего фильм о юбилее города, ни разу не остановилась на памятниках, что можно прочесть как сознательный уход от логичных в контексте праздника дискуссий на тему советского прошлого[3].

Итак, оба юбилея отличала политизация. Яркие памятные даты в обоих случаях использовали в целях самолегитимации представители местной управленческой элиты. В опоре на избранные исторические образы пропаганда военных лет старалась решить мобилизационные задачи, а также символически поднять статус Новосибирска и подчеркнуть собственные заслуги. Образ Новосибирска – промышленного гиганта, города трудовой славы, давшего мощные импульсы прогрессивному развитию всей Сибири, отчасти вынужденно порожденный пропагандой военных лет, проявил

[1] ГАНО. Ф.Р-594. Оп. 1. Д. 1201. Л. 45–46.

[2] ГАНО. Ф.Р-745. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

[3] Новосибирск отмечает 100 лет: кинохроника 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=AVYo05btTW0.

очевидную жизнеспособность. Он использовался и последующими поколениями устроителей торжеств в Новосибирске, которые меняли перечни героев местной истории, переоценивали значение для Новосибирска досоветского и военно-революционного прошлого, но никогда не посягали на опровержение ценности вклада новосибирцев в Победу, к которой со временем добавились и еще два «святых» образа, разрушить которые едва ли смогут решиться местные власти в обозримой перспективе. Это – создание новосибирского Академгородка и строительство новосибирского метро – единственного за Уралом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кожевников С. Е. Город на Оби // Советская Сибирь. – 1943. – 3 ноября.

2. Кузьменкина Л. А. Когда в Новосибирске впервые отпраздновали день города? // Библиотека сибирского краеведения: [Электронный ресурс]. URL: http://bsk.nios.ru/content/kogda-v-novosibirske-vpervye-otprazdnovali-den-goroda.

УДК 947(57): 63

Кротт Иван Иванович,
кандидат исторических наук,
временно исполняющий обязанности ректора,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
e-mail: ivkrott@mail.ru

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ КАК ЦЕНТР «ЕВРОПЕЙСКИХ» ИННОВАЦИЙ: ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В публикации на основе концепции диффузионизма, архивных и опубликованных источников, рассматриваются вопросы инноваций в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв., особо подчеркивается деятельность сельских предпринимателей в области земледелия и животноводства, которые не только транслировали, но и трансформировали знания и технологии. Делается вывод о том, что проникновение и распространение инноваций в регионе осуществлялось в двух проекциях: «сверху вниз» и «от центра к периферии». Рационализация производства у сельских предпринимателей диктовалась как их собственным опытом ведения хозяйства, так и приобщением к достижениям передовой научной мысли.

Ключевые слова: модернизация; социокультурные изменения; коммерциализация локального сообщества; сельские предпринимательские хозяйства; диффузия инноваций; рационализация сельского хозяйства; Западная Сибирь; земледелие; животноводство; технологические новшества.

Krott Ivan Ivanovich,
Candidate of Historical Sciences,
Acting rector,
Omsk state pedagogical University,
Omsk,
e-mail: ivkrott@mail.ru

WESTERN SIBERIA AS THE CENTER OF «EUROPEAN» INNOVATION: ECONOMIC PRACTICES OF RURAL ENTREPRENEURS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The publication on the basis of the concept of diffusionism, archival and published sources, addresses issues of innovation in agriculture in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries, emphasizes the activities of rural entrepreneurs in the field of agriculture and animal husbandry, which not only translated, but also transformed knowledge and technology. It is concluded that the penetration and spread of innovations in the region was carried out in two projections: «from top to bottom» and «from the center to the periphery». Rationalization of production by rural entrepreneurs was dictated both by their own business management experience and by introducing advanced scientific thought to the achievements.

Keywords: modernization; socio-cultural changes; commercialization of the local community; rural business enterprises; diffusion of innovations; rationalization of agriculture; Western Siberia; agriculture; animal husbandry; technological innovations.

Строительство Сибирской железнодорожной магистрали, увеличение числа «пришлого» элемента в структуре местного населении, и, как следствие, социокультурные перемены в сибирском локальном сообществе актуализируют исследовательский интерес к вопросам, посвященным диффузии (распространению) социальных и технических инноваций в условиях трансформации локального сообщества в конце XIX – начале XX вв. Модернизационные процессы, наиболее ярко отразившись в области торговли, развития кредитно-финансовой системы, промышленности, не могли не затронуть аграрную сферу, способствуя деловой активности сельского населения имперской окраины.

Западная Сибирь в конце XIX – начале XX вв. стала территорией, где явления экстенсивного, традиционного сосуществовали с явлениями интенсивного, рационального порядка, которые легко «укоренялись» в экономической, шире – социокультурной действительности, что объясняется, главным образом, быстрым развитием в регионе «железнодорожной эпохи» новых социально-пространственных структур. В современной научной сибиреведческой литературе имеется масса примеров, указывающих на рост производства товарных сельскохозяйственных культур, распространение новейших машин и орудий, формирование и развитие предпринимать-

ского элемента в деревне, капиталистический характер промыслов и т.п. [1; 2]. «Коммерциализация» изменяла повседневную жизнь, обыденное сознание и поведение представителей сельского социума, который все более и более втягивался в активную экономическую деятельность.

Применительно к России позднеимперского периода следует учитывать, что проникновение и распространение инноваций осуществлялось в двух проекциях: «сверху вниз» и «от центра к периферии» [3]. В Сибири ситуация была еще более сложной в силу ее месторасположения. На рубеже XIX – XX вв. полоса вдоль Транссибирской магистрали, с одной стороны, сама испытывала влияние и была открыта для «европейских» инноваций как из стран Западной Европы или Америки, так и Европейской России, с другой – сама стала своеобразным местным «центром» распространения нововведений в национальные районы, «медвежьи уголки» региона: Тобольский север, Киргизский край и др. В итоге данная территория играла роль своеобразного посредника, не только транслируя, но и трансформируя знания и технологии. При этом, фронтир как подвижная граница «встречи» разных моделей хозяйства, народов пришлых и коренных, продолжал существовать и в рассматриваемый период. В условиях включения края в систему всероссийского и мирового рынков важной становится роль предпринимателей, так как именно они и продвигали «границу на окраины» [4, с. 32].

Агрономические «новинки» (применение для посева улучшенных сортов зерновых культур и кормовых трав; профессиональное семеноводство) и технологические новшества (многопольная система с применением удобрений; новации в технологии обработки почвы; использование новейших сельскохозяйственных орудий, машин и механизмов) были широко распространены в хозяйствах сельских предпринимателей региона. В этом направлении востребованными были идеи и практики как представителей русской национальной научной школы (И. А. Стебут, Н. М. Сибирцев, А. Г. Дояренко, А. Я. Гордягин, А. Ф. Лебедев), так и зарубежной, в частности американской (У. Гарвуд, Ч. Скофильд, И. Б. Розен).

Идеи рационализации и интенсификации скотоводческого хозяйства, зародившись в Европе и европейской части Российской империи, нашли свое широкое распространение и применение в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири. Новации в этой области у сельских предпринимателей в конце XIX – начале XX вв. диктовались как их собственным опытом ведения хозяйства, так и приобщением к достижениям передовой научной мысли. Несмотря на небольшой срок существования предпринимательского культурного скотоводства, последнему удалось,

благодаря скрещиванию скота местной породы с культурной, увеличить как молочность, так и мясность животных. Приемы зимнего и летнего содержания скота, установление групповых кормовых рационов с учетом удоя коров, скармливание разнообразных кормов с веса, дача соли и многократное кормление, были новым явлением в практике сибирского животноводства.

Следует подчеркнуть, что модернизационные процессы на региональном уровне, экономическая и культурная «отсталость» России от Западной Европы объективно порождали общественную потребность в изживании устаревшего патриархального уклада. Популярные в сибирском локальном сообществе сведения о новациях намного опережали реальные изменения. В процессе восприятия «европейских» технических достижений можно выделить ряд последовательных трансформаций: полное неприятие нововведений – соблазн ознакомления – прагматическое их использование.

Мировой опыт показывает, что обычно технические усовершенствования, новые приемы ведения хозяйства весьма медленно внедряются в крестьянскую практику. Вначале их усваивают отдельные, наиболее предприимчивые хозяева, и только их опыт дает возможность всем остальным воспользоваться новшествами[1]. Аналогичный процесс наблюдался в конце XIX – начале XX вв. и в Сибири. Крестьянское население активно интересовалось технологической модернизацией хозяйства у сельских предпринимателей. Более того, оно даже пользовалось определенными достижениями последних[2].

В заключении хотелось бы отметить, что новые приемы ведения сельского хозяйства, технологическая модернизация производства являются наиболее яркими проявлениями экономического рационализма и инноваций – неотъемлемых качеств предпринимательства. Культурное влияние, которое оказывали предпринимательские хозяйства Западной Сибири, проявлялось в распространении именно этих нововведений, организационно-хозяйственного новаторства среди местного населения. Необходимо признать, что новое сообщество «сельских» предпринимателей выступало в регионе в качестве «рыночного фермента», меняющего сибирское общество, оно было «агентом» социально-экономической, культурной модернизации сибирского пространства. Но это сообщество и само испытывало мощнейшее внешнее воздействие со стороны принимающего социума.

[1] РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 357. Л. 23 об.

[2] ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2636. ЛЛ. 334 об.-398.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киселев А. Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Ханты-Мансийск: Изд-во Югорского гос. ун-та, 2008. – 243 с.

2. Кротт И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX века. – Омск: ИД Наука, 2009. – 204 с.

3. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). – М.: РОССПЭН, 2007. – 368 с.

4. Киселев А. Г. О чертах «пионерства» сибирского предпринимательства рубежа XIX – XX веков // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: Материалы V научно-практической конференции, посвященной памяти А. В. Ваганова. – Тара, 2010. – Т. 2. – С. 31 – 34.

УДК 908(470)

Леонтьева Ольга Борисовна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры Российской истории,
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева,
Самара,
e-mail: oleontieva@yandex.ru

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» И КОНФЛИКТНЫЕ ЗОНЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ САМАРЫ

Коллективная идентичность строится вокруг устойчивых символов «общего прошлого» и предполагает общественный консенсус относительно их значения, что подчас достигается ценой умолчания о трудных вопросах прошлого. Так, основные мемориальные объекты современной Самары, отражающие память о Гражданской войне, сложились в советский период и увековечивают память «красных», а правительство КОМУЧа, действовавшее в Самаре в 1918 г., скупо и противоречиво представлено в мемориальном пространстве города. Проект установки памятного знака легионерам Чехословацкого корпуса расколол городскую общественность и актуализировал конфликтный потенциал памяти о Гражданской войне; это побудило гуманитарную интеллигенцию Самары искать новые стратегии «разговора о прошлом» с широкой аудиторией.

Ключевые слова: историческая память; региональная память; мемориальные объекты; Самара; Гражданская война в России.

Leontieva Olga Borisovna,
Doctor of Historical Sciences,
professor of the Department of Russian History,
Samara National Research University
named after Academician S. P. Korolev,
Samara,
e-mail: oleontieva@yandex.ru

«WHITE SPOTS» AND CONFLICT ZONES IN THE REGIONAL MEMORY: THE RUSSIAN CIVIL WAR IN THE HISTORICAL MEMORY OF SAMARA

Collective identity is built around permanent symbols of a «common past» and implies social consensus on their meaning, which is sometimes achieved at the cost of silence about difficult issues of the past. Indeed, the main memorial objects of the modern city of Samara which reflect the memory about the Civil War (1917 – 1922) were built during the Soviet period and are devoted to the Soviet power and Red Army. On the contrary, the Committee of Members of the Constituent Assembly, the anti-Bolsheviks government, which was established in Samara in 1918, is rather poorly represented in the contemporary urban memorial landscape. The project of installing a memorial sign to members of the Czechoslovak Legion split the urban community, revived the conflict potential of the memory of the Civil War, and prompted the humanitarian intelligentsia of Samara to look for new strategies of «talking about the Past» with a wide audience.

Keywords: historical memory; regional memory; memorial objects; Samara; Russian Civil War.

Коллективная идентичность строится вокруг устойчивых символов «общего прошлого» и предполагает общественный консенсус относительно их значения, что подчас достигается ценой умолчания о трудных вопросах прошлого. Это вполне справедливо в отношении современной России. Усилия власти построить непротиворечивый национальный нарратив на иллюзии исторической непрерывности между Российской империей, Советским Союзом и современной Россией [1, с. 180 – 181] сталкиваются с той проблемой, что в общественном сознании наличествуют полярно противоположные представления о значении и исторической оправданности таких событий, как революция 1917 г. и Гражданская война, «Великий перелом» и «Большой террор». Подчас линии разлома проходят через историческое сознание одного и того же города или региона.

Формирование памяти о Гражданской войне имеет свои особенности в тех городах, которые тогда были столицами небольшевистских правительств. В числе таких городов и Самара, которая в ходе Гражданской войны дважды переходила из рук в руки: в ноябре 1917 г. здесь была провозглашена Советская власть; в июне 1918 г., в результате восстания Чехословацкого корпуса, в Самаре была установлена власть Комитета

членов Учредительного собрания (КОМУЧа), а осенью того же года город был занят Красной Армией.

Основные мемориальные объекты современной Самары, отражающие память о Гражданской войне, сложились в советский период и увековечивают память о «красных»: В. И. Чапаеве, Н. А. Щорсе, «борцах за установление Советской власти в Самаре» и др. Напротив, правительство КОМУЧа в мемориальном пространстве города представлено скупо. В советский период о тех событиях напоминали мемориальные доски на улицах исторического центра города, где говорилось о расправах над красноармейцами и борцами за Советскую власть, совершенных «белочехами» и «белогвардейцами»; в настоящее время некоторые из этих мемориальных досок сняты, но топонимика улиц в центре города остается «красной», а правительству КОМУЧа не посвящено ни одного памятного знака.

В 1990 – 2000-е гг. усилиями историков и краеведов стал формироваться иной взгляд на события Гражданской войны. В новых исследованиях и документальных публикациях КОМУЧ характеризовался как нереализованная демократическая альтернатива, «третий путь» в Гражданской войне [2; 3]. Подчеркивалась роль КОМУЧа в становлении высшего образования в Самаре, поскольку именно им в 1918 г. было принято решение об открытии Самарского университета (ликвидирован из-за финансовых трудностей в 1927 г.), на базе которого впоследствии были созданы Сельскохозяйственный, Медицинский и Педагогический институты.

«Мирное сосуществование» советского и постсоветского нарратива Гражданской войны продолжалось недолго. В 2008 г. на основе соглашения между правительствами Российской Федерации и Чехии было принято решение об установке в Самаре – как и во многих других городах России – памятного знака в память чехословацких легионеров, принимавших участие в Первой Мировой и Гражданской войнах. Проект памятного знака расколол городскую общественность; против его установки активно выступили коммунисты и движение «Суть времени», применяя широкий спектр средств воздействия на власть и мнение общества – организацию кампании в масс-медиа и блогосфере, пикетирование, проведение опроса общественного мнения, сбор подписей под коллективными петициями в адрес губернатора и президента. По вопросу о смысле и целесообразности установки памятного знака считают необходимым высказаться многие региональные общественные деятели; противники установки памятного знака используют аргументацию и риторику, восходящую к советскому периоду (о недопустимости памятника «карателям», «интервентам» и «оккупантам»), тогда как сторонники установки апеллируют к необходимости

сохранения исторической памяти и национального примирения. Памятный знак до сих пор не установлен, и его судьба остается нерешенной.

Конфликт вокруг памяти о «белочехах» привел к явному оживлению интереса самарской общественности к истории Гражданской войны в региональном аспекте. Это побудило гуманитарную интеллигенцию Самары искать новые стратегии «разговора о прошлом» с широкой аудиторией: проведение тематических историко-документальных выставок, конференций и круглых столов[1], исторической реконструкции «Освобождение Самары от белочехов» с участием гостей из Чехии (2018 г.). Празднование 100-летия университетского образования в Самаре в 2018 г. подчеркнуло, что современные вузы города официально ведут свою родословную от основанного КОМУЧем Самарского университета.

Таким образом, на наших глазах происходит возвращение событий Гражданской войны в зону «горячей памяти» [4]; это выявило глубокие ценностные противоречия, наличие разных стратегий осмысления прошлого в современном российском обществе. Вопрос о возможности преодоления раскола остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М., 2015. – 207 с.

2. Кабытов П. С., Курсков Н. А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917-1918). – Самара, 2002; 2-е изд. – Самара, 2005. – 307 с.

3. Лапандин В. А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 гг.). – Самара, 2003. – 242 с.

4. Эткинд А. М. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. – 2004. – №5. – С. 40 – 54.

[1] Историко-документальная выставка «Чехословацкие легионы в России 1914-1920 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://libsmr.ru/node/730. – (Дата обращения – 07.06.2019).

УДК 908

Менщиков Владимир Владимирович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и документоведения,
Курганский государственный университет,
Курган,
e-mail: vmen1@yandex.ru

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУРГАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Начало курганского исторического краеведения связано с деятельностью Н. А. Абрамова в XIX в. Однако, вплоть до XX в. изучение истории Кургана носило эпизодический характер. Лишь в конце 1950-х гг. в Кургане возобновляется изучение истории родного края, что было связано с деятельностью известных курганских историков-профессионалов, журналистов, краеведов-любителей. Новый этап в развитии курганского краеведения начинается с конца 1980-х гг. и связан с именем Н. Ф. Емельянова. В 1990 г. по его инициативе создано Курганское областное общество краеведов, в результате были изданы семь томов «Истории Курганской области», двадцать выпусков краеведческого сборника «Земля Курганская: прошлое и настоящее». Новейший период в развитии курганского краеведения с начала XXI в. связан с проведением научных конференций – «Зыряновских чтений» и «Емельяновских чтений».

Ключевые слова: историческое краеведение; Курган; общество краеведов.

Menshchikov Vladimir Vladimirovich,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of History and Documentation,
Kurgan state university,
Kurgan,
e-mail: vmen1@yandex.ru

RESULTS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE KURGAN HISTORICAL LOCAL HISTORY

The beginning of the Kurgan historical local history is connected with the activity of N. A. Abramov in the XIX century. However, up to the twentieth

century the study of the history of Kurgan was episodic. Only in the late 1950s in Kurgan, the study of the history of the native land is resumed, which was connected with the activities of well-known Kurgan professional historians, journalists, and local historians and amateurs. A new stage in the development of Kurgan regional studies begins in the late 1980s and is associated with the name N. F. Yemelyanov. In 1990, on his initiative, the Kurgan Regional Society of Local History Studies was created, as a result, seven volumes of the «History of the Kurgan Region» and twenty issues of the local history collection «Kurganskaya Land: Past and Present» were published. The newest period in the development of Kurgan regional studies since the beginning of the twenty-first century associated with the holding of scientific conferences – «Zyryanovsk readings» and «Yemelyanov readings».

Keywords: historical local history; Kurgan; local history society.

У истоков курганского исторического краеведения в первой половине XIX в. стоял уроженец города Кургана Н. А. Абрамов [1]. Однако более или менее массовый характер накопления исторических сведений местного характера были связаны с приходскими священниками, которые в 1870 – 90-х гг. были обязаны составлять исторические летописи своих приходов. Но до 20-х гг. XX в. краеведческие исследования носили эпизодический, не институциональный характер. Это касалось и Шадринска. Отметим, что шадринское краеведение – это тема отдельного исследования и не входит в сферу нашего интереса.

1920-е гг. стали так называемым «золотым веком» отечественного краеведения. Не стал исключением в этом смысле и Курган. 28 сентября 1924 г. состоялось учредительное собрание Курганского краеведческого общества. В состав инициативной группы входили библиотекари И. А. Ленский, Ф. Н. Толкачева, учителя В. П. Ефимов, М. Д. Русинов, Е. В. Скороходова, М. С. Назаренко, студентка Е. П. Хорошаева. Председателем был избран Владимир Павлович Ефимов. 1 февраля 1925 г. в обществе числилось 29 членов, а в конце года – уже 77 человек. Своеобразным венцом деятельности общества стал сборник статей «Материалы по изучению Курганского округа Уральской области» в 1930 г. Но этот первый сборник стал и последним. Как и по всей стране, общество прекратило свое существование [2, с. 17 – 18].

Только в послевоенные годы происходит постепенное возрождение исторических краеведческих исследований. Наибольшей интенсивности они достигли в 1960 – 80-х гг. Это было связано не только с деятельно-

стью краеведов-любителей, но и профессиональных историков. Среди первых отметим вклад в изучении истории курганского края лесничего Е. С. Селеткова, журналистов В. А. Плющева и Б. Н. Карсонова. Трудно переоценить их вклад в изучение первых русских поселений в крае, пребывания в Кургане ссыльных декабристов и развития курганского маслоделия. С конца 1950-х гг. изучение истории курганской земли становится профессиональным делом преподавателей Курганского педагогического института. Это, прежде всего, А. А. Кондрашенков и Н. А. Лапин, благодаря которым понятие «Зауралье» входит в научный оборот.

Но по-настоящему новый подъем краеведческих исследований происходит в Кургане в 1990-х гг. Это было связано с приездом в город известного историка Н. Ф. Емельянова. Благодаря его усилиям в январе 1990 г. создается Курганское областное общество краеведов, а в Курганском государственном педагогическом институте возникает диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по истории, в котором защищались диссертации преимущественно урало- и сибиреведческой тематики. За это время были изданы семь томов «Истории Курганской области» и двадцать выпусков краеведческого сборника «Земля Курганская: прошлое и настоящее». Н. Ф. Емельянову в рамках общества краеведов удалось органически объединить усилия историков-профессионалов и краеведов-любителей.

С уходом из жизни Н. Ф. Емельянова интенсивность краеведческих исследований снизилась, но сами исследования не прекратилась, в XXI веке они приобрели несколько иной характер. Выпуск прежних продолжающихся изданий прекратился, но курганские краеведы участвуют в коллективных исследовательских проектах. Отметим, на наш взгляд наиболее заметные из них. Это монографии о слободе Царево Городище и слободчике Тимофее Невежине [3], книга о Кургане в рамках альманаха «Тобольск и вся Сибирь»[1], краеведческое пособие для обучающихся, студентов и педагогов «История Курганской области»[2].

Еще одной формой краеведческой работы в Кургане стало с 2000-х гг. проведение конференций. Это «Зыряновские чтения», проводимые усилиями Курганского государственного университета и Курганского областно-

[1] Слобода Царево Городище на Тоболе (1679 – 1782 гг.): монография / под ред. Д. Н. Маслюженко, В. В. Менщикова. – Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – 254 с.

[2] История Курганской области (с древнейших времен до 1991 года): Краеведческое пособие для обучающихся, студентов и педагогов / отв. ред. Д. Н. Маслюженко. – Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. – 296 с.

го краеведческого музея, с 2003 г. прошло уже шестнадцать конференций с таким же количеством сборников. Историки Курганского университета с 2006 г. проводят «Емельяновские чтения», выпущено восемь сборников материалов этой конференции.

Одной из перспектив краеведческой работы в Кургане является своеобразная «реанимация» деятельности Курганского областного общества краеведов, а также энциклопедическое описание Зауралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Менщиков В. В. Вклад Н. А. Абрамова в развитие сибирского краеведения (к 205-летию со дня рождения) // Четвертые Ядринцевские чтения: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30 – 31 октября 2017 г.) / отв. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2017. – С. 412 – 414.

2. Емельянов Н. Ф. Развитие краеведческой работы в Зауралье // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник – Вып. 1. – Курган, 1990. – С. 7 – 24.

3. Маслюженко Д. Н., Менщиков В. В., Козельчук Т. В., Пузанов В. Д., Тершукова Е. В. Тимофей Невежин и русское освоение Юго-Западной Сибири в конце XVII – начале XVIII в.: Научно-популярное издание / под ред. Д. Н. Маслюженко. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. – 96 с.

УДК 930

Рыженко Валентина Георгиевна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры современной отечественной
истории и историографии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: valentina948@mail.ru,

Рыженко Леонид Игоревич,
кандидат технических наук,
директор,
Ассоциация межмуниципального сотрудничества
«Сибирский тракт»,
Омск,
e-mail: leonid_ryz@rambler.ru

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ: УЧАСТИЕ КРАЕВЕДОВ, КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ И БИБЛИОТЕК В АКЦИИ «МАРШРУТОМ А. П. ЧЕХОВА ПО СИБИРИ НА САХАЛИН» (2013 – 2018 ГГ.) *

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00329.

Поставлена проблема трансформаций форм краеведческой деятельности в современном культурном пространстве России и ее регионов. Отмечено наличие кризиса организационной вертикали (от центра к провинции) развития краеведческого движения в условиях информационного общества и распространения виртуальных коммуникаций. На примере всероссийской акции «Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин» предлагается рассмотреть укрепление горизонтальных научно-краеведческих связей с помощью сквозных проектов по актуализации исторической памяти.

Ключевые слова: трансформация; краеведческая деятельность; организационная структура краеведческого движения; историческая память.

Ryzhenko Valentina Georgievna,
Doctor of history,
Professor of the Department
of modern Russian history and historiography,
Omsk state University named after F. M. Dostoevsky,
Omsk,
e-mail: valentina948@mail.ru,

Ryzhenko Leonid Igorevich,
candidate of technical sciences,
Director,
Association of inter-municipal cooperation
«Siberian tract»,
Omsk,
e-mail: leonid_ryz@rambler.ru

TO THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF MODERN LOCAL HISTORY MOVEMENT: PARTICIPATION OF LOCAL HISTORIANS, LOCAL HISTORY MUSEUMS AND LIBRARIES IN THE ACTION «A. P. CHEKHOV'S ROUTE ACROSS SIBERIA TO SAKHALIN» (2013 – 2018)

The problem of transformations of forms of local lore activity in the modern cultural space of Russia and its regions is put. The presence of the crisis of the organizational vertical (from the center to the province) of the development of the local history movement in the information society and the spread of virtual communications is noted. On the example of the all-Russian action «A. P. Chekhov's Route across Siberia to Sakhalin» it is offered to consider strengthening of horizontal scientific local lore communications by means of through projects on updating of historical memory.

Keywords: transformation; local lore activity; organizational structure of local lore movement; historical memory.

Проблематика социокультурных трансформаций в настоящее время является одной из актуальных. Нас она интересует в контексте парадигмы памяти. Изменения в социокультурном пространстве постсоветской России не могли не затронуть краеведческое движение и формы крае-

ведческой деятельности. Напомним, что в 2011 г. в Омске по инициативе ОГИК музея состоялась знаковая конференция «Краеведение как феномен провинциальной культуры», посвященная 125-летию со дня рождения А. Ф. Палашенкова. На ней уже обозначился мотив трансформаций современного коммуникативного пространства (научно-образовательного, научно-краеведческого, пространства практической краеведческой деятельности). Был сделан акцент на особой роли общественных объединений, призванных сохранять историческую память и культурное наследие [1, с. 42 – 43]. Особо выделялся доклад И. П. Басалаевой [2]. Однако ее утверждение относительно «триумфального шествия» постсоветского краеведения по России под воздействием синхронного совпадения (наложения) нескольких культурно-исторических контекстов [2, с. 90 – 94]) не было в дальнейшем актуализировано с точки зрения соответствия статуса, функций и сути «нового» краеведческого движения организационным структурам, сложившимся за 1990-е гг.

Велика значимость создания Союза Краеведов России (СКР), его региональных отделений и продвижения консолидирующего потенциала Всероссийских краеведческих чтений (2007-2013). Эффективность этой формы обосновывалась в статьях В. Ф. Козлова (2007) [3] и А. Г. Смирновой (2011) [4]. Обратим внимание, что подчеркивалась новизна этой формы именно как организационной. Вместе с тем выскажем мысль, что попытка сплотить «разобщенное краеведческое сообщество» (выражение А. Г. Смирновой) в итоге вернула вертикальную модель организации краеведческого движения (руководство из Центра). Идея проведения Чтений в двух уровнях – столичном (московском) и с чередованием провинциальной базы, преимущественно в виде городов Европейской России, на некоторое время оказалась успешной новацией в краеведческом движении. Сложившаяся организационная структура вместе с окончательно оформившимися в сборнике Седьмых всероссийских краеведческих чтений (2013) проблемными разделами отразила ключевые трансформации постсоветского краеведения «эпохи С. О. Шмидта» и его историографические смыслы. Во вступительном слове к Седьмым чтениям Сигурд Оттович оптимистично оценил перспективы плодотворного развития краеведческого сообщества, оформившегося как СКР [5, с. 4]. Однако наступившая «оптимизация» высшего образования привела к ликвидации организационных опор СКР в РГГУ. Кончина С. О. Шмидта усугубила ситуацию кризиса «вертикали» в организации краеведческого движения.

В этих условиях на первый план выходят иные формы, обеспечивающие горизонтальное взаимодействие между краеведческими сообщества-

ми в ситуации нарастания масштабов и разнообразия виртуальных коммуникаций. Проследим данную тенденцию на примере межрегиональной акции «Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин» как сквозного межрегионального проекта по актуализации исторической памяти. Хронологические рамки охватывают период с 2013 по 2018 гг. Основные используемые параметры обозначены в таблице 1.

Таблица 1.

Динамика показателей осуществления акции «Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин» [1]

Параметры процесса	2013	2014	2015	2016	2017	2018
События, организованные библиотеками	14	23	17	12	28	43
События, организованные музеями	13	10	11	10	16	9
Присутствие на акции краеведов	15	21	25	27	33	50
События, организованные учебными заведениями (вузами, сузами, школами)	1	16	32	11	6	27
Тематические экскурсии разного типа	14	11	36	6	9	6
Интерактивные и/или театрализованные представления	2	6	17	13	13	18

[1] Составлено по данным отчетов участников в Календаре событий за разные годы:
За 2013 год – http://thoughtring.com/ViewForm.aspx?id=119
За 2014 год – http://thoughtring.com/ViewForm.aspx?id=413
За 2015 год – http://thoughtring.com/ViewForm.aspx?id=1795
За 2016 год – http://thoughtring.com/ViewForm.aspx?id=1852
За 2017, 2018 год – https://sibtract.ru/theme/12./

Общее количество мероприятий по тематике акции	54	51	50	25	47	84
Примерное количество участников разных форм акции	600	900	1600	1400	2500	3500

Динамика участия библиотек показывает тенденцию к росту. Что же касается музеев, то здесь настораживает высокая волатильность без отчетливой тенденции к росту или снижению. Примечательно, что количество краеведов – участников акции растет экспотенциально (рост примерно вдвое за каждые два года). Тематические экскурсии сокращаются, в то же время растет зрелищность (интерактивные театрализованные представления). Общее количество мероприятий и участников выросло (первое примерно в 1,5 раза, второй показатель почти в 6 раз).

Отдельного анализа заслуживает персональная составляющая актива участников акции из представителей местных краеведческих сообществ. Пока же упомянем известного ишимского краеведа Т. П. Савченкову и В. П. Кобзарь, журналистку из Благовещенска, ставшую активным краеведом в ходе акции. Обе они оказались среди авторов сборника статей по результатам акции за первые три года [6, с. 21 – 34; с. 103 – 107].

Общий вывод – должны сосуществовать организационные формы «эпохи С. О. Шмидта» и экспериментальные проекты актуализации исторической памяти. На наш взгляд, это будет способствовать преодолению возникшего организационного кризиса. Соединение «вертикальной модели» руководства краеведческим движением с деятельностью локальных краеведческих сообществ дополнится горизонтальными связями, создаваемыми Фигурами Памяти российского масштаба. Приведенный пример проектной акции – только один из возможных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рыженко В. Г. Краеведение российской провинции как социокультурный феномен и сегмент современного коммуникативного поля науки // Краеведение как феномен провинциальной культуры: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения А. Ф. Палашенкова (1886-1971) (Омск, 27 – 29 октября 2011 г.) / под ред. П. П. Вибе, А. А. Кильдюшевой, Е. М. Бежан, О. А. Безродной. – Омск: ОГИК музей, 2011. – С. 39 – 47.

2. Басалаева И. П. Форматы постсоветского краеведения // Краеведение как феномен провинциальной культуры: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения А. Ф. Палашенкова (1886 – 1971) (Омск, 27 – 29 октября 2011 г.) /под ред. П. П. Вибе, А. А. Кильдюшевой, Е. М. Бежан, О. А. Безродной. – Омск: ОГИК музей, 2011. – С. 89 – 95.

3. Козлов В. Ф. Всероссийские краеведческие чтения в системе краеведческого движения // Первые всероссийские краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15 – 17 апреля 2007 г.). Посвящается 85-летию со дня рождения Сигурда Оттовича Шмидта. – М., 2009. – С. 636 – 639.

4. Смирнова А. Г. Всероссийские краеведческие чтения как новая форма организации современного краеведческого движения в России (2007 – 2011 гг.) // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва-Владимир, 27-28 мая 2011 г.) / отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. – М.: ИЦ Краеведение, 2012. – С. 189-193.

5. Шмидт С. О. Вступительное слово // Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва-Омск, 13 – 17 мая 2013 г.) / отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. – М.: ИЦ Краеведение, 2013. – С. 4.

6. Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин: Научно-популярный сборник / под ред. В. Г. Рыженко. – Тюкалинск: Ассоциация «Сибирский тракт», 2015. – 134 с.

УДК 39; 009

Томилов Николай Аркадьевич,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой этнологии, антропологии,
археологии и музеологии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
ведущий научный сотрудник,
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН,
Омск,
e-mail: n.a.tomilov@gmail.com

ОМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР: К 45-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ФОРМИРОВАНИЯ

Омская этнографическая наука ведет свое начало с середины XIX в. и имеет несколько периодов в своей истории. Современный период связан с открытием в 1974 г. Омского государственного университета (ОмГУ) и формированием в нем исследовательской группы этнографов. В течение прошедших 45 лет в Омске были созданы третья в России кафедра этнографии (в ОмГУ) и два научных учреждения, которые осуществляют (вместе с учеными других вузов, а также музеев) этнографическое изучение народов Северной и Центральной Азии. В результате в Омске сложилась этнографическая научная школа. В статье приводятся данные об основных направлениях научных исследований омских этнографов.

Ключевые слова: этнографический центр; теории этнографии; историография; этническая история; народная культура; музееведение; этноархеология.

Tomilov Nikolai Arkadievich,
Doctor of history,
head of the Department of Ethnology, anthropology,
archeology and museology,
Omsk state University named after F. M. Dostoevsky,
Leading researcher,
Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and
Museology Institute of Archeology

and Ethnography SB RAS,
Omsk,
e-mail: n.a.tomilov@gmail.com

OMSK ETHNOGRAPHIC SCIENTIFIC CENTER: FOR 45TH ANNIVERSARY OF FORMATION

Omsk ethnographic science dates back to the middle of the XIX century. and has several periods in its history. The modern period is associated with the discovery in 1974 of Omsk State University (Omsk State University) and the formation of an ethnographers research group in it. Over the past 45 years, the third department of ethnography in Russia (at Omsk State University) and two scientific institutions that, together with scientists from other universities, as well as museums, have established ethnographic studies of the peoples of Northern and Central Asia in Omsk. As a result, an ethnographic scientific school has been established in Omsk. The article presents data on the main directions of scientific research of Omsk ethnographers.

Keywords: ethnographic center; theories of ethnography; historiography; ethnic history; folk culture; museology; ethnoarcheology.

Начало этнографических исследований омских ученых связано с первыми экспедиционными поездками будущих выдающихся ученых Ч. Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина. В 2019 г. исполняется 165 лет омской этнографии, которая в своей истории имеет несколько периодов [1, с. 20 – 25]. Современный период связан с открытием в 1974 г. Омского государственного университета (ОмГУ), в котором сразу же развернулись этнографические работы, в этом же году были проведены сборы материалов по этнографии тарских татар, создан Музей археологии и этнографии ОмГУ, проводились работы по изучению этнической истории тюркоязычных народов Западной Сибири, начата подготовка к работе по изучению современных этнических процессов у народов Западной и Средней Сибири, заключен хоздоговор на проведение научной паспортизации и каталогизации этнографических коллекций Омского областного краеведческого музея (с 1979 г. – Омский государственный объединенный исторический и литературный музей, с 1992 г. – Омский государственный историко-краеведческий музей). И таким образом в Омске сразу же с середины 1970-х гг. стал формироваться этнографический научный центр, которому в 2019 г. исполнилось 45 лет.

Научный центр предполагает наличие профильных учреждений, высококвалифицированных кадров, разработанных теоретических концепций и существенный объем эмпирических исследований. Эти моменты в тезисном виде и рассматриваются в данной статье.

Учреждения и кадры. Первые десять лет этнографические исследования в ОмГУ проводились кафедрой всеобщей истории, а затем в 1985 г. в ОмГУ была создана кафедра этнографического профиля – это была третья кафедра по этнографии в России (после таких кафедр в Московском и Ленинградском государственных университетах), которая сегодня называется кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии и два последних направления в ее названии также связаны с этнографией (этнологией) в виде проводившихся кафедрой исследований в этноархеологии и этнографическом музееведении. В апреле 1991 г. в Омске был создан Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, преобразованный в 2006 г. в Омский филиал Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН и в 2018 г. в Омскую лабораторию археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН. В феврале 1993 г. в Омске возник Сибирский филиал Российского института культурологии Минкультуры РФ и РАН, который в 2014 г. стал Сибирским филиалом Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева Минкультуры РФ. Помимо этих учреждений этнографические исследования осуществляют научные сотрудники Омского государственного историко-краеведческого музея и Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, а также некоторые преподаватели отдельных омских вузов, колледжей и общеобразовательных школ.

Сегодня в разных учреждениях Омска работают 45 этнографов. Кроме того, выходцы из омского этнографического центра трудятся в других городах России, а также в Германии, Казахстане, Канаде. Об уровне квалификации омских этнографов говорят данные о том, что 8 выходцев из омского этнографического центра являются докторами наук, более 50 – кандидатами наук. В результате накопленного научного потенциала и многолетних научных исследований сложилась омская этнографическая научная школа [2, с. 34 – 44; 3, с. 198 – 200].

Теоретические исследования. Основные теоретико-методологические концепции и разработки (подробнее см.: [4, с. 319 – 336]): определения научных дисциплин, их объекта и предмета, других основных дефиниций; теория этнографо-археологических социокультурных комплексов; теория интегрированных хозяйственно-культурных комплексов; разра-

ботка социальных функций историко-культурного наследия; выделение и характеристики сфер традиционно-бытовой культуры; изучение диаспоры и диаспорных групп; разработки методов этнографии и этноархеологии; концепция локальных культурных комплексов; разработка понятия «некросфера» и ее структуры; характеристика религиозного синкретизма в «народной вере мировых религий» и др.

Историографические исследования. [5, с. 151 – 158 и др.]: историография этнографического сибиреведения; периодизация истории российской этнографии, этнографического сибиреведения, этнографических и музееведческих научных центров; история археолого-этнографических и этноархеологических исследований в России; биографии и характеристики деятельности российских ученых.

Этнографические исследования народов Евразии.

Общие сведения об этнографических работах омских исследователей не раз приводились в специальных работах (см., напр.: [1; 2, с. 34 – 44]). Их объем сразу подсчитать даже трудно: это сотни экспедиций к народам Сибири, Европейской части России, Северного Казахстана. Сотни и сотни монографий и сборников научных трудов, тысячи научных статей, издание научных серий, журнала «Культурологические исследования в Сибири».

Этнографическими и отчасти антропологическими исследованиями омских ученых были охвачены алтайцы, белорусы, евреи, казахи, латыши, манси, немцы, ненцы, русские, селькупы, татары (астраханские, казанские, мишари, сибирские), телеуты бачатские, тофолары, тувинцы, украинцы, хакасы, чуваши, чулымские тюрки, шорцы, эстонцы.

Основные направления исследований омских этнографов – это этническая история, традиционно-бытовая культура и ее сферы, социальные структуры, общности и отношения, этническая антропология, этническая генеалогия, историческая этнография, этнодемография, этнопедагогика, этноархеология, этносоциология, этноэкология. Кроме того, известны работы омских этнографов в других науках – истории России, историографии, культурологии, музееведении, регионоведении, фольклористике.

Результаты научных исследований используются в образовательной сфере – это преподавание учебных курсов в ОмГУ и других вузах. Кафедра этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ осуществляет руководство бакалаврскими, магистерскими и аспирантскими программами по направлениям антропологии и этнологии, музеологии, истории и археологии. Практическое применение полученных знаний выразилось в разработке документов по регулированию национальных процессов,

решению национально-культурных проблем для органов власти Омской, Новосибирской и Кемеровской областей, в организации и проведении научно-практических конференций, семинаров и круглых столов по национальной и конфессиональной тематике, в чтении лекций для населения по этой же и краеведческой тематике, в публикации сотен статей (научно-популярных и публицистических) в российских газетах и журналах, в многочисленных телепередачах центрального и регионального уровней. Практические дела омских этнографов ярко проявились в создании музеев – Музея археологии и этнографии ОмГУ, Музея истории ОмГУ и Музея народов Сибири Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН. Значительный вклад внесли омские этнографы в научную паспортизацию и научную каталогизацию (с изданием серии каталогов) этнографических коллекций ведущих музеев Новосибирска, Омска, Томска и Тюмени.

Повышению авторитета омского этнографического научного центра способствуют сотни проведенных международных, российских и региональных научных форумов. Наиболее значимыми и них были Всесоюзные научные конференции «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий» (1979 г.), «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний» (1987 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Региональные проблемы межнациональных отношений в России» (1993 г.), V Конгресс этнографов и антропологов России» (2003 г.), Международная научная конференция «Творчество в археологическом и этнографическом измерении» (2013 г.). Проводятся и периодически повторяющиеся форумы, среди которых особо значим Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований». Сегодня появились факторы, затрудняющие проведение в полноценном объеме этнографических исследований – сокращение штатов, аспирантуры, достаточного финансирования на экспедиции, издательские расходы, оборудование и др. И все же Омский этнографический научный центр продолжает свою плодотворную деятельность во всех вышеназванных направлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / отв. ред. В. П. Корзун, В. И. Матющенко. – Омск: ИД Наука, 2007. – 400 с.

2. Жигунова М. А. Омская этнографическая научная школа // Культурологические исследования в Сибири. – 2014. – №1. – С. 34 – 44.

3. Жигунова М. А. Николай Аркадьевич Томилов как основатель и руководитель Омской этнографической научной школы // Психолого-педагогические исследования в Сибири. – Омск: изд-во ОмГПУ, 2016. – С. 198 – 200.

4. Томилов Н. А. Омский научный этнографический центр и его теоретические исследования // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В. А. Тишкова. – М., 2011. – С. 319 – 336.

5. Корзун В. П., Мамонтова М. А. «Стихийные историографы» в региональном интеллектуальном ландшафте: В. И. Матющенко, Н. А. Томилов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – №436. – С. 151 – 158.

УДК 930.85

Чуркин Михаил Константинович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
e-mail: proffchurkin@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ «ТРАВМА» КОЛОНИЗАЦИИ В РЕЦЕПЦИИ СИБИРСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВВ.)

В статье на материалах научно-публицистического наследия сибирского областничества раскрывается природа формирования и эволюции рецепции исторической «травмы» колонизации второй половины XIX – начала XX вв. В качестве ключевого сюжета, определившего содержание общественно-политической деятельности и творчества областников, постулируется дело «сибирских сепаратистов» 1865 г. и его последствия. Установлено, что личная «травма», пережитая областниками, преобразовалась в признание собственной вины и желание искупления, что нашло выражение в адекватных коммуникативных стратегиях и сотрудничестве с имперской властью. Определено, что переживание личной «травмы» у областников было связано с желанием сохранения целостности личной идентичности, что способствовало конструированию особого механизма психологической самозащиты – диссоциации, и, как следствие – отрицания масштабности и значимости события. Высказывается гипотеза, сообразно с которой личная «травматическая» ситуация, ставшая частью политической биографии «сибирских сепаратистов», на определенном этапе инициировала особое восприятие областниками российского колонизационного опыта, что стало важным сопутствующим условием более полных и цельных представлений о «травме», переживаемой субъектами колонизации.

Ключевые слова: историческая «травма»; рецепция; сибирское областничество; колонизация.

Churkin Michail Konstantinovich,
doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of national history,
Omsk State Pedagogical University,
Omsk,
e-mail: proffchurkin@yandex.ru

HISTORICAL «TRAUMA» OF COLONIZATION IN THE PERCEPTION OF SIBERIAN SEPARATISTS (THE SECOND HALF OF THE XIX – THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY)

The article on the materials of the scientific and journalistic heritage of Siberian oblastism reveals the nature of the formation and evolution of the perception of the historical «trauma» of the colonization of the second half of the XIX – beginning of the XX centuries. The case of the «Siberian separatists» of 1865 and its consequences are postulated as a key plot defining the content of the social and political activities and creativity of the separatists. It was found that the personal «trauma» that the separatists were subjected to turned into recognition of their own guilt and desire for redemption, which was reflected in adequate communication strategies and cooperation with the imperial power. It was found that the experience of personal «injury» was associated with the desire to preserve the integrity of the individual, which contributed to the development of a special mechanism of psychological self-defense – dissociation, and, as a result, denial of the scale and significance of the event. It is hypothesized that the personal «traumatic» situation, which became part of the political biography of «Siberian separatists», at a certain stage initiated a special perception of regionalists of the experience of Russian colonization, which became an important accompanying condition for fuller ideas about the «trauma» experienced by the subjects of colonization.

Keywords: historical «trauma»; reception; siberian regionalism; colonization.

В современных исторических штудиях постколониальность может определяться не только в виде определенного уровня осмысления колониального прошлого или особого способа интерпретации современности, в которой исчезающий колониализм выполняет мобилизующие функции, но и как вариант ретроспективной рефлексии опыта локальных сообществ, члены которых сами являлись носителями гибридной идентичности, выступая одновременно в качестве колонизаторов и колонизуемых.

Внедрение в дискурс сибирского областничества как общественно-политического движения и, одновременно, локального сообщества, дает уникальную возможность объяснения многих социокультурных феноменов, в частности – сибирской региональной идентичности, содержательное наполнение которой является сегодня предметом оживленной научной полемики.

Между тем, сам факт постоянного будирования и обыгрывания темы региональной идентичности в системе координат имперского опыта колонизации восточных окраин, может рассматриваться и как рельефно выраженный травматический синдром.

Понятие «травма», в этимологическом смысле – «рана», заимствовано в медицине (психиатрии) и, согласно интерпретации А. Ассман, вызывается переживанием жизненно опасного, глубоко ранящего душу крайнего насилия, которое нарушает обычный защитный барьер восприятия и не может быть психологически освоено, преодолено в силу угрозы для целостности личной идентичности [1, с. 57]. Историки эпохи «антропологического поворота» трактуют «травму» как «социальный факт», который порождает разрушительные события. «Травма» распространяется среди членов определенной группы, разделяющих этот факт, интерпретируется и воспринимается группой как нечто, принуждающее и налагающее обязательства на их действия [2, с. 126].

Исходным сюжетом формирования исторической «травмы» колонизации, определившим модели ее рецепции и репрезентации в научно-публицистической деятельности областников, стал знаменитый процесс «сибирских сепаратистов» в 1865 г., по результатам которого наиболее активные, с точки зрения следствия, фигуранты (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, Н. С. Щукин) оказались высланными под надзор полиции в северные губернии европейской части России.

Принимая во внимание, что дело «сибирских сепаратистов» имеет достаточно полную и обширную историографию, отметим, что за гранью исследовательского интереса остается эмоциональная реакция «жертв», сложная система душевных переживаний, определивших их амбивалентный статус в восприятии данного события и выстраивании последующей стратегии поведения, запечатленной в общественно-политической и научно-публицистической деятельности областников.

Во-первых, следует отметить, что «переживание» личной «травмы», участниками дела «сибирских сепаратистов», до некоторой степени преобразовалось в признание собственной вины и желание искупления, что, так или иначе, находило выражение в коммуникации и сотрудничестве с

имперской властью. Г. Н. Потанин, «чистосердечно» признавший себя во время следствия сепаратистом, сожалел, что «своим поступком «набросил сепаратистский плащ» на всю компанию и «дал окраску» всему делу» [3, с. 209]. Очевидно, что методы расследования и рациональный подход власти к делу сепаратистов, относительно гуманные решения, принятые по результатам следствия, способствовали, с одной стороны, инкапсуляции «травмы» и переходу ее в латентное состояние, с другой, создали благоприятную ситуацию для привлечения фигурантов дела к экспертной работе и включению их в общеимперский контент решения колонизационных задач. Всем доподлинно известен вклад вчерашних государственных преступников в организацию и проведение экспедиций по исследованию географии, топографии, экономики, этнографии восточных окраин, разработку программ по изучению быта переселенцев, старожилов и коренного населения края [4].

Во-вторых, переживание «травмы» всегда связано с желанием сохранения целостности личной идентичности, что способствует конструированию особого механизма психологической самозащиты – диссоциации как бессознательной стратегии недопущения травмирующего события в сознание. Так, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин спустя годы единодушно сходились на том, что это дело было раздуто, студенческие вечеринки сибиряков превращены в тайное общество, разговоры о возможном будущем отделении Сибири-колонии от России-метрополии, по аналогии с Северными Соединенными Штатами Америки, были представлены следствием как намерения; пропаганда сепаратизма была усмотрена даже в идее открытия сибирского университета [5, с. 64 примеч.]. Н. М. Ядринцев в своей автобиографии не отрицал, что они говорили об отделении Сибири и создании республики, но как об очень отдаленном будущем, желали своей родине «нового гласного суда, земства, больше гласности, поощрения промышленности, большей равноправности инородцам» [6, с. 156].

В-третьих, осмысление и переживание собственного «травматического» опыта происходило у представителей сибирского областничества дистанционно. Оказавшись далеко за пределами Сибири (Г. Н. Потанин – в Вологодской губернии, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков – в г. Шенкурске Архангельской губернии), ссыльные попали в более сложноустроенную коммуникативную среду, в обстоятельствах которой они были вынуждены реализовывать свои убеждения с учетом сложившихся бытовых обстоятельств. Так, Н. М. Ядринцев, приехав в Архангельск без денег и теплой одежды, получил разрешение задержаться в ожидании гонорара и, в качестве компромисса, составил записку о положении русской пенитенциа-

рии в крае, которая была отправлена на высочайшее рассмотрение за подписью местного губернатора [7, с. 22]. В благодарность Н. М. Ядринцев был отправлен в Шенкурск не по этапу, а в экипаже [7, с. 22]. Вообще, отрыв областников от Сибири предоставил им возможность глубже погрузиться именно в сибирскую колонизационную проблематику, что было связано и с обстоятельствами объективного свойства. Находясь в ссылке, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин активно сотрудничали с местными изданиями, в частности, Волжско-Камской газетой, что не только наполняло жизнь ссыльных смыслом, но и предоставляло возможность обеспечивать себя. Важным следует признать и то, что местные издатели, во многом по цензурным соображениям, предпочитали публиковать периферийные (сибирские) сюжеты, не имевшие прямого отношения к проблемам собственного региона [7, с. 24].

Фактором, который также способствовал переформатированию личной «травмы», стало непривычное для активно коммуницирующих личностей состояние фрустрации, дополняемое чувством одиночества. Н. М. Ядринцев сетовал, что там *(в Шенкурске – М. Ч.)*, нет людей одинаковой с ним породы: Шашков был сосредоточен в себе, Ушаров пил и все больше опускался: «Я одинок, как и Вы, – писал он Потанину, – и космополитическая среда, и ее интересы, и разговоры не удовлетворяют меня. Мне нужны птицы одной породы, и на соседство с Вами я променял бы все прочие соседства» [8, с. 48].

Таким образом, можно предположить, что вынужденное помещение представителей областничества в новую среду обитания, возникновение трудной жизненной ситуации являлись важным сопутствующим условием более полных и цельных представлений о «травме», переживаемой субъектами колонизации – переселенцами из Европейской России, сибирскими старожилами, индигенными народами, что оказалось детально репрезентировано в их публицистическом наследии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

2. Логунова Л. Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования. – №9. Сентябрь. – 2009. – С. 126 – 136.

3. Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. – Т. 6. – 336 с.

4. Семенов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества. – Омск: Издание Зап.-Сиб. Отдела Государственного Русского Географического Общества, 1927. – 359+160 с.

5. Лемке М. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины (1894–1904). – СПб., 1904. – XIV, 219 с.: 8 л. ил.

6. Ядринцев Н. М. К моей автобиографии // Русская мысль. – 1904. – Июнь.

7. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С. А. Иникова; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 752 с.

8. Ядринцев Н. М. Письмо Г. Н. Потанину от 17 января 1873 г. // Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г. Н. Потанину. – Красноярск, 1918. – Вып. 1. – С. 41 – 68.

УДК 908(092)

Шиловский Михаил Викторович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории,
Новосибирский государственный университет,
заведующий сектором,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск,
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РЕГИОНА В КНИГЕ Н. М. ЯДРИНЦЕВА «СИБИРЬ КАК КОЛОНИЯ»

Анализируется историческая составляющая творческого наследия идеолога сибирского областничества Н. М. Ядринцева. Его наработки в этой области аккумулировались в двух изданиях фундаментального произведения «Сибирь как колония». Основным источником информации стали исследования А. П. Щапова, В. И. Вагина, П. А. Словцова, П. Н. Буцинского, П. М. Головачева и других сибирских историков, а также воспоминания служивших в разное время в регионе чиновников. По целому ряду вопросов: взаимоотношения русских и аборигенов, территориально-административное устройство и управление Сибирью, специфика хозяйственного освоения и роль ссылки в ней, автор предлагает квалифицированные пространные исторические экскурсы. Логическим продолжением исторических изысканий Ядринцева стал памфлет «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад».

Ключевые слова: Н. М. Ядринцев; «Сибирь как колония»; история региона; аборигены; вымирание; экономика; управление; реформы М. М. Сперанского; община; ссылка.

Shilovsky Mikhail Viktorovich,
Doctor of historical Sciences,
Professor of the Department of national history,
Novosibirsk state University,
head of sector,
Institute of history SB RAS,
Novosibirsk,
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

QUESTIONS OF HISTORY OF THE REGION IN THE BOOK OF N. M. YADRINTSEV «SIBERIA AS A COLONY»

The state analyzes the historical component of the creative legacy of the ideology of Siberian regionalism from N. M. Yadrintsev. His work in this area has been accumulated in two editions of the fundamental work «Siberia as a colony». The main source of information was the research of A. P. Shchapov, V. I. Vagin, P. A. Slovtsov, P. N. Butsinsky, P. M. Golovachev and other Siberian historians, as well as the memories of officials who served at different times in the region. On a number of issues: the relationship between Russian and aboriginal, territorial-administrative structure and management of Siberia, the specifics of economic development and the role of links in it, the author offers qualified extensive historical excursions. A logical continuation of historical research from Yadrintsev became pamphlet «Illusion of greatness and insignificance. Russia is being pushed back».

Keywords: N. M. Yadrintsev; «Siberia as a colony»; history of the region; aborigines; extinction; economy; management; reforms of M. M. Speransky; community; link.

Как известно, Н. М. Ядринцев позиционировал себя прежде всего как журналист. Тем не менее, анализируя актуальные социально-экономические вопросы современной ему Сибири, он активно использовал исторические ретроспекции. Целью нашей публикации является попытка определить вклад Николая Михайловича в разработку отдельных аспектов истории Сибири. Он не был профессиональным историком. Большое воздействие на формирование его исторических представлений оказало творчество П. А. Словцова и А. П. Щапова. «За тридцать лет до Ядринцева такой одиночкой был Словцов, – заметил Г. Н. Потанин, – это не был публицист, но он был местный деятель, историк и статистик. Тогда не было еще в Сибири никаких ученых учреждений, ни географических обществ, ни университета. В одном Словцове сосредотачивалась вся умственная жизнь Сибири, все ее науки; он совмещал в себе целое географическое общество, целый исторический институт. Таким же, почти одиночкой, является впоследствии и Николай Михайлович Ядринцев после тридцатилетнего затишья» [1, с. 335]. Историк-архивист Н. Н. Бакай рассматривал главный труд П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» как «труд первого историка-областника Сибири» [2, с. 14]. А. П. Щапова мой герой в 1883 г. квалифицировал как создателя теории областности [3, с. 6].

Знакомство с публикациями Ядринцева позволяет утверждать о прекрасном знании им историографических источников, воспоминаний, вводимых в оборот источников. Например, для анализа ревизии и реформ М. М. Сперанского им использовались труды М. А. Корфа, В. И. Вагина, М. М. Геденштрома. О деятельности Н. Н. Муравьева-Амурского информация извлекалась из мемуаров Б. В. Струве и Б. А. Милютина. Статистические данные заимствовалась из трудов Ю. А. Гагеймейстера, А. А. Кауфмана и Л. С. Личкова. Он ссылался на труды профессиональных историков, посвященных разным этапам истории освоения Азиатской России: П. Н. Буцинского, П. М. Головачева, А. В. Оксенова, И. И. Тыжнова, И. В. Щеглова и др. Поэтому своеобразными вводными к тому или иному сюжету являлись заявления типа: «Жизнь сибирских городских обществ в начале XIX ст.[олетия] обрисована в последнее время местными исследователями Вагиным и Щаповым по мемуарам и запискам старожилов» [4, с. 398].

Пополнять свой исторический багаж мой герой начал с момента приезда на учебу в Петербург в 1860 г. В сентябре 1860 г. он сообщал Н. С. Щукину: «Купил книг, набрал у Потанина о Сибири статеек, записался в летучую библиотеку Секановского, читаю «Современник», где статьи Чернышевского превосходны»[1]. После возвращения в Сибирь 11 ноября 1864 г. в Омске он выступил с лекцией «Общественная жизнь в Сибири», позднее опубликованную в литературном приложении в газете «Томские губернские ведомости». Она стала первой попыткой Н. М. Ядринцева охарактеризовать основные этапы истории Сибири. После ареста по делу сибирских сепаратистов вместе с Г. Н. Потаниным и С. С. Шашковым он участвовал в разборе и систематизации дел архива в Омске. Узнав о смерти хорошо знакомого областникам Ч. Ч. Валиханова, Николай Михайлович написал и переправил для опубликования статью-некролог, увидевшую свет в январе 1866 г. В заслугу покойному он поставил «изучение своего народа и знакомство с ним русской публики» [1, с. 29].

В 1878 г. Л. Ф. Пантелеев предложил Г. Н. Потанину написать популярную «Историю Сибири», обещая издать ее. Григорий Николаевич, занятый научными делами, переадресовал предложение Ядринцеву[2]. Последний предложение принял и в 1882 г. увидела свет «Сибирь как колония» (второе издание в 1892 г.), аккумулировавшая, в том числе, и исторические наработки автора. Не прекратил он изучение прошлого региона и в последующем.

[1] ГИАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 18747. Л. 18.

[2] Письма Г. Н. Потанина. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1989. – Т. 3. – С. 139.

Так, в первом номере за 1887 г. редактируемой им газеты «Восточное обозрение» увидела свет обобщающая статья «Исторические моменты Сибири (1586-1686-1786-1886)». «Наша окраина слишком молода, – утверждал автор, – слишком полна сил, и силы эти день ото дня прибывают, растут, чтобы ей страстно не желать лучшего, чтобы не волноваться сердцем и не ожидать много от наступления грядущего. Историческая жизнь этих окраин притом слагается несколько в иных исторических условиях, к ним приливаются сразу новые требования. Самая гражданская жизнь строится быстро»[1].

В обобщенном виде авторская концепция истории Сибири изложена в «Сибири как колонии». Появление русских за Уралом, их продвижение и закрепление территории до Тихого океана рассматривается Ядринцевым как завоевание или покорение. В его произведении вы не встретите дефиниции «присоединение», тем более «добровольное вхождение». «Вслед за покорением инородцев явилось усмирение их бунтов, – замечает автор, – обложение ясаком, подчинение и насильственное введение управления» [4, с. 136]. Далее происходило смешение пришлых с аборигенами, под воздействием природно-климатических условий образовалось «русско-сибирское население» и происходило складывание «нового этнографического типа» [4, с. 103]. Что касается коренного населения, то оно вымирало, за исключением обитающих на юге (буряты, казахи, калмыки) [4, с. 141]. В результате метисизации сибиряки приобрели такие ментально-психологические качества как предприимчивость, индивидуализм, «наклонность к простору, воле и равенству», стремление к наживе [4, с. 121]. Общинная организация, перевалив Урал, разбилась на отдельные кусочки, но потом осколки начинают склеиваться. «Община одна способна водворить в Сибири рациональное хозяйство» [4, с. 119].

Процесс хозяйственного освоения региона связывался преимущественно с вольнонародной колонизацией, «которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало» [4, с. 163]. Ссылка уголовная и политическая сыграла ничтожную роль в увеличении численности населения, но породила бродяжничество, рецидивную преступность, кабальные отношения. «Что касается способов разработки естественных богатств Сибири, то мы не только не обогатились здесь, не только не положили основания прочной промышленности, а напротив, умалили и истощили производительность края» [4, с. 256]. Экономика Сибири сводится к «сбыту собственных сырых продуктов и приобретению всего, до мельчайших потребностей хозяйства, привозного из Европейской России»

[1] Ядринцев Н. М. Исторические моменты Сибири (1586-1686-1786-1886) // Восточное обозрение. 1887. №1.

[4, с. 273]. «Словом, экономическая жизнь страны и условия крестьянского и инородческого хозяйства не представляют в Сибири той устойчивости, какая существует в других, даже в более бедных и малоземельных странах» [4, с. 291]. Анализ управленческого блока сосредоточен в главе «Управление Сибирью и реформа Сперанского». Местное государственное управление вплоть до реформ М. М. Сперанского функционировало на сочетании взаимоисключающих принципов. «Централизация здесь приводила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти начальникам на месте – к другим» [4, с. 373]. Ядринцев критически оценивает реформы начала 1820-х гг. «Об управлении Сперанского с исторической точки зрения можно только сказать, что при старых условиях и при существующей обстановке, без солидных учреждений, на отсутствие которых он жаловался, при поголовном невежестве общества, злоупотреблениях исполнителей он и не мог произвести существенных изменений в ходе дел сибирской администрации» [4, с. 370]. Выход из тупика виделся в реорганизации земского хозяйства в духе создания органов земского самоуправления, образованных в Европейской России [4, с. 394]. Таким образом, в «Сибири как колонии» идеолог областничества повторил основные положения, сформулированные еще в 1864 г., аргументировав и обосновав их фактическим материалом, собранным автором за 20 лет журналистской и научно-поисковой работы в родной Сибири.

Историко-публицистическим продолжением сочинения уже по общероссийской проблематике стал изданный нелегально в 1891 г. в Женеве памфлет Ядринцева «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад». В центре произведения – правление императоров Александра II и Александра III. Развитие России казалось «оригинальным и настолько своеобразным, что можно было допустить предположение, что цивилизация здесь получает особое проявление и европейский идеал, слившись с этими формами, даст неожиданные результаты». Надежды подпитывались общинным поземельным бытом, который «как бы осуществлял уже формы европейского социализма», и молодостью русского суперэтноса, «обнаружившего западные симпатии» [5, с. 210].

В действительности, после освобождения крестьян, в деревне проявилась социальная дифференциация и «община на экономическом пути не сделала прогресса, она дальше от ассоциации, чем европейский крестьянский мир». «Азиатские владения: Туркестан, Амур и Забайкальские приобретения дают государству убыток и обессиливают его бюджет». Для Европы Российская империя трансформировалась в восточную деспотию, а текущее состояние ее – «это эпоха застоя, разложения и внутренне-

го, и внешнего бессилия. Если можно выразить одним словом положение России, то это слово будет «ничтожество», такова она для Европы, такова она для всякого образованного человека» [5, с. 211, 212]. Памфлет завершается прорицанием близкого краха самодержавной России не вследствие внутренних потрясений, а внешнего фактора. «Тяжко будет тогда, когда европейские друзья подкараулят Россию и заметят ее слабые стороны, когда обнаружат все ее политическое ничтожество. Англия, Германия и теперь зорко следят за тем, что плохо привязано к России. Выждут момент – оторвут Амур, оторвут Остзейский край, Польша сама уйдет. Явится расплата… Так должна кончиться история этого кажущегося величия. Так совершится урок истории для государства, пренебрегшего законами естественного развития человечества, отказавшегося от дороги к цивилизации, убившего всякую духовно-нравственную силу своего народа, а потому доведшего себя для ничтожества и позора» [5, с. 224].

Таким образом, в «Иллюзии величия…» мой герой, во-первых, пытается подтолкнуть правительства к продолжению европеизации страны, взять его «на испуг», предсказывая очередное военное поражение; во-вторых, констатируя крах народнических иллюзий насчет особого пути развития России («Идеалисты начали разочаровываться в общине, и вместо общинников появились марксисты» [5, с. 211]); в-третьих, предлагает радикально пересмотреть национальную политику, отказавшись от традиционных имперских составляющих ее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ядринцев Н. М. Чокан Чингисович Валиханов // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1980. – Т. 5. – 408 с.

2. Бакай Н. Н. Памяти П. А. Словцова, как историка Сибири. –Красноярск, 1918. – 15 с.

3. Ядринцев Н. М. Жизнь и труды А. П. Щапова. Биографический очерк. – Красноярск, 1918. – 20 с.

4. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония (1892). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 555 с.

5. Ядринцев Н. И. Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1979. – Т. 4. – С. 209 – 226.

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОВИНЦИИ И ИЗУЧЕНИЕ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 «1941/45» (574.3)

Абдрахманова Кымбат Казалиевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры археологии, этнологии
и отечественной истории,
Карагандинский государственный университет
им. Е. А. Букетова,
Караганда, Республика Казахстан,
e-mail: kimbat_abd@mail.ru

ВОСПОМИНАНИЯ ЖЕНЩИН КАЗАХСТАНА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Проблемы «женщина на фронте», «женские истории», «женская память о войне» становятся объектом пристального внимания историков. Статья посвящена воспоминаниям женщин Казахстана о войне. На основе архивных документов и воспоминаний автор раскрывает внутренний мир женщин-военнослужащих в условиях военной повседневности, описывает их восприятие военных будней, показывает их мужество и несгибаемую силу духа. Автор приходит к выводу, что женщины-фронтовики внесли неоценимый вклад в достижение победы в войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Казахстан; фронт; женская память; военная повседневность; женские истории.

Abdrakhmanova Kymbat Kazalievna,
Candidate of history,
associate Professor of archaeology, ethnology and national history,
Karaganda state University named after E. A. Buketov,
Karaganda, Republic of Kazakhstan,
e-mail: kimbat_abd@mail.ru

MEMORIES OF WOMEN OF KAZAKHSTAN ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

The problems of «women at the front», «women's stories», «women's memory of the war» become the object of attention of historians. The article is dedicated to the memories of women of Kazakhstan about the war. On the basis of archival documents and memories, the author reveals the inner world of female military

personnel, describes their perception of military everyday life, the conditions of military everyday life, shows their courage and unyielding strength of mind. The author concludes that women front-line soldiers have made an invaluable contribution to achieving victory in the war.

Keywords: Great Patriotic War; Kazakhstan; front; women's memory; military daily life; women's stories.

Великая Отечественная война на протяжении более 70 лет остается самым важным историческим событием в памяти народа. Реальность военной повседневности, которую с достоинством прошло и пережило наше старшее поколение, несмотря на свою временную специфику, не утрачивает по сей день своей актуальности, поскольку представляет собой пример преодоления тяжелейших ситуаций. В настоящее время в исторических исследованиях ученые стали проявлять наибольшую заинтересованность в изучении гендерной истории в военное время, особенно роли и места женщины на фронте. Хоть и говорят, что «у войны не женское лицо», но именно на долю девушек и женщин выпали не только такие тяжелые испытания как расставание с мужьями, братьями, сыновьями, мучительные переживания и ожидания вестей с фронта, но и участие многих из них непосредственно в боевых действиях на фронте. В связи с этим мы посвящаем эту статью проблемам памяти и восприятия войны глазами женщин.

Страшная новость о начале войны всколыхнула всю страну. На передовую рвались не только мужчины, но и женщины. Вспоминает ветеран из г. Усть-Каменогорск Бедарева Валентина Алексеевна: «Первая мысль, родившаяся после горького известия, – пойти на фронт. Немцы были уже в 7 км от нашего села (с. Тихотское, Харьковская область), надо было срочно бежать за Дон. С собой успела прихватить каравай хлеба и сало. Шли пешком, только в темное время суток, а днем отсыпались где-нибудь в лесу, отдыхая от страха и тяжелой дороги» [1, с. 110 – 111].

В Государственном архиве Павлодарской области среди архивных документов нами были обнаружены десятки заявлений от женщин. К примеру, заявление медсестры А. З. Александровой от 27 ноября 1941 г., адресованное председателю Баянаульской районной комиссии по приему в национальную войсковую часть: «Прошу принять меня в ряды доблестной гвардии на защиту нашей священной Родины. Я обещаю вам, что буду честно и самоотверженно выполнять обязанности и до последней капли крови защищать нашу любимую Родину и ее столицу Москву. Про-

шу вас не отказывать в моей просьбе и зачислить меня в ряды доблестной Красной Армии»[1].

Попав на фронт, женщины столкнулись с военной реальностью. Обстрелы, смерть, голод, гибель близких и многое другое ежесекундно потрясали сознание каждой женщины. Тяжелыми воспоминаниями о войне поделилась ветеран из Ульбинского района Восточно-Казахстанской области медик Александра Шахнович: «Наш госпиталь находился на освобожденной территории. Но фашисты берут реванш за поражение под Сталинградом и рвутся на Кавказ. Пришлось срочно эвакуировать госпиталь. Переправа через Дон была сложная. Его воды пенились от почти непрерывных бомбежек и артиллерийских снарядов. Понтонный мост то взбалтывался, то опускался. На нем – телеги с ранеными. В ходе бомбежки с самолетов все провалились в воду. Я и моя подруга медсестра чудом остались живы. На правом берегу Дона остались повозки с медикаментами, полевая кухня, запасы продовольствия. Как быть? Но нужно доставить раненых до пункта назначения. Десять дней и ночей мы шли до пункта, правда не все дошли» [1, с. 137].

Рассказывала Любовь Ивановна Меженская: «Между Витебском и Оршей дороги были трупами завалены так, что танки пройти не могли. А когда Херсон брали, не поверите, вода была от крови красная. Разве забудешь Армянск, где людей сжигали заживо. Запах горелого мяса держался много дней. С тех пор я не переношу даже запах шашлыка…» [1, с. 212].

Заслуженный врач Казахстана Зинаида Максимовна Кушнир (Шаповалова) в 1943 г. ушла на фронт и была распределена на 2-й Украинский фронт, а точнее в 5058-й эвакогоспиталь, который находился в Верхнеднепровске. Вспоминала Зинаида Кушнир: «Кровь, гниющие раны, стоны раненых, смерть – это будни военной медицины. На второй день меня поставили в операционную эвакогоспиталя. Выдержать помогла молодость» [2, с. 36].

Вспоминает радиотелеграфист, ветеран Абраменко Александра Алексеевна: «Наш наблюдательный пункт находился на озере, покрытом льдом. Нас там было пятеро человек, из них я одна девчонка. Впереди немецкая пехота, а за озером наша передовая. К нам нельзя ни проехать, ни пройти. Враг бомбил с воздуха, вел методический артобстрел. Кончились продукты, и мне пришлось готовить пищу из мяса убитой лошади. Мясо съели, в ход пошли ноги, голова. Кончились соль и сухари. Мы начали голодать. Помыться негде. Появились вши. Ребята подстриглись наголо, а меня

[1] Государственный архив Павлодарской области. Ф.-68-п. Оп. 1. Д. 269. Л. 59.

подстригли «под польку». На войне приходилось быть и связисткой, и медсестрой одновременно. А это не так-то просто. Нагрузишь на себя катушку с кабелем, полевой телефон, карабин, противогаз, а у самой весу-то чуть больше 50 килограммов. Вот так это было» [3, с. 8].

Женщины-фронтовики, переживая колоссальные трудности военных лет, не падали духом. Что помогало жить несмотря ни на что? Ветераны войны обычно отвечают: долг перед Родиной и вера в Победу! Вспоминая военные годы, врач Жданова Лидия Митрофановна удивлялась: «И откуда только силы брались? На пункте сортировки молоденькие девушки на себе таскали раненых, перегружали их с узкой колеи на широкую, нетранспортабельных оставляли на месте. У многих началась газовая гангрена. Приходилось тут же делать ампутацию конечностей, извлекали осколки снарядов. Спали не больше 3-4 часов в сутки» [1, с. 188].

Несмотря на суровость военной повседневности, женщины на фронте оставались милыми и женственными. Олимпиада Кирилловна рассказывала: «Женщины как могли ушивали военное обмундирование, они по всем фронтам, по всем хлябям таскали за собой в полевых сумках и румяна, и пудру. Чуть что, доставали зеркальце, прихорашивались, словно вот-вот за ними женихи придут. Даже в первые майские победные дни не успели еще смолкнуть пушки, как девчата-фронтовичи поспешили нарядиться в юбки да платья, уж до того им брюки надоели» [1, с. 190].

Женщинам на войне было нелегко. Просясь на фронт, они были готовы к подвигу, но не к военным будням. Жесткая дисциплина, тяжелые физические нагрузки, мужское окружение, бытовые трудности, проблемы гигиенического характера – все это явилось тяжелым испытанием. Тем не менее, эти «хрупкие создания», показав свою храбрость и стойкость, сыграли огромную роль в победе над фашизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белобородов С. Ф. Мы – дети той большой войны. – Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГУ, 2001. – 308 с.

2. Белобородов С. Ф. Никто не забыт, ничто не забыто. – Усть-Каменогорск, 2000. – 252 с.

3. Аксенова Л. В. Есть в памяти мгновения войны. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2010. – 65 с.

УДК 947.157

Абселемов Серикхан Ахметович,
соискатель кафедры отечественной истории,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
e-mail: abselemovserikhan@yandex.ru

КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В ОЦЕНКАХ ИМПЕРСКИХ ЭКСПЕРТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В статье выявлены подходы участников колонизационного дела к практической реализации задач аграрного освоения Степного края как части общеколонизационного процесса во второй половине XIX – начале XX вв. Установлено, что экспедиционная и издательская работа имперских экспертов на рубеже XIX – XX вв. перестала соответствовать масштабам и содержанию задач империостроительства на окраинах. Вместе с тем, деятельность по экспертизе колонизируемых территорий имела важное значение с точки зрения имперского проникновения в отдаленные местности. Опыт совместной работы на научном и общественно-политическом поприще способствовал объединению экспертов в корпорацию с общей профессиональной идентичностью, что предопределяло выбор коммуникативных стратегий в решении судьбоносных проблем региона.

Ключевые слова: аграрная колонизация; переселенческое движение; имперские эксперты, Степной край, Российская империя.

Abselemov Serikkhan Akhmetovich,
Postgraduate Student, Department of Domestic History,
Omsk State Pedagogical University,
Omsk,
e-mail: abselemovserikhan@yandex.ru

COLONIZATION OF THE STEPPE EDGE IN THE ASSESSMENTS OF EXPERTS OF THE EMPIRE OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article reveals the approaches of the participants in the colonization business to the practical implementation of the tasks of the agrarian development of

the Steppe Territory as part of the colonization process in the second half of the 19th – early 20th centuries. It has been established that the expeditionary and publishing work of imperial experts, at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, has ceased to correspond to the scale and content of the tasks of imperial construction on the outskirts. At the same time, the expertise of the colonized territories was of great importance from the point of view of imperial penetration into remote areas. The experience of working together in the scientific and sociopolitical field promoted the unification of experts into a corporation with a common professional identity, which predetermined the choice of communication strategies in solving the crucial problems of the region.

Keywords: agrarian colonization; migration movement; imperial experts; Steppe territory; Russian Empire.

Стабильный рост интереса исследователей (историков, экономистов, этнографов, общественно-политических деятелей) к вопросам, связанным с обсуждением перспектив переселенческого движения в регион, распространения в нем имперских практик России, соотносился в указанный период с состоянием общественно-политического дискурса, в котором одно из центральных мест занимала тема русификации окраин империи путем распространения земледельческой оседлости, внедрения моделей административного управления, апробированных в окраинных районах, являвшихся ранее эпицентром российской колонизации.

В этой связи вопросы колонизации восточных окраин империи, где землеведческие и земледельческие задачи находились в приоритете, также принадлежали к категории практико-ориентированных имперских проектов. Когда в 1870 – 1880-х гг. произошла переориентация колонизационных принципов империи от абсолютного доминирования военно-политических задач в сторону обсуждения аграрных перспектив региона, стали учреждаться отделы ИРГО, которые были призваны решать важные государственные задачи. На восточных окраинах, в частности, в Степном крае, эта работа реализовывалась в практической экспедиционной (1877 – 1890 гг.), научно-исследовательской (1890 – 1905 гг.) деятельности учрежденного в 1877 г. Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (г. Омск).

Экспедиционная и научно-академическая деятельность ЗСОИРГО во второй половине XIX – начале XX вв. в сфере исследования природно-географических, социально-экономических, культурных условий Степного края имела не только прикладное, но и важное теоретическое значение.

Накопление и тиражирование экспедиционных материалов являлись основой для создания обобщающих трудов или фрагментов монографий, посвященных степным окраинам империи. Тем самым происходило «встраивание» отдельных сюжетов в общую канву осмысления процесса колонизации региона.

Значительный вклад в обсуждение краеугольных вопросов аграрной колонизации в этот период был внесен представителями сибирского областничества, максимально включенного в канву экспертизы Степного края.

В научных трудах лидера и идеолога областников Н. М. Ядринцева отношение к колонизационной проблематике было сформулировано предельно отчетливо. Во-первых, Н. М. Ядринцев сформулировал тезис о колонизации как исключительном продукте народного творчества, направляемом самодержавным государством [1, с. 110]. Во-вторых, в риторике областников и непосредственно Н. М. Ядринцева понятие «колония» формулировалось в качестве основной региональной ипостаси. Если имперские политики, эксперты и исследователи старались в публичных речах и научных трудах избегать термина «колония», позиционируя восточные окраины империи в качестве естественного продолжения территорий метрополии, Н. М. Ядринцев и его соратники настаивали на их колониальном статусе [2, с. 18]. В-третьих, одним из ключевых вопросов в связи с аграрной колонизацией Сибири и сопредельных регионов Н. М. Ядринцев считал вопрос инородческий. Критикуя в своем определении «бюрократические цивилизаторские проекты» заселения степей, мешавших нормальному развитию кочевой культуры и прогрессу, исследователь поставил под сомнение эффективность имперских планов, в которых содружество «меча и плуга» позиционировалось как своеобразная народная санкция имперской экспансии [3, с. 2].

Проблемы заселения и аграрного освоения Степного края как важного сегмента «колонизационного дела» получили обоснования в трудах Г. Н. Потанина. Согласно его воззрениям, необходимо окончательно закрепить связь Сибири с европейской частью России железнодорожным путем, пролегающим через всю сибирскую территорию. Тогда само собою, совершенно естественно установится должный прилив населения из Европейской России в Сибирь, и обилие естественных богатств сибирских получит соответствующий сбыт на русском и западноевропейском рынках. Только при этом условии и может явиться для Сибири возможность оправдать свою старинную репутацию «золотого дна» [4, с. 38].

Эскалация переселенческого движения в Степной край в 1880-х – 1890-х гг. активизировала экспертную работу. В указанный период на

смену военно-политическим устремлениям постепенно приходит потребность в мирном освоении степных окраин, когда главным субъектом колонизации становилось крестьянство. В новой ситуации особая роль предназначалась имперским экспертам, к числу которых относился широкий круг лиц: от путешественников-экспедиционеров, представлявших различные общества, до чиновников центральных и региональных ведомств, роль которых в «колонизационном деле» неуклонно возрастала.

Стартовой площадкой для формирования российского колониального ведомства и «вербовки» новой генерации имперских экспертов стало Министерство государственных имуществ, переименованное в 1894 г. в Министерство земледелия и государственных имуществ. В указанном ведомстве знаковую роль играла научная составляющая. На должность министра был назначен А. С. Ермолов – кандидат сельскохозяйственных наук, выпускник Санкт-Петербургского земледельческого института, служивший в 1886-1888 гг. вице-президентом Вольного Экономического Общества. Первым директором Департамента земледелия стал основоположник современного почвоведения П. А. Костычев. В 1898 г. Ученый комитет возглавил И. А. Стебут – профессор и практикующий агроном [5, с. 309].

Таким образом, продвижение русской оседлости в направлении степных областей, усилившееся во второй половине 1870-х гг., инициировало оживленную дискуссию, в эпицентре которой располагались вопросы земледельческого освоения Степного края, выстраивания экономических и культурных контактов между переселенцами и автохтонами региона и т.д. Главной площадкой этой полемики на первом этапе (1877 – 1894 гг.) стал ЗСОИРГО, вокруг которого группировались имперские эксперты.

Вовлечение экспертов в экспедиционную деятельность способствовало накоплению и распространению материалов о природно-географических условиях региона, этнографических характеристиках населения Степного края. Вместе с тем экспедиционная и издательская работа экспертов отдела в представлениях имперской бюрократии не соответствовала масштабам и содержанию задач империостроительства на окраинах. В 1890-х г. с появлением учреждений, претендующих на статус колониальных министерств (МЗИГИ, КСЖД, Переселенческое управление), возникла потребность в переформатировании института имперских экспертов. Установились новые критерии, определяющие круг обязанностей и меру ответственности данной группы лиц, к числу которых относилось следование предписаниям командирующих учреждений, сервильность, мобильность и стремление соотносить результаты экспертной работы с реальными задачами колонизации.

В целом, деятельность по экспертизе территорий, входивших в ареал аграрной колонизации, имела важное значение с точки зрения имперского проникновения на окраины. В условиях земледельческого освоения в нее включались широкие слои представителей агрономического сообщества, научной интеллигенции, чиновной бюрократии. Продолжительный опыт совместной работы на научном и общественно-политическом поприще способствовал объединению экспертов в корпорацию с общей профессиональной идентичностью, что предопределяло выбор коммуникативных стратегий в решении судьбоносных проблем региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Емельянова Т. Н. Областничество Н. М. Ядринцева как философия российской действительности. – СПб.: Инфо-да, 2004. – 265 с.

2. Ядринцев Н. М. «Я сын девственной и могучей страны…» // Сборник статей, очерков, фельетонов Н. М. Ядринцева. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. – 244 с.

3. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 555 с.

4. Потанин Г. Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия.– 1884. – Т. 11. – С. 31 – 48.

5. Книга М. Д. Первые шаги Министерства земледелия и государственных имуществ в сфере сельскохозяйственного просвещения в Российской империи в 90-х гг. XIX века // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2015. – №4 (47). – С. 308 – 313.

УДК 94(571.1/.5)

Алиева Гульжайнат Магазовна,
и.о. заместителя руководителя по научной работе,
Павлодарский областной историко-краеведческий музей
им. Г. Н. Потанина,
Павлодар, Республика Казахстан,
e-mail: ali_gulzhainat@mail.ru

Г. Н. ПОТАНИН, ОТКРЫВШИЙ ЕВРОПЕ КУЛЬТУРУ НАРОДОВ АЗИИ

В статье раскрывается вклад известного ученого, общественного деятеля, путешественника Г. Н. Потанина в исследования Центральной Азии и Казахстана. Г. Н. Потанин с большим интересом изучал быт, обычаи, верования, культуру, сказания разных народов, населявших территорию Центральной Азии, и в том числе казахов. Имя Г. Н. Потанина было присвоено Павлодарскому областному историко-краеведческому музею в 1959 году.

Ключевые слова: Г. Н. Потанин; путешествие; экспедиция; исследование; этнография.

Aliyeva Gulzhaynat Magazovna,
the acting deputy head on scientific work,
Pavlodar regional local history museum named after G. N. Potanin,
Pavlodar, Republic of Kazakhstan,
e-mail: ali_gulzhainat@mail.ru

G. N. POTANIN, WHO OPENED THE CULTURE OF THE PEOPLES OF ASIA TO EUROPE

This article describes the contribution to exploring Kazakhstan and Central Asia by the famous scientist, public figure and traveller G. N.Potanin. G. N. Potanin studied the life, customs, beliefs, culture, legends of various peoples inhabiting the territory of Central Asia including Kazakhs and their clan-tribal composition with great interest. The Pavlodar region local history museum was named by G. N. Potanin in 1959.

Keywords: G. N. Potanin; travel; research; expedition; ethnography.

Григорий Николаевич Потанин – общественный деятель, путешественник, этнограф, историк, географ. Он жил и творил в историческое время на стыке двух эпох.

Родился в станице Ямышевской в 1835 г. В своих «Воспоминаниях» Потанин пишет: «...Когда-то, в конце XVIII столетия, это был важный административный и торговый пункт. Тут жил начальник всей военной линии, простиравшейся от Омска до Усть-Каменогорска... Этот начальник был степным генерал-губернатором XVIII столетия. Синолог отец Палладий напечатал небольшую карту Монголии, составленную во времена Чингисхана, в XIII столетии. На этой карте, приблизительно в тех местах, где потом появилось селение Ямышево, прочитаете Емиши» [1, с. 355].

Николай Ильич Потанин служил офицером в приказе Баянаульской станицы. В 1846 году отец отдал сына на обучение в Омский кадетский корпус, окончив который, Потанин должен был служить в царской армии 25 лет.

Во время учебы произошла важная встреча двух ярких представителей своего народа – степного царевича Чокана Валиханова и Григория Потанина. Потанин писал: «С этой поры мы стали друзьями, и наши умственные интересы более не разлучались; нас обоих интересовал один и тот же предмет – Киргизская степь и Средняя Азия» [1, с. 386]. Их сотрудничество дало замечательные результаты мирового масштаба.

После окончания учебы в 1852 г. Г. Потанин был направлен хорунжим в 8-й полк в Семипалатинске. С 1853 по 1858 годы был на военной службе, принимал участие в экспедиции в Заилийский край. Потанину удалось выйти в отставку по состоянию здоровья. М. Бакунин устроил будущего ученого в караван, везший золото в Петербург. После приезда Г. Потанин поступает на отделение естествознания физико-математического факультета Петербургского университета.

Во время студенчества Г. Н. Потанин познакомился со многими передовыми людьми того времени. Среди них – Н. М. Ядринцев, Н. Г. Чернышевский, Н. С. Щукин, С. Ф. Дуров. Потанин вместе со студентами создал кружок, где поднимались вопросы проблем народного образования и развития Сибири. В 1861 г. был арестован по делу «Общества независимости Сибири», заключен в Петропавловскую крепость. По протекции П. П. Семенова Потанин в 1862 г. был включен в состав астрономической экспедиции К. В. Струве в Монгольский Китай и Джунгарский Алатау. Весной 1863 г. Потанин побывал во многих районах Восточного Казахстана, занимался исследованием озер, сбором гербария.

В 1865 г. Потанин был арестован за идеи отделения Сибири от России. После отбытия каторги и ссылки Потанин пешком прошел путь от Николь-

ска до Тотьмы. Это путешествие стало основой для статьи «Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы».

Ученым были совершены крупные путешествия в Центральную Азию, Монголию, Тибет, Китай, Алтай, результатом этих путешествий стали крупные географические, этнографические, естественнонаучные исследования, обогатившие мировую науку. Григорий Николаевич Потанин – ученый, открывший для Европы культуру народов Средней Азии, Монголии, Алтая.

В 1876 г. Потанин вместе с супругой Александрой Викторовной Лаврской начал крупное путешествие в Центральную Азию. Ученый несколько раз пересек монгольскую пустыню Гоби. В 1876 – 1877 и 1879 гг. Г. Н. Потанин совершил, по поручению Русского Географического общества, несколько поездок в северо-западную Монголию. Кроме богатейших биологических коллекций, во время этих путешествий Потанин собрал материалы по этнографии племен Алтая, урянхайцев, казахов и монголов. По возвращению в Петербург ученый опубликовал в издании Географического общества четырехтомный труд «Очерки северо-западной Монголии».

С 1881 по 1883 годы в Петербурге были опубликованы 4 тома «Очерков северо-западной Монголии». В этот энциклопедический сборник вошли очерки о культуре, хозяйстве, этническом составе народов Монголии, Тувы, Алтая, описания экспедиционных маршрутов, образцы фольклора.

В 1886 г. он предпринимает новое путешествие – выход через Индийский океан на остров Ява. Вышел в свет двухтомный труд «Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголия». Русское географическое общество наградило ученого Большой золотой медалью. Имя Григория Потанина стало известно всей России. В 1894 г. Г. Н. Потанин возглавил новую экспедицию на Восточный Тибет. Однако экспедиция не была завершена в связи с болезнью супруги.

В 1863 г. Г. Н. Потанин принял участие в работе комиссии по определению границ между Китаем и Россией. В это время ученый изучал казахскую письменность, сравнивал литературу тюркских народов Алтая, казахов. В течение 5 лет он исследовал эпос народов Азии и Европы. Результатом исследований стал объемный труд «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе».

Старший Ага султан Баянаульского внешнего округа Муса Шорманов передал Потанину составленную Чоканом Валихановым родословную казахских родов, тексты сказок и легенд. Г. Н. Потанин записывал со слов местных аксакалов легенды. Среди них вошедшие в четвертое издание

«Очерков северо-западной Монголии» – «Алаша хан», «Шон би», «Бала мерген», «Жиренше шешен и Алдар косе», «Байкус» [1, с. 419]. Имантай Сатпаев, отец академика К. И. Сатпаева, для Г. Н. Потанина из уст Куреке, внука Бухар жырау, записал истории об Аблай хане.

В фондах Павлодарского областного историко-краеведческого музея сохранились копии писем Садуакаса Шорманова, адресованные Г. Н. Потанину. В своем письме от 10 февраля 1887 г. Садуакас извещает о смерти отца, и обращается с просьбой оказать содействие в публикации воспоминаний о Мусе Шорманове.

В 1912 г. в издательском товариществе Сибири в городе Томске была опубликована статья Потанина «Легенда о Сулеймене: Восточные материалы о проблеме происхождения легенды».

В 1913 г. Потанин записывает легенды, образцы устного народного творчества в Каркаралинском уезде. В 1895 г. студент Петербургского университета Динмухамед Султангазин записал разные легенды, сказки казахского народа и перевел их на русский язык. Эти легенды были опубликованы в 1895 г.

Об этой поездке Потанина много писали в периодической печати того времени. В журнале «Русская мысль» С. Ольденбург пишет: «Докладчика встречало много киргизов, которые находили сказочников и привозили их к нему» [2, с. 21]. Григорий Потанин был в дружеских отношениях с деятелями партии Алаш Орда. На проходившем в 1917 г. в г. Оренбурге I съезде он был избран Почетным председателем партии «Алаш».

Деятель партии «Алаш» Мыржакып Дулатов писал: «С юных лет он предан науке, всю свою жизнь посвятил служению Родине, им проделан титанический труд во имя науки. Г. Н. Потанин – уникальный самородок. Он известен не только сибирской, но и всей российской интеллигенции. Сегодня вся Сибирь отмечает 80-летие Г. Н. Потанина» [3, с. 119].

Последние годы жизни Г. Н. Потанин провел в Томске, занимался вопросами географии и этнографии. На 85-м году жизни великий ученый скончался.

В его честь назван один из хребтов Наньшаня (Китай), ледник в Монгольском Алтае, улицы в городах Казахстана и России, основанная им в 1876 году библиотека в г. Никольске. В 1959 г. его имя было присвоено Павлодарскому областному историко-краеведческому музею, Ямышевской средней школе Лебяжинского района. В 1957 г. в Томске на могиле Потанина в Университетской роще был открыт памятник. Надпись на нем гласит: «Потанин Григорий Николаевич. 1835 – 1920. Выдающийся русский ученый и путешественник».

В 2012 г. в Павлодаре открыт памятник выдающимся ученым, посвятившим свою жизнь служению Родине и науке, оставившим научное и культурное наследие – Г. Н. Потанину и Чокану Валиханову. Памятник двум великим ученым, исследователям символизирует историческую и культурную общность и связь наших народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потанин Г. Н. Избранные сочинения в 3 томах. – Павлодар, 2005. – Т. 1. – 550 с.

2. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). – Алма-Ата, 1972. – 382 с.

3. Потанин Г. Н. Избранные сочинения в 3 томах. – Павлодар, 2005. – Т. 3. – 500 с.

УДК 908

Вибе Петр Петрович,
доктор исторических наук,
директор,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: pwiebe@mail.ru,

Беляева Оксана Геннадьевна,
заместитель директора по маркетингу,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: ogik_bel@sibmuseum.ru

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ И СЕРИЙНЫЕ ИЗДАНИЯ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ СИЛ РЕГИОНА

В докладе представлена история и содержание периодических и серийных изданий Омского государственного историко-краеведческого музея. Анализируется структура и авторский состав, роль изданий в консолидации краеведческих сил региона.

Ключевые слова: периодические издания; консолидация; краеведческое движение; краеведение.

Vibe Peter Petrovich,
doctor of history,
Director,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: pwiebe@mail.ru,

Belyaeva Oksana Gennadievna,
Deputy marketing Director,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: ogik_bel@sibmuseum.ru

PERIODICAL AND SERIAL EDITIONS OF OMSK STATE MUSEUM OF LOCAL HISTORY AS A FACTOR OF CONSOLIDATION OF REGIONAL FORCES OF THE REGION

The report presents the history and content of periodicals and serial publications of Omsk state Museum of local history. Analyze the structure and architectural composition, the role of the media in the consolidation of regional forces in the region.

Keywords: periodicals; consolidation; local history movement; local history.

Одним из популярных периодических изданий Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИК музея) стал научный журнал «Известия». В 2018-м г. вышел в свет уже 21-й номер. Первый же сборник «Известий» был издан в далеком 1928-м году. Чем был вызван столь длительный перерыв в издании музейного журнала?

Дело в том, что краеведческие исследования 1920-х годов в Советском Союзе были нацелены на коммунистическое воспитание и просвещение широких масс населения. Независимое по своей сути краеведение в условиях усиливающегося государственного контроля было обречено, так как изучение истории края в музеях уступило место воспитательно-пропагандистской работе. Научная и издательская деятельность в региональных музеях практически прекратилась. Следуя традициям своего учредителя– Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО), теперь уже самостоятельный Государственный Западно-Сибирский музей предпринял попытку издания собственного периодического научного журнала. Но она оказалась неудачной. Первый номер журнала стал в то время и последним.

Несколько десятилетий научно-исследовательская деятельность в ОГИК музее носила сугубо прикладной характер и была подчинена исключительно только подготовке экспозиций и выставок [2, с. 100]. Со второй половины 1980-х гг. сотрудники музея, обобщая свой профессиональный опыт, стали участвовать в ежегодных музейных краеведческих чтениях. Эти материалы откладывались в виде рукописей в научной библиотеке музея, но публиковать их возможности не было.

В 90-е гг. XX в. в отечественном краеведении в результате смены общественно-политического устройства страны начался новый этап. По свидетельству А. Л. Посадскова, «в годы перестройки… краеведение стало полноправным компонентом общественной жизни» [1, с. 19]. В 1993-м г.

на должность директора ОГИК музея был приглашен П. П. Вибе, возглавлявший до этого историко-краеведческую лабораторию Омского педагогического института, имевший опыт подготовки научно-краеведческих изданий, в том числе популярного «Омского историко-краеведческого словаря», и широкий круг общения в научной среде. Он выступил с идеей возобновить выпуск музейных «Известий», что соответствовало в то время росту интереса к местной истории и возрождению традиций краеведческого движения в России. Таким образом, в 1993-м г. (ровно через 65 лет!) вышел в свет второй номер журнала. Это было принципиально другое издание, появившееся в новых социально-экономических и политических условиях. Но, желая подчеркнуть преемственность музейных изданий и связь с поколением «золотого десятилетия» российского краеведения, редакционная коллегия присвоила новому журналу №2.

Но новый номер «Известий» стал не столько преемником традиций своего старшего собрата и продолжателем классической модели, опиравшейся на опыт изданий ЗСОИРГО, а скорее, основателем собственной традиции, так как историки, краеведы и музейные работники стали освещать в своих публикациях более широкий круг вопросов местной истории, ранее недоступных исследователям или находившихся под запретом. Так, например, во втором номере «Известий» появились материалы по истории белого движения в Сибири, немыслимые в 1928-м г.

Постепенно совершенствовалась структура журнала. При возобновлении издания в 1993-м г. сразу определились разделы: «Краеведение», «Изучение музейных коллекций», «Справочный материал». В последующих номерах добавились новые направления – «История краеведения и музееведения», «Публикации», «Музейная жизнь», «Юбилеи». Некоторые рубрики расширялись тематически и территориально, например, вместе с краеведческими статьями стали публиковаться проблемные статьи по истории Сибири. Подобная структура издания сразу объединила вокруг него ведущих научных сотрудников и преподавателей омских музеев и вузов.

В ряде выпусков «Известий» были опубликованы материалы ежегодной областной молодежной научной краеведческой конференции «Омское Прииртышье: природа, история, культура», что привлекло в состав авторов молодых исследователей [2, с. 101]. Участниками этой конференции могут стать учащиеся старших классов и студенты 1-2 курсов. Авторы наиболее интересных докладов становятся лауреатами премии имени А. Ф. Палашенкова, выдающегося российского краеведа, и награждаются памятными медалями и комплектами краеведческой литературы. Проведение такой конференции оказалось востребованным среди педагогов и учащихся.

К 2018 г. проведено уже 22 конференции. Ежегодно в ней участвует более 100 человек.

Проанализировав журналы с 1993 г. по 2018 г., можно заметить, что с каждым новым номером расширяется количественный и качественный состав авторов. В их числе преподаватели омских вузов, охотно взаимодействуют с изданием сотрудники архивов и библиотек. Основную часть авторов составляют омские историки, культурологи, искусствоведы, реставраторы, журналисты, краеведы, работники муниципальных музеев. При этом в числе авторов все больше исследователей с учеными степенями – кандидаты и доктора наук. Расширяется «география» авторов журнала. Наряду с омичами, это ученые из разных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Барнаула, Томска, Кемерово, Сургута, Тары), ближнего и дальнего зарубежья (Казахстана, Великобритании, Австралии, Ирландии). Всех их объединяет общий интерес к истории и природе Сибири и сопредельных территорий. Вместе с известными учеными в журнале имеют возможность публиковаться начинающие исследователи: молодые сотрудники, которые совсем недавно пришли в музей, а также участники ежегодной молодежной научной краеведческой конференции «Омское Прииртышье: природа, история, культура». Таким образом, «Известия» стали местом первой публикации для многих уже опытных в настоящее время научных сотрудников ОГИК музея и других исследователей.

Какие темы волнуют краеведов? В журнале с разного ракурса рассматриваются вопросы истории Сибири, Омского Прииртышья, Северного Казахстана. Большое внимание авторы журнала уделяют изучению природы региона, экономическим и социально-политическим вопросам. К юбилейным историческим датам публикуются тематические подборки, которые раскрывают малоизученные страницы региональной истории.

«Известия ОГИК музея» были отмечены в конкурсах музейных изданий. В 1997-м г. журнал был награжден дипломом на II-й Красноярской музейной биеннале в номинации «Научные и образовательные издания», в 2007-м г. отмечен дипломом Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина». С 2017 г. «Известия» зарегистрированы в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU. На данный момент в перечне музейных изданий «Известия» занимают 4 место по числу публикаций (694) и 9 место по числу цитирований (663). Во многом благодаря этому ОГИК музей по общему числу научных публикаций занимает 3 место после Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Государственного геологическо-

го музея им. В. И. Вернадского РАН, а по числу цитирований почетное 8 место, уступая лишь музеям Москвы и Санкт-Петербурга. Журнал поступает во все ведущие научные библиотеки России и многие библиотеки за пределами РФ (в т.ч. в Библиотеку Конгресса США).

Все это свидетельствует о том, что статьи, размещенные в «Известиях», становятся своеобразным индикатором научного престижа музея, критерием вклада в науку отдельных ученых, работающих в музее, и научного коллектива в целом [3, с. 115].

Но если «Известия ОГИК музея» –это сборник научных трудов состоявшихся ученых, историков, краеведов, рассчитанный на научную аудиторию, то новое издание музея «Омский краевед» (издается с 2003 г.) – научно-популярный альманах, предназначенный для широкого круга читателей и объединивший вокруг себя сотрудников региональных музеев, студентов исторических факультетов, преподавателей и учащихся школ и всех тех, кому небезразлична история родного края. В настоящее время лучшие доклады молодежной краеведческой конференции публикуются в научно-популярном альманахе. С 2012 г. «Омский краевед» издается ОГИК музеем совместно с Омским региональным отделением Союза краеведов России (ОРО СКР).

Наряду с периодическими изданиями музей готовит и публикует другие серийные издания. Бесспорным успехом ОГИК музея стало появление в конце 2013 г. первого тома краеведческих трудов «Антологии омского краеведения», который получил положительную оценку среди специалистов в региональной периодической печати, а в 2014 г. авторский коллектив первого тома был удостоен премии Губернатора Омской области «За заслуги в развитии культуры и искусства» имени Ивана Григорьевича Андреева. В 2015 г. вышел второй том «Антологии». В 2016 г. главный редактор «Антологии омского краеведения» был удостоен специального диплома имени С. О. Шмидта «Подвижник краеведения» на Всероссийском конкурсе региональной и краеведческой литературы «Малая Родина». В настоящее время в стадии подготовки находятся очередные два тома «Антологии». Один из них посвящен трудам авторов XVIII – начала XX вв., другой – работам краеведов Омского Прииртышья. К подготовке последнего тома широко привлекаются работники музеев и библиотек Омской области, занимающиеся краеведением.

Еще одна серия краеведческих книг, издаваемая в ОГИК музее, называется «Загадки и мифы омской истории», автором которых является П. П. Вибе. Каждая новая книга вызывает неподдельный интерес у читателей и имеет широкий резонанс в краеведческом сообществе региона.

В период с 2016 по 2018 гг. опубликованы уже три книги [4, 5, 6]. Сейчас ведется работа над следующей книгой. Характерной особенностью этих изданий является то, что процесс их подготовки обсуждается автором на Публичных краеведческих лекториях ОГИК музея и ОРО СКР, где присутствуют и высказывают свое мнение самые широкие круги омских краеведов.

Таким образом, периодические и серийные издания ОГИК музея выполняют консолидирующие функции, не только объединяя авторов – краеведов омского региона разных научных направлений: исторического, археологического, природоведческого, но и вовлекая в краеведческую деятельность самые широкие круги населения – своих читателей. По мнению специалистов, ОГИК музей занимает ведущие позиции в подготовке краеведческих изданий и мероприятий, что усиливает интеграционные позиции омского краеведения в целом в России [7, с. 145].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Посадсков А. Л. Историко-краеведческая периодика Сибири и Дальнего Востока в 90-е годы XX – начале XXI в.: издательские и творческие аспекты // Библиосфера. – 2009. – №4. – С. 19-24.

2. Вибе П. П., Назарцева Т. М., Свиридовский О. А. «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2018. – №21. – С. 99 – 108.

3. Елизарова Н. В. Журнал «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» в историческом контексте // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2018. – №21. – С. 109 – 118.

4. Вибе П. П. Омск – необыкновенный город! Или размышления историка накануне 300-летнего юбилея города о роли Петра I и его сподвижников в основании Омской крепости. – Омск: ОГИК музей, 2016. – 28 с. (Серия «Загадки и мифы омской истории»).

5. Вибе П. П. Правда о генерал-губернаторе Гасфорде, его женах и не только. – Омск: ОГИК музей, 2017. – 52 с. (Серия «Загадки и мифы омской истории»).

6. Вибе П. П. Монументальная история Омска: загадки и новые открытия. Омск: ОГИК музей, 2019. – 68 с. (Серия «Загадки и мифы омской истории»).

7. Томилов Н. А. Краеведение в ОГИК музее // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, №20. – 2016. – С. 145 – 157.

УДК 94(47).073/083+930.2

Гребенкин Алексей Николаевич,
доктор исторических наук,
доцент кафедры теории государства и права,
Среднерусский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Орел,
e-mail: angrebyonkin@mail.ru

ПОСЛУЖНЫЕ СПИСКИ ОФИЦЕРОВ ОРЛОВСКОГО БАХТИНА КАДЕТСКОГО КОРПУСА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Послужные списки офицеров Орловского Бахтина кадетского корпуса, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Орловской области, являются ценным источником, позволяющим воссоздать социокультурный облик командиров, воспитателей и преподавателей одного из лучших региональных военно-учебных центров дореволюционной России. Их анализ дает возможность выявить происхождение, уровень общего образования и профессиональной подготовки, особенности служебного пути, боевые заслуги, семейное положение наставников кадетов. Высокая степень сохранности послужных списков позволяет проследить динамику изменения ключевых социокультурных параметров офицерского состава Орловского Бахтина кадетского корпуса на всем протяжении существования этого военно-учебного заведения.

Ключевые слова: Российская империя; военное образование; подготовка офицеров; Орловский Бахтина кадетский корпус; послужные списки; русский офицерский корпус; социокультурный облик.

Grebenkin Alexey Nikolaevich,
Doctor of History, associate Professor
of the Department of theory of state and law,
Central Russian Institute of management –
branch of RANEPA,
Orel,
e-mail: angrebyonkin@mail.ru

SERVICE RECORDS OF OFFICERS OF OREL BAKHTIN CADET CORPS AS A HISTORICAL SOURCE

Service records of officers of Orel Bakhtin cadet corps, stored in the funds of the Russian state military historical archive and the State archive of the Orel region, are a valuable source that gives the opportunity to reconstruct the sociocultural portrait of commanders, educators and teachers of one of the best regional military training centers of prerevolutionary Russia. Analysis of records helps to identify the origin, level of general and professional education, specific of career, military merits and marital status of cadet mentors. The high degree of preservation of service records gives the opportunity to trace the dynamics of changes in the key sociocultural parameters of the officers of Orel Bakhtin cadet corps throughout the existence of this military educational institution.

Keywords: Russian Empire; military education; officers training; Orel Bakhtin cadet corps; service records; Russian officer corps; sociocultural portrait.

В массиве архивных документов, содержащих ценную информацию об устройстве и деятельности Орловского Бахтина кадетского корпуса, заметное место занимают послужные списки его офицеров.

Форма послужных списков за 75-летний период существования Орловского Бахтина кадетского корпуса не претерпела существенных изменений. «Формулярный список о службе и достоинстве» содержал графы, в которые вписывались фамилия, имя и отчество офицера, его должность, звание, возраст на момент составления списка, вероисповедание, социальное происхождение, данные о родовом и благоприобретенном имении (как собственном, так и жены), ключевые вехи пройденного служебного пути: обучение в военно-учебных заведениях, продвижение по карьерной лестнице с указанием мест службы и занимаемых должностей, получение чинов и наград, выполнение особых поручений, участие в боевых действиях с подробным описанием подвигов, нахождение в отпуске или отставке, а также сведения о семейном положении с указанием социального происхождения жены, возраста и статуса всех детей, включая совершеннолетних. Списки, составлявшиеся на всех служивших в заведении офицеров одновременно, сшивались в книги; таким образом, одна единица хранения содержит информацию о состоянии офицерского состава заведения в конкретном году. Это позволяет не предпринимать сплошной просмотр всех послужных списков, а делать «срезы» каждые 3-5 лет, ориентируясь на даты, содержащиеся в описях. В некоторые послужные списки позднее

могли вноситься поправки, фиксировавшие производство в очередной чин, получение награды, изменение в служебном или семейном положении. Степень сохранности документов XIX в., хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива, достаточно высока, что гарантирует высокую точность реконструкции. К сожалению, судить об облике офицеров, служивших в корпусе в начале XX в., можно лишь на основании единственного сборника послужных списков, сформированного в 1906 г.[1]

Анализ комплекса послужных списков офицеров Орловского Бахтина кадетского корпуса позволяет прийти к выводу, что средний возраст офицеров в мирное время постепенно повышался (до 42-43 лет), однако после каждой крупной войны в корпус приходили молодые офицеры, как правило, имевшие ранения и неспособные к строевой службе. Это приводило к снижению среднего возраста, который, однако, никогда не опускался ниже 33 лет. Сообразно этому изменялось соотношение штаб- и обер-офицеров (не воевавшие подполковники разбавлялись побывавшими в боях и походах поручиками и штабс-капитанами). Разумеется, росла и доля лиц, имевших награды за подвиги. Относительно краткий срок пребывания большинства офицеров на службе в царствование Николая I был причиной того, что в начале 1850-х гг. в корпусе почти не было офицеров, участвовавших в военных кампаниях. В 1880 – 90-е гг., когда большинство офицеров оставалось на службе до получения полной пенсии, «вымывание» фронтовиков шло гораздо медленнее – так, в 1885 г. в корпусе служил ветеран Венгерского похода 1849 г.[2]

Подавляющее большинство офицеров было дворянского происхождения; дети обер-офицеров и потомственных почетных граждан представляли собой редкое исключение. В конфессиональном отношении офицерская корпорация заведения также сохраняла однородность: лютеране составляли незначительное меньшинство, а католики почти не встречались.

Наличие родового имения у офицеров, служивших в корпусе в 1840 – 50-е гг., не было редкостью: в 1850 г. к числу землевладельцев (правда, мелкопоместных) принадлежал каждый третий. К концу века для подавляющего большинства офицеров единственной статьей доходов было жалованье. Впрочем, встречались и исключения: например, в 1885 г. инспектор

[1] Послужные списки офицеров корпуса за 1906 – 1916 гг. // Государственный архив Орловской области. Ф. 512. Оп. 1. Д. 2.

[2] Полные послужные списки генералов, штаб- и обер-офицеров Орловского Бахтина кадетского корпуса. 1885 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 725. Оп. 52. Д. 1405. Л. 57 – 62.

классов полковник А. Г. Шишкевич являлся обладателем двухэтажного каменного дома и более чем 1500 десятин земли[1].

Серьезные изменения претерпел образовательный ценз. В первые два десятилетия существования заведения основная масса служивших в нем офицеров принадлежала к числу выпускников кадетских корпусов. Лиц с высшим военным образованием среди сотрудников корпуса не было, зато встречались офицеры со скромной домашней подготовкой, не бывшие в военно-учебных заведениях. В пореформенную эпоху все офицеры имели образование в объеме как минимум военного училища. Обладатели академических знаков не были редкостью, но большинство их принадлежало к числу окончивших по второму разряду[2].

Что касается семейного положения офицеров, то оно заметно изменилось. Доля холостяков, в первые годы существования заведения весьма существенная, к началу XX в. резко снизилась, число многодетных отцов ощутимо выросло.

Таким образом, уровень специально-военной подготовки наставников орловских кадет постепенно рос, они превращались в обремененных многочисленными семействами людей, для которых служба была единственным источником средств к существованию. Возраст офицеров, их чин, наличие боевого опыта и наград напрямую зависели от того, как давно России приходилось принимать участие в очередной войне, наводнявшей военно-учебные заведения молодыми израненными героями. В этом нельзя не видеть полную аналогию тенденций развития, присущих русскому офицерскому корпусу в целом.

[1] Там же. Л. 12.

[2] Послужные списки на военных чинов Орловского Бахтина кадетского корпуса. 1895 г. // РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 1410. Л. 1 – 12 об.

УДК 94 (57)+314.4

Громова Ольга Алексеевна,
аспирант 2 курса обучения,
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск,
e-mail: olga-gromova-91@mail.ru

ПОЛИТИКА И ПАМЯТНИКИ: ТЕНДЕНЦИИ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ В МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ФОРМАХ ПАМЯТИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРАХ МАЛЫХ ГОРОДОВ СИБИРИ 1920-х – 1980-х гг.)*

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ. Проект: 19-011-31114 «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX – нач. XXI в.)»

В работе представлена характеристика тенденций увековечивания в монументальных формах памяти о героях и жертвах Гражданской войны в малых городах Сибири (Куйбышев и Барабинск) в советском прошлом. В частности, установлено, какие субъекты политики памяти стояли за процессами мемориализации в этой сфере на разных этапах прошлого, какие политические смыслы отражаются в актах мемориализации, в выборе исторических символов и коммемораций.

Ключевые слова: малые города Сибири; политика памяти; места памяти; герои и жертвы Гражданской войны; мемориализация; коммеморации.

Gromova Olga Alekseevna,
postgraduate the second year of learning,
Novosibirsk state technical university,
Novosibirsk,
e-mail: olga-gromova-91@mail.ru

POLICY AND MONUMENTS: THE PERPRTUATION OF THE MONUMENTAL FORMS OFMEMORY OF THE CIVIL WAR (ON EXAMPLES OF LESSER TOWNS OF SIBERIA 1920s – 1980s)

The paper presents the characteristics of the trends of perpetuation in monumental forms of memory of the heroes and victims of the Civil war in the lesser (small) towns of Siberia (Kuibyshev and Barabinsk) in the Soviet Past. In particular, it is established which subjects of the policy of memory were behind the processes of memorialization in this area at different stages of the past, what political meanings are reflected in the acts of memorialization, in the choice of historical symbols and commemorations.

Keywords: lesser towns of Siberia; policy of memory; places of memory; heroes and victims of the Civil war; memorialization; commemorations.

В последние десятилетия мы наблюдаем всплеск интереса исследователей к проблемам исторической памяти. Остро дискуссионными являются вопросы увековечивания памяти о героях и событиях прошлого, которая влияет на восприятие настоящего. Политические институты для своей легитимизации используют память об исторических деятелях, определяя им место в мемориальном пространстве и реализуя тем самым собственную политику памяти. Это не случайно. По мнению Н. Е. Копосова, образы исторических деятелей порой оказываются для общества более сильными и понятными политическими символами, чем абстрактные исторические понятия [1, с. 25 – 26]. В качестве таких фигур памяти в советское время выступали герои и жертвы Гражданской войны, монументы в честь которых устанавливали повсеместно. Мемориальное пространство города служило одним из главных средств воспитания советского гражданина, определяя должное отношение к прошлому. Памятники героям и жертвам Гражданской войны и сейчас нередко составляют основу мемориального пространства малых сибирских городов, хотя символическое прочтение этих памятников во многом изменилось.

Исследование истории формирования мемориального пространства малых городов является актуальным в связи с пониманием проблем современного мемориального пространства, которое еще не осмыслено теоретически, как система. Однако краеведы довольно подробно описали историю отдельных памятников в малых сибирских городах[1]. Опираясь на собранные ими сведения, а также на данные первоисточников – материалы делопроизводства Всероссийского общества охраны памятников истории

[1] Памятники Новосибирской области / сост. Л. М. Горюшкин и др. – Новосибирск: Зап.-сиб. кн. изд-во, 1989. – 200 с.; Каталог «Памятники новосибирцам-защитникам Отечества»: Справ. изд. / С. Б. Виноградов и др. – Новосибирск: Сиб. кн. изд-во, 2010. – 480 с.

и культуры (ВООПИиК), попытаемся охарактеризовать тенденции увековечивания в монументальных формах памяти о героях и жертвах Гражданской войны в малых городах Сибири (Барабинск и Куйбышев) в советском прошлом. Для достижения этой цели нам предстоит решить следующие задачи: выяснить, какие субъекты политики памяти стояли за процессами мемориализации в этой сфере на разных этапах советского прошлого; объяснить, какие политические смыслы отражались в актах мемориализации, в выборе исторических символов и коммеморациий; предложить периодизацию процессам мемориализации жертв и героев Гражданской войны в Сибири, отражающей смену политических и идеологических трендов на примере малых городов (Барабинск и Куйбышев) советского времени.

В советское время политика памяти была, прежде всего, делом государства. К осуществлению ее задач государство привлекало музеи, архивы, деятелей искусства, школы, средства массовой информации, а с середины 1960-х гг. и ВООПИиК. Увековечивание памяти о героях и жертвах Гражданской войны началось в малых сибирских городах сразу после восстановления советской власти по инициативе местных советских и партийных органов власти. В декабре 1919 г. в Барабинске торжественно похоронили в братской могиле погибших от рук колчаковцев борцов за власть Советов. Могила стала главным памятным местом города. В годовщину освобождения города Каинска (теперь Куйбышев) от колчаковцев, на собранные средства трудящихся 1 декабря 1920 г. был установлен памятник борцам, погибшим в годы Гражданской войны за власть Советов. Еще один памятник установили в этот же год на городском кладбище на братской могиле[2]. С помощью этих мемориальных актов местные большевики в 1920-х гг. укрепляли основания своей легитимизации. Однако с начала 1930-х до середины 1960-х гг. государственная историческая политика не акцентировала память о местных героях Гражданской войны, сконцентрировавшись на памяти о всесоюзно значимых героях, что можно считать чертой сталинского тоталитарного режима.

Следующий этап, связанный с актуализацией памяти о Гражданской войне и различных способах ее увековечивания, пришелся на брежневский период, когда на фоне частичной десталинизации предыдущего десятилетия по всей стране возрождалось повышенное внимание к героям революции и Гражданской войны на местах. На примерах подвигов «героического революционного поколения» осуществлялось патриотическое воспитание. Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. в исследуемых нами населенных пунктах по инициативе ВООПИиК сооружались памятники

[2] ГАНО. Ф.Р. 2054. Оп. 1. Д. 178. Л. 2 – 3.

партизанам, погибшим в годы Гражданской войны[3]. Например, в 1983 г. в Барабинске возвели новый памятник Борцам за власть Советов.

Повышение роли общества в использовании памятников истории для усиления патриотического воспитания являлось актуальной политической задачей, вытекающей из решений Июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Весь смысл и цель пропагандистской работы в обществе заключалась в том, чтобы убедительно донести до каждого человека мысль о его причастности к памятникам истории, воплощавшим в себе легендарное прошлое, связанное с развитием и становлением социалистического государства. Эти годы характеризуются обилием коммеморативных инициатив. В учебных заведениях и на предприятиях малых городов организовывались тематические вечера и лекции о борцах за Советскую власть, часто проводились встречи с участниками Гражданской войны и демонстрировались соответствующие документальные фильмы, к памятникам возлагались цветы. Революционные монументы находились постоянно в центре внимания как места проведения мероприятий. Их изображения использовались как символы городов. Однако уже в перестроечные годы интерес общества к официальной истории Гражданской войны и ее формальным репрезентациям стал заметно снижаться.

Подводя итоги, отметим, что мемориализация героев и жертв Гражданской войны в малых городах Сибири в советское время зависела, прежде всего, от государственной политики памяти и общественных инициатив, наиболее заметными из которых были мероприятия ВООПИиК. В актах мемориализации можно выявить следующие политические смыслы и этапы: 1920-е гг. – героизация жертв войны на местах с целью легитимации восстановленной советской власти; 1930-е – сер. 1960-х гг. – акцент на всесоюзно значимых героях, частичное забвение местных героев Гражданской войны; с 1965 г. – до сер. 1980-х гг. – возрождение интереса к местным героям Гражданской войны для патриотического воспитания советских граждан на примерах поколения революционеров, признанного «героическим». В период перестройки проявилось внимание к дореволюционному наследию, Гражданская война стала меньше акцентироваться, восприниматься как официозная, формальная история.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.

[3] ГАНО. Ф.Р. 2054. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

УДК 394

Гумиров Тимур Фанильевич,
аспирант,
Новосибирский государственный
педагогический университет,
Новосибирск,
e-mail: gumirowtimur@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЫТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН И ИНОРОДЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БАРАБИНСКИХ ТАТАР

В статье проводится источниковедческий анализ «Материалов для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» (Выпуск 17, 1892 г.) с целью выявления исследовательского потенциала при изучении барабинских татар. Сведения из этих материалов могут быть использованы при составлении сети татарских поселений, исследовании хозяйственной деятельности и материальной культуры барабинцев. Сделан вывод о возможности использования материалов в историко-демографических исследованиях при соотношении с данными других источников.

Ключевые слова: барабинские татары; историческая демография; источниковедение.

Gumerov Timur Fanilevich,
postgraduate,
Novosibirsk state pedagogical University,
Novosibirsk,
e-mail: gumirowtimur@mail.ru

MATERIALS FOR THE STUDY OF ECONOMIC LIFE OF THE STATE PEASANTS AND NATIVES OF WESTERN SIBERIA AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE BARABA TATARS

The article provides a source analysis «Materials for the study of the economic life of the state peasants and foreigners of Western Siberia» (Edition 17, 1892) in order to identify the research potential in the study of the Baraba Tatars. Information materials can be used in the preparation of a network of Tatar

settlements, the study of economic activity and material culture. The conclusion is made about the possibility of using the materials in historical and demographic studies.

Keywords: Baraba Tatars; historical demography; source study.

Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири представляют собой статистико-экономическое обследование сибирских селений. Историки обращались к материалам данного источника в контексте исследования социально-экономических проблем, однако, его информативные возможности несколько шире. В материалах содержатся в том числе демографические, этнографические, культурологические сведения. И, по мнению В. А. Зверева [1], степень достоверности сведений, которые не касаются хозяйственной состоятельности крестьян и инородцев, выше.

В контексте исследования барабинских татар интерес представляет выпуск 17 «Материалов для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири»[1], посвященный северо-западной Барабе. Выпуск состоит из пяти глав: территория, население, почвы, земледелие, скотоводство. В рамках этого выпуска был обследован Спасский участок Каинского округа Томской губернии. Ныне это территории Кыштовского, Венгеровского, Усть-Таркского и Чановского районов Новосибирской области, что представляет собой места компактного проживания барабинских татар и на сегодняшний день.

Разделы «Территория», «Почвы» содержат характеристику природно-климатических условий северо-западной Барабы. Приводятся сведения об административном делении Спасского участка, в состав которого входят шесть русских волостей и четыре инородческих (Тунусская, Туражская, Любейская, Каргалинская). Однако, автор отмечает, что «в то время как селения русских волостей занимают определенные территории, селения инородческих волостей, напротив, беспорядочно разбросаны то здесь, то там, среди русских селений»[2]. В издании приводятся топонимы населенных пунктов, рек, болот, озер, большинство из которых имеет тюркское происхождение. В главах «Земледелие» и «Скотоводство» приводятся сведения, связанные с экономическими вопросами.

[1] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. – СПб., 1892. – Вып. 17.

[2] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян... С. 13.

В контексте историко-демографического исследования барабинских татар особый интерес представляет раздел «Население». Автором приводятся сведения о численности барабинских татар, в том числе в исторической динамике. Так, согласно описи ясашных инородцев 1761 г. число барабинцев составляло 2216 душ мужского пола. «Статистическое обозрение Сибири» 1810 г. определяет численность мужского татарского населения в Каинском округе 2528 душ. К 1851 г. барабинских татар мужского пола было 2544 душ. И в «Памятной книжке Томской губернии 1885 г.» указана цифра мужского татарского населения – 2277 душ. Исходя из этих данных, мы видим, что с середины XIX в. численность барабинских татар сокращается. Стоит также отметить, что стремительно в этот же период начинает сокращаться процентное соотношение барабинских татар относительно всего населения Барабы. По мнению автора, активная колонизация Барабы русским населением начинается с 60-х гг. XIX в. Численность барабинских татар четырех инородческих волостей Спасского участка на начало XIX в. составляла 2594 человека обоего пола, из них мужского – 1286, женского – 1308. Во время проведения обследования татар на данном участке было 2483 души обоего пола. Большинство татар проживает в Туражской волости, наименьшая численность отмечена в Каргалинской волости. Приводятся сведения о количестве населенных пунктов татар на данном участке: в 1803 г. их было 47, а в 1883 г. – 30. Сильнейшее уменьшение числа аулов произошло в Туражской волости, что связано в основном с активным колонизационным процессом русского населения на данной территории. Другим фактором исчезновения аулов является их «укрупнение», в связи с необходимостью жить, соотнося свою жизнь с требованиями религии (магометанство), что в свою очередь требует наличия мечети, медресе, а также содержание муллы было возможно лишь для сильных, крупных общин. Интерес представляет список приводимых автором аулов, некоторые из которых существуют и по сегодняшний день. Однако, стоит отметить, что в названиях некоторых из них допущены опечатки, либо со временем произошли некоторые трансформации в их наименованиях (например, Устанка – Усманка, Енабинское – Янабино).

Для выявления полового соотношения автором была проведена частичная подворная опись татарского населения (18 из 30 аулов). Было переписано 204 двора из 448, что составило число мужского пола – 512 душ, женского – 478 душ. Исходя из этого получается на 1 мужчину приходится 0,93 женщин, т.е. у татар меньше женщин, чем мужчин. По мнению автора, данная ситуация является необычной, ненормальной, однако, подоб-

ная картина наблюдается у татар всего Сибирского региона и Европейской России. Средний размер семьи барабинских татар равен 4,9 души.

Таким образом, сведения «Материалов для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» дают возможность их использования в историко-демографических исследованиях при соотношении с данными других источников: выстроить динамику рождаемости, смертности и естественного прироста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зверев В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. – Новосибирск, 2014. – 278 с.

УДК 94 «1941/45» (574.1)

Елеуханова Светлана Викторовна,
кандидат исторических наук,
Карагандинский государственный университет
им. Е. А. Букетова,
Караганда, Республика Казахстан,
e-mail: eleuxanova62@mail.ru

ТЫЛОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЖЕНЩИН АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена повседневной жизни женщин Актюбинской области в период Великой Отечественной войны. Источниковую базу исследования составили документы архивов Казахстана, материалы местной печати военного времени, воспоминания женщин области. Автор приходит к выводу, что во время войны женщины массово проявляли жертвенный патриотизм, стойко переносили тяжелые условия труда и быта. Повседневность женщин была подчинена интересам государства. В военные годы женщины сыграли определяющую роль в успехе мобилизационной экономики Советской страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Казахстан; советский тыл; повседневная жизнь; женщины; труженики тыла; героизм.

Yeleuhanova Svetlana Viktorovna,
Candidate of Historical Sciences,
Karaganda State University named after Ye. A. Buketov,
Karaganda, Republic of Kazakhstan,
e-mail: eleuxanova62@mail.ru

HOME FRONT EVERYDAY LIFE OF THE AKTOBE REGION'S WOMEN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the daily life of the Aktobe region's women during the Great Patriotic War. The source base of the study was the documents of the archives of Kazakhstan, materials of the local wartime press, memories of the region's women. The author comes to the conclusion that during the war women

showed mass sacrificial patriotism, bravely endured harsh working and living conditions. The daily routine of women was subordinated to the interests of the state. During the war years, women played a decisive role in the success of the mobilization economy of the Soviet Union.

Keywords: the Great Patriotic War; Kazakhstan; Soviet rear; everyday life; women; home front workers; heroism.

Великая Отечественная война явилась едва ли не самым тяжелым испытанием для нашего народа. Актюбинская область, как и вся страна, жила и трудилась для достижения победы в войне. Масштабная мобилизация мужского населения на фронт привела к тому, что женщины стали составлять подавляющую часть трудоспособного населения – 55,3 процента в народном хозяйстве республики, в том числе в промышленности – 47,4 процента[1]. Женщины осваивали специальности трактористов, комбайнеров, шоферов, строителей, горняков или занимали должности своих мужей, отцов, мобилизованных на фронт. Главным мотивом феноменальной вовлеченности женщин в овладение чисто «мужскими» профессиями было осознание того, что они работают на своих близких людей, воюющих на передовой. Так, инициатива сесть на трактор, исходила от шестидесятилетней колхозницы сельхозартели Мартукского района М. Куртовой, три ее сына находились в рядах Красной Армии. На колхозном собрании она заявила: «Я своим сыновьям наказала бить врага изо всех сил, а сама беру на себя обязательство работать от зари до зари на уборке богатого урожая»[2]. По тем же причинам готовность к самопожертвованию проявляли женщины, занятые в промышленном производстве. 24 июня 1941 г. на собрании женщин Актюбинска, прозвучало твердое заявление: «Вместо мужей будем работать сами, всячески будем помогать нашей доблестной Красной Армии, если потребуется, отдадим свою жизнь»[3]. Женщины показывали образцы самоотверженного труда в народном хозяйстве региона. Работницы завода «Актюбрентген» Домогатцкая, Сермухамедова выполняли нормы на 600 процентов. Тракторная бригада в составе М. Куцевской, М. Сидоренко, Д. Шелепа, Т. Попковой, Г. Олешенко выполняли смен-

[1] Большевик Казахстана. – 1943 – №11. – С. 53.

[2] Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 11. Д. 71. Л. 82.

[3] Государственный архив Актюбинской области (ГААО). Ф. 13. Оп. 12. Д. 183. Л. 18.

ные задания на 150-200 процентов[1]. Техники было недостаточно, колхозницы все делали вручную. Пахали конным плугом, возили зерно на волах и лошадях. Хлеб часто косили вручную – косами, жали серпами, вручную вязали снопами. В 1942 г. жницы сельхозартели «Сулуаша» Темирского района в два раза перевыполнили дневное задание. За день серпами было убрано 24 гектара яровых[2]. Женщины производили и давали фронту хлеб, продукты животноводства, снаряды, одежду и многое другое. Своими сбережениями они оплачивали займы, отчисляли из своего заработка деньги в фонд победы, посылали солдатам подарки, сдавали свои золотые украшения, драгоценности и другие ценные вещи на строительство самолетов, в фонд обороны Родины, фонд помощи фронту. Так, домохозяйки поселка Алга на свои сбережения построили танк[3]. Патриотические почины женщин носили массовый характер.

В 1941 – 1945 гг., наряду с проявлением женского патриотизма и сознательности, действовал командно-административный стиль руководства страной. Правительство отменило очередные отпуска, ввело общую трудовую повинность, обязательные сверхурочные работы, жесткие санкции для нарушителей трудовой дисциплины. Женщины жили и работали по законам военного времени, без сна и отдыха, не думая о здоровье. Реалии повседневной жизни описала учительница школы №49 станции Кандагач Н. В. Проскурня: «…Сейчас рабочие не живут, а существуют….»[4]. Одной из главных причин трагического положения женщин были тяжелые бытовые условия. Из воспоминаний Н. П. Стояновой, уроженки города Хромтау Актюбинской области, 1918 года рождения: «Трудились без выходных, отпусков, сверхурочно, смена длилась двенадцать часов. Питались плохо, жили впроголодь. Случалось, что люди от усталости и недоедания порой прямо на работе падали в обмороки. Цены на продукты питания на рынке поднялись в несколько раз. На одних карточках выжить было весьма сложно. Носили то, что было»[5]. Женщины сельской местности кормили страну и армию, но сами не были поставлены даже на минимальное нормирование по карточкам. Вот типичные трудности, которые

[1] Даманина Е. Всесоюзное социалистическое соревнование // Актюбинская правда. – 1944. – 4 июля.

[2] Коршунов А. В поле вышли жницы // Актюбинская правда. – 1942. – 7 июля.

[3] Киричек Н. Строим мощные танковые колонны // Актюбинская правда. – 1943. – 19 января.

[4] ГААО. Ф. 13. Оп. 10. Д. 43. Л. 2.

[5] Интервью с Н. П. Стояновой записано С. В. Елеухановой 23.07. 2018 г.

постоянно преследовали женщин-сельчанок: «Выживали только за счет личного хозяйства. Из зерновых готовили каши, заменявшие хлеб, первое со вторым. Ели картофель: печеный и жареный, в супе, а чаще всего просто отварной. Чай – настойку из листьев шиповника и мяты – всю войну пили «вприглядку». Вместо сахара употребляли обжаренную свеклу»[1]. Тяжелый физический труд, без применения техники, постоянное недосыпание и недоедание изнашивали человеческий организм, женщины преждевременно старились. За годы войны в области не праздновали свадеб, редкостью было рождение детей. В основном получали похоронные извещения – «черную бумагу». После работы овдовевшие женщины-казашки собирались и пели «жоктау» – песню-плач о погибших на фронте мужьях.

Таким образом, в годы войны женщины Актюбинской области находились в крайне тяжелых условиях жизни и быта. Их жертвенный патриотизм явился одним из важных факторов победы в 1941 – 1945 гг.

[1] Интервью с Н. П. Стояновой записано С. В. Елеухановой 23.07. 2018 г.

УДК 070:94(571.13)«1941/1945»

Кабакова Наталья Васильевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии,
Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет,
Омск,
e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ИСТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ КОНЦА 1930-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х гг.

В статье рассматривается роль периодической печати в повседневной жизни Омской области конца 1930-х – первой половины 1940-х гг. Показана динамика газетных изданий, публиковавшихся в пределах обозначенной территории. Подчеркивая значимость прессы в освещении разносторонней событийной тематики международного и внутригосударственного характера, отмечается ее способность ретроспектировать феномены локальной жизнедеятельности. Сделан вывод о важной роли советской периодики как исторического источника, несмотря на присущую ей ангажированность.

Ключевые слова: периодическая печать; повседневная жизнь; Омская область.

Kabakova Natalya Vasilyevna,
candidate of historical sciences,
associate professor
of the Department of philosophy,
The Siberian state automobile and road university,
Omsk,
e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

Periodicals as source of studying of daily history of the Omsk region end of the 1930th – the fist half of the 1940th.
In article the periodicals role in everyday life of the Omsk region of the end of the 1930th – the first half of the 1940th is considered. Dynamics of the newspaper editions published in borders of the designated territory is shown. Emphasizing the importance of the press according to versatile event

subject of the international and interstate character, its ability to retrospekt phenomen of local activity. The conclusion is drawn on an important role of the Soviet periodical press as historical source, despite involvement inherent in it.

Keywords: periodicals; everyday life; Omsk region.

Периодическая печать советской эпохи освещала разносторонние направления общественно-политического, социально-экономического, культурного положения государства и его отдельных составных административных единиц, включала описания повседневной жизни обычных граждан. В конце 1930-х гг. пресса приобрела роль непревзойденного средства агитации и пропаганды социалистической действительности. Обязательным для советских граждан являлось оформление подписки на периодику, на предприятиях, в учреждениях, колхозах создавались красные уголки, где размещались материалы для свободного чтения, на улицах устанавливались газетные витрины.

Об изобилии выпускавшейся прессы свидетельствовала Всесоюзная книжная палата, зафиксировавшая, в частности, что в Омской области в 1938 г. издавалось 5 областных («Омская правда», «Молодой большевик», «Ленинские внучата», «Омский железнодорожник», «Сталинский путь»), 2 окружные («Ленинский путь» (Тара), «Тобольская правда»), городская («Красное знамя» (Тюмень)) газеты. Эти четырехстраничные ежедневные публикации с тиражами от 2 200 до 65 тыс. экз. являлись печатными органами партийных или комсомольских комитетов. Кроме того, в области выходило 50 районных газет, издававшихся с периодичностью от 10 до 15 раз в месяц, а количество их включало от 850 до 8 тыс. экз. за выпуск. Приведем ряд наименований малотиражек предвоенного периода, публиковавшихся на предприятиях Омска и в селах области: «Советский Иртыш» (орган политотдела Нижне-Иртышского пароходства), «Ударник» (орган парткома и завкома паровозоремонтного завода), «Сталинское знамя» (орган Абатского райкома ВКП (б)), «Ударник» (орган партбюро Борисовского зерносовхоза Шербакульского района). С первых лет существования Сибирского автодорожного института выпускалась тиражом в 2 тыс. экз. ежемесячная двухполосная газета «Автодорожник», на страницах которой отражалось развитие вуза. В своих публикациях корреспонденты стремились оценить роль и значение института в городе и области, качество обучения, раскрыть тематику научных разработок его ученых, существовавшие внутренние проблемы,

освещая не только достоинства, но и недостатки повседневной жизнедеятельности.

Характерной приметой времени стало стремление упорядочить наименования газет. Так, до 1938 г. в Омской области выходили две газеты «Путь Сталина» – в селах Азово и Марьяновка, преобразованные в «Стахановский труд» и «Сталинскую правду». Пять районных изданий, называвшиеся «Сталинский путь», также приобрели новые заголовки: «Сталинское знамя» (с. Абатское»), «Знамя коммунизма» (с. Москаленки), «Голос большевика» (с. Ново-Заимка), «Ленинская трибуна» (с. Поселково-Саргатское)[1]. В итоге, из всей номенклатуры выпускавшейся в области периодики каждая газета получила собственное, неповторимое в пределах региона, наименование.

В годы Великой Отечественной войны омские власти вынуждены были ограничить объемы выпускаемых газет. 9 сентября 1941 г. на заседании бюро обкома ВКП (б) определили новую периодичность их выхода, к примеру, «Новая жизнь» (орган Солдатского райкома ВКП (б)), «Омский железнодорожник» (орган политотдела и управления Омской железной дороги) стали выпускаться по три раза в неделю на двух полосах; «Металлист» (орган парткома и завкома завода им. В. В. Куйбышева), «За образцовый совхоз» (орган партбюро Сосновского зерносовхоза Азовского района) – по одному разу в неделю на двух полосах; «На страже» (орган политотдела облуправления милиции) – по одному разу в неделю на четырех полосах[2]. В апреле 1942 г. уменьшились на 15% тиражи областных и городских газет («Омской правды», «Тобольской правды», тюменской «Красное знамя»), а их издания стали двухполосными[3]. Но бывало, что приоритетность активизации трудовой мобилизации перевешивала значимость экономии бумажных ресурсов. Так, с октября 1942 г. на оборонном заводе №210 начала издаваться еженедельная газета «Сталинградская вахта» (тиражом в 1 тыс. экз.), что определялось огромной значимостью выполнения заводчанами военной программы[4]. Важность донесения печатного слова до граждан обусловила использование максимального числа способов распространения печатной информации. Увеличилось число газетных витрин в области, установленных в людных местах, на предприятиях, в учреждениях, улицах, рынках и пр., организовывалась вывеска свежих номеров газет,

[1] Ежегодник периодических изданий СССР за 1938 год. Ч. 2: газеты. – М. : изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1939. – С. 76 – 80.
[2] ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2623. Л. 6–7.
[3] ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3192. Л. 26.
[4] ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3268. Л. 3.

обеспечивалась их раздача в воинских эшелонах, на вокзалах, станциях железных дорог.

Первоочередной задачей газет являлось информирование населения о происходившем в мире и в стране, об осуществляемых преобразованиях. Принципиальное место в прессе занимали «отклики» низовых структур и граждан на обнародованные события. Наряду с этим, на страницах газет повествовалось о мероприятиях местного уровня, вопросах трудовой дисциплины, сообщения о героях труда, материально-бытовых проблемах, критиковались разного рода нарушения и т.д. В военное время в омской прессе отводилось немалое место публикациям, освещавшим события на фронте, настроения советских граждан. Все эти сведения позволяют «изнутри» оценить обстановку, складывавшуюся в конкретной местности или организации, ее влияние на жизнь отдельного человека, увидеть изменения в поведении рядовых граждан, произошедшие под воздействием ситуации и тем самым ощутить дух времени. Учитывая специфику советской периодической печати как исторического источника, заключавшуюся в ее идеологическом характере, присущей ангажированности, необходимо оценивать газетные публикации взвешенно. Принимая во внимание наличие цензуры, стремление «отлакировывать» действительность, характерную для прессы, необходимо учитывать ее способность предоставить ретроспективные сведения по практически любой тематике – идеология и политика, экономика и культура, общество и личность. Особенно привлекательны в изучении все эти материалы благодаря газетам «низового уровня», поскольку они обращались к конкретным событиям, волнующим жителей сельской глубинки, либо городских предприятий или учреждений, на базе которых осуществлялись данные издания.

УДК 94(571.13) «19»

Каткова Елена Ивановна,
заведующий сектором краеведческой библиографии,
Омская государственная областная научная библиотека
им. А. С. Пушкина,
Омск,
e-mail: sbolib@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОМСКА 1917 – 1919 ГОДОВ: ПО СТРАНИЦАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

О реализации библиографами Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина проекта по росписи периодических изданий, вышедших в Омске в 1917 – 1919 гг. Обследованы фонды Исторического архива Омской области и электронная библиотека Научной библиотеки Томского госуниверситета. Просмотрены de visu все номера свыше 30-ти наименований газет: «Дело Сибири», «Заря», «Наша газета», «Омский вестник», «Правительственный вестник», «Пролетарий», «Сибирская речь», «Сибирский казак» и другие. Акцент сделан на выявленных, подчас неожиданных, фактах общественно-политической жизни Омска.

Ключевые слова: общественно-политическая жизнь; Омск; областная научная библиотека; 1917 – 1919; газета; периодическая печать; Гражданская война; Исторический архив; электронная библиотека.

Katkova Yelena Ivanovna,
Chief of regional study bibliography division
of Informational-bibliography department,
Omsk State Regional Research Library
named after A. S. Pushkin,
Omsk,
e-mail: sbolib@mail.ru

PUBLIC AND POLITICAL LIFE OF OMSK DURING 1917 – 1919: BY PAGES OF PERIODICAL PRESS

About realization of project dedicated to bibliographic list of periodicals, published in Omsk city during 1917 – 1919, by the bibliographers of the Omsk State Regional Research Library named after A. S. Pushkin. The funds of the

Historical Archive of the Omsk oblast and the electronic library of the Tomsk State University Scientific Library were examined. All the issues of more than 30 newspapers were viewed de visu including: «Delo Sibiri», «Zarya», «Nasha Gazeta», «Omskiy vestnik», «Pravitelstvenniy vestnik», «Proletariy», «Sibirskaya rech'», «Sibirskiy kazak» and others. The emphasis is placed on diverse, sometimes unexpected, facts of the social and political life of Omsk.

Keywords: social and political life; Omsk; regional research library; 1917 – 1919; newspaper; periodicals; Civil War; Historical archive; e-library.

В начале 2010-х гг. в библиотечно-краеведческом сообществе страны возникла идея межрегионального интернет-проекта, связанного с приближением крупнейших событий в истории России XX в. – 100-летием начала Гражданской войны и предшествовавших ей Февральской и Октябрьской революций. Авторы данного замысла отметили, что при огромном количестве публикаций о Гражданской войне до сих пор не введены в оборот основные печатные документы данного периода, имеющие значение первоисточников (листовки, газеты, журналы, плакаты, открытки, афиши и пр.), не воссоздан репертуар книг и брошюр этих лет[1]. К сожалению, по финансовым и иным причинам указанный проект не продвинулся дальше разработки инструкций по отбору материала. Но мысль о росписи газет 1917 – 1919 гг. с целью пополнения выявленными в них публикациями разделов краеведческого каталога не покинула библиографов Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина. Реализация плана тормозилась по нескольким причинам: во-первых, потому, что в Омске лишь фрагментарно сохранились отдельные периодические издания эпохи Гражданской войны (напомним, что к началу 1919 г. на территории, контролируемой белыми, выходило 96 газет и 61 журнал [1, с. 216], а в Омске издавалось 62 газеты и 27 журналов [2, с. 118 – 122]); во-вторых, в связи с тем, что в библиотеке не хватало ресурсов для росписи периодики прошлых лет. Однако с появлением коллекций оцифрованных газет и журналов на сайтах различных российских библиотек и архивов возникла возможность претворения идеи в жизнь.

К настоящему времени из фондов Исторического архива Омской области и электронной библиотеки Научной библиотеки Томского госуниверситета просмотрены de visu все номера свыше 30 наименований газет, изданных в Омске в 1917 – 1919 гг.: «Дело Сибири», «Заря», «Наша газета», «Омский вестник», «Правительственный вестник», «Пролетарий»,

[1] http://www.aonb.ru/upload/conf/2012/doc/doc/Balatskaya_doc.pdf. – Дата доступа: 28.05.2019.

«Сибирская речь», «Сибирский казак» и других. В результате краеведческий каталог Омской «Пушкинки» пополнился пятью тысячами карточек, освещающими события общественно-политической, социально-экономической, культурной и иных сфер жизни Омского Прииртышья периода революций и Гражданской войны. Кроме того, для картотеки «Хроника дат и событий Омской области» выявлено свыше 310 новых дат. В данном сообщении мы сосредоточимся на разнообразных, подчас неожиданных, фактах общественно-политической жизни Омска. Для этого времени характерной особенностью являются мемориальные даты, отмечаемые противоборствующими сторонами. Это и устроенный эсерами митинг-концерт «в память освобождения крестьян от крепостной зависимости»[1], и проведенные «Омською Украіньской Вільной Громадой» празднества, посвященные украинскому национальному поэту Т. Г. Шевченко[2], и подготовка социал-демократов-интернационалистов к 100-летию со дня рождения немецкого ученого и общественного деятеля К. Маркса[3], и чествование памяти идеолога Чешской реформации Я. Гуса[4], и торжества, проведенные 7 июня 1918 г. в честь годовщины освобождения Омска от большевиков[5]. Упомянем также манифестацию, устроенную в июле 1917 г. в память 507-летия Грюнвальдской битвы, где ораторы призывали к братству поляков, чехов, литовцев и украинцев[6]. Очевидец этого славянского праздника в Омске с обидой отметил, что на манифестацию не пригласили представителей города и восклицал: «А как же великороссы?!»[7]. Любопытен также текст приговора схода граждан Тихвинского сельского общества Тюкалинского уезда в ноябре 1917 г.: «нам это равноправие женщин оказывается чем-то странным и вовсе для нас отвратительным, и мы ни в каком виде не допускаем женщин к выборам»[8].

---

[1] Концерт-митинг // Дело Сибири [Омск]. – 1918. – 3 марта (№9).

[2] Украинцы в Омске // Омский вестник. – 1917. – 9 (22) июня (№123).

[3] К юбилею К. Маркса // Пролетарий [Омск]. – 1918. – 26 апр. (№17).

[4] На чествовании памяти Я. Гуса // Сибирская речь [Омск]. – 1918. – 9 июля (№34).

[5] Годовщина освобождения Омска // Наша Заря [Омск]. – 1918. – 8 июня (№121).

[6] Русов А. Славянский праздник // Сибирская речь [Омск]. – 1917. – 11 (23) июля (№42).

[7] Н-н. Несколько слов по поводу польского праздника // Сибирская речь [Омск]. – 1917. – 11 (23) июля (№42).

[8] Противники женск[их] изб[ирательных] прав // Омский вестник. – 1917. – 16 (29) нояб. (№253).

В неожиданном аспекте раскрывается тема «Ленин и Омск». В конце весны 1917 г. распространились слухи о возможной поездке В. И. Ленина в Сибирь и, в частности, о его приезде в наш город. Интересен отклик на это ожидаемое событие различных групп населения и организаций г. Омска. Так, Союз солдат-крестьян постановил признать «деятельность Ленина крайне вредной для Свободной России и присутствие его в Омске нежелательным»[1]. Многие делегаты проходившего в городе учительского съезда заявили о своем намерении «протестовать против приезда в Сибирь этого «пломбированного господина»[2]. На экстренном собрании сельских хозяев Омского района решили ходатайствовать о запрещении «деятельности и пропаганды Ленина и его приверженцев в Омске»[3]. А служащие насосной станции городского водопровода заявили, что прекратят подачу воды вплоть «до удаления Ленина из Омска»[4]. Интересно, что на заседании отдела труда Совета рабочих и солдатских депутатов это заявление было признано недопустимым, но не по политическим мотивам, а потому, что оно вносит панику среди населения, является «посягательством на свободу личности и слова» и может быть «использовано любым провокатором в контр-революционных целях»[5].

Заслуживает внимание и такая тема, как освещение в печати жизни разных национальностей, в том числе редких для наших широт народов, таких, например, как китайцы и корейцы. В основном это заметки о необыкновенном наплыве китайцев, которые «чуть ли не целыми толпами ходят по городу; одни продают разные товары, другие лечат зубы, третьи ходят с театром или показывают фокусы, <…>, работают в прачешных. <…> Начали выписывать своих жен и «бабушек»[6]. Причем большинство публикаций имеет критический характер, например: «сыны Поднебесной Республики завезли сюда и опиокурение»[7], «занимаются торговлей без установленных промысловых свидетельств»[8]. Союз кондитерских и булочных г. Омска, в связи с тем, что китайцы сбивают цены, ходатайствовал о закрытии их хлебопекарен, которые, кроме того «оставляют желать

[1] Ленинский карантин // Омский вестник. – 1917. – 30 мая (12 июня) (№114).
[2] Учительский съезд // Омский вестник. – 1917. – 30 мая (12 июня) (№114).
[3] Собрание сельских хозяев // Сибирская речь [Омск]. – 1918. – 15 (28) июня (№21).
[4] Против приезда Ленина // Омский вестник. – 1917. – 1 (14) июня (№116).
[5] К приезду Ленина // Омский вестник. – 1917. – 2 (15) июня (№117).
[6] Появление китаянок // Омский вестник. – 1917. – 4 (17 авг.) (№169).
[7] Наплыв китайцев // Омский вестник. – 1917. – 14 (27 апр.) (№78).
[8] Китайцы // Омский вестник. – 1917. – 30 мая (12 июня) (№114).

много лучшего в гигиеническом и техническом отношении»[1], а местные сапожники, считая китайцев серьезными конкурентами, решили бороться против них «всеми способами»[2]. Но появлялись и положительные заметки: о прибытии в Омск военной китайской миссии[3], о проживании в городе более 1000 безработных корейцев и китайцев, которые «испытывают острую материальную нужду»[4]. Были и любопытные сообщения: «Вздорожание мехов вызвало настоящую охоту на кошек. В городе появилось несколько торговцев, преимущественно китайцев, скупающих этих домашних животных»[5].

Таким образом, благодаря работе библиографов «Пушкинки» по росписи периодических изданий эпохи революций и Гражданской войны пополнились краеведческий каталог и картотека «Хроника дат и событий Омской области», а у читателей библиотеки появилась возможность больше узнать о жизни нашего региона в этот исторический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Привалова Е. А. В союзе с белогвардейской прессой: Американское бюро печати в Советской России (1917 – 1920-е годы). – М., 1990. – 319 с.

2. Хазиахметов Э. Ш. Периодическая печать Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII – XX вв.). – Омск, 1996. – С. 118 – 122.

[1] Союз кондитеров и булочников // Омский вестник. – 1917. – 16 (29) июля (№154).

[2] Бродячие сапожники // Омский вестник. – 1917. – 11 июля (28 июня) (№148).

[3] Китайская миссия // Сиб. речь [Омск]. – 1919. – 22 (9) марта (№ 62).

[4] Безработные // Сиб. речь [Омск]. – 1919. – 1 июня (19 мая) (№ 115).

[5] Вздорожание мехов // Дело Сибири [Омск]. – 1917. – 15 окт.

УДК 908

Келлер Любовь Ивановна,
заведующий организационным отделом,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: ljubochka_93@mail.ru

ОМСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

В статье рассматривается история краеведческого движения в Омске в 1985 – 1991 гг. Автор отмечает причины увеличения интереса к местной истории в период «перестройки», характеризует деятельность общественных организаций, объединяющих тех, кто занимался краеведением в рассматриваемый период. Определены направления деятельности краеведов.

Ключевые слова: краеведение; перестройка; краевед; краеведческие конференции; Совет краеведения; историко-краеведческая лаборатория.

Keller Lyubov Ivanovna,
head of the organizational section,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: ljubochka_93@mail.ru

OMSK LOCAL HISTORY IN THE PERIOD OF PERESTROIKA

The article describes the history of the local history movement in Omsk from 1985 till 1991. The author notes the reasons for the increasing interest in local history in the period of «perestroika», the activities of public organizations in order to unite those involved in local history in the period under review. The directions of activity of local historians are defined.

Keywords: local history; perestroika; local historian; local history conferences; Council of local history; historical and local history laboratory.

Период перестройки в отечественной истории является началом кардинальных изменений во всех сферах общественной жизни. Именно в это время многие исследователи, изучающие развитие краеведения в России,

отмечают рост интереса к местной истории. В трудах С. О. Шмидта [1], Т. О. Размустовой[1], Г. П. Пирожкова [2], Н. А. Седельниковой [3] вторая половина 1980-х гг. характеризуется подъемом краеведческого движения, актуализацией краеведения в социокультурной ситуации, ростом общественной активности, что связано не только с падением идеологических преград, но и с распространением формирующейся междисциплинарной модели исторического исследования. Ранее развитие омского краеведения 1985 – 1991 гг. затрагивалось в трудах А. В. Ремизова [4], П. П. Вибе [5], но данная тема является слабо изученной. На сегодняшний день история современного этапа краеведения (1985 – 2019 гг.) требует обобщения, так как за более чем тридцатилетний период накопился большой массив источников для ее исследования.

К 1985 г. в Омске не было организации, которая бы координировала краеведческую деятельность в городе. На страницах газет появлялись публикации, подчеркивающие ее необходимость. Так, В. Новиков в статье «Что волнует краеведа?» настаивал на создании единой программы изучения края, объединении в «общество краеведов»[2]. Активная работа по изучению памятников и памятных мест города велась Всесоюзным обществом охраны памятников истории и культуры. В 1988 г. при Омском отделении Советского фонда культуры был создан Совет краеведения, который возглавлял В. И. Матющенко. В его состав вошли сотрудники Омского государственного университета, педагогического института, представители общества охраны природы, станции юных туристов и краеведов, областного совета по туризму, городского дворца пионеров, Государственного объединенного исторического и литературного музея. В. И. Матющенко отмечал следующие задачи Совета: объединение работы всех самостоятельных народных музеев, организация конференций по краеведению, усиление краеведческого аспекта воспитания[3]. В 1990 г. на базе Омского государственного педагогического института начала действовать Историко-краеведческая лаборатория, которую возглавлял П. П. Вибе. В ее состав входили Е. П. Зензин, Н. М. Пугачева, П. Т. Сигутов. Основными направлениями работы лаборатории являлись паспортизация памятников, изучение истории городов и сел Омской области, со-

[1] Размустова Т. О. Музеи и эволюция краеведения. [Электронный ресурс]. URL: https://www.culture29.ru/upload/medialibrary/b49/b49d99d45daf37b845c35b64a1cd5fa5.pdf. (Дата обращения – 2.05.19).

[2] Новиков В. Что волнует краеведа? // Вечерний Омск. – 1989. – 6 апр.

[3] Матющенко В. И. Взгляд сквозь века // Омская правда. – 1988. – 10 апр.

здание историко-краеведческого словаря и учебника для школ «История Омского Прииртышья»[1].

Краеведческую работу в городе активизировало проведение научно-практических конференций. Так, в 1988 г. состоялась конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», посвященная 110-летию Омского государственного объединенного исторического и литературного музея, в 1989 г. – Областная научно-практическая конференция «Памятники истории и культуры в Омской области», в 1990 г. – «Катанаевские чтения»[2], в 1991 г. – Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Участие в них профессиональных историков, сотрудников омских вузов и музеев (Н. А. Томилова, В. Г. Рыженко, Д. А. Алисова, Ю. А. Макарова, Т. М. Назарцевой и др.) говорит о формировании исторического краеведения как научной дисциплины. Они выступали в качестве докладчиков на семинарах для руководителей краеведческих кружков и школьных музеев.

В омских газетах в 1985 – 1991 гг. историко-краеведческие материалы публиковались в невиданном ранее количестве, появляются статьи, в которых пересматриваются оценки репрессий (В. М. Самосудова, М. Е. Бударина), Гражданской войны (М. Е. Бударина, А. Д. Колесникова). Между П. А. Брычковым, И. Ф. Петровым, И. П. Шихатовым, Д. Н. Фиалковым развернулась полемика вокруг правильности написания фамилии И. Д. Бухольца, его происхождения и событий, касающихся основания Омской крепости. В периодической печати появлялись публикации об уникальной коллекции старинных открыток, фотографий, предметов В. И. Селюка, которая экспонировалась в музеях. Активную работу по исследованию некрополей города во второй половине 1980-х гг. вел Ф. К. Надь. Он являлся руководителям Совета «Память» Омского отделения Советского фонда культуры, работа которого охватывала проблемы сохранения и увековечивания памяти о выдающихся деятелях революции, Гражданской войны, участниках Великой Отечественной войны, деятелей науки и искусства [6].

В восстановленном в 1981 г. Омском книжном издательстве выходили краеведческие издания. Так, в 1986 г. был опубликован путеводитель «По нашему городу» Н. С. Фальковича, в 1987 г. – «Памятники и памятные места Омска и области» А. Д. Колесникова, в 1988 г. – «Их именами названы улицы Омска» (составители – Ю. П. Бережной, И. А. Городов,

[1] Вибе П. П. Создается учебник… об Омске // Вечерний Омск. – 1990. – 28 нояб.

[2] Катанаевские чтения // Омская правда. – 1990. – 26 дек.

З. И. Кириллова), начал выходить краеведческий сборник «Прииртышье мое» (составитель – И. Ф. Петров), в 1989 г. – публицистические заметки И. Ф. Петрова «О малой родине и сыновнем долге» о проблемах сохранения исторических памятников и возвращении улицам Омска их дореволюционных названий, 1991 г. – «Достоевский и Омск» В. С. Вайнермана.

Проанализировав массив источников по истории краеведческого движения, можно сделать вывод, что в 1985 – 1991 гг. прослеживается подъем в его развитии. Предпринимаются шаги по созданию единой краеведческой организации, проявляется интерес к истории «золотого десятилетия» краеведения, увеличивается число работ о местной истории, их авторами являются не только краеведы-любители, но и профессиональные ученые. На страницах периодической печати появляются статьи, выражающие потребность интеллигенции в переосмыслении недавнего исторического прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмидт С. О. Краеведение // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. – М., 2001. – Т. 1. – С. 296 – 297.

2. Пирожков Г. П. Российское родино(крае)ведение: зарождение и развитие (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – №2. – В 2 ч. – Ч. II. – С. 175 – 182.

3. Седельникова Н. А. Современное состояние и проблемы изучения областного краеведения // Омский научный вестник. – 2009. – №5. – С. 38 – 41.

4. Ремизов А. В. Омское краеведение 1930-1960-х гг.: Очерки истории: в 2 ч. – Омск: изд-во ОмГУ, 1998. – Ч. 1. – 180 с.

5. Вибе П. П. Краеведение в Омском Прииртышье // Омский краевед. – Омск, 2003. – №1. – С. 5 – 7.

6. Наумов С. С. Ференц Надь. «Краевед с молоточком» // Культура. Немцы Сибири. – 2018. – №1. – С. 38.

УДК 94(571)

Козлова Анна Александровна,
кандидат исторических наук,
Сибирский государственный автодорожный университет,
Омск,
e-mail: beigul-1@yandex.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА)

В статье рассматриваются особенности экстремальной повседневности молодежи в сибирской провинции (на примере Омской области). Показано, каковы особенности быта, досуга, занятий накануне Великой Отечественной войны и то, как они изменяются с приходом военного времени. Отдельное внимание уделяется государственной политике по отношению к молодежи и подрастающему поколению и на ее реализации в сибирской провинции.

Ключевые слова: бытование; повседневность; эвакуированные; Великая Отечественная война; тыл; молодежь; предвоенный период.

Kozlova Anna Alexandrovna,
candidate of history,
Siberian state automobile and road University,
Omsk,
e-mail: beigul-1@yandex.ru

EVERYDAY LIFE OF YOUTH IN WESTERN SIBERIA IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (EXAMPLE OF OMSK)

The article deals with the features of extreme everyday life of young people in the Siberian province (the example of Omsk region). It is shown what features of life, leisure, occupations on the eve of the great Patriotic war and how they change with the advent of wartime. Special attention is paid to the state policy towards young people and the younger generation and its implementation in the Siberian province.

Keywords: existence; everyday life; evacuated; Great Patriotic war; the rear; youth; the pre-war period.

Проблема повседневной истории последние десятилетия особо волнует историков. Поскольку именно она позволяет раскрыть ход событий с иной стороны, нежели официальная историческая составляющая, основанная на общепринятых теориях, точках зрения, опубликованных государственных и архивных документах. Зачастую основой истории повседневности является устная история, которая позволяет исследователям представить более полную картину событий, происходивших в недалеком прошлом. Воспоминания, письма, рассказы современников Великой Отечественной войны позволяют нам получить наиболее точное представление о тех событиях, при этом, конечно, мы не должны забывать об особенностях данного вида источника, в том числе о том, что человеческая память избирательна, поэтому необходимо использовать и данные архивных документов, и публицистику.

Важным для изучения проблемы повседневности конкретной эпохи, особенно периода Великой Отечественной войны, является история различных категорий населения, одной из которых является молодежь. В советское время во многом позицию молодежи как особой группы населения определял ВЛКСМ, что, однако, вовсе не означает, что все молодое поколение входило в состав этой организации, но самые активные представители и лидеры состояли в ней.

Молодежь конца 1930-х годов – это старшеклассники, студенты, а также рабочие предприятий, заводов, фабрик, труженики колхозов и совхозов.

В целом политика СССР в этот период была такова, что молодое поколение городов должно было получать полное среднее образование, а затем либо продолжало учебу, поскольку страна нуждалась в квалифицированных кадрах, либо, получив неполное среднее образование, впоследствии получало профессию через школы ФЗО, училища, техникумы.

Свободное время этой молодежи было посвящено различным занятиям. Так, комсомольцы и организованная ими молодежь принимали активное участие в благоустройстве города. В 1940 г. власти признали Омск пыльным и грязным городом, что было особенно заметно в жаркий летний период. Для решения этой проблемы начался процесс озеленения. В результате за весну этого года было высажено 40 тысяч деревьев и создано большое количество цветников[1]. Вообще комсомольцы много внимания уделяли организации досуга как для молодежи, так и для пионеров и школьников.

[1] Храмцов Н. Озеленим город Омск // Молодой большевик. – 1940. – №2.

Они выполняли функции шефов, вожатых, организовывая концерты артистов, филармонии, вечера художественной самодеятельности, разного рода соревнования. Так например, 4-6 января 1940 г. на областных стадионах походили молодежные соревнования по конькам и лыжам. В них принимали участие представители Новосибирска, Томска, Красноярска, Иркутска, Читы, Омска, Тюмени. Результаты таких соревнований анализировались: за успехи награждали и чествовали, а в неудачных выступлениях пытались найти причины и устранить их[1]. В летнее время представители учащейся молодежи часто выезжали в загородные пионерские лагеря в качестве вожатых, где активно занимались организацией стрелковых соревнований, шахматно-шашечных турниров, военных игр, походов, экскурсий и подготовки к сдаче на различные значки. Не всегда отдых школьников был организован качественно, виновными считали райкомы комсомола. Эти органы должны были заниматься не только культурной работой, но и полностью брать на себя бытовое обеспечение[2]. В это же время деревенская молодежь принимала активное участие в сельскохозяйственных работах, начиная от посевной и заканчивая уборкой урожая. Это считалось нормой и в довоенный период, а с началом Великой Отечественной войны к подобного рода работе стали привлекать не только колхозников, для которых в зависимости от возраста были введены нормы труда, но и горожан. Более того, осенью 1941 г. учебный год в школах, техникумах, ремесленных училищах и вузах решено было начать с 1 октября, поскольку помощь учащихся и школьников была необходима[3].

Конечно, с момента нападения Германии на нашу страну многих комсомольцев стали призывать на фронт, многие ушли добровольцами, но те, кто остался, должны были продолжать работу здесь, в тылу. В первую очередь, продолжалась работа по организации досуга школьников, поскольку теперь рабочий день на предприятиях был увеличен, то на плечи молодежи ложилась проблема занятости младших, чтобы не допустить развития беспризорности. В постановлении бюро обкома ВКП(б) говорилось: «Обязать областной, городской, районные комитеты ВЛКСМ и ОблОНО обеспечить повседневное руководство учебно-воспитательной работой в школе, подчинить ее великой и почетной задаче воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма»[4].

---

[1] Владимирова М. Встреча юных конькобежцев и лыжников Сибири // Молодой большевик. – 1940. – №4.

[2] ГИАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1106.

[3] ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2626. Л.5

[4] Там же. Л.7.

Большое внимание уделялось организации допризывной подготовки, где изучали устройство различных видов оружия, правила стрельбы, метания гранаты, пользования средствами противохимической защиты, общефизическая подготовка. В качестве практических занятий проводились масштабные тактические учения. Так, уже 13 июля 1941 г. в подобных учениях приняло участие 10 тысяч комсомольцев и несоюзной молодежи[1].

Нужно отметить, что с началом войны комсомольцы ставили перед собой следующие задачи: участие в боевых действиях, доблестный труд на предприятиях и продолжение обучения, помощь колхозникам в уборке урожая и ремонте техники, работа в госпиталях, освоение новых профессий, особенно девушками, и воспитательная работа по отношению к школьникам. Выполнение этих задач по всей стране и в Западной Сибири в том числе стало важным вкладом молодежи в дело Победы в Великой Отечественной войне.

[1] Кирпичников В. Готовятся к обороне Родины // Омская правда. – 1942. – №79.

УДК 284.1

Конев Евгений Викторович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Сибирский университет потребительской кооперации,
Новосибирск,
e-mail: konev1020@mail.ru

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОТЕСТАНТСКИЕ ОБЩИНЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ

В статье на основе архивных материалов исследуются взаимоотношения протестантских объединений Омской области с местными органами власти в период хрущевской оттепели. Свидетельствуется, что атеистическая кампания Советского государства во многом повлияла на жизнедеятельность религиозных общин.

Ключевые слова: протестантские общины; религиозные объединения; Советское государство; Совет по делам религиозных культов.

Konev Evgeny,
candidate of historical Sciences,
associate Professor of the Department of theory and history of state and law,
Siberian University of consumer cooperation,
Novosibirsk,
e-mail: konev1020@mail.ru

THE SOVIET STATE AND THE PROTESTANT COMMUNITY OF THE OMSK REGION IN THE PERIOD OF THE KHRUSHCHEV THAW

The article on the basis of archival materials examines the relationship of Protestant associations of Omsk region with local authorities during the «Khrushchev thaw». It is testified that the atheistic campaign of the Soviet state greatly influenced the life of religious communities.

Keywords: Protestant communities; religious associations; Soviet state; Council for religious cults.

С середины 1950-х гг. наблюдался очень интенсивный рост активности и численности протестантских объединений в Сибири, главным образом евангелистов-баптистов, пятидесятников, адвентистов, лютеран, меннонитов. Основными причинами явились амнистия осужденным в 1930 – 1940-е гг. по ст. 58 УК и послабление, а затем и снятие ограничений в правовом положении режима спецпоселения, главным образом немецкого населения.

В предшествующий период Советское государство официально зарегистрировало некоторые объединения евангельских христиан-баптистов (далее ЕХБ). В мае 1944 г. был образован Совет по делам религиозных культов (далее СДРК). В октябре того же года при содействии органов власти произошло объединение евангельских христиан и баптистов, и образовался Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (далее ВСЕХБ). В августе 1945 г. в их состав вошла часть пятидесятников или христиан веры евангельской (далее ХВЕ). Так, в Омской области наиболее многочисленные общины ЕХБ находились в Омске, Таре, Исилькуле, в ряде сельских районов. Наряду с евангелистами-баптистами действовали и другие протестантские течения (адвентисты, пятидесятники, лютеране, меннониты).

Начиная с середины 1950-х гг., вновь созданные и нелегально действовавшие религиозные общины неоднократно посылали ходатайства об открытии молитвенного дома и регистрации в СДРК, а также главам местных органов власти и в Москву. Особенно преуспели в этом ЕХБ Тары, Исилькуля и ряда сельских местностей, ХВЕ, а также лютеранские общины. Омская община ЕХБ добивалась восстановления регистрации[1]. Первые заявления пресвитеров, пасторов и др. руководителей протестантских объединений были поданы в облисполком, а затем в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и даже некоторые верующие писали письма к XX съезду партии. Свои решения об отказе в регистрации общин СДРК и исполкомы в основном обосновали непригодностью для религиозных целей оборудованных помещений.

В ответ на активизацию религиозной деятельности амнистированных и спецпоселенцев партийные и советские органы развернули широкую антирелигиозную кампанию среди населения. В краевых, областных, городских и районных газетах был опубликован ряд материалов, говоривших об изуверском, антигосударственном и антиобщественном характере баптистской веры. В средствах массовой информации по отношению к верующим использовался термин «секта». Необходимо отметить, что у еван-

[1] ГИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 3, 11, 25-26.

гелистов-баптистов, пятидесятников, адвентистов не только имели место разногласия верующих, но и даже случались факты выхода из общин. О таких случаях часто упоминали в периодической печати, и особо отмечали в отчетах уполномоченные СДРК. Например, только в первой половине 1959 г. в Омской областной газете «Омская правда» были опубликованы статьи «Почему они порвали с религией», «Сущность религиозного сектантства», «Изуверство под маской святости», которые обличали лидеров местных протестантских объединений[1]. После них партсовработниками было помещено еще несколько публикаций, связанных с причинами выхода бывших верующих из общин. Однако научно-атеистическая пропаганда не имела для партийных и советских органов желаемого результата. И, несмотря на неблагожелательность к протестантским общинам со стороны большинства нерелигиозного населения, общин и верующих не становилось меньше. Тем более что в это время протестантские организации, главным образом ЕХБ и пятидесятники, активно вели миссионерскую работу.

Тем временем в евангелистско-баптистских общинах, в связи с развернувшейся атеистической кампанией Советского государства, заметно усилило позиции течение «совершенников и свободных», которое стремилось выйти из-под контроля законодательства о культах от 8 апреля 1929 г. и руководства ВСЕХБ. Споры и разногласия между отдельными верующими возникали постоянно. Так, в Омске уже в конце 1950-х гг. большинство молодых евангелистов-баптистов и немецкая группа поддерживали П. Г. Ковалева, представителя течения «совершенников и свободных»[2].

Уполномоченные СДРК по Омской области часто выезжали в населенные пункты, где находились нелегальные протестантские объединения, приглашали верующих и в присутствии партийного руководства и сотрудника КГБ беседовали с ними по вопросам деятельности общин, разъясняли законоположения о религиозных культах. Так, в 1960 г. только в областном центре местным уполномоченным были приняты евангелисты-баптисты, адвентисты, пятидесятники, лютеране. В ходе бесед было выяснено, что в Ленинском районе на богослужения собирались 24 адвентиста и более 100 пятидесятников[3]. И в том же году уполномоченный неоднократно проводил совещание с работниками отделов пропаганды и агитации райкомов по итогам работы по атеистическому воспитанию. Также, по рекомендации уполномоченного Совета, в Исилькульском,

[1] Омская правда. – 1959. – 12 марта, 26 марта, 4 июня.
[2] ГИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 107.
[3] ГИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 102.

Любинском, Азовском и других районах области местные партийные и советские органы организовывали «мероприятия по ограничению деятельности церковников и сектантов»[1].

И только к середине 1960-х гг. в связи с расколом в общинах ЕХБ изменилась политика государства по отношению к протестантским конфессиям. В октябре 1963 г. при содействии органов власти в Москве состоялось совещание ВСЕХБ, переименованное в съезд. На этом съезде братские меннониты вошли в состав ВСЕХБ, и они в конечном итоге слились с баптистами. В ряде регионов местные власти разрешили в рамках зарегистрированных общин ЕХБ проводить молитвенные собрания на немецком языке. Так, в 1964 г. в Омске официальное признание получило евангелистско-баптистское объединение и начало действовать немецкое собрание[2].

Таким образом, оживление религиозной деятельности протестантских течений в 1950-е гг. привело к созданию и увеличению общин из числа амнистированных и бывших спецпоселенцев. Ряд вероучений и обрядов протестантизма являлся неприемлемым для идеологии Советского государства. Развернувшаяся в это время широкая антирелигиозная кампания во многом повлияла в дальнейшем на жизнедеятельность протестантских общин.

[1] ГИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 124, 127, 130, 133, 151.
[2] ГИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 44. Л. 20.

УДК 930.2+94(3)

Косыгина Светлана Валерьевна,
заведующий учебным кабинетом кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Новосибирское высшее военное командное училище,
Новосибирск,
e-mail: cool.balanar2014@yandex.ru

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОМСКА И УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1913 – 1926 ГГ.

В работе впервые представлены показатели динамики переселения горожан Омска и уездных городов Акмолинской области в 1913 – 1926 гг. Целью работы является определение изменений численности и динамики режима воспроизводства населения под влиянием экстремальных событий.

Ключевые слова: воспроизводство населения; Омск; уездные города; брачность; рождаемость; смертность; естественный прирост.

Kosygina Svetlana Valerievna,
Head of the study room of the Department
of humanitarian and socio-economic disciplines,
Novosibirsk high military command school,
Novosibirsk,
e-mail: cool.balanar2014@yandex.ru

NATURAL MOVEMENT OF THE POPULATION OMSK AND RURAL TOWNS OF AKMOLINSK PROVINCE 1913 – 1926.

The indicators of reproduction of the population Omsk and rural towns of Akmolinsk province 1913 – 1926 are presented for the first time. The purpose of the work is determination of changing of number and dynamic of regime of reproduction of the population under influents of the extremely events.

Keywords: population reproduction; Omsk; rural towns; birthrate; deathrate; natural growth.

В качестве источников за 1913 – 1915 гг. мы использовали статистические данные, помещенные в губернаторских отчетах «Обзор Акмолинской области», где нами были взяты показатели о динамике населения на начало года. Данных за 1916 – 1918 гг., к сожалению, не представлено.

Сведения о динамике населения за 1919 г. мы предоставили по одному городу Омску, так как данных по пригородам за 1919 г. не имеется. Показатели за 1921 г. предоставлены за 10 месяцев, за 1922 и 1923 гг. за 9 месяцев, поэтому показатели движения населения за 1921 – 1923 г. мы рассчитали приблизительно, экстраполируя сохранившиеся неполные данные актов гражданского состояния Исторического архива Омской области на каждый год полностью.

За 1926 г. данные по Омску и уездным городам были высчитаны при помощи сложения численности городского населения по округам, относительные коэффициенты, приведенные в Сибирском медицинском журнале, помогли нам высчитать абсолютные показатели по Омску и уездным городам.

«Обзоры Акмолинской области», документы Исторического архива Омской области позволили составить таблицу, где приведены результаты наших подсчетов.

Таблица 1

Естественное движение населения Омска и уездных городов в 1913 – 1926 гг.[1]

[1] Посчитано по: Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск, 1914. – С. 8; Обзор Акмолинской области за 1914 год. – Омск, 1915. – С. 6; Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск, 1917. – С. 10; ИАОО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 306. Л. 127 об.; Итоги демографической переписи 1920 г. по Омской губернии. – Омск, 1923. – С. 48 – 49 (данные за 1920 г.); ИАОО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 306. Л. 118; ИАОО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 94. Л. 73; ИАОО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 130. Л. 38; Смирнов И. Сельское образование в условиях хозяйственной действительности Сибири // Жизнь Сибири. Новониколаевск, 1922. – декабрь, № 4. – С. 63; ИАОО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 130. Л. 38; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918 – 1923 гг. – М., 1924. – Том XVIII. – С. 4-5; Хозяйство и культурное строительство Омской губернии. Отчеты и материалы к VI Губернскому съезду советов. – Омск, 1925. – С. 42 – 43; ГАНО. Ф. Р–1053. Оп. 1. Д. 744. Л. 62; Таблица. Приложения. Общие сведения о естественном движении населения по Сибирскому краю за 1925 год // Сибирский медицинский журнал. – 1927. – №6 – 7, июнь–июль. Том XVIII. – С. 110 – 111; ГАНО. Ф. Р–1328. Оп. 1. Д. 881. Л. 3; Приложения. Таблица. Показатели на 1000 населения в 1926 г. // Сибирский медицинский журнал. – Новосибирск, 1927. – декабрь, №12. – Том XVIII. – С. 77.

родилось	умерло	браков	разводов	население	Прирост/ убыль	На 1000 населения				
						рожд.	смерт.	брачн.	разв.	прирост
1.1. 1913 г.										
7317	5051	1292	…	137 245	2266	53,3	36,8	9,4	…	16,5
1.1. 1914 г.										
6172	4558	949	…	140 589	1614	43,9	32,4	6,7	…	11,5
1.01.1915 г.										
6374	5949	805	…	221 910	425	28,7	26,8	3,6	…	1,9
1919 г.										
7081	9745	2326	…	170 677	–2664	41,4	57,0	13,6	…	–15,6
1920 г.										
7516	10 669	5487	554	191 676	–3153	39,2	55,6	28,6	2,8	–16,4
1921 г.										
8799	8668	4305	320	191 676	131	45,9	45,2	22,4	1,6	+0,7
1922 г.										
6312	16 872	2620	302	195 914	–10560	32,2	86,1	13,3	1,5	–53,9
1923 г.										
7803	6744	3056	529	189 005	1059	41,2	35,6	16,1	2,7	5,6
1924 г.										
8297	4458	2539	…	196 408	3839	42,2	22,6	12,9	…	19,6
1925 г.										
7951	4358	2438	500	169 596	3593	46,8	25,6	14,3	2,9	21,2
1926 г.										
9001	5024	2153	...	193 999	3977	46,3	25,8	11,0	…	20,5

Согласно нашим расчетам коэффициент брачности на 1.01.1913 г. был высоким 9,4‰, коэффициент рождаемости был самым высоким за период, естественный прирост в 16,5‰ для городского населения был очень прогрессивным.

На 1.01.1914 г. коэффициенты значительно снизились, коэффициент брачности сократился на 2,7 пункта, или 28,7%, коэффициент рождаемости упал на 9,4 пункта, или 17,6%. Естественный прирост в 11,5‰ еще положительно влиял на рост населения. Увеличение численности населения на 1.01.1915 г. способствовало снижению коэффициента рождаемости, коэффициент смертности практически сравнялся с коэффициентом рождаемости, что вызвало значительное уменьшение естественного прироста.

Средний показатель коэффициента брачности за период 1919 – 1922 гг. был самым высоким 19,4‰, чему способствовало возвращение мужчин с войны. Среднее значение коэффициента рождаемости в 39,6‰ было ниже, чем сверхвысокий коэффициент смертности в 60,9‰, что вызвало отрицательный прирост населения в период с 1919 – 1922 гг. Среднее значение коэффициента разводимости с 1920 – 1922 гг. в 1,9‰, было очень высоким.

За четыре года с 1923 – 1926 гг. средний показатель коэффициента брачности в 13,5‰ оставался высоким, но был меньше, чем в 1919 – 1922 гг., коэффициент рождаемости в 44,1‰ превышал значение коэффициента рождаемости за 1919 – 1922 гг., на 4,5 пункта. Средний коэффициент смертности резко снизился до 27,4‰, уменьшился на 33,5 пункта. Коэффициент прироста в 16,7‰ свидетельствовал о стабилизации демографической ситуации. Среднее значение коэффициента разводимости за период с 1923 – 1926 гг. значительно увеличилось до 2,8‰, стало сверхвысоким, выросло почти на 1 пункт, или 47,3%.

В ходе работы мы пришли к выводу, что в Омске и уездных городах годы перед Первой Мировой войной были последними годами модернизации демографической сферы городского населения. Практически с первых дней войны мобилизация мужчин на фронт вызвала резкое снижение всех показателей, еще большее падение показателей продолжилось в 1919–1922 гг., демографическая ситуация была катастрофическая, население пережило потрясения Первой Мировой и Гражданской войн, эпидемии, голод, революции вызвали резкий рост коэффициентов смертности и отрицательный естественный прирост. Только с 1923 – 1924 гг. наблюдалась стабилизация экономического и социального положения, связанная с переходом к нэпу, которая привела к выходу из демографической катастрофы и возобновлению перестройки режима воспроизводства населения.

УДК 908

Кузнецова Алла Владимировна,
аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: allartian@yandex.ru

НАСЛЕДИЕ ПЕДАГОГА И КРАЕВЕДА П. Т. СИГУТОВА: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00329.

Показаны возможности использования в локальных исследованиях наследия местных краеведов на примере работ Петра Тимофеевича Сигутова, известного педагога, географа и краеведа, посвященных Муромцевскому району Омской области. Просмотрен его личный фонд, размещенный в Омском музее просвещения, однако материалы данного фонда оказались малоинформативными в интересующем нас контексте. Более значимым источником оказались публикации П. Т. Сигутова о Муромцевском районе, отражающие значительный вклад краеведа в освещение истории возникновения населенных пунктов района, процесса заселения этих мест, особенностей их хозяйственного освоения на протяжении XVIII – XX вв.

Ключевые слова: краеведение; П. Т. Сигутов; Омская область; Муромцевский район; локальное культурное пространство.

Kuznetsova Alla Vladimirovna,
post-graduate student of of the Department of modern national history and historiography,
Omsk State University named after F. M. Dostoevsky,
Omsk,
e-mail: allartian@yandex.ru

THE LEGACY OF TEACHER AND LOCAL HISTORIAN P. T. SIGUTOV: THE POTENTIAL USE IN THE STUDY OF LOCAL CULTURAL SPACES IN OMSK REGION

The possibilities of local heritage research of local historians, for example the works of P. T. Sigutov, well-known educator, geographer and ethnographer dedicated to the Muromtsevsky district of Omsk region. His personal Fund placed in the Omsk Museum of Education is looked through, however materials of this Fund were a little informative in the context interesting us. A more important source was the publication of the P. T. Sigutova about the Trailer Park, reflecting the significant contribution of an ethnographer in the light of the history of settlements of the district, the process of settling these places, the characteristics of their economic development over the XVIII – XX centuries.

Keywords: Local history; P. T. Sigutov; Omsk region; Muromtsevsky district; local cultural space.

Значимой тенденцией последних десятилетий является актуализация локальной истории, регионоведения и краеведения в разных сферах научной, культурной и общественной жизни. И хотя ряд исследователей относит краеведение (или местную историю) к социально ориентированному знанию, противопоставляя его научно-ориентированным исследованиям [1, с. 8], значимость краеведческих исследований для науки трудно переоценить.

Обратимся к наследию педагога, географа и краеведа Петра Тимофеевича Сигутова (1927 – 2006). Он родился в селе Тормакла Муромцевского района Омской области [2, с. 249]. Интерес к географии сформировался в детстве, под влиянием литературы и кино о полярниках, а также из-за многочисленных переездов его семьи в 1930 – 40-е гг. (в частности, они жили в Нарымском крае, Якутии, Забайкалье)[1]. После службы в советской армии (1944 – 1951 гг.) Петр Тимофеевич вернулся в Муромцевский район Омской области и начал работать учителем географии в школе села Петропавловка. В 1952 г. он поступил на историко-географический факультет Омского государственного педагогического института, который закончил в 1956 г. В 1958 году стал членом Омского отдела Русского географическо-

[1] Сигутов П. Т. Автобиография (рукопись) // Фонд бюджетного учреждения культуры «Омский музей просвещения» – ОМО 971/23. – С. 1.

го общества[1]. В 1959 г. Сигутов поступил в заочную аспирантуру Ленинградского педагогического института им. А. Герцена на отделение «Экономическая география». В это время окончательно оформились его научные интересы, среди которых он отмечает «географию сельского расселения Омской области, историю заселения области, историю отдельных поселений, картографирование»[2]. С 1962 по 1988 гг. работал в Омском педагогическом институте, с 1989 по 1995 гг. – в историко-краеведческой лаборатории этого института.

Библиография его наследия включает более 30 публикаций по географии сельского населения, истории заселения Омской области (см., например [3; 4; 5]), а также ряд статей в периодической печати, посвященных истории населенных пунктов[3].

Наш интерес к работам П. Т. Сигутова возник во время изучения культурного пространства Муромцевского района Омской области: из публикаций Петра Тимофеевича удалось почерпнуть важные сведения об истории заселения и развития населенных пунктов. Так, в статье «К вопросу о датировке сел Омской области» П. Т. Сигутов представил сведения о времени возникновения ряда поселений Тарского Прииртышья, в том числе Муромцево, Бергамака, Танатово, Сеткуловки, Резино (в настоящий момент Окунево) [3]. В других работах П. Т. Сигутов привел состав первых поселенцев и районы, из которых они прибыли [4], описал условия, особенности и меняющиеся в разные периоды проблемы длительного процесса заселения русскими этих мест, сложности взаимоотношений старожилов и новоселов [5]. В вышедшей в 1994 г. книге «История Муромцевского района»[4], основная часть которой была написана П. Т. Сигутовым, освещены особенности появления и развития отдельных поселений, приводятся фамилии и род занятий первых поселенцев, данные о хозяйственной деятельности и ее специфике в отдельных районах в разные временные периоды. Представлена численность населения в дина-

[1] Рудницкая С. Е. Краткий обзор коллекции личного происхождения омского краеведа, педагога П. Т. Сигутова // Официальный сайт БУК «Омский музей просвещения»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ompros.ru/izuchenie/254-sigutov.html (дата обращения: 04.05.2019).

[2] Сигутов П. Т. Автобиография (рукопись) // Фонд бюджетного учреждения культуры «Омский музей просвещения» – ОМО 971/23. – С. 2.

[3] См., например: Сигутов П. Т. Тропами истории // Знамя труда [Муромцево]. – 20 сентября. 1963. – С. 4.

[4] История Муромцевского района / ред. П. П. Вибе. – Омск: ОмГПУ, 1994. – 130 с.

мике (XVIII – XX вв.), останавливается автор и на специфике советского периода истории Муромцевского района. Отрывки из этой книги опубликованы в качестве приложения в книге «Народная культура Муромцевского района»[1].

Многие небольшие поселения до сих пор не имеют исследований, посвященных их истории: например, это относится к деревне Окунево Муромцевского района, жители которой не знают даты основания своей деревни (и не могут найти эту информацию в каких-либо официальных источниках). В этой связи работа, проделанная краеведами, в том числе П. Т. Сигутовым, помогает устранить «белые пятна» в истории сибирских сел и деревень. При этом работы краеведов имеют не только общественную значимость, связанную с идентификационным поиском местных жителей, их стремлением узнать больше об истории родного края, но и значимость научную: часто при изучении отдельных регионов, городов, сел исследователи обращаются к работам краеведов, в которых можно почерпнуть как важные факты, так и информацию об особенностях культурного пространства. В качестве примера можно привести работу Я. М. Цыгановой, посвященную изучению историко-культурного пространства Среднего Поволжья, в котором автор привлекает работы краеведов в качестве значимого историографического источника [6, с. 22 – 23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в проблемных полях современного исторического знания. – Ижевск: Удмуртский университет, 2012. – С. 3 – 10.

2. Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. – М.: Отечество, 1994. – С. 249 – 250.

3. Сигутов П. Т. О датировке сел Омской области // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: ОГИК музей, 1994. – С. 201 – 206.

4. Сигутов П. Т. Состав населения Омской области по районам выхода // Природа, население и хозяйство Омской области. – Омск: ОГПИ, 1974. – С. 51 – 60.

5. Сигутов П. Т. Типы сельского расселения в бассейне р. Тары

[1] Народная культура Муромцевского района / гл. ред. Н. А. Томилов. – М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 2000. – С. 264 – 317.

(Омская область) // Материалы по географии населения. – Л., 1963. – Вып. 2. – С. 50 – 83.

6. Цыганова Я. М. Среднее Поволжье в историко-культурном пространстве Российской империи второй половины XIX – начале XX вв.: дис. … к.и.н.: 07.00.09. – Самара, 2016. – 253 с.

УДК 069

Ландик Ольга Анатольевна,
заведующий проектной лабораторией,
Омский государственный аграрный университет,
Омск,
e-mail: landikoa@mail.ru

ПИСЬМА КРАЕВЕДА В. М. САМБУРСКОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ НАЧАЛА 1960-Х ГОДОВ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Создание первого краеведческого музея в городе Называевске Омской области в 1960 г. нашло отражение в письмах краеведа В. М. Самбурского, адресованных директору Омского областного краеведческого музея М. И. Агееву. В них зафиксированы типичные условия и проблемы, с которыми приходилось сталкиваться общественности при создании «народных» музеев в то время. Письма ярко характеризуют личность энтузиаста, увлеченного историей своего края, предпринявшего много усилий для создания в Называевске одного из самых первых краеведческих музеев в области.

Ключевые слова: общественный музей; В. М. Самбурский; Называевск.

Landik Olga Anatolievna,
Head of design laboratory,
Omsk state agricultural university,
Omsk,
e-mail: landikoa@mail.ru

LETTERS OF THE LOCAL HISTORIAN V. M. SAMBURSKY AS REFLECTION OF PROCESS OF CREATION OF THE PUBLIC MUSEUMS OF THE BEGINNING OF THE 1960TH YEARS IN THE OMSK REGION

Creation of the first museum of local lore in the city of Nazyvayevsk of the Omsk region in 1960 found reflection in the letters of the local historian V. M. Sambursky directed to the director of the Omsk regional museum of local lore M. I. Ageev. In them typical conditions and problems which the public had to face during creation of the «national» museums at that time are recorded.

Letters brightly characterize the identity of the enthusiast who is carried away by history of the edge, made many efforts for creation in Nazyvayevsk of one of the very first museums of local lore in the area.

Keywords: public museum; V. M. Sambursky; Nazyvayevsk.

С 1960 г. в Омской области, как и по всей стране, активизируется процесс создания общественных краеведческих музеев, поддержанный со стороны партийных и государственных органов. Неудивительно, что руководителем инициативной группы по организации музея в Называевске был назначен В. М. Самбурский. В 1951 г. семья Самбурских переехала в Называевск. Здесь он работал на разных должностях в райкоме ВКП(б), в газетах «Омская правда», «Красная Искра» [1, с. 15]. Будучи человеком образованным, разносторонне развитым и неравнодушным к делу, своему увлечению он посвящал большую часть времени.

Омский областной краеведческий музей (ООКМ) стал центром, на который было возложено методическое руководство этой работой по отношению к местным активам. Последние в той или иной степени поддерживали связь с руководством ООКМ через переписку. Небольшая часть этих писем сохранилась в фондах Исторического архива Омской области. Особенный интерес представляют письма В. М. Самбурского М. И. Агееву как яркое отражение процесса создания первых районных общественных музеев в Омской области, а также в силу широкого охвата вопросов, возникавших в ходе этой работы. Все письма относятся к 1960 г. Особое значение эти письма имеют еще и потому, что являются единственным источником, где отражены условия, в которых приходилось создавать первый в Называевске «народный» музей. В статье обращено внимание на некоторые из них.

Зачастую члены инициативных групп не имели опыта краеведческой, а тем более музейной работы, не располагали достаточным количеством свободного времени, чтобы в короткий срок создать музейную экспозицию. Нередко все хлопоты по организации музея практически целиком ложились на плечи руководителя актива. Вот как об этом пишет В. М. Самбурский: «Докладываю, что собирательские работы в Называевском районе идут неудовлетворительно. Дело в том, что я не имею возможности посвятить свой трудовой день на это, а пользуюсь только случайно высвободившимся временем от работы в редакции районной газеты. Последнее время я надеялся, что исполком райсовета и райком партии примут решение об освобождении меня на месяц-полтора от непосредственной работы в редакции с тем, чтобы в июне суметь обобщить ма-

териалы, собранные школами экспонаты, оформить стенды, витрины, макеты… <…>. А члены комиссии без руководителя работать не могут: масса непонятных дел и вопросов, никто же краеведением никогда не занимался. Вчера на бюро райкома мне отказали в освобождении от работы на месяц-полтора, пока откроем музей»[1]. О том, что В. М. Самбурский с усердием выполнял возложенные на него общественные обязанности, говорит тот факт, что в июне 1960 г. ему был объявлен выговор главным редактором газеты «Красная искра» за «невыполнение своей основной работы как заведующего отделом писем»[2]. Эту ситуацию В. М. Самбурский описывает М. И. Агееву так: «Не хотел Вас беспокоить такой дрянью, как этот приказ, копию которого присылаю. Но обидно. Прежде всего, Вы из него поймете, что у нас в Называевске дела музейные не стоят, а идут: прямо сказано, что я «за последние дни большую часть рабочего времени уделяю делам музея». Эту выдержку стоит записать в книгу отзывов будущего музея. <…> Нерабочего времени у меня нет, потому что труд не нормирован… Знаете, кто везет, того и погоняют, а кто ничего не делает, тому легче. Должен прямо сказать, что никто в Называевске не понимает, что такое создавать музей. Лишь одна жена видит, что я не знаю выходного дня, да дети знают, что папа уходит из дому, когда они спят, а приходит домой, когда они улеглись. А их у меня пятеро. Без освобождения, видимо, не обойтись. Смотрите сами, мои руки связаны»[3].

Для построения экспозиции необходимо было найти специалистов, способных выполнять особые виды работ – музейного художника, таксидермиста. Как решалась эта проблема в ходе создания музея в Называевске, можно узнать из письма: «Уважаемый Михаил Иванович! Направляю к Вам работника Называевского «коопзверпромхоза» обезжировщика шкурок Ивана Николаевича Гадючкина. Это хороший мастер-практик. <…> Но он не знает производства чучел и зверей. Прошу Вас, укажите, пожалуйста, ему, куда обратиться в Омске за консультацией по этому вопросу. А также предоставьте возможность посмотреть чучела птиц и зверей…»[4]. Через неделю Василий Макарович писал М. И. Агееву: «С чучелами у нас в Называевске дело будет. Спасибо, я доволен, что нашего товарища по изготовлению чучел проконсультировали. Сейчас мы достали почти все необходимое для производства и охотников мобилизовали. Чучела будут всех зверей и птиц. Однако немного сдерживает Называевская мед- да ветаптека,

[1] ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 304. Л. 46.
[2] ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 304. Л. 52.
[3] ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 304. Л. 51.
[4] ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 304. Л. 49.

не имеют мышьяка. Прошу, поручите кому-нибудь походатайствовать перед аптекоуправлением об этом ядохимикате. Пожалуйста, позвоните в управление сельского хозяйства, в охотинспекцию, узнайте как [обстоят дела] с разрешением на отстрел лося и косули... Направляю на консультацию и знакомство с музейным художественным оборудованием тов. Помогалова Петра Ильича. Сегодня мы заключили с ним трудовое соглашение сроком на 6½ месяцев – до 31 декабря на работу художником нашего музея, определили оклад (зарплату) 800 рублей в месяц. Правда, товарищ не дипломированный, самоучка, но подающий надежды и знает свое дело из практической работы. Он работал у нас в типографии, и я уговорил его перейти к нам»[1]. Уже в августе В. М. Самбурский высказывал разочарование по поводу работы художника: «Художник работает, правда, слабоват он, не имеет художественного чутья и вкуса, в общем, я в нем ошибся…»[2].

В письмах также нашли отражение вопросы сбора материалов по истории района, обеспечения будущего музея помещением, взаимоотношения с районным руководством и некоторые другие. Письма В. М. Самбурского являются важным дополнительным источником по истории развития первых общественных музеев в области, помогают представить условия и факторы, при которых шел процесс становления музеев, специфику работы и профессиональную подготовку «специалистов», которые принимали участие в создании экспозиций, дают дополнительные биографические данные об основателе первого краеведческого музея в Называевске.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Куроедов М. В. Я. А. Славинский и В. М. Самбурский – первые краеведы в Называевском районе. – Омск, 1998. – 20 с.

[1] ГИАОО. Ф. 1076. Оп.1. Д. 304. Л. 50.
[2] ГИАОО. Ф. 1076. Оп.1. Д. 304. Л. 56.

УДК 94(57)(092)

Лосунов Александр Матвеевич,
методист,
Центр духовно-нравственного воспитания «Исток»,
Омск,
e-mail: losunoff@mail.ru

ПАМЯТЬ О Н. М. ЯДРИНЦЕВЕ В БЕЛОМ ОМСКЕ

В статье рассматривается совместное заседание членов ЗСОРГО и сибирских областников, состоявшееся 20 июня 1919 года в музее и посвященное 25-летию со дня смерти Н. М. Ядринцева. На основе архивных документов, газетных публикаций и воспоминаний автор попытался реконструировать ход встречи. На совещании присутствовали члены правительства адмирала А. В. Колчака, что придавало ему значительный вес. Присутствие членов правительства на этом мероприятии свидетельствовало о лояльном отношении власти к сибирским областникам и возможности диалога между ними.

Ключевые слова: Н. М. Ядринцев; белый Омск; ЗСОРГО; сибиряки-областники; 20 июня 1919 г.; 25-летие с момента кончины Н. М. Ядринцева.

Losunov Alexander Matveevich,
Methodologist,
Center of spiritual and moral education «Source»,
Omsk,
e-mail: losunoff@mail.ru

MEMORY ABOUT N. M. YADRINTSEV IN THE WHITE OMSK

The article tells about the joint meeting of members of ZSORGO and siberians-oblastnikov, held on June 20, 1919 in the Museum and dedicated to the 25th anniversary of the death of N. M. Yadrintsev. On the basis of archival documents, newspaper publications and memoirs, the author tried to reconstruct the course of the meeting. The meeting was attended by members of the Russian Government of Admiral A. V. Kolchak, which gave it significant weight. The presence of members of the Government at this event testified to the loyal attitude of the

authorities to the Siberian-oblastniks, and the possibility of dialogue between them.

Keywords: N. M. Yadrintsev; white Omsk; ZSORGO; siberians-oblastniki; June 20, 1919; the 25th anniversary of the death of N. M. Yadrintsev.

20 июня 1919 г., в пятницу, в зале музея Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества, что на улице Музейной, прошло объединенное заседание омской организации сибиряков-областников и членов Географического общества, посвященное 25-летию с момента кончины известного сибирского публициста и областника Н. М. Ядринцева. Заседание началось в 7 часов вечера, причем особых повесток и приглашений на него не рассылалось. Вход на заседание был свободным[1].

В Совете Министров было решено посетить заседание. На нем присутствовали П. В. Вологодский, Г. К. Гинс, Л. А. Устругов, И. А. Михайлов, Л. И. Шумиловский, В. Н. Пепеляев и Н. И. Петров. Программой мероприятия, наряду с выступлением Г. Е. Катанаева с воспоминаниями о Ядринцеве и докладом Н. Н. Козьмина о его деятельности, было запланировано оглашение политической декларации сибиряков-областников.

Присутствие на данном политическом мероприятии членов правительства свидетельствовало о лояльном отношении значительной группы представителей власти к сибирским областникам и о возможности диалога между ними. В своем «Дневнике» премьер-министр Вологодский об этом мероприятии записал следующее: «[…] Вечером же этого дня в зале географического общества происходило соединенное заседание членов западносибирского отдела географических обществ и сибиряков-областников, посвященное 25-летней кончине Н. М. Ядринцева. В Совете Министров решено было посетить это заседание. На него отправились: я, Гинс, Устругов, Михайлов, Шумиловский, Пепеляев и Петров. Мы застали конец доклада об Ядринцеве его современника генерал-лейтенанта Г. Е. Катанаева, прослушали стихотворение, посвященное памяти Н. М. Ядринцева, молодой местной поэтессы Таисии Баженовой и сообщение Н. Н. Козьмина о деятельности Ядринцева. Н. Н. Козьмин обратился к собранию с предложением, во 1-х, через А. В. Адрианова послать приветственную телеграмму Г. Н. Потанину с пожеланием скорейшего его выздоровления и, во-вторых, приветствовать присутствующего на собрании второго почетного гражданина Сибири П. В. Вологодского, а с ним и прибывших с ним министров,

[1] Местная жизнь. Юбилей Ядринцева // Сибирская речь (Омск). – №130. – 1919. – 20 (7) июня. – С. 4.

положивших много труда для государственного строительства. Я, как мне кажется, довольно удачно и горячо, хотя и совершенно экспромтом, ответил на это приветствие речью, прося присоединить и наши подписи к телеграмме с пожеланием скорейшего выздоровления Г. Н. Потанину. Раздались новые, довольно продолжительные и дружные аплодисменты[…]»[1].

Председатель Совета министров П. В. Вологодский с большим воодушевлением произнес речь, которая произвела на собравшихся сильное впечатление. В ней он особо подчеркнул, что Правительство не исполнило бы своего долга, если бы не посетило вечер, посвященный памяти столь славного сибирского патриота[2]. Докладчик также говорил о том, что Правительству были и всегда будут близки культурные и экономические нужды нашей великой окраины[3].

Упомянул докладчик в своей речи и о личном знакомстве с Н. М. Ядринцевым: «[…]Выйдя из недр Сибирского правительства, многие из нас сибиряки по происхождению, и уже по одному тому являются учениками Н. М. Ядринцева. Я считаю себя непосредственным учеником Николая Михайловича. Когда я в 1884 г. отправился из Сибири для поступления в Петроградский, тогда в Петербургский университет, первый радушный прием в северной столице я встретил в семье Ядринцевых, квартира которых тогда для всех вообще сибиряков, по тем или другим причинам попавших в этот город являлась гостеприимным приютом. Затем я служил во время студенчества в конторе ред[акции] «Восточное Обозрение», а затем в конце 1887 г. вместе с Николаем Михайловичем переехал в Иркутск в качестве секретаря редакции этой газеты, когда обстоятельства вынудили перенести издание «Восточного Обозрения» из Петрограда в Иркутск. И быть может первые семена той страстной любви, которую, я смело об этом говорю, я питаю к Сибири, были заложены во мне Николаем Михайловичем[…]»[4].

А вот как вспоминала об этом заседании в 1940 г. его непосредственная участница, поэтесса Таисия Баженова: «<…>По просьбе сибиряков-об-

[1] Дневник П. В. Вологодского [Начат 24 мая 1918 г. в г. Омске – 23 марта 1920 г.] // За спиной Колчака. Документы и материалы / под. ред. А. В. Квакина. – М.: Аграф, 2005. – С. 200.

[2] Дневник. В Географическом обществе. // Правительственный Вестник (Омск). – №167. – 1919. – 24 июня. – С. 4.

[3] Дневник. В Географическом обществе. // Правительственный Вестник (Омск). – №167. – 1919. – 24 июня. – С. 4.

[4] П. В. Вологодский о Н. М. Ядринцеве. // Сибирская речь (Омск). – №134. – 1919. – 25 (12).

ластников, профессоров Головачева и Новосильцева написала стихотворение, посвященное памяти Ядринцева, с которым выступала в день юбилея в Географическом музее, начав дрожащим от волнения голосом: [«]Ты видишь, Ядринцев, сбылись твои желанья... [»] […]»[1].

А вот присутствующий на этом заседании тогда еще министр внутренних дел В. Н. Пепеляев оставил в своем «Дневнике» об этом вечере всего одно предложение: «[…] 1919 г. […] 20 [июня]. Был с Министрами на чествовании Ядринцева[…]».[2]

После заседания участниками чествования памяти Н. М. Ядринцева были отправлены две телеграммы: одна – А. В. Колчаку, другая – заболевшему пневмонией Г. Н. Потанину. Текст первой из них гласил: «Сибиряки областники, собравшиеся для чествования памяти незабвенного сибиряка Ядринцева приветствуют Вождя борющейся за свободу России. Да живет вечно великий русский народ, да здравствуют славные сибирские войска поднявшие знамена объединения Великой России. Президиум[:] Георгий Катанаев, Николай Козьмин, Виктор Попов, Сергей Акерблом»[3].

Несколько иного содержания была телеграмма, адресованная Г. Н. Потанину: «Сибиряки областники и члены Географического Общества собравшиеся в Омске для чествования памяти Николая Михайловича Ядринцева и присутствующие члены Правительства во главе с Председателем Совета Министров Петром Васильевичем Вологодским просят передать Григорию Николаевичу Потанину привет и горячие пожелания скорого выздоровления на славу и пользу Великой Родины. Катанаев, Козьмин, Попов, Шендриков, Акерблом». Эта телеграмма была послана через редактора «Сибирской жизни» Адрианова[4].

Как видим, память о Н. М. Ядринцеве жила и в Белом Омске. Об этом наглядно свидетельствует описанное нами заседание. Грустно осознавать, но его на правах соорганизаторов попытались использовать омские областники для решения своих политических вопросов. Попытка диалога

---

[1] Баженова Т. Роман с киргизом. Отрывки воспоминаний об омской эпопее // Новая заря (США, Калифорния, Сан-Франциско). – VOL XIII. – №2850. – 1940. – 28 апр. – С. 12.

[2] Дневник В. Н. Пепеляева // Окрест Колчака: документы и материалы // сост. А. В. Квакин. – М.: Аграф, 2007. – С. 87.

[3] Дневник В. Н. Пепеляева // Окрест Колчака: документы и материалы // сост. А. В. Квакин. – М.: Аграф, 2007. – С. 87.

[4] Дневник. Телеграмма Г. Н. Потанину // Правительственный Вестник (Омск).– №167. – 24 июня. – С. 4; Местная жизнь. Телеграмма Г. Н. Потанину // Сибирская речь (Омск). – №133. – 1919. – 24 (11) июня. – С. 4.

властей и областников скорее всего объяснялась тем, что в июне 1919 г. режим А. В. Колчака уже стало «лихорадить». Власть ощущала слабость своей социальной базы и искала способы для укрепления своего авторитета [1, с. 76].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бакшеев А. И. Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа: монография. – Красноярск: СФУ, 2013. – 345 с.

УДК 908 (570.58)

Менщиков Игорь Самуилович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и документоведения,
Курганский государственный университет,
Курган,
e-mail: ygor@bk.ru,

Сахно Арсений Сергеевич,
магистрант,
Курганский государственный университет,
Курган,
e-mail: ars.sakh96@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КУРГАНСКОМ УЕЗДЕ

В статье рассматривается социально-просветительская и организационная деятельность курганского отдела Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) в начале XX века. Авторы исследуют цели и задачи МОСХ, возникновение Курганского отдела и аспекты его деятельности, направленные на популяризацию сельскохозяйственных знаний в Курганском уезде. Кроме того, показана организационная деятельность Курганского отдела МОСХ, который в условиях отсутствия земства в Западной Сибири взял на себя некоторые его функции, в частности распределение сельскохозяйственных орудий, организацию выставок, координацию деятельности с другими общественными, государственными и коммерческими структурами в регионе.

Ключевые слова: Московское общество сельского хозяйства; Союз сибирских маслодельных артелей; Зауралье.

Menshchikov Igor Samuilovich,
Candidate of Historical Sciences,
associate Professor of Department of History,
Kurgan State University,
Kurgan,
e-mail: ygor@bk.ru,

Sakhno Arseniy Sergeevich,
Magistrant, Kurgan State University,
Kurgan,
e-mail: ars.sakh96@yandex.ru

ACTIVITY OF THE MOSCOW SOCIETY OF AGRICULTURE IN THE KURGAN DISTRICT

The article discusses the socio-educational and organizational activities of the Kurgan department of the Moscow Society of Agriculture in the early twentieth century. The authors explore the goals and objectives of the Moscow Union of Artists, the emergence of the Kurgan department and aspects of its activities aimed at promoting agricultural knowledge in the Kurgan district. In addition, the organizational activity of the Kurgan department of the Moscow Union of Artists is shown, which, in the absence of zemstvos (local government) in Western Siberia, assumed some of its functions, in particular the distribution of agricultural implements, the organization of exhibitions, and coordination of activities with other public, state and commercial structures in the region

Keywords: Moscow Society of Agriculture; Union of Siberian oil production Artels; Trans-Urals.

Земская реформа 1864 г. дала толчок к развитию городов и уездов Российской Империи, упорядочив сферы народного образования, медицины, строительства инфраструктуры в тех губерниях и уездах, где были учреждены земства. В Западной Сибири (за исключением зауральских уездов Пермской губернии) земство отсутствовало, поэтому некоторые его функции взяли на себя местные отделения общественных и благотворительных организаций. Государство не противилось этому, наоборот, предпринимались меры для законодательного регулирования деятельности благотворительных организаций. «Данная позиция часто сводилась к поощрению, превознося благотворительные общества за моральную добродетель и приносимую ими общественную пользу. Но делалось это постольку, поскольку это облегчало бремя государственных расходов в такой относительно второстепенной, по мнению правительства, области, как помощь нуждающимся и нищим, и при постоянном ощущении страха, что независимое общественное развитие, даже имеющее благотворительную направленность, может зайти слишком далеко или принять непредвиденные и нежелательные формы» [1, с. 301].

Проведение Транссибирской железной дороги дало толчок к развитию товарных отношений в сельском хозяйстве. В начале XX века в Зауралье развернулось мощное кооперативное движение, которое оформилось в ноябре в Союз сибирских маслодельных артелей. Для повышения качества и конкурентоспособности местной продукции необходимо было изменить всю систему местного животноводства, в частности улучшить кормовую базу и условия содержания скота. Скот приходилось кормить соломой, так как сена не хватало, а из-за дележа сенокосных угодий происходили столкновения между целыми деревнями. Для повышения жирности молока необходимо было разводить новые кормовые культуры. Одним из энтузиастов и организаторов этого дела был Н. Л. Скалозубов, на протяжении многих лет бывший тобольским губернским агрономом. Он был убежден, что сибирские крестьяне очень чутко относятся к разного рода усовершенствованиям в орудиях труда, что среди них много инициативных людей [2, с. 72]. По его инициативе был создан Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). Несколько позднее такой же отдел был создан и в Ялуторовском уезде. Между этими отделами и Союзом маслодельных артелей установились тесное и плодотворное сотрудничество, которое повлекло заметные изменения в аграрной культуре зауральского крестьянства. Одним из главных направлений этого сотрудничества была активная просветительская работа. Устраивались разного рода чтения с применением не только наглядностей, но и технических средств – кинематографа и «волшебного фонаря», диапозитивов [2, с. 73]. По деревням распространялась научно-популярная литература по агрономии, широкой популярностью стала пользоваться выходившая под эгидой Союза сибирских маслодельных артелей «Народная газета». Зачастую крестьяне неохотно соглашались на эксперимент, но убедившись в эффективности предлагавшихся новаций, соглашались применять их в своем хозяйстве. Например, в селе Коркинском Ялуторовского уезда агрономом проводились курсы по животноводству и молочному хозяйству. Большинство жителей отмахивались от них, говоря: «Что мы не знаем, как коров доить? – век жили, смешно, – будто не знаем как коров пасти?» Только 12 человек согласились проверить на своих коровах новую методику. Однако, на открытие курсов многие все же пришли. Выслушав лекции и убедившись, что закрытые и теплые скотные дворы повышают удои молока, «словно горячка охватила наших коркинцев. Бросились все устраивать теплые скотные дворы»[1]. Номера «Народной газеты» пестрят подобной корреспонденцией.

[1] Народная газета. – 1913. – №4.

Другим способом убеждения крестьян в необходимости новых методов ведения хозяйства были разного рода выставки и конкурсы. Проводилась раздача или продажа по льготной цене семян новых кормовых культур. В начале XX в. большое внимание уделялось разведению могара и вики. Благодаря предпринятым мерам к 1914 г. удалось повысить среднюю жирность молока до 4,8% и увеличить надои его почти вдвое. Также с открытием скотобоен «Брюлъ и Тегерсен» заметно увеличился спрос на откормленных свиней. Это привело к быстрому росту их поголовья [3, с. 2 – 13]. Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства занимается вопросами устройства школы молочного хозяйства [4, с. 39], привлекая для этого средства местных меценатов[1]. Другие интересные данные, касающиеся просветительской деятельности Курганского отдела МОСХ, можно найти в «Обзоре», составленном С. М. Косаревым [5].

Еще одним направлением просветительской деятельности Курганского отдела МОСХ было распространение новых сельскохозяйственных орудий. В начале XX века все шире стали применяться плуги, а также сеялки, молотилки и иные машины. Первоначально их изготовление находилось в руках кустарей. Однако в первые 15 лет XX века все чаще стали распространяться приспособления и фабричного производства. Курганский отдел МОСХ покупал и сдавал на весьма выгодных условиях плуги, сеялки, молотилки. Спрос на них постоянно возрастал, в Курганском отделе ставился вопрос о расширении сети прокатных пунктов. Наибольшей популярностью в 1910-х гг. пользовались плуги Сакка, сеялки и культиваторы[2]. Некоторые богатые артели рассматривали вопрос о приобретении тракторов. Одна из таких артелей в Ишимском уезде приобрела американский трактор мощностью в 25 лошадиных сил за восемь тысяч рублей [2, с. 74].

Итак, в начале XX в. Курганский отдел МОСХ в сотрудничестве с другими организациями проводил активную просветительскую работу, направленную на улучшение агрокультуры зауральского села и использовал широкий набор средств для этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Коновальцев А. С. Организационно-правовые основы деятельности негосударственных общественных объединений в сфере благотворитель-

[1] Труды Курганского Отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства. Годы 1902-й и 1903-й. – Тобольск: Губернская Типография, 1905. – С. 2.

[2] Народная газета. – 1914. – №20.

ности и социального призрения в Российской Империи XIX в. // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2012. – №7. – С. 297 – 302.

2. Менщиков И. С. Культура Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX века. – Курган, 2006. – 156 с.

3. Эрдели Г. Я. Отчет о деятельности по Курганскому и Ялуторовскому районам за 1911 и 1912 г. – Курган, 1914. – 65 с.

4. Алексеева М. Н. Благотворительная деятельность как форма государственно-общественного управления (на материалах Симбирской губернии второй половины XIX века до 1917 года) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – №6. – С. 80 – 84.

5. Косарев С. М. Обзор деятельности Курганского отдела МОСХ по маслоделию с кратким очерком развития маслоделия в Западной Сибири. – Курган, 1911. – 166 с.

УДК 908 (571.13)

Назарцева Татьяна Михайловна,
Заслуженный работник культуры РФ,
главный научный сотрудник,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: ntm2002@mail.ru

СЕЛЬСКИЕ КРАЕВЕДЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассматриваются особенности развития краеведческого движения в Омской области во второй половине XX в. Анализируется тематика краеведческих исследований, специфика методологии. Отмечается роль именных краеведческих чтений на базе районных музеев области.

Ключевые слова: краеведение; краевед; Омская область; региональная история; устная история; краеведческие чтения.

Nazartseva Tatyana Mikhailovna,
Honored worker of culture of the RF,
Chief Researcher,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: ntm2002@mail.ru

RURAL LOCAL HISTORIANS OF THE OMSK REGION

The article is about the features of the development of local history movement in the Omsk region in the second half of the twentieth century. The subject of study of local lore researches, methodology specificity is analyzed. The role of the conferences dedicated to the memory of outstanding local historians on the basis of regional museums of the region is noted.

Keywords: local history; local historian; Omsk region; regional history; regional history; local history conferences.

История краеведческого движения в Омской области не является объектом пристального внимания исследователей. Процессы современного краеведения не нашли широкого отражения в омских научных публикациях.

В 1994 г. вышел «Омский историко-краеведческий словарь» под редакцией П. П. Вибе, в котором представлены краткие биографии некоторых исследователей и любителей, занимающихся местной историей [1]. Особое значение имеют работы омского историка А. В. Ремизова, который в своих монографиях рассматривает процесс изучения региональной истории краеведами в XX в., исследует вклад выдающихся и малоизвестных краеведов [2]. Автор рассматривает развитие краеведения в области, характеризует деятельность сельских краеведов 1930 – 1960-х гг. Наиболее полно из сельских краеведов он анализирует наследие А. В. Ваганова, В. С. Аношина, И. С. Коровкина. И. А. Махнанова дает краткий обзор истории районов Омской области в краеведческих публикациях по материалам районной периодической печати 1941 – 1995 гг. [3]. В своей статье она приводит числовые данные о краеведческих публикациях в районных газетах Омской области.

Надо отметить, что в 1-й пол. XX в. региональной историей занималось не так уж много исследователей, и интерес в основном лежал в плоскости естественно-географических особенностей развития края, частично археологии, фольклористики. С конца 1960 – начала 1970-х гг. наблюдается развитие интереса к местной истории у преподавателей, получает развитие школьное краеведение. В 1970-е гг. интерес к локальной истории усилился в связи с созданием на общественных началах районных и сельских краеведческих музеев. Во многом теоретической базой для создания этих музеев служили исследования краеведов 1930-1950-х гг. Постепенно музейные работники от практической работы по сбору коллекций и созданию экспозиций приходят к изучению истории своих районов.

Всегда к краеведческой тематике проявляли интерес районные газеты. Большинство краеведов публиковало свои статьи на страницах районной печати, немногие из них имели возможность подготовить и издать обобщенный материал в виде книг и брошюр. В периодической печати печатались статьи не только краеведов-учителей или музейных работников, некоторые журналисты также начинают приобщаться к изучению местной истории. Среди таких авторов стоит назвать Л. С. Евсеева, А. П. Долгушина. В 1980-е гг. среди авторов краеведческих публикаций можно встретить специалистов по сельскому хозяйству, руководителей, которые чаще всего публикуются в сборниках, посвященных юбилейным датам административных образований. У кого-то первоначальное обращение к краеведческой тематике в силу служебного положения перерастает в неподдельный интерес к своим корням, локальной истории, краеведение увлекает. Так к краеведению пришел А. А. Мороз, заслуженный агроном Российской Фе-

дерации. Его публикации о развитии с. Ольгино Полтавского района основаны на воспоминаниях первопоселенцев поселка и архивных источниках.

Рассматривая сельское краеведение, можно выделить несколько направлений, по которым имеются разнообразные публикации. Среди основных тем – изучение истории родных сел, заселение и развитие районов. К таким публикациям можно отнести статьи Н. П. Басовой, Я. В. Адама (Горьковский район), М. И. Ракитиной (Знаменский район), Г. А. Гензеля (Исилькульский район), Г. К. Андрианова (Крутинский район), С. Ф. Горбачева (Любинский район), П. А. Брычкова (Нововаршавский район), И. Ф. Зинченко (Полтавский район), М. И. Бизякиной (Тюкалинский район) и др.

Тематические исследования также находят отражение в краеведческих публикациях. Особенно хотелось бы подчеркнуть работы А. А. Жирова (Тара). Его исследования истории тарского купечества второй половины XVIII – начала XX вв. рассматривают вклад купцов в развитие и строительство Тары, затрагивают не только деловые, но и родственные связи купцов Нерпиных, Носковых, Волковых со многими предпринимателями Сибири. Он также исследовал генеалогию сибирских купцов. Значение его работы в том, что истории купечества практически не уделялось внимания в советское время, в постсоветский период изучали в основном купечество крупных городов и центров; работы А. А. Жирова о тарском купечестве представили широкую картину предпринимательства и торговли на севере Омского Прииртышья.

Еще одна тема краеведческих публикаций – история развития образования в районах, история отдельных школ. Публикации муромцевского краеведа Н. Д. Веселовского представляют пласт истории образования в Тарском уезде и в Муромцевском районе. Истории школ посвящены публикации Н. А. Свиркина. Также краеведы работают над малоизученными и неизвестными страницами локальной истории. Уже упоминавшийся краевед Н. Д. Веселовский на основе архивных данных нашел и опубликовал неизвестные страницы писателя-эмигранта, уроженца с. Муромцево Б. Г. Пантелеймонова.

Многие краеведы являются основоположниками изучения истории локальных территорий, чаще всего у таких исследователей основная деятельность связана со школой или музеем. К основоположникам районного краеведения можно отнести А. В. Ваганова, В. С. Аношина, К. П. Кошукова, М. И. Ракитину, М. А. Бизякину, Н. А. Свиркина, Г. К. Андрианова, И. Ф. Зинченко, М. И. Санькова, Я. В. Адама, В. М. Фатеева и многих др.

Наследие краеведов охватывает достаточно широкие временные пе-

риоды. Это статьи по археологии, фольклористике, генеалогии, истории территорий от основания поселков до из развития в XX в. Особый интерес краеведы проявляют к истории основания сел и деревень. К сожалению, некоторые публикации не лишены идеологической окраски. Ряд авторов подает материал с позиции социалистической идеологии, другие, напротив, педалируют негативные стороны общественно-социальных, экономических процессов 1920 – 1970-х гг., такие как репрессии и раскулачивание, расселение малоперспективных деревень, упадок сельскохозяйственного производства в 1990-е гг.

В 1970-е – 1980-е гг. в Омской области успешно развивалось школьное краеведение. С изучения местной истории со школьниками начинали ставшие впоследствии известными исследователями своих районов М. И. Лощинина (Любинский район, с. Любино-Малороссы), И. Ф. Зинченко (Полтавский район, с. Полтавка), Н. А. Свиркин (Павлоградский район, с. Тихвинка), К. П. Кошуков (Тевризский район, с. Тевриз), С. Ф. Горбачев (Любинский район, с. Любино) и многие другие. Среди краеведов-музейных работников можно отметить Я. В. Адама (Горьковский район), Е. П. Зензина (Большеуковский район), С. Ф. Горбачева (Любинский район). В. М. Фатеев начинал со школьного краеведения, был создателем Усть-Ишимского районного музея; когда ушел в журналистику, не перестал заниматься краеведением.

Особенностью краеведения 1960 – 70-х гг. является обращение к устной истории, т.к. было еще живо поколение основателей многих сел, участников исторических событий. Работа с архивными источниками – это уже следующий этап становления краеведа как исследователя.

Записи воспоминаний современников, участников событий – это один из самых распространенных способов сбора информации, которые впоследствии наряду с архивными и статистическими материалами ложились в основу краеведческих заметок, статей, очерков. Каждый краевед во время своей деятельности комплектовал личный архив, в котором сохранялись выписки из разных источников, записи воспоминаний, копии и подлинники исторических документов. К сожалению, не все эти материалы сохраняются и используются в последующем. Часть архивов наиболее известных краеведов попадает в архивы и музеи, но в большинстве своем они исчезают бесследно. Поэтому тем более ценно то, что было опубликовано и стало доступно всем, кто интересуется локальной историей.

Краеведческое движение в Омской области в настоящее время большей частью определяется деятельностью районных музеев. Именно краеведы-музейные работники трудятся наиболее целенаправленно, продуктив-

но. Об этом свидетельствуют проводимые на базе музеев краеведческие конференции в формате чтений, среди которых наибольшей известностью пользуются Вагановские чтения, проводимые в Таре с 2002 г., с 2008 г. они имеют региональный статус. Первые чтения были посвящены 110-летию краеведа А. В. Ваганова, в 2018 г. состоялись IX Вагановские чтения. В Большеречье проводились районные Аношинские чтения, в которых принимали участие учителя и школьники Большереченского района. С 2016 г. чтения получили статус межрегиональной научной конференции. Проводятся периодически краеведческие чтения районного статуса в Марьяновском, Павлоградском, Знаменском муниципальных районах, в с. Новоскатовке Шербакульского района и др.

Вклад краеведов в изучение омской истории еще недостаточно оценен. Но именно их публикации представляют значительную часть региональной истории и это важно для развития исторической науки в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994. – 320 с.

2. Ремизов А. В. Омское краеведение 1930 – 1980-х годов. Очерк истории. – Омск, 2018. – 448 с.

3. Махнанова И. А. История районов Омской области в краеведческих публикациях (по материалам районной периодической печати 1945 – 1991 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – №5 (182). – С. 78 – 82.

УДК 930

Наумов Сергей Сергеевич,
аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: naumov_s_s@mail.ru

ПАМЯТНОЕ ПРОСТРАНСТВО МАЛЫХ ГОРОДОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ)*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00329.

В статье рассматриваются общие и индивидуальные особенности пространства памяти малых городов Омского Прииртышья. Выявлена специфика перехода от традиций советской мемориальной культуры к современным коммеморативным практикам в рамках своеобразия исследуемого региона. Обозначены основные направления трансляции исторической памяти, влияющие на организацию нового символического облика городов. В ходе исследования восстановлена хронология ключевых акций по созданию новых региональных социокультурных ландшафтов, анализируются этапы политики памяти, оказывающей воздействие на развитие локальной культуры места.

Ключевые слова: пространство памяти; локальное пространство; мемориальные практики; малые города; памятники; Омское Прииртышье.

Naumov Sergey Sergeevich,
post-graduate student of the Department of modern national history and historiography,
Omsk state university named after F. M. Dostoevsky,
Omsk,
e-mail: naumov_s_s@mail.ru

MEMORIAL SPACE OF SMALL TOWNS OF OMSK IRTYSH REGION (BASED ON LOCAL INFORMATION RESOURCES)

The article deals with the general and individual features of the memory space of small towns of Omsk Irtysh region. The specificity of the transition from the traditions of Soviet memorial culture to modern commemorative practices in the framework of the originality of the studied region is revealed. The main directions of translation of historical memory influencing the organization of a new symbolic image of small towns are designated. The study restored the chronology of key actions to create new regional socio-cultural landscapes, analyzed the stages of memory policy that affects the development of local culture of the place.

Keywords: memory space; local space; memorial practices; small town; monuments; Omsk Irtysh Region.

В 1990 – 2000 гг. серьезно усилился интерес ученых (историков, культурологов, урбанистов) к проблемам изучения памятного пространства городов, различных мемориальных практик в регионах, развития городской культуры. В конце 1980-х – 1990-е гг. историки участвовали, например, в паспортизации памятников, «среди которых согласно официальным концепциям советской истории приоритетными были мемориальные комплексы и монументы, посвященные ее героям, в том числе обязательные для любого города памятники вождям» [1, с. 55 – 56]. В постсоветскую эпоху мемориальное пространство городов значительно обогатилось памятниками, связанными с процессами конструирования местной идентичности, утверждения «особой» роли того или иного города в истории и современности всей страны.

Целью нашего исследования становится выявление общих и уникальных образов и символов в пространстве памяти городов Омского Прииртышья. Выбор городов для сравнения обоснован привязкой к главным исторически сложившимся транспортным коммуникациям Западной Сибири – Московско-Сибирскому тракту и Транссибу. Опираясь на сравнительно-исторический метод исследования, мы обращаемся к специфическому кругу исторических источников, таких как справочно-информационные печатные издания (путеводители, карты, наборы открыток, календари) и интернет-ресурсам.

Современными исследователями, например, А. В. Святославским, среди тематических коммеморативных направлений, обозначенных со-

ветской идеологией, выделяются в качестве основных: мемориализация Октября 1917-го, лидеров Коммунистической партии и Советского государства, трудовых успехов Советской власти, военных побед [2, с. 304 – 305]. Региональный материал подтверждает этот вывод. Среди объектов историко-культурного наследия Омского Прииртышья (имеющих различные категории государственной охраны) немало памятников, связанных с увековечиванием борцов Революции и участников Гражданской войны. Это памятник Борцам революции в Тюкалинске (1971 г.)[1], братская могила красногвардейцев на ул. Деповской (стела установлена в 1978 г.), памятник на могиле первого председателя Исилькульского Совета А. М. Ломова и памятник В. И. Ленину у здания администрации (1968 г.) в Исилькуле [3, с. 151 – 152], памятник В. И. Ленину на площади Маркса (1983 г.) в Таре[2] и др.

Коммеморация Великой Отечественной войны тесно связана как с советской, так и с постсоветской эпохой. Мемориал воинам-землякам, павшим в боях в годы Великой Отечественной войны, в Тюкалинске формировался на протяжении почти двух десятилетий: с 1975 по 1992 гг.[3] Мемориальный комплекс «Сквер Победы» в Таре появился в 1985 г. Последняя его реконструкция проводилась в 2005 – 2009 гг. В 1998 г. в Таре был открыт сквер военно-морской славы в память о пребывании в городе 2-й Ленинградской военно-морской спецшколы (автор проекта – В. С. Мацелевич). К продолжению советской традиции монументального увековечивания героев Великой Отечественной войны также относят расположенные на территории Тары памятники Героям Советского Союза генералу Д. М. Карбышеву (1987 г.) и адмиралу Н. Г. Кузнецову (2005 г.)[4].

Сооружение мемориалов, посвященных Великой Отечественной войне, в малых городах также было связано с празднованиями масштабных

---

[1] Братская могила 49 борцов за власть Советов, погибших в 1919 г. [Электронный ресурс] https://kartarf.ru. Режим доступа: https://kartarf.ru/dostoprimechatelnosti/177583-bratskaya-mogila-49-borcov-za-vlast-sovetov-pogibshih-v-1919 (Дата обращения: 10.06.2019).

[2] Тара: путеводитель / сост. Е. Н. Родникова, Т. И. Царегородцева. – Омск: Амфора, 2014. – С. 15.

[3] Мемориал Славы воинам-землякам, павшим за Родину в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. [Электронный ресурс] https://goru.travel/. Режим доступа: https://goru.travel/place/memorial-slavy-voinam-zemlyakam-pavshim-za-rodinu-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945gg (Дата обращения: 10.06.2019).

[4] Памятники истории и памятные места города Тары (фотоальбом) / сост. В. Н. Носкова. – Тара, 2010. – С. 24 – 35.

юбилеев Победы. Начиная с 1965 г. были открыто (либо заложено) большинство памятников, посвященных событиям 1941 – 1945 гг.: памятник «Воинам-землякам, павшим в боях за Родину на фронтах Великой Отечественной войны» в Называевске (1967 г.)[1], «Памятник неизвестному солдату» в Исилькуле (1975 г.)[2] и др. В наши дни государственная политика памяти в данной сфере также свидетельствует о том, что образы и символы Великой Отечественной войны продолжают оставаться ключевыми в процессе конструирования коллективного исторического сознания.

Наиболее разнообразной группой мест памяти, возникших после 1991 г., являются локальные символические фигуры, призванные обозначить уникальность городских пространств. Чаще всего уникальность соотносится с выдающимися личностями, в той или степени связанными с городом. Примером тому служат Дом-музей и памятник народному артисту СССР М. А. Ульянову, детство и юность которого прошли в Таре[3], памятник верстовому столбу в Тюкалинске, установленный в рамках Всероссийского проекта «Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин» (писатель проезжал через Тюкалинск 18 мая 1890 г.)[4].

Ряд акций по созданию нового символического пространства памяти в постсоветский период был вызван юбилеями городов. В 1994 г., когда отмечалось 400-летие Тары, были реализованы сразу два проекта архитектора М. М. Хахаева – памятный знак на Юбилейной площади и реконструированный фрагмент крепостной стены. Двумя годами ранее в городе был установлен памятный знак с условным названием «Основателям города Тары»[5]. В 2008 г., в год 115-летия со дня основания Исилькуля, на привокзальной площади города был установлен памятник железной дороге: стоя-

---

[1] Памятник воинам-землякам, павшим в боях за Родину на фронтах ВОВ / Карта памяти [Электронный ресурс] http://memory-map.prosv.ru. Режим доступа: http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-9177/type=map&center=55.558595,71.35308&zoom=13 (Дата обращения: 10.06.2019).

[2] Памяти павших будем достойны / Карта памяти [Электронный ресурс] http://memory-map.prosv.ru. Режим доступа: http://memory-map.prosv.ru/#/memorial-2933/type=map&center=54.93351,71.332271&zoom=13. (Дата обращения: 10.06.2019).

[3] Тара: путеводитель… С. 16.

[4] День Чехова в Тюкалинске / Тюкалинский муниципальный район [Электронный ресурс] http://tukalin.omskportal.ru. Режим доступа: http://tukalin.omskportal.ru/ru/municipal/localAuthList/3-52-256-1/officialsite/news/1391982206588.html. (Дата обращения: 10.06.2019).

[5] Памятники истории и памятные места города Тары… С. 6 – 11.

щий на невысокой платформе паровоз серии «Л-0984» символически обращен к железнодорожным истокам Исилькуля – «западных ворот Сибири»[1].

Можно констатировать, что формирование новых образов и символики малых городов в последние два десятилетия в большей степени происходит в рамках процесса поиска идентичности, исключительности и неповторимости того или иного населенного пункта. Этим фактором во многом обусловлено многообразие форм и содержания памятных композиций. Пространство памяти малых городов становится разнообразнее, что обуславливает необходимость поиска новых междисциплинарных подходов при его изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. – 340 с.

2. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – М.: Древлехранилище, 2013. – 592 с.

3. Вибе П. П. Отчет о проведении научно-исследовательских работ на территории Омской области с целью выяснения современного состояния объектов культурного наследия // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. – Омск: ОГИК музей, 2005. – С. 131 – 170.

[1] Паровоз-памятник в городе Исилькуль / Национальный туристический портал [Электронный ресурс] https://russia.travel. Режим доступа: https://russia.travel/objects/323317/. (Дата обращения: 10.06.2019).

УДК 01:908(571.13) (092)

Ремизов Александр Викторович,
кандидат исторических наук,
директор,
Омская государственная областная научная библиотека
им. А. С. Пушкина,
Омск,
e-mail: avrem2@yandex.ru,

Сорокин Алексей Петрович,
заместитель директора,
руководитель Центра краеведческой информации,
Омская государственная областная научная библиотека
им. А. С. Пушкина,
Омск,
e-mail: ap40in@mail.ru

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ОМСКИХ КРАЕВЕДОВ В СЕРИИ «БИОБИБЛИОГРАФИКА» ОГОНБ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Данная статья рассказывает о концептуальных положениях и основном содержании серии биобиблиографических указателей ОГОНБ имени А. С. Пушкина «Биобиблиографика», издающейся с 2014 г. Рассматриваются указатели, изданные к памятным датам выдающихся омских краеведов Петра Драверта (1879 – 1945), Николая Чернокова (1891 – 1968), Аркадия Ваганова (1892 – 1978), Василия Аношина (1898 – 1996), Ивана Коровкина (1919 – 1977). Биографические статьи, включенные в указатели, раскрывают некоторые не известные ранее страницы биографии краеведов, а иллюстративные приложения вводят в публичный оборот редкие документы и фотографии из личных архивов. Раскрыта возможность использования изданий серии в краеведческой библиотечной деятельности, подготовке новых изданий (антологий и хрестоматий) по истории омского краеведения.

Ключевые слова: омское краеведение; краеведческая деятельность библиотек; биобиблиографические указатели; издательская деятельность.

Remizov Alexander Viktorovich,
candidate of historical sciences,
Director,
Omsk state regional scientific library named after A. S. Pushkin,
Omsk,
e-mail: avrem2@yandex.ru,

Sorokin Alexey Petrovich,
deputy director, head of the Center of local history information,
Omsk state regional scientific library named after A. S. Pushkin,
Omsk,
e-mail: ap40in@mail.ru

LIFE AND WORKS OF THE OMSK LOCAL HISTORIANS IN BIOBIBLIOGRAFIKA SERIES OF OGONB NAMED AFTER A. S. PUSHKIN

This article talks about the principles of preparation and publication, the main content of a series of biobibliographic indexes of OGONB named after A.S. Pushkin «Biobibliografika», published since 2014. Signs published for the anniversary dates of Omsk local historians and dedicated to Peter Dravert (1879 – 1945), Nikolai Chernokov (1891 – 1968), Arkady Vaganov (1892 – 1978), Vasily Anoshin (1898 – 1996) and Ivan Korovkin (1919 – 1977) are considered. The article also reveals some previously unknown pages of the biography, reflected in biographical articles included in the collections of indexes, talks about the prospects for biobibliographic study of the work of Omsk local lore and the preparation of new editions of the series, their use in local history library activities.

Keywords: Omsk local history; local history movements in public library; biobibliographic indexes; publishing.

Омское краеведение минувшего столетия представлено целой плеядой замечательных патриотов и знатоков родного края, подлинных любителей науки и бескорыстных энтузиастов краеведческого поиска. Это люди с разными судьбами и биографиями, жившие на омской земле с самого своего рождения или оказавшиеся здесь в силу сложных переплетений личной судьбы с эпохальными событиями отечественной истории. История краеведения не менее занимательна и поучительна, чем история края,

беззаветная любовь к которому объединяет всех подвижников независимо от времен и путей, по которым они пришли в краеведение [1].

Однако возможны и иные подходы, освоенные специалистами разных отраслей знания. Жизнь и творчество краеведов раскрывается через тематические биобиблиографические указатели, посвященные деятелям науки и культуры. Подобного рода издания издаются во многих универсальных научных библиотеках России специалистами-библиографами на основе изучения справочно-поисковых аппаратов библиотек, непосредственного просмотра публикаций. Подобного рода издания профессионально готовились и издавались ОГОНБ на протяжении последних 50 лет. Публикациями краеведов на разнообразные темы, а затем и литературой о них главная библиотека региона комплектовалась всегда, а библиографические описания этих материалов отражались в ее справочно-поисковом аппарате[1] [2; 3].

В 2016 г. в библиотеке возникла идея объединить подобного рода издания в серию «Биобиблиографика. Исследователи Омского края». Ее отличительной особенностью является объединение усилий профессиональных историков и библиографов, которые в тесном творческом взаимодействии создают научное профессиональное издание. Каждый указатель серии включает объемный биографический очерк, подготовленный одним из авторов статьи на основе многолетних архивных изысканий в архивах, работы с личными собраниями краеведов, встреч и бесед с людьми, лично знавшими подвижников истории края. Еще одной отличительной особенностью являются яркие и содержательные иллюстративные блоки, раскрывающие малоизвестные страницы жизни и творчества краеведов, вводящие в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы личных архивов и малотиражных изданий.

Основной объем указателей занимают подготовленные в соответствии с библиографическими стандартами перечни трудов краеведов и литература о них, разделенные на тематические разделы и систематизированные в хронологическом порядке. Содержание публикаций в случае необходимости раскрывается аннотациями. Общим для всех выпусков серии является наличие в издании именных указателей, а также использование широкого круга источников: каталогов и фондов ОГОНБ им. А. С. Пушкина, федеральных и региональных библиотек, библиографических источников и ресурсов, в том числе представленных в электронном виде. Для составления указателей широко привлекаются библиотеки-партнеры, расположенные на территориях, связанных с деятельностью краеведов (Большеречье,

[1] Поэт земли и звезд: [к 90-летию со дня рождения П. Л. Драверта / сост. С. Л. Басаргина]. – Омск, 1968. – 6 с.

Красноярка, Любинский, Тара Омской области, Казань, Киров, Пермь, Якутия и др.).

Первым задуманным и реализованным изданием подобного рода стал биобиблиографический указатель, посвященный юбилею известного ученого, краеведа и библиофила Петра Драверта, подготовленный в 2014 г. к 135-летию со дня его рождения и представленный на состоявшейся в ноябре 2014 года научно-практической конференции «Дравертовские чтения». В пособие включены материалы указателей 1968 и 1979 гг., существенно уточненные и дополненные, а также те публикации, которые появились после их выхода в свет. В указателе «Петр Людовикович Драверт (1879-1945)» учтены отдельные издания, публикации из сборников, периодических и продолжающихся изданий независимо от места их публикации и языка. Всего в указателе приведено аннотированное описание 967 публикаций (из них 418 авторских работ самого Драверта), опубликованных с 1903 по 2014 гг.[1]

Вторым выпуском стал вышедший в 2016 г. биобиблиографический указатель «Николай Федорович Черноков». В издание, подготовленное к 125-летию со дня рождения замечательного краеведа, фольклориста, библиофила и коллекционера, включена литература за 1948 – 2016 гг. В указателе с возможной полнотой отражены публикации Н. Ф. Чернокова, а также опубликованные тексты записанных им фольклорных произведений. Материалы сгруппированы в три раздела: «Публикации Н. Ф. Чернокова», «Литература о жизни и деятельности Н. Ф. Чернокова» и «Библиографические пособия»[2]. Следует отметить, что Н. Ф. Черноков в начале 1920-х годов был сотрудником областной библиотеки, а в дальнейшем – ее постоянным читателем [4]. Так, в 1967 г. он по МБА выписывал «разнообразную историческую литературу о старом Петербурге, Оружейной палате, Царскосельском лицее» и по другим темам[3].

В 2017 г. к 125-летию со дня рождения краеведа-тарчанина, исследователя природных богатств северного края, педагога-просветителя и одного из основателей Тарского краеведческого музея вышел указатель «Аркадий Викулович Ваганов». В биобиблиографическое пособие включена литература за 1936-2016 гг. Составителями были просмотрены de visu все имею-

[1] Петр Людовикович Драверт (1879-1945): биобиблиогр. указ. / сост. О. П. Леонович; отв. ред. и авт. вступ. ст. А. В. Ремизов. – Омск, 2014. – 134 с.
[2] Николай Федорович Черноков: краевед, фольклорист, библиофил: (к 125-летию со дня рождения): биобиблиогр. указ. / сост. О. П. Леонович; авт. вступ. ст. А. В. Ремизов. – Омск, 2016. – 46 с.
[3] ГИАОО. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 169. Л. 252.

щиеся в фонде ОГОНБ номера газеты Тарского района «Ленинский путь» за 1939 – 1977 гг. В работе над изданием значительную помощь оказали Тарская центральная районная библиотека, Тарский историко-краеведческий музей, филиал Исторического архива Омской области, предоставившие библиографические и текстовые материалы[1].

Очередным выпуском серии стал указатель «Василий Семенович Аношин» (Омск, 2018), подготовленный к 120-летию со дня рождения известного краеведа, энтузиаста-музейщика, почетного гражданина поселка Большеречье. Хронологические рамки пособия охватывают 1934 – 2017 гг. Были просмотрены номера большереченской районной газеты «Наша Иртышская правда» («Колхозный путь») за 1934 – 1996 гг. Кроме этого, выборочно отсмотрены газеты «Омская правда» (1945 – 1996), «Молодой сибиряк», «Восход» Нижнеомского района, «Знамя труда» («Знамя коммунара») Муромцевского района, «К новым рубежам» Саргатского района[2]. Отметим, что В. С. Аношин так же, как и Н. Ф. Черноков, был читателем «Пушкинки», пользовался услугами МБА, обращался к библиографам, которые выполняли для него самые разнообразные справки, например, в 1956 г. по теме «Заселение севера Омской области»[3] [4].

В текущем году к 100-летнему юбилею выдающегося краеведа-фольклориста при поддержке Администрации Любинского муниципального района вышел в свет указатель «Иван Семенович Коровкин»[4]. Составители опирались на выпущенный в 2009 г. Любинской центральной библиотекой указатель, существенно перерабатывая, уточняя и дополняя последний, в том числе публикациями, которые вышли после 2009 г.[5] Кроме того, указатель традиционно предваряется биографическим очерком и сопрово-

[1] Аркадий Викулович Ваганов: (к 125-летию со дня рождения): биобиблиогр. указ. / сост.: Н. А. Абанина, Е. И. Каткова; авт. вступ. ст. А. В. Ремизов. – Омск, 2017. – 47 с.

[2] Василий Семенович Аношин (к 120-летию со дня рождении): биобиблиогр. указ. / сост.: Н. А. Абанина, Л. Ю. Зозуля, Е. В. Шарамеева; авт. вступ. ст. А. В. Ремизов. – Омск, 2018. – 146 с.

[3] ГИАОО. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 157. Л. 99.

[4] Иван Семенович Коровкин: (к 100-летию со дня рождения): биобиблиогр. указ. / сост. О. П. Леонович; авт. вступ. ст. А. В. Ремизов – Омск, 2019. – 120 с.

[5] Иван Семенович Коровкин (1919-1977 гг.): биобиблиогр. указ. / Любинская центр. б-ка; сост. Е. М. Шумаева. – Любинский [Ом. обл.: б. и.], 2009. – 55 с.: портр.

ждается иллюстративным рядом, включающим, в том числе, и материалы небольшой архивной коллекции И. С. Коровкина, переданной В. П. Стасевич (с. Любино-Малороссы) в 2016 г. в Центр краеведческой информации ОГОНБ имени А. С. Пушкина.

К достоинствам указателей серии «Биобиблиографика. Исследователи Омского края» можно отнести их единое (начиная с 2016 г.) оформление, на высоком профессиональном уровне выполненное дизайнером библиотеки О. Ю. Макаровой, уже отмеченное обилие цветных иллюстраций, качественное полиграфическое исполнение. В планах библиотеки – продолжение работы над библиографированием материалов о выдающихся омских краеведах, в частности, выпуск указателей к 125-летию И. Н. Шухова (1894 – 1956) и к 75-летию А. Э Лейфера (1943 – 2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ремизов А. В. Омское краеведение 1930-1960-х годов: очерк истории: [3-е изд., испр. и доп.]. – Омск: Золотой тираж, 2018. – 446 с.

2. Самойленко С. Ф. Петр Людовикович Драверт: 1879 – 1979: библиогр. указ. лит.: к 100-летию со дня рождения – Омск, 1979. – 50 с.

3. Пукшанская Л. А. Писатели земли Омской: 1917 – 1945: указ. лит. – Омск, 1984. – 342 с.

4. Каткова Е. И. Издания серии «Биобиблиографика» ОГОНБ им. А. С. Пушкина о краеведах Омского Прииртышья // Вестник культуры [Омск]. – 2018. – Нояб. (№1). – С. 7: ил.

УДК 94(57)

Сергеев Константин Владимирович,
заместитель директора,
ООО «ГОС»,
Омск,
e-mail: mr.skv1979@mail.ru

К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 18 НОЯБРЯ 1918 Г. В Г. ОМСКЕ

В статье рассматривается роль непосредственных исполнителей переворота 18 ноября 1918 г. в Омске, сибирских казаков В. И. Волкова, А. В. Катанаева и И. Н. Красильникова, которые привели к власти адмирала А. В. Колчака.

Ключевые слова: Государственный переворот в Омске; 18 ноября 1918 г.; А. В. Колчак; В. И. Волков; А. В. Катанаев; И. Н. Красильников; сибирское казачество.

Sergeev Konstantin Vladimirovich,
deputy Director,
OOO «GOS»,
Omsk,
e-mail:mr.skv1979@mail.ru

THE HISTORY OF THE COUP NOVEMBER 18, 1918, IN OMSK

The article considers the role of direct executors of the coup of November 18, 1918 in Omsk, Siberian Cossacks V. I. Volkov, A. V. Katanaev, I. N. Krasilnikov, which led to the power of Admiral A. V. Kolchak.

Keywords: coup in Omsk; November 18, 1918; A. V. Kolchak; V. I. Volkov; A. V. Katanaev; I. N. Krasilnikov; Siberian cossacks.

Деятельности Верховного правителя адмирала А. В. Колчака посвящены десятки книг и сотни статей, однако ключевое событие его прихода к власти – омский переворот 18 ноября 1918 г. – по-прежнему остается не изученным полностью.

Интересно то, что ставший Верховным правителем России А. В. Колчак не стремился к этому и не осуществлял никаких действий, фактически его привели к власти силы, никак напрямую с адмиралом не связанные.

В. И. Шишкин в своей работе, основанной на мемуарах современников, отмечает расхождения фактического и концептуального характера и объясняет это тем, что мемуаристы обладали фрагментарной и несовпадающей информацией, а также во время Гражданской войны занимали разные политические позиции [1, с. 66].

Так, Г. К. Гинс занимал крупные должности и постоянно контактировал с рядом ключевых участников переворота. Он несомненно располагал достоверной информацией о том, кто и как его подготовил, но поделился ею очень скупо [1, с. 70 – 71], однако он был первым из написавших о колчаковском государственном перевороте, кто лично участвовал в заседании Совета министров 18 ноября 1918 г.

Он свидетельствует, что после сообщения П. В. Вологодского об аресте членов Директории и невнятной информации со слов каких-то очевидцев о ночных событиях в зале заседания, некоторое время царило «тягостное молчание». Г. К. Гинс делает выводы: «Я могу утверждать, с полным убеждением, что для подавляющего большинства переворот был совершенно неожиданным», «могу также с уверенностью сказать, что о перевороте ничего не знал и Колчак», «Совет министров был застигнут врасплох».

Гинс резюмирует: «Роковая неожиданность переворота поставила Совет министров перед фактом, заставила его принять решение без подготовки, избрать диктатора, недостаточно оценив его качества, определить его права, не выяснив твердо политических целей [...]. Те, кто свергнул Директорию, приняли на себя тяжкую ответственность, и, судя по тому, что произошло, они, видимо, мало продумали политическую программу будущего, сговорившись лишь на замене Директории Колчаком» [2, с. 309].

Кроме того, Г. К. Гинс охарактеризовал поведение во время заседания Совета министров двух членов Директории: П. В. Вологодского и В. А. Виноградова. По его утверждению, после избрания А. В. Колчака Верховным правителем оба названных деятеля заявили об отказе от своих должностей в Совете министров. Причем Г. К. Гинс привел аргументы, которыми мотивировал свое поведение В. А. Виноградов: «Он остался бы, если бы верил, что происшедшее принесет благо стране, но он в это не верит». Попытки уговорить В. А. Виноградова остаться в Совете министров в целях сохранения преемственности не увенчались успехом, тогда как П. В. Вологодский после недолгих колебаний согласился [2, с. 309 – 310].

Это свидетельствует о том, что, хотя Вологодский и некоторые другие члены Сибирского правительства остались у власти и «избавились» от Директории, но эти события произошли ситуационно, а не как следствие планирования ими и осуществления переворота.

Таким образом, в результате событий, произошедших в ночь на 18 ноября 1918, одна часть власти (Директория) неизвестной силой была арестована, а другая (Сибирское правительство) была застигнута врасплох, причем и будущий диктатор А. В. Колчак, по мнению Гинса, ничего о перевороте не знал.

Что же это за сила, которая может позволить себе арест по сути половины Правительства страны и о которой не знает вторая – по существу находящаяся в конфронтации с первой?

В исторических трудах принято несколько версий: интервенты и омские круги – на них указал И. М. Майский, который ко времени написания мемуаров уже являлся членом РКП(б). Он утверждал, что в свержении Директории «прямо или косвенно» участвовали такие «руководящие члены» Временного Сибирского правительства, как П. В. Вологодский, Г. К. Гинс, И. А. Михайлов, В. Н. Пепеляев и «некоторые другие». Причастным к государственному перевороту И. М. Майский считал Омский блок общественных организаций, главу британской военной миссии генерала А. Нокса и начальника французской военной миссии при Российском правительстве генерала М. Жанена [4, с. 334 – 335].

Есть свидетельство И. И. Серебренникова, с 4 ноября 1918 г. он был назначен министром снабжения Временного Всероссийского правительства. И. И. Серебренников имел хорошие отношения с большинством коллег по Совету министров и был очень осведомленным человеком [1, с. 74], который сообщил, что в числе инициаторов переворота обычно называли В. Н. Пепеляева, В. А. Жардецкого, И. А. Михайлова, начальника Академии Генерального штаба профессора А. И. Андогского, казачьих офицеров В. И. Волкова, А. В. Катанаева и И. Н. Красильникова. Но при этом автор воспоминаний сделал оговорку: «Так ли это было на самом деле, я не знаю и утверждать не берусь».

Более определенно И. И. Серебренников высказался насчет А. В. Колчака, которого высоко ценил и уважал: «Лично я считаю только, что адмирал Колчак был осведомлен о заговоре и дал заговорщикам свое согласие принять на себя бремя диктатуры». Свою позицию бывший министр убедительно аргументировал тем, что «без этого предварительного согласия адмирала устроители переворота едва ли рискнули бы совершить таковой» [3, с. 219 – 220].

Важный момент наличия общения А. В. Колчака с заговорщиками на предмет «принятия бремени диктатуры». Отметим это. Однако встает вопрос, который не получил должной оценки: Какова роль В. И. Волкова, А. В. Катанаева и И. Н. Красильникова? Являлись ли они самостоятельными фигурами, или подчинялись приказам руководящей ими команды заговорщиков?

По мнению исследователя А. Г. Мосякина, «реальная власть в Омске находилась в руках полковника Сибирского казачьего полка монархиста И. Н. Красильникова». По мнению исследователя, «Красильников видел в «засевших» в Директории эсерах, кадетах и народных социалистах «мягкотелых слизняков», которых надо убрать и установить военную диктатуру» [5, с. 471]. Несмотря на неточное указание чина и воинского подразделения И. Н. Красильникова, указанный вывод важен, т.к. в отличие от основной массы историков, А. Г. Мосякин осуществляет оценку событий вкупе с экономическими процессами, что позволяет ему приходить к сенсационным выводам.

К сожалению, В. И. Волков, А. В. Катанаев и И. Н. Красильников не оставили мемуаров, погибнув в годы Гражданской войны или немного позже, но сохранились протоколы допроса А. В. Колчака Чрезвычайной следственной комиссией от 04.02.1920, в котором на вопрос, знал ли он, кто конкретно организовал переворот, Колчак ответил: «Волков, начальник гарнизона, Катанаев и Красильников и несколько офицеров из казачьих частей. Я Лебедева спросил: «Кто был главный участник переворота, казачьи части?». Он сказал, что вся Ставка, штаб Главнокомандующего при участии некоторых членов Совета министров. Но до сих пор мне не известно, кто был из членов Совета министров, я никогда к этому вопросу не возвращался и никогда ни с кем из министров об этом не говорил»[1].

Из вышеизложенного очевидно, что заговор имел место быть, но ключевой была позиция его силового осуществления, а именно, со сложившимся силовым ресурсом, который был непосредственно у В. И. Волкова, А. В. Катанаева и И. Н. Красильникова и которые составляли отдельную группу. Без поддержки этой группы переворот было бы осуществить крайне сложно, а в случае ее противодействия и невозможно.

В. И. Волковым был выставлен ряд условий, после согласия на которые и были осуществлены указанные события [6, с. 238]. Отсюда очевидно, что «Казачья группа» в лице В. И. Волкова, А. В. Катанаева и И. Н. Красиль-

[1] Архив русской революции: в 22 т. – М.: Терра, Политиздат, 1991. – Т. 9 – 10. – С. 295 – 296.

никова и была той силой, которая имела прямой контакт с кандидатом в диктаторы и сделала ему об этом предложение.

Таким образом, Сибирское казачество в лице В. И. Волкова, А. В. Катанаева, И. Н. Красильникова и иных казачьих офицеров являлось самостоятельно действующей силой, которая являлась на тот момент лишь союзником других лиц, причастных к заговору. При этом «Казачья группа» обладала гораздо большим силовым потенциалом, поэтому она и осуществила действия гораздо более важные и значимые, чем все остальные заговорщики. Думается, что ее надо рассматривать как самостоятельную силу, осуществлявшую свои действия «в интересах Родины».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шишкин В. И. Колчаковский государственный переворот в освещении Российских мемуаристов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – №56. – С. 66 – 78.

2. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920 гг. – Пекин, 1921. – Т. 1. – Ч. 1. – 325 с.

3. Серебренников И. И. Мои воспоминания. В революции (1917 – 1918). – Тяньцзинь, 1937. – 246 с.

4. Майский И. Демократическая контрреволюция. – М.; Пг., 1923. – 360 с.

5. Мосякин А. Г. Судьба золота Российской Империи в срезе истории 1880 – 1922. – М: Т-во научных изданий КМК, 2017. – 680 с.

6. Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска 1917 – 1920 гг. – М: Центрполиграф, 2004. – Кн. 1. – 747 с.

УДК 94 (47)«1918-1919»

Сизов Сергей Григорьевич,
доктор исторических наук,
профессор кафедры философии,
Сибирский автомобильно-дорожный университет,
Омск,
e-mail: sizov-omsk@yandex.ru

ДЕТИ В БЕЛОМ ОМСКЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект №17-81-01006 ««Белая столица России»: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 − ноябрь 1919 гг.)»

В статье рассмотрено положение детей в Омске в годы Гражданской войны. Среди проблем, с которыми сталкивались дети, наиболее острыми были: нехватка жилья, недостаток средств, отсутствие нормального питания, малая доступность образования, нехватка мест в детских приютах, холод в жилых и образовательных помещениях, рост эпидемий и недостаток медицинской помощи, переживания и стрессы, вызванные потерей близких, утратой привычного образа жизни. Особо острая ситуация была у детей-беженцев, количество которых в Омске в период 1918 – 1919 годов постоянно возрастало. Вопросы защиты детства, воспитания и образования подрастающего поколения находили отражения на страницах омской печати. Определенную помощь детям оказывали как омские, так и зарубежные благотворители. Отметим, в частности, деятельность Американского Красного Креста.

Ключевые слова: повседневность; белый Омск; гражданская война; правительство А. В. Колчака; дети; 1918; 1919.

Sizov Sergey Grigorievich,
doctor of history,
Professor of the Department of philosophy,
Siberian automobile and highway University,
Omsk,
e-mail: sizov-omsk@yandex.ru

CHILDREN IN WHITE OMSK DURING THE CIVIL WAR

The article considers the situation of children in Omsk during the Civil war. Among the problems faced by children, the most acute were: lack of housing, lack of funds, lack of adequate nutrition, low access to education, lack of places in orphanages, cold in residential and educational premises, the growth of epidemics and lack of medical care, experiences and stresses caused by the loss of loved ones, the loss of the usual way of life. Especially sharp the situation was in refugee children, whose number in Omsk in the period 1918 – 1919 has been constantly rising. Issues of child protection, education and upbringing of the younger generation were reflected in the pages of the Omsk press. Certain assistance to children was provided by both Omsk and foreign benefactors. Note, in particular, the activities of the American Red Cross.

Keywords: everyday life; white Omsk; Civil war; the government of A. V. Kolchak; children; 1918; 1919.

В период Гражданской войны в России, пожалуй, наиболее уязвимой и страдающей частью населения являлись дети. Маленькие жители огромной страны оказались втянуты в катастрофу и вместе со взрослыми переживали потерю близких, голод, холод, болезни, неустроенность жизни. Понять тот ужас, который пережили дети во времена этой Русской Смуты, в какой-то степени помогают свидетельства их самих, собранных в эмиграции[1]. Расширенный сборник выдержек из сочинений «Дети эмиграции», был издан в Праге в 1925 г.[2] Эти издания невозможно читать без волнения.

Каково же было положение детей в 1918 – 1919 гг. в Омске, который в те годы был Белой столицей России [1]? Без сомнения, это положение за редким исключением было достаточно тяжелым. Особенно, конечно, это касалось беженцев, которые в 1919 г. составляли большую часть населения Омска. Стоит напомнить основные проблемы, с которыми сталкивались дети (и взрослые) в этот период.

---

[1] Воспоминания детей-беженцев из России / обраб. и сост. при.-доц. С. И. Карцевским. – Прага : [б. и.], 1924. – 27 с.

[2] Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / Под ред. проф. В. В. Зеньковского. – М.: Аграф, 2001. – 256 с. URL: http://rus-sky.com/history/library/vospominania/#33.

1. Нехватка жилья, приведшая к резкому росту цен на наем комнат, переуплотнению и массовому строительству землянок.

2. Недостаток средств существования из-за низких зарплат и пособий родителей, а также растущей безработицы.

3. Отсутствие нормального питания из-за быстрого роста цен на продовольствие.

4. Недоступность или малая доступность образования для значительного числа детей. Закрытие многих школ или перевод их на вечернюю смену из-за занятия зданий военными и административными органами. Недостаток учителей из-за призыва их в армию. Нехватка учебников. Сравнительно высокая стоимость обучения в частных гимназиях.

5. Нехватка мест в детских приютах и их неудовлетворительное финансирование.

6. Холод в жилых и образовательных помещениях из-за дефицита и дороговизны топлива.

7. Антисанитария, рост эпидемий и недостаток медицинской помощи.

8. Рост преступности.

9. Социально-политическая напряженность в городе (восстания большевиков).

10. Нравственные переживания и стрессы, вызванные потерей родных и близких, утратой привычного образа жизни и родных мест.

11. Безнадзорность и беспризорность.

Вопросы защиты детства, воспитания и образования подрастающего поколения находили отражения на страницах омской печати. Так, 1 февраля 1919 г. в газете «Русская армия» была опубликована статья «Наши дети». Автор ее захотел остаться анонимным и подписался *«Старый инвалид»*[1]. Уже начало статьи шокирует читателя: *«Долголетняя война, а за ней революция «уничтожила детей». «Детей нет. Есть малолетние взрослые всепонимающие существа. Но детей, нежных, наивных, любознательных, нет».* В подтверждение своих слов автор приводил ряд собственных наблюдений, представляющих и общественный интерес. Первое из них касается противостояния детей разных социальных групп. Дворовые мальчишки травят свою ровесницу девочку-беженку из Самары, называя ее «буржуйкой». Обзываются, матерятся, кидаются в нее веником. Она же называет их большевиками и мечтает о времени, когда ее отец придет с фронта и отомстит за нее.

[1] Старый инвалид. Наши дети // Русская армия (Омск). – 1919. – №23. – 1 февраля. – С. 2.

Второе наблюдение касается детской игры. Дети разбились на два лагеря, один – «красные», другой – «белые». *«Происходит суд над пленными в обоих лагерях. У «красных» в уголку двора костер, у костра трое связанных «белых» ... «Красные» хлопочут у огня, накаливая железо для пыток; в стороне четырехлетний карапуз ... точит нож.*

У «белых» тоже есть пленные, у них тоже кипит работа. Важно заседает «военный суд», а тут же рядом строится виселица, готовятся петли».

Ужасаясь детским играм, автор призывает матерей (отцы – на фронте или с утра до ночи работают, чтобы прокормить семью) больше внимания уделять свои чадам, чтобы сберечь подрастающее поколение.

«Старый инвалид» продолжил важный разговор о детях в другой своей статье, опубликованной все в той же «Русской армии»[1]. Он писал, что положение детей «критическое». Даже в обычное время дети подвержены разным заболеваниям, а теперь, когда они скверно питаются, плохо одеваются, испытывают нравственные страдания, дети растут худосочными, быстро слабнут, заражаются разными болезнями и часто умирают. Публицист предлагал создать «на заимке» детские колонии и вывозить детей туда летом. В этих колониях обеспечить им нормальные условия жизни, нетрудную работу на земле и хорошее питание.

Призывы «Старого инвалида» не остались без внимания. В одном из майских номеров газеты «Русская армия» была опубликована заметка В. Щетины-Бурлуцкого «Поспешите»[2]. Он поддержал идею по устройству летнего отдыха детей. Также автор писал о необходимости строительства детских площадок на территории города. Что было сделано «отцами города» в данном направлении, пока остается неизвестным.

Ситуация была сложная и в обеспечении деятельности школ. В городе в годы Гражданской войны нередко школы выселялись из своих зданий, сливались с другими образовательными учреждениями или начинали работать только вечером после окончания рабочего дня в учреждениях [2]. Омская учительская семинария из-за отсутствия дров в феврале 1919 г. была временно закрыта [3]. В омском уезде, как свидетельствует газета «Заря», во многих селах здания школ пришли в негодность, стояли без окон и крыш. Не было в достатке букварей, поэтому приходилось вести занятия по настенным букварям. Большая нехватка была и в учительских

[1] Старый инвалид. О детях // Русская армия (Омск). – 1919. – №35. – 23 февраля. – С. 2.

[2] Щетина-Бурлуцкий В. Поспешите // Русская армия (Омск). – 1919. – №94. – 8 мая. – С. 2.

кадрах. В общей сложности только в одном Омском уезде было закрыто 50 школ[1].

В Омске довольно часто проводились различные благотворительные мероприятия в пользу учащихся, детей-сирот, для поддержки детских приютов [4]. Эти акции не могли, конечно, коренным образом улучшить ситуацию, но помогали кому-то получить конкретную помощь и имели важное моральное значение. В помощи детям-сиротам принимали активное участие и ученики, и артисты[2], и военные[3], и предприниматели[4],[5].

Подключались к оказанию помощи и американские благотворительные и общественные организации. В течение года (с осени 1918 г. по осень 1919 г.) Американский Красный Крест роздал и распределил более чем на 10 млн долларов предметов первой необходимости: пищи, нижнего белья, носков, полушубков, шапок, медицинских принадлежностей, хирургических инструментов. 18 поездов, нагруженных этими предметами, были отправлены нуждающимся из Владивостока в Западную Сибирь (каждый ценностью в 450 000 долларов[6]. В помощи детям Омска принимал некоторое участие и Американский Христианский Союз Молодых Людей (Сокращенно: YMCA (от англ. Young Men's Christian Association)). При его содействии была открыта детская площадка в Старой Загородной роще[7].

Дети старшего возраста внимательно следили за тем, что происходит в городе, а самые активные из них искали возможность кому-то помочь. Об этом свидетельствует история двух гимназисток Зои и Тани, которые, узнав о тяжелом положении раненых воинов в Куломзино, навестили их и привезли свои гостинцы [5]. Письмо Зои Гавриловой о раненых солдатах было опубликовано в омской газете «Наш путь»[8].

Таким образом, в период Гражданской войны дети в белом Омске (как и всех других крупных российских городах по обе стороны фронта) сталкивались с большим количеством проблем. Самыми острыми из них были

---

[1] Дядя Тима. Наша народная школа // Заря. – 1919. – №42. – 26 февраля. – С. 3.
[2] В цирке Спорт-Палас // Наша заря (Омск). – 1919. – №29. – 8 февраля. – С. 1.
[3] [Объявление] // Наша заря (Омск). – 1919. – №45. – 28 февраля. – С. 4.
[4] Хроника. Благодарность // Наша заря (Омск). – 1919. – №44. – 27 февраля. – С. 4.
[5] Письмо в редакцию // Заря (Омск). – 1919. – №42. – 26 февраля. – С. 3.
[6] Краткий очерк деятельности Американского Красного Креста в Сибири // Русская армия (Омск). – 1919. – №181. – 23 августа. – С. 1.
[7] Вниманию детей! // Русь (Омск). – 1919. – №22. – 2 августа. – С. 1.
[8] Гаврилова З. На помощь! (Письмо гимназистки.) // Наш путь (Омск). – 1919. – №2. – 22 (9) сентября. – С. 4.

недостаток жилья, нормального питания, медицинской помощи, сложности с возможностью обучения. Особо острая ситуация была у детей-беженцев, количество которых в Омске в период 1918 – 1919 гг. постоянно возрастало. Нельзя сказать, что вопросы положения детей не привлекали внимания общественности, но в условиях продолжающейся Гражданской войны и подхода фронта все ближе к городу ни Городская Управа, ни органы Министерства просвещения не имели достаточно сил и средств, чтобы решить имеющиеся проблемы. Определенную помощь детям оказывали как омские, так и зарубежные благотворители. Отметим, в частности, деятельность Американского Красного Креста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сизов С. Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 − ноябрь 1919 гг.): Монография. – Омск: СибАДИ, 2018. – 240 с.

2. Сизов С. Г. Образование в Омске в 1918 – 1919 гг. // Гражданская война и российская провинция: современное восприятие, подходы и оценка: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Уфа, 29–30 ноября 2018 г.) / отв. ред. Р. А. Хазиев. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 244 – 250.

3. Сизов С. Г. Омская учительская семинария в 1918 – 1919 гг.: выживание в условиях безденежья, дровяного кризиса и отъема помещений // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – №2 (18). – С. 163 – 171.

4. Сизов С. Г. Благотворительная деятельность в белой столице России (Омск, июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Материалы II Всероссийской с международным участием конференции (Омск, 25 – 26 октября 2017 года) / Мин-во культуры Омской области, БУ ИсА, Мин-во образования и науки РФ, ОмГТУ. – Омск: изд-во ОмГТУ, 2017. – С. 308 – 313.

5. Сизов С. Г. Встреча с трагической реальностью: письмо омской гимназистки Зои Гавриловой о раненых воинах (1919) // Частные миры Великой русской революции: Сборник научных трудов / под общ. ред. Л. Р. Габдрафиковой. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 363 – 367.

УДК 947 (571.1)

Стельмак Максим Максимович,
кандидат исторических наук,
главный архивист,
Исторический архив Омской области,
старший преподаватель,
Омский государственный технический университет,
Омск,
e-mail: stelmakmm@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ АНТИСЕМИТСКИХ ВЗГЛЯДАХ А. В. КОЛЧАКА

В статье рассматриваются особенности антисемитских взглядов А. В. Колчака. Даются сравнения воспоминаний современников об отношении Верховного правителя к евреям, параллельно с официальными высказываниями А. В. Колчака. Приводится анализ агитационных материалов, затрагивающих данную проблему, для характеристики наличия антисемитских воззрений среди представителей антибольшевистского движения в Сибири. В докладе анализируются особенности различия, приводимые в печатных изданиях, агитационных воззваниях, официальных и личных высказываниях об отношении к российским евреям в белом лагере.

Ключевые слова: Гражданская война; антисемитизм; пропаганда; идеология; национализм; Сибирь.

Stelmak Maxim Maximovich,
PhD, candidate of history,
the chief archivist,
Historical archive of Omsk region,
senior lecturer,
Omsk state technical University,
Omsk,
e-mail: stelmakmm@mail.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE ANTI-SEMITIC VIEWS OF A. V. KOLCHAK

The article discusses the features of the anti-Semitic views of A. V. Kolchak. Comparison of the memoirs of contemporaries about the attitude of the Supreme

ruler to the Jews, in parallel with the official statements of A. V. Kolchak are given. An analysis of campaign materials affecting this problem to characterize the presence of anti-Semitic views among representatives of the anti-Bolshevik movement in Siberia is given. The report analyzes the peculiarities of the differences in print publications, campaign appeals, official and personal statements about the attitude towards Russian Jews in the white camp.

Keywords: Civil war; anti-semitism; propaganda; ideology; nationalism; Siberia.

Нерешенный национальный вопрос в дореволюционной России создавал немалое количество проблем, давших о себе знать уже в годы Гражданской войны. Одной из сторон этого процесса являлись ограничения в правах еврейского населения, часто переходящие в антисемитизм со стороны российских властей.

Каким же было отношение к данному непростому вопросу у А. В. Колчака? С одной стороны, по своим воззрениям это был довольно консервативный человек правых взглядов, сторонник авторитарной формы правления [1, с. 46 – 48], который мог проводить в жизнь и довольно жесткие меры [2, с. 9]. Во время встречи с Г. В. Плехановым (которого он принял за социалиста-революционера) в Петрограде весной 1917 г., А. В. Колчак открыто сказал о своей неприязни к социал-демократам, которые «…не любят отечества и, кроме того, среди них очень много жидов…»[1]. Как же в итоге подобные взгляды проявились в Сибири, когда он уже стал Верховным правителем и Верховным главнокомандующим? Важно отметить, что в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны не было страшных погромов, подобных тем, которые происходили на юге России. В течение 1918-1922 г. на Украине, в Белоруссии и европейской части России во время еврейских погромов погибло 100 тыс. чел. мирного населения [3, с. 818].

На территории белой Сибири за период Гражданской войны случилось две подобных акции. Известен погром, произведенный белыми частями в Шадринском районе в июне 1919 г. В Екатеринбурге в июле 1919 г., накануне ухода белых из города, офицеры-анненковцы устроили избиение нерусского населения – евреев, китайцев и татар. Цифры погрома в Ека-

[1] Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918-1922 гг.: Сборник документов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 74.

теринбурге разнятся, но по данным Н. Перейры, жертвами стали 200 человек [4, с. 321]. Съезд еврейских общин, проходивший в январе 1919 г. в Иркутске, отправил А. В. Колчаку телеграмму с протестом против антисемитских статей в печатном органе штаба Верховного главнокомандующего «Русский воин». Реакция А. В. Колчака осталась неизвестной [4, с. 315]. Тем не менее, несколько позже были отстранены от работы за явный антисемитизм несколько сотрудников «Осведверха» и два редактора официозного еженедельника «Русская армия» [5, с. 215]. Интересен приказ, касающийся еврейской общины Кустаная, изданный начальником гарнизона 25 февраля 1919 г. Согласно ему, требовалось выселить из города в уезд за 100 верст от железной дороги всех евреев. Городская дума предпочла не реагировать на антисемитский приказ, но в результате его еврейская община распалась [5, с. 315]. Как указывает В. Г. Хандорин, приказ А. В. Колчаком был отменен [5, с. 215].

Но антисемитские прокламации на территории Сибири и Дальнего Востока продолжали выходить, несмотря на жалобы первым лицам (А. В. Колчаку, П. В. Вологодскому). Кроме этого, евреев-добровольцев не принимали в военные училища и школы младших командиров, отстраняли от должностей переводчиков, писарей. Во Владивостоке офицеров-евреев ставили на особый учет [4, с. 316]. Информация об усилении антисемитизма с территорий, контролируемых Российским правительством А. В. Колчака, поступала со всех сторон [6, с. 512]. Но Верховный правитель во время встреч с местными депутациями, иностранными союзниками подчеркивал, что выступает против антиеврейских настроений и поддерживает полное равенство перед законом. Но антисемитские материалы, если и прекращали выходить, то лишь на время, а с ухудшением положения на фронте данная пропаганда усиливалась еще больше [4, с. 322]. Важно отметить, что агитационно-пропагандистская работа в белом лагере была поставлена довольно хорошо [7, с. 11]. Любопытно, что в некоторых сибирских изданиях можно было прочитать материалы об осуждении еврейских погромов в Польше, в то время как аналогичная ситуация на юге России игнорировалась. В белой Сибири были переизданы знаменитые «Протоколы сионских мудрецов». Неизвестно, верил ли А. В. Колчак в их подлинность, но, по воспоминаниям Г. К. Гинса, этой книгой он зачитывался, несколько раз возвращаясь к ней в общих беседах [8, с. 464].

Перечисленные примеры показывают, что разница в официальных заявлениях и высказываниях имела вполне логичное объяснение. А. В. Колчак являлся человеком правых, консервативных взглядов, сто-

ронником твердой власти. К идее дружбы народов он относился не только насмешливо-скептически, но и презрительно [5, с. 58]. Судя по всему, он не очень хорошо понимал причины Революции и Гражданской войны. Так, в 1917 г. желание крестьян получить землю он считал делом рук немецкой пропаганды. Сложно сказать, насколько он мог быть в курсе насчет выхода всех антисемитских прокламаций, но подобные материалы издавались вполне официально. Данная агитация могла дать простой ответ насчет виновника бед в стране. Но в то же время за границей стало известно об антисемитских материалах, выходивших на территории антибольшевистской России, что вынуждало лавировать, официально декларируя иные идеи о равенстве, далеко не всегда воплощавшиеся в жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бучко Н. П., Ципкин Ю. Н. Политические взгляды и деятельность А. В. Колчака в 1917-1920 гг. // Армия и общество. – 2014. – С. 46 – 51.

2. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России – М.: Центрполиграф, 2002. – 702 с.

3. Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917 – 1922 г.). – Томск: изд-во ТГУ, 2009. – 500 с.

4. Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. – Томск: изд-во Томского гос. арх.-строит. ун-та, 2006. – 269 с.

5. Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. – М.: Центрполиграф, 2009. – 591 с.

6. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2018. – №3. – С. 9 – 15.

7. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 672 с.

УДК 908

Струкова Ольга Владимировна,
магистрант,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: ovstrukova@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Историческое краеведение – одна из составляющих школьного исторического образования. В современной российской школе изучение истории родного края вариабельно не только по содержанию, но и по форме. Автором рассмотрены основные направления и методология преподавания исторического краеведения, дан краткий обзор учебно-методических пособий по истории Омского Прииртышья. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1990-х гг. по настоящее время.

Ключевые слова: историческое краеведение; школьное краеведение; национально-региональный компонент; Омское Прииртышье.

Strukova Olga Vladimirovna,
undergraduate,
Omsk state University named after F. M. Dostoevsky,
Omsk,
e-mail: ovstrukova@yandex.ru

HISTORICAL REGIONAL STUDY AS AN ELEMENT OF CONTEMPORARY HISTORICAL EDUCATION

Historical regional study is one of the school historical education components. In nowdays Russian school is studying native land history which is not only variable by content but also by form. The author considers the main directions and methodology of teaching historical regional study, gives a brief overview of teaching educational and methodical textbooks about Omsk Irtysh region history. The chronological frame of the study covers the period from the 1990 to present.

Keywords: historical regional study; school regional study; national-regional component; Omsk Irtysh region.

Историческое краеведение – одна из составляющих современного школьного исторического образования. Активизация учебной и внеурочной историко-краеведческой деятельности началась в нашей стране в 90-е годы прошлого века и была обусловлена введением в 1992 г. в соответствии с законом «Об образовании» национально-регионального компонента государственного стандарта общего образования. «Применительно к истории как к учебному предмету это означает: историческое краеведение стало его обязательной составляющей» [1, с. 19]. Тенденция возрастания роли краеведения нашла отражение на местном уровне. «Начиная с 1995 г., в базисном учебном плане для общеобразовательных учреждений Омской области вводились предметы, учитывающие местную специфику» [2, с. 4].

В 2007 году национально-региональный компонент государственного образования был отменен. Тем не менее, во многих школах историческое краеведение по-прежнему актуально.

Школы используют следующие формы обучения историческому краеведению: краеведческие уроки, уроки отечественной истории с элементами краеведения, факультативы, экскурсии, сопровождение индивидуальной исследовательской деятельности учащихся. Краеведческая работа осуществляется также на базе школьных научных обществ, кружков. Для демонстрации результатов самостоятельной исследовательской работы учащихся проводятся тематические конференции и краеведческие чтения. Перечень форм учебных занятий дополняют олимпиады, конкурсы, викторины.

Особую роль в трансляции историко-краеведческой информации играют школьные музеи. «Школьный краеведческий музей содействует воспитанию учащихся, расширяет их кругозор, формирует практические навыки поисково-исследовательской работы» [3, с. 30]. Примечательно, что не только знакомство с экспозициями, но и их создание предполагает, как правило, непосредственное участие школьников.

Содержание историко-краеведческих занятий определяется специальными образовательными программами, разработанными научными учреждениями или методическими центрами. Для общеобразовательных учреждений Омска и Омской области роль такого ресурса выполняет программа «Омское Прииртышье», составленная специалистами Института развития образования Омской области. Программа включает в себя несколько раз-

делов (в том числе «История Омского Прииртышья») и вместе с серией дополняющих ее хрестоматий входит в целостный интегрированный учебно-методический комплекс, к которому обращаются педагоги для разработки плана уроков по историческому краеведению и выбора тематики ученических исследований.

Помимо учебно-методического комплекса «Омское Прииртышье» Институтом развития образования Омской области выпущен ряд других специализированных пособий: дидактический материал «Историко-культурное наследие народов Омского Прииртышья», учебная хрестоматия «Народная культура», учебно-практическое пособие «Омское Прииртышье: вехи истории». Данные издания содержат методические рекомендации, творческие задания, планы уроков. Авторские разработки учителей (образовательные программы и программы элективных курсов, кружков, внеурочной деятельности) указывают на то, что историческое краеведение является неотъемлемым элементом системы общего образования.

Однако представители научного сообщества – историки и педагоги – отмечают наличие существенных проблем, связанных с преподаванием исторического краеведения в школе. «Ввиду недостатка времени, необходимого для преподавания истории, остается мало времени для дополнительного изучения истории родного края» [4]. «Школьное краеведение сегодня носит, как правило, бессистемный характер. Краеведческий материал изучается вне связи с учебными программами и личным опытом учеников, задания носят преимущественно репродуктивный характер, исключающий их самостоятельную активную творческую работу» [5]. «Изучение опыта работы учителей истории говорит о том, что педагоги испытывают затруднение в определении понятий «историческое школьное краеведение», «местный материал», «краеведческий материал», «региональный компонент исторического образования» и, как следствие, – в отборе наиболее обоснованных форм, методов и приемов организации учебных и внеурочных занятий на краеведческой основе» [6, с. 15].

В качестве одной из причин вышеуказанных проблем можно назвать методологическое противоречие, на которое указывает историк и доктор педагогических наук Е. Е. Вяземский. «Национально-региональная и этнокультурная специфика системы образования в регионах РФ есть, а в нормативной базе нет соответствующих механизмов их отражения. В ФГОС нет даже понятий «национально-региональный» и «этнокультурный компоненты» содержания образования» [7, с. 28].

Таким образом, вопрос о месте и роли исторического краеведения в системе общего образования остается открытым, сохраняется необходимость его дальнейшего научного осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сейненский А. Е. Краеведение в школьном историческом образовании // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2004. – №10. – С. 19 – 28.

2. Омское Прииртышье: программа для общеобразовательных учреждений. 1-11 классы / под общ. ред. Н. А. Ждан. – 2-е изд., испр. и доп. – Омск: БОУДПО ИРООО, 2013. – 84 с.

3. Лукиева Е. Б. Историческое краеведение: Учебное пособие / Томский политехн. ун-т. – Томск, 2003. – 156 с.

4. Седельникова Н. А. Значение и основные задачи исторического краеведения в современном школьном историческом образовании // Сельские территории: проблемы и перспективы устойчивого развития: Материалы Международной научно-практической конференции (Тара, 22 ноября 2017 г.). – Омск: ОмГАУ, 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32249139 (Дата обращения: 05.06.2019).

5. Солонович М. А. Педагогическое краеведение и развитие самостоятельности учащихся (исторический аспект) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2008. – №3. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=11806354 (Дата обращения: 05.06.2019).

6. Аптикиев А. Х., Кулиш Р. Н. Роль и методика краеведческой работы в системе обучения и воспитания // Человек и город в историко-культурном пространстве: Краеведческие чтения, посвященные 90-летию со дня рождения почетного гражданина города Оренбурга Виктора Васильевича Дорофеева. – Оренбург: ОГПУ, 2017. – С. 13 – 23.

7. Вяземский Е. Е. Национально-региональный компонент общего исторического образования в Российской Федерации: дискуссионные подходы // Проблемы современного образования. – 2012. – №4. – С. 21 – 40.

УДК 908

Шатова Наталья Николаевна,
методист,
Музей «Заельцовка»,
Новосибирск,
e-mail: shatova_nn@inbox.ru,

Шелегина Ольга Николаевна,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск,
e-mail: oshelegina@yandex.ru

МОЛОДЕЖНАЯ ИНТЕРНЕТ-ВИКТОРИНА «МЫ – ЗЕМЛЯКИ!» КАК ВЕКТОР КРАЕВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается опыт реализации проекта «Мы – земляки!» и его важной составной части интернет-ориентированной историко-краеведческой викторины для молодежи Новосибирской области от 14 до 30 лет. Начиная с 2016 г., в проект были включены Каргатский (2016 г.), Тогучинский (2017 г.), Болотнинский (2018 г.) и Куйбышевский (2019 г.) районы. В 2017 г. в рамках проекта проводилась викторина, посвященная 80-летнему юбилею Новосибирской области. Традиционно 50% вопросов викторины посвящено истории определенного района области, еще 50% – истории Заельцовского района г. Новосибирска. Организаторы викторины дополняют вопросы справочной литературой. На подготовку ответов отводится один месяц. В ходе викторины ее участники расширяют свой краеведческий кругозор, получают опыт решения интеллектуальных задач. В статье приводятся примеры, разработанных методистами Музея «Заельцовка» вопросов викторины, отмечается репрезентативность состава участников, их заинтересованное отношение к поисковой форме, связанной с историко-культурным наследием. В заключении отмечается социокультурная эффективность викторины. Она стимулирует развитие патриотических чувств молодежи, развитие регионально-локальной идентичности, является активным вектором краеведения от местной истории к истории страны. Представленный опыт при соответствующей адаптации может быть использован в других музеях и краеведческих организациях страны.

Ключевые слова: краеведение; Новосибирская область; Музей «Заельцовка»; историко-краеведческая викторина «Мы – земляки!»; наследие; патриотизм.

Shatova Natalya Nikolaevna,
Methodist,
Museum «Zaeltsovka»,
Novosibirsk,
e-mail: shatova_nn@inbox.ru,

Shelegina Olga Nikolaevna,
H. Doctor of History,
Institute of History,
SB RAS,
Novosibirsk,
e-mail: oshelegina@yandex.ru

YOUTH INTERNET QUIZ «WE ARE FELLOW COUNTRYMAN» AS A VECTOR OF EDUCATION

The article discusses the experience of the project «We are fellow countryman!» and its important part of the Internet-oriented local history quiz for young people of the Novosibirsk region from 14 to 30 years. Starting in 2016, the project included Kargatsky (2016), Toguchinsky (2017), Bolotninsky (2018) and Kuybyshevsky (2019) districts. In 2017, within the framework of the project, a quiz was held dedicated to the 80th anniversary of the Novosibirsk Region. Traditionally, 50% of quiz questions are devoted to the history of a certain region of the region, another 50% – to the history of the Zaeltsovsky district of the city of Novosibirsk. The organizers of the quiz supplement questions with reference books. One month is assigned to the preparation of answers. During the quiz, its participants expand their regional outlook, get experience solving intellectual problems. The article provides examples of quiz questions developed by the Methodists of the Zaeltsovka Museum, the representativeness of the participants, their interest in the search form related to the historical and cultural heritage are noted. In conclusion, the socio-cultural effectiveness of the quiz. It stimulates the development of patriotic feelings of young people, the development of regional-local identity, is an active vector of local history from local history to the history of the country. The presented experience with appropriate adaptation can be used in other museums and local history organizations of the country.

Keywords: local history; Novosibirsk region; Museum «Zaeltsovka»; local history quiz «We are fellow countryman!»; heritage; patriotism.

Пробуждение интереса к краеведению как важная составная часть патриотического воспитания традиционно входит в структуру приоритетных задач большинства музейных учреждений. Ими накоплен немалый опыт по разработке и проведению мероприятий, формирующих патриотические чувства у представителей подрастающего поколения. Однако современность требует новых подходов к реализации подобных мероприятий с использованием интернет-пространства.. Так, одним из важных направлений деятельности Музея «Заельцовка» является реализация новационного образовательного проекта «Мы – земляки!». В рамках проекта уже четыре года проводится ежегодная открытая областная интернет-ориентированная историко-краеведческая викторина для молодежи Новосибирской области от 14 до 30 лет.

В Музее «Заельцовка» с 2016 по 2019 гг. были успешно проведены выставки, посвященные истории и современности четырех районов Новосибирской области. В 2017 г. в рамках проекта проводилась викторина, посвященная 80-летнему юбилею Новосибирской области. Следует отметить, что викторина, состоящая из десяти вопросов, паритетно (50% на 50%) связана с историей Заельцовского района г. Новосибирска и историей района Новосибирской области, который на момент проведения викторины представлен на выставке. Положение о викторине и вопросы размещаются в соцсетях, и через соцсети же проводится анонсирование проекта. К вопросам организаторы прилагают соответствующую библиографию. На поиск ответов организаторы викторины отводят немалый срок – не меньше одного месяца. Затем передают полученные от участников ответы экспертам. В их числе: профессиональные историки, краеведы, представители культуры и образования. Результаты викторины публикуются в социальных сетях, а победители награждаются на торжественной церемонии в Арт-центре Музея «Заельцовка». Здесь же для них проводят экскурсию по выставке, посвященной району Новосибирской области, историю которого затронули вопросы викторины.

За время реализации проекта в викторинах «Мы – земляки!» приняли участие школьники из 22 районов Новосибирской области (всего районов – 30), одерживали победу и поощрялись участники из 8 районов Новосибирской области, причем около двух третей победивших в викторине школьников представляет сельскую местность и муниципальные образования различных районов Новосибирской области, а оставшаяся

треть победителей – жители г. Новосибирска. Наряду со школьниками в викторине принимают участие молодые специалисты учреждений образования и культуры.

Говоря о том, что дает молодежи участие в викторине, стоит отметить, что, во-первых, во время работы с источниками осваивается большой объем краеведческой информации и происходит существенное расширение краеведческого кругозора, во-вторых, при погружении в историческую реальность, создаваемую формулировками вопросов, участник формирует свое отношение к приобретаемой информации. Участники получают опыт успешного решения интеллектуальных задач.

Для подтверждения этого приведем пример формулировки вопроса. Патриотизм – гордость отчим краем – индуцируется следующим вопросом викторины: «Когда все радиостанции и газеты Советского Союза в апреле 1961 г. сообщили о первом полете человека в космос, многие куйбышевцы восприняли эту новость как свою большую победу. Почему?» Правильный ответ является: Потому что космический корабль «Восток» с первым космонавтом на борту использовал ракетное топливо, произведенное на Куйбышевском химическом заводе.

Осознание того факта, что к уникальному событию не только в жизни страны, но и в жизни всей планеты причастны земляки, люди с нашей «малой родины», а государственно важное, секретное передовое предприятие находится совсем рядом, в одном из районов Новосибирской области, мы верим, наполняет гордостью сердца юных конкурсантов, происходит своего рода брендирование территории в их сознании, развивается чувство патриотизма.

Последовательными шагами к брендированию территории, истории которой посвящена викторина «Мы – земляки!», на наш взгляд, можно считать и формулировку следующего вопроса: «В Советском Союзе о городе Куйбышеве (бывшем Каинске) часто говорили с нежностью. Например, так: «Город самой заветной и доброй судьбы, он, как искорка, светит в степях Барабы». С кем и как эти две строчки связывают широко известного в СССР новосибирского композитора Николая Кудрина – автора всенародно любимых советских песен «Деревенька моя», «Хлеб всему голова» и др.?» Нетрудно заметить теплоту отношения к родной земле, сквозящую в приведенных строках и транслирующуюся упомянутыми песнями. Апеллируя к чувствам участников викторины, мы надеемся укрепить восприятие «малой родины» как дорогого и любимого, милого сердцу уголка.

Итак, благодаря проводимой работе участники викторины «Мы – земляки!» знакомятся с историей родного края и посредством вторичного

анализа имеющейся литературы осваивают и систематизируют необходимый для ответов на вопросы викторины объем краеведческой информации. Проводимая работа создает условия для воспитания у участников викторины патриотических чувств, интереса к родному краю, гордости его историей и сопричастности к свершениям земляков, формирует позитивный образ района, которым можно гордиться. Викторину «Мы – земляки!» можно рассматривать как адекватную отношению современной молодежи к истории родного края и своеобразный вектор краеведения от локальной истории к истории региона (Новосибирской области) и российской истории в целом.

МУЗЕЙ И ОБЩЕСТВО

УДК 908

Адамсон Алексей Рудольфович,
заведующий научно-экспозиционным и выставочным отделом истории,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: kinic84@mail.ru

ЧАСЫ LE ROI A PARIS НА ВЫСТАВКЕ «КАК ИЗМЕРИТЬ ВРЕМЯ?» ОГИК МУЗЕЯ

В статье проводится обзор коллекции немецких настенных часов конца XIX – нач. XX вв., выпускавшихся под маркой Le Roi a Paris. Автор приводит краткую историю фирм-производителей, особенности механизмов, точную датировку выпуска часов. Подчеркивается важность дальнейшего изучения данной коллекции.

Ключевые слова: настенные часы; коллекция; Германия; Россия.

Adamson Alexey Rudolfovich,
head of scientific exposition and exhibition Department of history,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: kinic84@mail.ru

CLOCK LE ROI A PARIS ON THE EXHIBITION OF OMSK STATE MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES «HOW TO MEASURE TIME?»

The article gives an overview of the collection of German wall clocks of the late XIX – early XX centuries, produced under the brand Le Roi a Paris. The author gives a brief history of manufacturers, features of mechanisms, the exact date of release hours. The importance of further study of this collection is emphasized.

Keywords: wall clock; collection; Germany; Russia.

9 октября 2018 г. в Омском государственном историко-краеведческом музее открылась выставка «Как измерить время?» На выставке была представлена обширная коллекция часов XVIII – XXI вв. Это часы разных типов: напольные, настенные, каминные, настольные, карманные, на-

ручные. Часы разных эпох и стран мира: от прославленных швейцарских хронометров до легендарных советских марок. Среди настенных часов, представленных на выставке, привлекали к себе внимание часы известной и звучной марки Le Roi a Paris («Король Парижа»).

В конце XIX – начале XX вв. под этой торговой маркой выпускались механические часы несколькими немецкими часовыми компаниями: Shlenker-Kienzle, Junghans, FMS (Friedrich Mauthe, Schwenningen), PHS (Phillip Haas & Söhne) и другими. Название являлось обычным маркетинговым ходом[1]. Данная торговая марка долгое время не была зарегистрирована, что позволяло выпускать такие часы сразу нескольким компаниям. Только в марте 1909 г. в Международном патентном бюро в Лондоне прошла регистрация марки, закрепившая ее за часовой компанией Shlenker-Kienzle. Однако регистрация торговой марки распространялась только на территорию Германии[2].

В конце XIX – начале XX вв. Германия стала признанным лидером по производству настенных часов, опередив не только другие европейские страны, но и США [1, с. 143 – 144]. Такая ситуация сложилась не только благодаря таланту немецких мастеров, но и по причине грамотно организованного часового производства. Огромную популярность в России приобрели часы немецких фирм Gustav Bekker, Junghans, Lange, Lenzkirch. В это же время Российская империя становится одним из крупнейших рынков по продаже часовой фурнитуры и сборке часов [2, с. 24]. В немалой степени этому способствовала существовавшая в России таможенная политика [1, с. 144].

Своим дизайном немецкие часы «Le Roi a Paris» напоминали знаменитые Венские регуляторы – дорогие часы высокого класса, изготавливавшиеся из эбенового дерева или самшита. По внешнему виду это механические часы с пружинным заводом, эмалевым или бумажным циферблатом, лакированным коричневым корпусом. Внутренняя стенка корпуса изготовлена из шпона. Циферблат оформлен римскими цифрами и двумя отверстиями для ключа – для завода часов и боя. Часы прямоугольной формы также имели навершие в виде резного «кокошника» и маятник. На маятнике с лицевой стороны внизу черной краской готическим шрифтом нанесены буквы R и A, означающие два английских слова – retard и advance («медленнее» и «быстрее»).

[1] История настенных часов марки Le Roi a Paris – Король Парижа // URL: https://antique-watch.com.ua/content/istoriya-nastennykh-chasov-marki-le-roi-paris-korol-parizha (дата обращения: 01.03.2019).

[2] Там же.

На выставке были представлены три экземпляра часов данной марки. Первый экземпляр[1] на задней стенке механизма имеет номера 42/105 (105 – количество ударов в минуту, 42 – длина маятника), 69661 и номер патента на ограничитель хода маятникового подвеса 55006. Там же выбито клеймо предприятия в виде орла с аббревиатурой компании FMS (Friedrich Mauthe, Schwenningen). Представленные на выставке часы специалисты датировали периодом 1902 – 1904 гг. Часы были приобретены в 1970-е гг. у И. А. Величко.

Второй экземпляр[2] был приобретен в 1970-е гг. у жителя Омска Г. П. Муравицкого. Внешний облик часов очень похож на предыдущий, и для неискушенного зрителя кажется, что часы почти одинаковы. Но это не так. Данные часы были изготовлены компанией «Junghans», одной из самых именитых и известных часовых фирм в истории человечества. О производителе свидетельствует клеймо на циферблате и задней плате механизма в виде восьмиконечной звезды и вписанного названия компании. По выбитому там же буквенно-числовому коду «B 11» можно легко вычислить год создания часов – второе полугодие 1911 г.

Третий экземпляр часов[3] известной марки отличается прежде всего своей округлой формой и более скромными размерами. На корпусе и циферблате часов отсутствуют какие-либо надписи или клейма, кроме названия марки. На задней плате механизма нанесено клеймо производителя в виде двух перекрещенных стрел. По данному клейму и удалось установить фирму-производителя – «HAU» («Hamburg Amerikanische Uhrenfabrik»). Наши часы фирмы «HAU» с большой долей вероятности были созданы в начале XX в., в «золотое время» для компании. Приобретены часы в 1970-е гг. у жителя Омска А. П. Акелькина.

Каждые из упомянутых в нашей статье часов, несмотря на внешнее сходство, по-своему уникальны. Изготовленные в конце XIX – начале XX вв., часы несут в себе приметы той эпохи – рациональность, элегантность, новаторство и инициативность; акцент на качестве изготовления и в то же время стремление к максимальному количеству выпускаемых экземпляров. Безусловно интересной представляется история немецких часовых мануфактур рубежа эпох, выпускавших часы не только для внутреннего рынка Германской империи, но и на экспорт, в том числе и на территорию России.

---

[1] ОМК-9086/1.

[2] ОМК-8821/1.

[3] ОМК-8682/8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мельникова О. Н. Из истории развития часового производства в России (XVIII – нач. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М.: РГБ, 2005. – 194 с.

2. Андреев Е. Н. Кустарная промышленность России по исследованиям «Комиссии для исследования кустарной промышленности в России» и другим источникам. – СПб.,1885. – 97 с.

УДК 930.1+01 (477.75)

Акимченков Виктор Владимирович,
соискатель кафедры исторического регионоведения и краеведения,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского,
Симферополь,
e-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ: ТЕХНОЛОГИИ И СРЕДСТВА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

На основе малоизвестных архивных и ранее недоступных материалов местной периодики воссоздан сюжет реорганизации Севастопольского музея революции в 1933 – 1934 гг. С опорой на выявленную группу источников установлено, что к началу 30-х гг. XX в. музеи Севастополя историко-революционного профиля стали в один ряд с идеологическими, научно-просветительными учреждениями, главной задачей которых являлось изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны, а также разработка и внедрение новых подходов в теорию музейного строительства и создание музейных экспозиций Крымской АССР. Рассмотрена история развития учреждения в составе Севастопольского музейного объединения. Показана динамика роста экспозиции, а также ее изменение под влиянием трансформации общественно-политической жизни на территории Крымской АССР.

Ключевые слова: Крымская АССР; Севастопольский музей революции; Севастопольское музейное объединение.

Akimchenkov Viktor Vladimirovich,
applicant of the Department of historical regional studies
and local history,
Taurida Academy, Crimean Federal University
named after V. I. Vernadsky,
Simferopol,
e-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru

SEVASTOPOL MUSEUM OF THE REVOLUTION: TECHNOLOGIES AND TOOLS IN THE STUDY OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE REGION

On the basis of little-known archival and previously inaccessible materials of local periodicals, the story of the reorganization of the Sevastopol Museum of the revolution in 1933 – 1934 was recreated. Based on the identified group of sources, it was found that by the early 30s of the twentieth century, the museums of Sevastopol of historical and revolutionary profile were on a par with ideological, scientific and educational institutions, whose main task was to study the history of the October revolution and Civil war, as well as the development and introduction of new approaches to the theory of Museum construction and the creation of Museum exhibitions of the Crimean ASSR. The history of the institution as part of the Sevastopol Museum Association is considered. The dynamics of the exposition growth and its change under the influence of the transformation of social and political life on the territory of the Crimean ASSR are shown.

Keywords: Crimean ASSR; Sevastopol museum revolution; Sevastopol Museum Association.

Великая русская революция 1917 г. явилась переломным этапом в процессе развития музейного дела на территории России. Попытка запечатлеть историю революционных событий, взрастив на этой памяти новые поколения советских граждан, побудила к созданию сети музейных учреждений, отражающих историю классовой борьбы в России и за ее пределами. Так, начиная с 1919 г. по территории РСФСР стали возникать первые отделы революции при исторических музеях и музеи революции. В их создании принимали участие виднейшие российские деятели науки и культуры: М. Горький, А. В. Луначарский, С. Ф. Ольденбург и др. В 1919 г. возник Музей Революции в Петрограде, в 1922 г. в здании бывшего московского Английского клуба открыта выставка «Красная Москва», которая в 1924 г. была преобразована в Государственный музей революции СССР [1].

Со второй половины 20-х гг. XX в. значительное внимание было уделено созданию Музея революции в Севастополе, поскольку в это время учреждения подобной направленности были «школами ленинских наставлений по теории и практике революционного марксизма»[1]. Севасто-

[1] В музеях // Маяк Коммуны. – 1925. – 28 марта. – С. 8.

польский музей революции был открыт 10 июня 1928 г. в помещении филиала Государственного Херсонесского историко-археологического музея, а отдельные экспозиции находились в трех залах Военно-исторического музея. С 1928 по 1931 гг. в музее существовало три зала: зал 1905 г., зал Февральской и Октябрьской революций и зал Гражданской войны[1]. Однако, по мнению большинства экспертов, такая организация музея не могла в полной мере наладить изучение историко-культурного наследия региона, его революционного прошлого.

В конце 1933 г. музей был закрыт на реконструкцию. Уже 10 июня 1934 г. обновленное учреждение приняло первых посетителей. В результате проведенных работ при нем возникли новые отделы: «60 – 80 гг. XIX в.», «XVIII съезда ВКП(б)», организован уголок «Тюрьмы, каторги и ссылки», являвшийся продолжением отдела «Годы реакции». Здесь помимо богатого собрания редких и ярких по своему содержанию фотографий и картин, значительного количества нового материала научно-исторической ценности, был создан макет одиночной камеры царской тюрьмы с фигурами политического заключенного и стражи. Обновленная экспозиция музея знакомила посетителей с историей революционного движения в России, начиная с 1861 г., чему были посвящены макеты: «Казнь первомартовцев 1881 г.», «9 января 1905 г.», «Восстание на броненосце «Потемкин» и «Расстрел Шмидта». Таким образом, обновленный музей революции был построен не по принципу отражения только лишь революционных событий в Севастополе, а на демонстрации местного революционного движения как отклика на события общероссийского масштаба. Здесь нами усматривается реализация установки, данной И. В. Сталиным на XVII съезде ВКП(б), которая предполагала «воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма» [2, с. 172].

Хронологические рамки обновленной музейной экспозиции охватывали период с 1861 по 1920 гг. Отдельную роль в систематизации, изучении и пополнении коллекции Севастопольского музея революции играло местное отделение Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт). Так, ближайшая его задача состояла в выявлении новых, не известных ранее материалов от участников революционного движения: воспоминаний, листовок, газет, фотографий, плакатов и материалов лет революционной борьбы.

Реорганизация Музея революции ставила перед Севастопольским музейным объединением (СМО) и местным отделением Общества про-

[1] Государственный архив Республики Крым. Ф-663. Оп. 16. Д. 129. Л. 7.

летарского туризма и экскурсий еще одну важную задачу – подготовку высококвалифицированных кадров для проведения экскурсий историко-революционного содержания. В качестве экскурсоводов, по предложению директора СМО Ивана Даниловича Максименко «<…> можно с успехом использовать комвузовцев последующих курсов. Они могли бы при проведении экскурсии по Музею революции получить огромную практику агитационно-пропагандистской массовой работы и детально ознакомиться с документами революционного движения и историей нашей партии»[1]. Также им было констатировано, что после реорганизации Севастопольский музей революции стал «Наглядной школой обществоведения» в основе эффективной деятельности которого теперь лежит сотрудничество с Истпартом и идейная вооруженность экскурсоводов [3].

Таким образом, к началу 30-х гг. XX в. музеи историко-революционного профиля влились в один ряд с идеологическими, научно-просветительными учреждениями, главной задачей которых являлось изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны, а также разработка и внедрение новых подходов в теорию музейного строительства и создание музейных экспозиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кытманова С. И. Истпарт и становление историко-революционных музеев (1920–1928 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.01 – история КПСС; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1983. – 161 с.

2. Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). – [М.], 1949. – 80 с.

3. Акимченков В. В. Музейные учреждения Севастополя в конце 20-х – 30-е годы XX века: источниковедческий обзор // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – Симферополь, 2018. – Т. 4 (70), №1. – С. 3 – 19.

[1] Максименко И. [Д.], Аргутинская М., Чиликин П. [М.] Музей революции // Маяк Коммуны. – 1934. – 12 июня. – С. 3.

УДК 069.7

Анкушева Ксения Александровна,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь,
Тюменское музейно-просветительское объединение,
Тюмень,
e-mail: ank-kseniya@yandex.ru

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВЦОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (ПО ОПУБЛИКОВАННЫМ СБОРНИКАМ МАТЕРИАЛОВ)

В своей работе автор рассматривает историю проведения научно-практической конференции «Словцовские чтения» по опубликованным сборникам материалов. В настоящем докладе представлен анализ структуры сборников, состава авторов, тематики их докладов, приоритетных направлений работы конференции, которая первоначально имела преимущественно краеведческий характер. Полученные результаты позволяют определить значение конференции для профессиональной коммуникации специалистов в области музейного дела, истории и иных сфер.

Ключевые слова: музей; научно-практическая конференция; Словцовские чтения; профессиональная коммуникация.

Ankusheva Kseniya Alexandrovna,
Candidate of historical sciences,
Scientific secretary,
Tyumen museum-education organization,
Tyumen,
e-mail: ank-kseniya@yandex.ru

RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE «SLOVTSOV'S READINGS» WITHIN SCIENTIFIC-RESEARCH ACTIVITY AND PROFESSIONAL COMMUNICATION (BASED ON PUBLISHED COLLECTIONS OF WRITINGS)

The author explores the history of the research and practice conference «Slovtsov's Readings» according to the published collections of writings. This report presents the structural analysis of the collections of writings, the analysis of the authors' team and of the topics of the reports, the analysis of the main focus areas of the conference that initially used to be centered mostly around the local lore. The results of the research define the significance of the conference for professional communication of the experts on Museum studies, history and other fields.

Keywords: museum; research and practice conference; Slovtsov's Readings; professional communication.

В настоящее время в рамках каждого профессионального сообщества формируются высокие квалификационные требования. Организаторы научных форумов, издатели и посредники предлагают массу вариантов участия в своих проектах. В этом отношении интересен опыт конференции «Словцовские чтения», которая стала заметной страницей в истории музейного дела Тюменской области[1]. Конференция является одной из форм научно-исследовательской деятельности в музее. Она позволяет получить актуальную информацию, обратную связь на свои разработки, а иногда и найти решение конкретной проблемы [1, с. 5]. Говоря непосредственно о «Словцовских чтениях», Н. А. Томилов отмечал, что «значение этой конференции в научном, историческом, культурологическом, музеологическом и краеведческом мире достаточно велико» [2, с. 165]. В рамках современных подходов такая модель профессионального общения способствует развитию музейной коммуникации и выстраиванию стратегии партнерства [3, с. 104].

Проект начинался в 1989 г. с областного уровня, затем приобрел региональный статус, а с 2002 г. – всероссийский. В 1991 г. конференция получила название «Словцовские чтения» в честь основателя Тюменского музея Ивана Яковлевича Словцова. Первоначально ставилась задача привлечь внимание общественности к проблемам краеведения. Первый сбор-

[1] Анализ проведен на основе сборников материалов конференций «Словцовские чтения».

ник включал тезисы 33 докладов. Издание 1989 г. передает дух перемен. Н. А. Томилов пишет о «новой ситуации обновления и перестройки советского общества» [4, с. 1, 2]. Большая часть (37%) тезисов посвящена истории. Участие представителей академической науки свидетельствует о стремлении музея повысить уровень научной работы. В 1990 г. авторами 16 работ (94%) стали преимущественно сотрудники Тюменского областного краеведческого музея (далее ТОКМ). Публикация по итогам конференции 1991, переломного для отечественной истории, года отсутствует. Однако в архиве ТМПО[1] сохранился протокол заседания жюри конференции, где указаны авторы лучших выступлений.

Пять лет, тем более, относящихся к переходному периоду в истории, – значительный срок, свидетельствующий о том, что ТОКМ сформировал традицию проведения Чтений. На обложке сборника был размещен портрет И. Я. Словцова (конференция 1994 г.). В соответствии с тематикой тезисы (64) сгруппированы по разделам. Материалы Чтений 1995 г. сгруппированы в 5 блоков (сохранились с небольшими изменениями до 2016 г.): Музееведение, История края, Археология и этнография, Музей и природа (14), Литературное краеведение – всего 86. При оформлении сведений об авторах впервые указывается ученая степень. Конференция становится площадкой для апробации представителями академической науки результатов своих исследований. Авторы ведут поиск новых подходов в музейной работе в условиях распространения рыночных отношений и массовой культуры. Сотрудники ТОКМ активно публикуют материалы о единой краеведческой экспозиции (далее ЕКЭ). В 1996 г. новинкой стало обращение к проблеме компьютеризации, развитие сюжета о музейном маркетинге. Главная тема форума 1997 г. – создание единого музейно-образовательного пространства. С 1998 г. в сборнике публикуется общий список литературы. Тематику конференции дополнили сюжеты о представительстве в пространстве интернета, перспективе совмещения музея с магазинами и клубами. Музейная коммуникация, подготовка специалистов-музеологов и современное искусство задают тон сборника Чтений 1999 года. Авторы рассуждают о реформах 1990-х гг., которые породили ряд проблем, предлагают пути их преодоления в контексте музейного дела. С 2000 г. на титульном листе указываются учреждения, участвующие в организации конференции. Новизна сборника в наличии ссылок на грантовую поддержку, благодарностей. Методологические вопросы обсуждаются на страницах сборника 2001 г., где речь идет о начинающейся глобализации. В 2002 г. конференция приобретает статус всероссийской. Интерес вызы-

[1] ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение».

вает проектирование культурно-образовательных программ. Тема работы с детьми особенно активно развивается в 2003 году. Обсуждается концептуальный вопрос о социальной миссии ТОКМ. Сборник 2004 г. состоит из двух частей. Музееведение представлено докладами о проектировании экспозиций. В 2005 г. очевиден всплеск интереса к истории России конца XX века. В 2006 г. актуализировалась тема туризма, т.к. ранее «слова «рынок» и «конкуренция» звучали почти крамольно по отношению к музею» [5, с. 19]; исследования природы все больше ведутся в рамках преодоления экологических проблем. Появляются ссылки на публикации в более ранних изданиях Чтений, электронные ресурсы. Прибыльная деятельность становится одним из важных показателей оценки деятельности музея (2007). В практику внедряются мультимедийные продукты. ТОКМ позиционирует себя как региональный методический центр.

Организационные и иного рода изменения надолго прерывают практику проведения «Словцовских чтений». Организация конференции возобновилось только в 2016 г., благодаря усилиям ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И. Я. Словцова». Большая часть докладов конференции (электронный формат сборника) посвящена вопросам музееведения (35%), истории края (30%). Раздел о культурологии назван «Искусствоведение». В 2018 г., в преддверии 140-летия основания Тюменского музея, состоялась последняя на сегодняшний день, XXI Всероссийская научно-практическая конференция «Словцовские чтения». ТМПО, сохраняя лучшее в сложившейся еще в прошлом веке традиции, сумело объединить значительное число участников для обсуждения актуального опыта по проблемам развития музейного дела, сферы туризма и коммуникативных технологий.

Таким образом, Чтения с годами расширили спектр обсуждаемых вопросов: за счет новых авторов, источников, методологических подходов, сюжетов, вызовов времени. География участников обширна: более 20 городов России, в числе которых Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Томск, Омск, Ноябрьск, Тобольск. Большинство тезисов подготовлено тюменцами, отметим и международное участие. Некоторые авторы многократно публиковались в сборниках Чтений. Над изданием сборника всегда работала редколлегия, постепенно в число требований к материалам вошло оформление научного справочного аппарата. В абсолютном большинстве сборников преобладают тезисы по историческому краеведению. Многие работы выполнены на основе фондовых коллекций, материалов, полученных в ходе собственных экспедиций. Знаковыми для Чтений оставались вопросы, связанные с именем И. Я. Словцова, а также с созданием ЕКЭ. Содержание каждого сборника (в среднем 110 тезисов) демонстриру-

ет профессиональные интересы авторов, актуальную научную повестку, а также является индикатором социально-экономического и политического положения в стране. Безусловно, сборники не в состоянии в полной мере отразить историю проведения конференций, за рамками остается часть докладов, категория слушателей, тем более, культурная программа. Однако даже на основе данного источника можно утверждать, что в течение всех лет организаторы конференции находятся в поиске, чтобы эта площадка выполняла мобилизующую функцию в осуществлении научно-исследовательской деятельности музея, оставалась востребованной в профессиональном сообществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Власов С. А., Андреева Т. Е. Совместное участие в конференциях как фактор создания новых знаний: сетевой анализ // Российский журнал менеджмента. – 2015. – №4. – Т. 13. – С. 3 – 28.

2. Томилов Н. А. XVIII Всероссийские «Словцовские чтения» // Вестник Омского университета. – 2007. – №1. – С. 165 – 167.

3. Зиновьева Ю. В. Стратегия коммуникации музея: 20 лет постсоветской трансформации // Вестник СПбГУКИ. – 2013. – №3 (16). – С. 102 – 107.

4. Томилов Н. А. Проблемы сохранения национальной самобытности народов Западной Сибири // История, краеведение и музееведение Западной Сибири: Тезисы докладов областной научно-практической конференции. – Тюмень, 1989. – 69 с.

5. Кокорина Н. В. Музей в сфере туристической инфраструктуры города // Словцовские чтения-2006: Материалы XVIII Всероссийской научной краеведческой конференции. – Тюмень: изд-во Тюменского государственного университета, 2006. – С. 19 – 21.

УДК 908.39.069

Ахунова Эльфира Рахимовна,
старший лаборант,
Омская лаборатория археологии, этнографии и музеологии
Института археологии и этнографии СО РАН,
Омск,
e-mail: aehlfira@yandex.ru

ЭКСПОЗИЦИОННАЯ РАБОТА В ОМСКОМ МУЗЕЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ КАК ОСНОВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЪЕКТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ*

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-49-550014р-а «Сохранение и репрезентация культурного наследия народов Омского Прииртышья в музеях исторического профиля и общедоступных библиотеках Омского региона в последней четверти XX – начале XXI в.».

Статья посвящена одному из старейших музеев – Омскому музею просвещения. Рассказывается об истории его возникновения и современной деятельности. Особое внимание уделено этнографическому фонду музея, а также его экспозиционной работе в области материальной и духовной культуры народов Омского Прииртышья.

Ключевые слова: музей; этнография; культура народа; экспозиция; харбинцы; просвещение.

Akhunova Elvira Rakhimovna,
Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography
and museology of the Institute of Archeology
and Ethnography of the SB RAS,
Omsk,
e-mail: aehlfira@yandex.ru

EXPOSITIONAL WORK IN THE OMSK MUSEUM OF EDUCATION AS A BASIS FOR THE REPRESENTATION OF THE OBJECTS OF THE MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE OF THE OMSK PIRITSHYI PEOPLE

The article is devoted to one of the oldest museums – the Omsk Museum of Education. It tells about the history of its occurrence and modern activity. Particular attention is paid to the ethnographic fund of the museum, as well as its expositional work in the field of material and spiritual culture of the Omsk Irtysh peoples.

Keywords: museum; ethnography; the culture of the people; exposure; Harbin people, education.

Омский музей просвещения имеет относительно долгую историю. Началась она в 1897 г. 20 июля. В здании учительской семинарии г. Омска был открыт «Школьный музей». В 1920 г. музей вошел в структуру ГубОНО (Губернский отдел народного образования), который просуществовал до 1938 г. и в этом же году был преобразован в Институт повышения квалификации кадров народного образования и лишь частично сохранил прежние функции музея.

Вопрос об открытии педагогического музея вновь возник во второй половине 1970-х гг. При активном содействии Клуба ветеранов педагогического труда при Омском областном Доме учителя 18 марта 1998 г. был заново открыт Государственный музей истории народного образования, основу собрания которого составили коллекции Клуба ветеранов и Музея истории Омского пединститута. А 1 января 2007 г. музей стал называться Государственным учреждением культуры (ГУК) Омской области «Омский музей просвещения». С весны 2019 г. он вошел в состав Музейно-выставочного комплекса «Моя история».

За все эти годы музей вел активную просветительскую деятельность среди учителей, научных работников, работников культуры, учащихся и студентов. Различные направления деятельности музея и сегодня востребованы населением Омского региона.

Современная коллекция музея насчитывает более 25 тысяч предметов, поделенных на 6 тем: историко-бытовая коллекция, история студенческих стройотрядов, история молодежных движений, история педагогического образования, история общего образования, история отечественного просвещения.

Экспозиции музея охватывают различные сферы образования: история школьных письменных принадлежностей: от пещерных рисунков и клинописи до шариковых ручек, история молодежных движений: от комсомола до современных строительных отрядов и студенческих союзов, история компьютерной техники: от счетных машинок до персональных компьютеров нового поколения и т.д.[1]

В этой работе мы рассмотрим экспозиционную работу музея по этнографической тематике народов Омского Прииртышья. Основной фонд Музея просвещения посвящен народному образованию Омской области на протяжении многих десятилетий. Предметы этнографии народов Омского Прииртышья составляют около 100 ед. хр.[2], и они не являются профильными для этого музея. Наиболее полные коллекции находятся в разделе этнографии русских – более 60 предметов. Это разнообразные мерные инструменты – складной аршин, механическая рулетка, компас в деревянном футляре XIX в., различные гирьки, весы, иная утварь и др. По этнографии других народов Омского Прииртышья есть несколько предметов сибирских татар и казахов. Коллекция предметов татар состоит из 7 предметов – это три книги на татарском языке, калфак, женские сапожки, медный браслет, лоскутное покрывало, молитвенный коврик, а в коллекции по этнографии казахов находятся учебник на казахском языке, серьги, 2 кольца и женский головной колпак – всего 5 предметов.

Особую гордость и ценность в этом музее составляет коллекция предметов из Китая, привезенная русскими харбинцами. Общество харбинцев, которое много лет существует в Омске, в начале XXI в. передало многие предметы в дар музею – всего более 30 предметов. Больше всего утвари – чайник, сахарницы, тарелки, щипцы для завивки волос, кусачки, иглы, керосинки, рамки для фотографий; предметы для рукоделия – различные вязальные крючки, нитки для вышивания, карточки для раскрашивания, пила и др. Все предметы датируются началом XX века.

Этнографическая экспозиция в музее находится в двух залах и по количеству предметов невелика. В одном зале выставлена этнографическая коллекция русских под названием «Традиции русского дома». В экспозиции выставлены предметы традиционного быта русских, собранные в селениях севера Омской области – в Большереченском, Муромцевском, Тарском, Тевризском, Усть-Ишимском и других районах.

---

[1] Отчет о выполнении государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ бюджетного учреждения культуры Омской области «Омский музей просвещения» за 2017 год. – 20 с.

[2] Электронная база данных фонда музея.

Среди предметов выделяется коллекция из 6 угольных и печных утюгов, керамические горшки, корчаги, сундуки, рушники, люлька, прялка, ступа и маслобойка, рукомойник и др. В другом зале, посвященном образованию, также находится этнографическая экспозиция русских «Биография истории», она состоит всего из нескольких предметов: деревянных мельничных жерновов, корчаги – дыроватки, плетеных лаптей, керосиновой лампы и др.

Особым направлением экспозиционной деятельности музея является пропаганда историко-культурного наследия, связанного с историей омских харбинцев. Это уникальные экспонаты и экскурсионные программы, рассказывающие о повседневной жизни российской эмиграции в Китае на протяжении XX в.

Таким образом, мы видим, что этнографическая экспозиция является хоть и непрофильной в музее, но содержит различные этнографические предметы, в хорошей сохранности, в основном это предметы домашней утвари XX в. Как видно из перечисленного, в экспозиции отсутствуют предметы одежды, религиозного культа, единичными экземплярами представлены средства передвижения (колеса от телеги), украшения и др.

УДК 904

Балюнов Игорь Валерьевич,
кандидат исторических наук,
главный научный сотрудник,
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник,
Тобольск,
e-mail: balyunoff@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ С ГОРОДИЩА ПОТЧЕВАШ В ЭКСПОЗИЦИЯХ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО МУЗЕЯ

Чувашский мыс явился одним из источников пополнения археологических коллекций Тобольского губернского музея. Сотрудники проделали внушительную работу по сбору и осмыслению этого материала. Они обосновано пришли к заключению, что городище Потчеваш является многослойным, где не раз происходила смена населения, однако при определении этнокультурной принадлежности ими были допущены некоторые неточности.

Ключевые слова: Чувашский мыс; городище; музей; археология; коллекции.

Balyunov Igor Valerevich,
Candidate of Historical Sciences,
Senior Scientist of the structural division,
Tobolsk historical and architectural museum-reserve,
Tobolsk,
e-mail: balyunoff@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS FROM THE HILLFORT OF POTCHEVASH IN THE COLLECTIONS OF THE TOBOLSK PROVINCIAL MUSEUM

Chuvash Cape was one of the sources of replenishment of archaeological collections of the Tobolsk provincial Museum. The staff have done an impressive job of collecting and understanding this material. They reasonably came to the conclusion that the hillfort of Potchevash is multilayered where there was a change of the population, however at determination of ethnocultural accessory some inaccuracies were allowed.

Keywords: Chuvash Cape; hillfort; museum; archeology; collections.

Чувашский мыс в городе Тобольске является одним из наиболее известных исторических мест региона. Считается, что где-то здесь произошло знаменитое сражение между войсками хана Кучума и дружиной Ермака. На вершине мыса находятся археологические памятники – курганный могильник и городище, давшее название небезызвестной потчевашской культуре [1, с. 31 – 32]. Можно сказать, что интерес к этим древностям существовал у местных краеведов достаточно давно, в том числе это повлияло на пополнение археологических коллекций Тобольского губернского музея.

Это учреждение формально было создано в 1887 г., когда началось строительство нового здания, открывшего свои двери для посетителей в 1890 г. В тот же год был издан каталог, составленный Н. А. Лыткиным, «Археологический отдел Тобольского Губернского музея», где отмечено 957 номеров, дано краткое описание с указанием места происхождения вещей [2]. На основании сведений этого каталога можно прийти к выводу, что в Губернском музее находилась представительная коллекция, происходящая с Чувашского мыса. Следует отметить, что в это время не существовало фондохранения в обычном для нас понимании, поступившие экспонаты максимально полно были представлены в выставочных залах. В витрине III под номерами 485-525 и 527-546 (всего 61 экз.) находились предметы, собранные летом 1889 г. на Чувашском городище Н. А. Лыткиным и С. Н. Мамеевым [2, с. 9, 10]. Этот список дополнялся фотоиллюстрацией, на которой было помещены изображения керамических тиглей (в каталоге они названы глиняными сосудами, напоминающими по форме рюмки) и костяные наконечники стрел и кочедык. Из прочих находок можно отметить разнообразные кости со следами обработки, изделия из глины – фрагменты посуды, пряслица, головка лошади (вероятно, обломок игрушки). В этом же зале часть вещей размещалась отдельно «по стенам и окнам», в их списке за номерами 670-804, 805-905 и 931-957 (263 экз.) находятся черепки глиняной посуды различной формы, величины и орнамента, найденные на Чувашском городище Махмет-Кула. Известно, что одним из собирателей коллекции этой керамики был С. Н. Мамеев [2, с. 17].

Благодаря несложному подсчету можно видеть, что уже в первый год своего существования Губернский музей хранил коллекцию из около 300 предметов с городища на Чувашском мысу. И в последующем фонды продолжали пополняться. Например известно, что в 1893 г. археологические вещи с Чувашского мыса поступили от воспитанника гимназии

Мазуркевича [3, с. XXV]. В 1912 год там же был найден деревянный божок, «на нем кое-где сохранились остатки серебряных листиков в вид обкладок». Как следует из текста годового отчета: «Такого божка в коллекциях Музея не было, и он подарен Музею Л. Р. Шульцем» [4, с. 7].

Параллельно происходило и обновление экспозиции. В 1894 г. несколько изменилась структура музея, был создан единый отдел истории и археологии, занимающий один выставочный зал. Как следует из отчета за 1909 г., сотрудница музея Т. П. Гладышева нашила на щиты археологические находки для двух новых витрин: «археологическия находки» и «находки при раскопках на Искере и Чувашском мысу» [5, с. 18]. К 1918 г. губернский музей имел хорошо структурированную экспозицию, судить о которой мы можем благодаря краткому путеводителю, составленному В. И. Ивановским. «В доставлении сведений для содержания книжки» приняли участие лица, близко стоящие к коллекциям музея, – консерватор В. Н. Пигнатти, смотрительница Т. П. Гладышева и ее помощница О. А. Куминова. В путеводителе указывалось, что в зале X отдела истории и археологии располагался целый ряд витрин, посвященных древнейшей истории Тобольской губернии. В списке мест, где были собраны коллекции, первым обозначено Чувашское городище [6, с. 63]. Причем этот материал был не просто выставлен для демонстрации, но и вполне научно осмыслен.

В каталоге со ссылкой на сибирские летописи указывается о существовании на Чувашском мысу татарского городка, «которым владел известный в начальной истории Сибири предводитель татар Магмет-Кул». После упоминания о сражении между войсками хана Кучума и дружиной Ермака сообщается, что «татары были последними насельниками этого городка, а ранее их жили здесь люди, среди которых были широко распространены бронзовые изделия…» [6, с. 64]. Если обратиться к описанию зала, то становится очевидно, что ведущим принципом распределения находок по витринам стал материал изготовления – камень, кость, бронза, керамика. Следуя этому принципу, авторы каталога образцы художественной металлопластики объединяли в т.н. «чудские древности», предполагая, что некоторые из них соотносятся с населением городища. И далее отмечено: «но, по-видимому, еще ранее этих людей, употреблявших бронзовые изделия, жило здесь людское поколение, не знавшее бронзы, а пользовавшееся медью наравне с изделиями из кости» [6, с. 64].

Непосредственно сами находки с Чувашского мыса были представлены в витрине №51, следующей за «чудскими древностями», где демонстри-

ровались глиняные изделия, прежде всего, обломки орнаментированной посуды. Еще целый ряд вещей с памятника был представлен в витрине №52: «наконечники стрел, обломки жерновов, подвески, остатки орудий в роде кирки и предметы неизвестного назначения, сделанные из кости и камня» [6, с. 65]. Поскольку подробного списка не сохранилось, можно с некоторой долей сомнения утверждать, что представленный предметный ряд примерно соответствует экспонатам, выставленным в 1890 г. Также это находит подтверждение при сверке археологических коллекций, хранящихся в Тобольском музее сегодня.

Следует добавить, что выводы дореволюционных исследователей были заметно скорректированы во второй половине XX в. В 1951 г. на городище были произведены раскопки, по результату которых В. И. Мошинская выделила потчевашскую культуру, отнеся ее к эпохе раннего железного века. Позднее уральские исследователи внесли уточнения, датировав культуру в границах раннего средневековья VI – IX вв. Кроме того, на городище были обнаружены находки и погребения позднего бронзового века – сузгунской культуры, и древнеугорские материалы X – XIII вв., и сегодня нет оснований утверждать, что там когда-либо проживало тюркское население [1, с. 31].

Дореволюционные исследователи обосновано пришли к заключению, что городище Потчеваш является многослойным, где не раз происходила смена населения, однако при определении этнокультурной принадлежности были допущены некоторые неточности. Тем не менее, в конце XIX – начале XX в. сотрудники Тобольского губернского музея проделали внушительную работу по сбору и осмыслению археологического материала с Чувашского мыса, который сегодня занимает достойное место в экспозициях и привлекает внимание посетителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск. 2008. – 114 с.

2. Лыткин Н. А. Археологический отдел Тобольского губернского музея. – Тобольск. 1890. – 17 с.

3. Лыткин Н. А. Отчет о состоянии коллекций Тобольского губернского музея в 1893 году // ЕТГМ. – 1894. – Вып. 2. – С. XXV – XXVI.

4. Пигнатти В. Н. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций Музея за 1912 год // ЕТГМ. – 1914. – Вып. 22. – С. 6 – 7.

5. Пигнатти В. Н. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций Музея за 1909 год // ЕТГМ. – 1911. – Вып. 19. – С. 11 – 20.

6. Ивановский В. А. Краткий путеводитель по Тобольскому Губернскому Музею // ЕГТМ. – 1918. – Вып. 29. – С. 1 – 96.

УДК 908 (571.13)

Блинова Ольга Валерьевна,
кандидат исторических наук,
заведующий отделом научных публикаций,
рекламы и медиакоммуникаций,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: ogik_blinova@mail.ru

ИЗ ПЕРВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ В МУЗЕЙ ЗСОИРГО: ЖЕРТВЕННЫЕ ЧАШИ

Статья посвящена рассмотрению особенностей одного из артефактов, хранящихся в музее и относящихся к одним из первых поступлений восточной коллекции музея. Автор характеризует предназначение этого культового предмета и историю его поступления в музей.

Ключевые слова: жертвенные чаши; буддизм; Китай; Монголия; ЗСОИРГО.

FROM THE FIRST ACQUISITIONS OF THE MUSEUM SCOURGE: SACRIFICIAL BOWLS

Blinova Olga Valerievna,
candidate of history,
head of the Department of scientific publications,
advertising and media communications,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: ogik_blinova@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of one of the artifacts stored in the Museum and related to one of the first acquisitions of the Museum from the Eastern collection. The author characterizes the purpose of this iconic object and the history of its entry into the Museum.

Keywords: sacrificial bowls; Buddhism; China; Mongolia; ZSOIRGO.

Первые годы существования Отдела нашли достаточно полное освещение в печатном органе Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества (далее ЗСОИРГО) – «Записках». Они хранят сведения о первых поступлениях в формировавшийся музей с перечислением сдатчиков. Постепенно информация о новых сборах, отмечавшаяся в «Записках», сократилась до нескольких фраз констатации факта появления нового предмета в коллекции музея без его характеристики и иной раз даже без указания названия конкретного поступления. Наиболее полные характеристики деятельности научного общества содержат отчеты Отдела, помещенные в «Записках» за 1879 – 1880-е гг. [см. об этом подробнее: 1, 2]. С 1890-х гг. появилась практика публиковать отчеты отдельными оттисками, в связи с чем в «Записки» поступала ограниченная информация. Издания 1900-х гг. в основном включают доклады действительных членов ЗСОИРГО о проведенных экспедициях. Повседневная деятельность Отдела практически не нашла освещения на страницах сборников. С 1912 г. по 1917 гг. практика публикации отчетов в журналах Отдела или отдельными выпусками была прервана, возобновившись лишь в 1920-е гг.

Значительное количество экспонатов из числа первых поступлений музея составляют предметы, собранные в ходе поездок сотрудников Западно-Сибирского отдела на восток (Китай, Монголия, Тибет). Время их поступления в фонды ЗСОИРГО не случайно и затрагивает в основном первые двадцать лет деятельности Общества. Исследовательские поездки предоставляли правительству прекрасную возможность проводить разведывательные действия на пограничных территориях и получать необходимую информацию там, куда официально русские военные и чиновники не могли быть допущены [3, с. 130 – 131]. Всего за годы деятельности Западно-Сибирского отдела с 1877 до 1917 гг. на территорию Китая и сопредельные с нею земли Монголии и Тянь-Шаня было совершено 6 экспедиций: в 1878 г., 1887, 1897, 1903, 1914 гг. [4, с. 81 – 86, 90]. За первые двадцать лет существования ЗСОИРГО большинство вопросов военно-административного характера было решено, что в свою очередь обусловило резкий спад поступлений в восточную коллекцию музея.

Среди экспонатов, условно объединенных понятием «восточная коллекция», представлено немало предметов буддийского культа – скульптуры божеств, иконы на ткани – «танка», свечи и т.д. Одними из наиболее ранних экспонатов, точно атрибутировать которые нам позволяют «Записки ЗСОИРГО», являются две буддийские жертвенные чаши, поступившие в музей в дар от Г. Н. Потанина в 1878 – 1879 гг. Предметы представляют собой медные полусферы высотой 3,1 см и диаметром 6,2 см, отлитые и

затем обработанные на токарном станке. Ровные тонкие стенки оканчиваются небольшим отогнутым венчиком. Чаши имеют поддон в форме усеченном конуса. Поверхность чаш по внешней стороне гладкая, украшенная рядами прямых линий в виде кольцевых неглубоких узких бороздок. Три ряда линий окаймляют тулово чаш. Экспонаты имеют хорошую сохранность[1].

Артефакты были привезены исследователем из путешествия по Северо-Западной Монголии. Поездка длилась в течение полутора лет: с июля 1876 г. до декабря 1877 г. Путешественники перевалили через Алтайский хребет, прошли через пустыню Гоби и добрались до Тянь-Шаня, остановившись в Хамийском оазисе у гор. В конце мая предстоял обратный путь, пролегавший через пустыню и небольшие поселения монголов и урянхайцев [5, с. 27 – 29]. В декабре 1877 г. члены экспедиции достигли Бийска. Цель путешествия, заключавшаяся в изучении страны, лежащей между озерами Улюнгуром и Косоголом с одной стороны и хребтами Танну-Ола и Тянь-Шанем, с другой, была достигнута. Многие местности, прежде не изученные европейцами, были осмотрены и нанесены на карту. Помимо этого, ученый привез чучела 50 видов редких, прежде не известных млекопитающих и птиц[2]. Разносторонние интересы Г. Н. Потанина как ученого и общественного деятеля выразились в сборе огромного пласта материалов не только по географии края, что представляло главную задачу для администрации Западной Сибири, но и по природе и этнографии местного населения.

Историю интересующих нас экспонатов, попавших в результате описанной экспедиции в музей, позволяют дополнить материалы «Очерков Северо-Западной Монголии...», подготовленные Г. Н. Потаниным в 1881 г. Интересно, что чаши упоминаются не в контексте посещения буддийских храмов, а при характеристике жилищ рядовых монголов. Исследователь передал местное название чаш как «цокцо»[3] – медные

[1] Культура народов Зарубежной Азии в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея / отв ред. Н. А. Томилов. – Новосибирск: Наука, 1997. – С. 169.

[2] Отчет Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества за 1878 год // Записки ЗСОИРГО. – Кн. 1. – С. 19.

[3] В современной транскрипции «сугсэ» (Будажапова Л. Б. Буддийские термины в современном бурятском языке: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2016: [Электронная версия]. http://www.dissercat.com/content/buddiiskie-terminy-v-sovremennom-buryatskom-yazyke. (Дата обращения: 18.03.2019).

жертвенные чашечки, которые ставились в монгольских юртах перед божницей в количестве семи штук [6, с. 79]. В буддийской практике чаши представляют собой семь подношений божествам – воды, цветов, благовоний, огня, ароматических масел, пищи. Они составляют группу «внешних подношений» (бахья-пуджа) и символизируют незапятнанность и чистоту. Список из семи предметов восходит к древнеиндийским традициям поклонения богам. Устанавливаются такие чаши как на домашнем, так и на храмовом алтаре. Помимо семи вещественных, присутствовало восьмое ритуальное подношение Просветленному – музыка, либо незримо присутствующая во всем помещении, либо представленная символически тем или иным музыкальным инструментом [7, с. 193]. Перед тем как поместить чаши на алтарь, в каждую из них наливают немного воды, символизирующей перечисленные подношения. Расстояние между чашами должно составлять толщину одного ячменного зерна. Соприкосновение чаш имеет дурной знак и предвещает, по представлениям верующих, упадок умственных способностей совершающего подношение [8, с. 87 – 88]. Г. Н. Потанин, описывая монгольское жилище, указывал, что алтарь, как правило, располагался напротив входа в юрту. Божница представляла собой раскрашенный ящик, драпированный тканями, на котором стояли изображения божеств. Рядом устанавливались семь медных чашечек, в которые наливалась вода и раскладывалась часть дневной трапезы – творог, сыр и пр. Тут же ставились резные фигурки, искусственные цветы, украшения [6, с. 109.]. В конце дня или сессии медитации подношения убирались с алтаря. Вода из чаш сливалась в сосуд и вместе с цветами и подношениями пищи выставлялась наружу для блага проходящих животных или голодных духов. Семь чаш очищались и вытирались насухо, складывались одна на другую вверх дном до наступления следующего утра или сессии медитации.

Описанные артефакты входят в число старейших экспонатов музея, хранящих память о первых годах деятельности ЗСОИРГО, проходившей на стыке научных интересов профессиональных исследователей и военно-политических задач, стоявших перед местной и центральной администрацией. В настоящее время экспонаты выставлены на постоянной экспозиции ОГИК музея, повествующей об истории его создания и функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мартынова Л. С. История комплектования коллекций краеведческого музея (краткий очерк) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1998. – №6. – С. 65 – 80.

2. Захарова Н. А., Иванова О. Г. К истории формирования коллекций ОГИК музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2002. – №9. – С. 123 – 138.

3. Захарова Н. А., Шанева Р. А. Экспедиционная деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в Казахстане и формирование первых коллекций ОГИК музея // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII – XX вв.): 2 Международная научная конференция: Тезисы докладов и сообщений. – Омск: ОмГУ, 2001. – С. 130 – 133.

4. Семенов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества, 1877 12. VII-(30-VI) 1927. – Омск: Омгосполиграф, 1927. – 145 с.

5. Потанин Г. Н. Путешествия Г. Н. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю / обработано по подлин. его сочин. М. А. Лялиной. – Изд. 2-е, просмотр. и доп. автором. – СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1912. – 247 с.

6. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: результаты путешествия, исполн. в 1876-1877 г. по поручению Имп. Рус. геогр. о-ва чл. сотр. оного Г. Н. Потаниным. – Вып. 1. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии Северно-Западной Монголии. – СПб.: тип. В. Безобразова и К, 1881. – 431 с.

7. Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм: Энциклопедический словарь. – М.: Ориенталия, 2011. – 448 с.

8. Бир Р. Тибетские буддийские символы: справочник. – М.: Ориенталия, 2013. – 336 с.

УДК 908

Буслаева Галина Борисовна,
старший научный сотрудник отдела хранения
и научного изучения музейных фондов,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: galina.buslaewa@yandex.ru

КОЛЛЕКЦИЯ СЕМЬИ ПАХОТИНЫХ В ФОНДАХ ОГИК МУЗЕЯ

Статья знакомит с материалами из коллекции А. А. Пахотина, хранителя музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, заведующего зоологическим отделом Западно-Сибирского краевого музея: биографическими документами, перепиской, фотографиями, предметами, бытовавшими в семье Пахотиных в конце XIX – начале XX вв., поступившими в фонды ОГИК музея в январе 2018 года.

Ключевые слова: коллекция; документальные источники; биографические материалы; фотодокументы; бытовые предметы.

Buslayeva Galina Borisovna,
Senior researcher of the Department of the keeping and
study of the museum collections,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: galina.buslaewa@yandex.ru

COLLECTION OF PAKHOTIN,S FAMILY IN FUNDS OF OMSK STATE MUSEUM OF HISTIRY AND REGIONAL STUDIES

The article introduces the materials from the collection of A. A. Pakhotin, curator of the Museum of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical society, head of the Zoological Department of the West Siberian regional Museum: biographical documents, correspondence, photographs, objects that existed in the family of Pakhotins in the late XIX – early XX centuries that received in the funds of the Omsk State Museum of History and Regional Studies in January 2018.

Keywords: collection; documentary sources; biographical materials; photodocuments; household items.

В январе 2018 г. в фонды Омского государственного историко-краеведческого музея поступила коллекция фотографий, документов и предметов, принадлежавших ранее семье омских купцов 2-й гильдии Пахотиных [1]. Предметы и документы были переданы Валентиной Устиновной Брюхановой, старшим преподавателем кафедры геодезии и дистанционного зондирования, ветераном ОмГАУ. Ей эта коллекция перешла по наследству от ее подруги, Любови Александровны Бубновой (20.04.1940 – 22.11.2017, Омск). Любовь Александровна была двоюродной внучкой и опекуном жены Алексея Андреевича Пахотина – Антонины Леонидовны Пахотиной (в девичестве Задориной).

Ранее, в 1980-е гг. в фонды музея была передана часть личной библиотеки А. А. Пахотина, насчитывающая более 600 экземпляров книг по различной тематике. В фондах музея хранится и сабля в ножнах образца 1826 г., переданная А. А. Пахотиным в дар музею ЗСОИРГО в 1916 г.

Часть документов о семье Пахотиных хранится в Историческом архиве Омской области. Работниками архива составлена историческая справка о некоторых членах этой семьи.

Некоторые биографические сведения о А. А. Пахотине содержатся в статье сотрудников ОмГАУ Г. Г. Бикбулатовой и Н. К. Чернявской «Омский государственный аграрный университет и Русское географическое общество – столетие в лицах» [2, с. 40].

Семья Пахотиных была довольно известна в Омске конца XIX – начала XX вв. Дед А. А. Пахотина – Егор Алексеевич, в 1894 – 1900 гг. был директором Омского городского общественного банка. Его жена – Маремьяна Дмитриевна, числилась купчихой 2-й гильдии, торговала мануфактурой. Отец А. А. Пахотина – Андрей Егорович Пахотин – известный в Омске общественный деятель. Окончил Омское уездное училище. С 1885 г. занимал должность почетного смотрителя пансиона для русских и киргизских детей. В 1887 – 1891 гг. был товарищем директора Омского городского общественного банка. В 1891 г. был избран членом Омской городской управы. В 1903 – 1904 гг. являлся почетным членом правления Общества вспомоществования нуждающимся ученицам омской женской гимназии. Был награжден Министерством народного просвещения серебряной медалью «За усердие» на Аннинской ленте. В 1894 г. его имущество оценивалось в 5 тысяч рублей.

Старший сын Андрея Егоровича – Алексей – с отличием окончил гимназию. Основные вехи его биографии: выпускник курсов бухгалтерии и

коммерческих вычислений по специальным отраслям счетоводства – общеторгового, полных товариществ и акционерного (1907 г.); действительный член Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества (1914 г.); помощник хранителя музея ЗСОИРГО (1914 – 1917 гг.); хранитель музея ЗСОИРГО (1917 – 1920 гг.); заведующий музейно-экскурсионной секцией Сибнаробраза (1920 – 1923 гг.); заведующий зоологическим отделом Западно-Сибирского краевого музея (1923 – 1924 гг.); инструктор по борьбе с вредителями сельского хозяйства (1924 – 1925 гг.); заведующий мастерской наглядных пособий в Омском Центральном сельскохозяйственном обществе (1925 – 1926 гг.); заведующий мастерской наглядных пособий в Окружном земельном управлении (1926 – 1931 гг.); сотрудник мастерских наглядных пособий артели «Экстра» (1931 – 1932 гг.); библиотекарь при Омской агростанции (1932 г.); заведующий библиотекой Омского Коммунально-строительного техникума (1932 – 1934 гг.); заведующий библиотекой Омского ветеринарного института (1934 – 1957 гг.); пенсионер (1957 – 1975 гг.).

А. А. Пахотин был незаурядной личностью, интересовался историей, этнографией, зоологией, палеонтологией, географией, минералогией, увлекался фотографией. Во время Октябрьской революции и Гражданской войны он занимал должность хранителя музея ЗСОИРГО (1917 – 1920 гг.). Возможно, именно благодаря его стараниям коллекции музея в это смутное и тревожное время были сохранены, не подверглись расхищению.

Алексей Андреевич в начале XX в. участвовал в нескольких экспедициях по Центральной Азии и Западной Сибири. Документальным подтверждением этого является фотография, переданная в фонды музея: «А. А. Пахотин в Малой Азии» (1916 г.)[1]. На снимке мужчина средних лет на лошади, в фуражке, на плечи накинута войлочная бурка.

Долгие годы Пахотин занимал должность заведующего библиотекой в Омском ветеринарном институте. Сам он был страстным библиофилом, в его собрании были и научно-популярная, и художественная, и общественно-политическая литература, и периодика. Среди переданных в 1980-е гг. в фонды нашего музея изданий из его библиотеки имеются и экземпляр журнала «Вестник Европы» за 1870 г., и «Отчеты Императорского Русского Географического общества», и «Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества» за разные годы. На многих изданиях стоит штемпель: «Из книг С. и А. Пахотиных. №...».

Документальная часть коллекции представлена биографическими материалами, перепиской, фотографиями.

Биографические материалы позволяют проследить основные этапы его жизни. Это и свидетельство об окончании курсов бухгалтерии и коммерческих вычислений (1907 г.)[1], и трудовой список (1929 г.)[2], и данные о прохождении службы (1934 г.)[3], и удостоверения личности (1929 г., 1933 г.)[4], и различные удостоверения, справки, и пенсионное удостоверение (1956 г.)[5].

Переписка представлена письмом из Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества об избрании А. А. Пахотина действительным членом ЗСОИРГО (1914 г.)[6], письмом от заведующего почвенно-ботаническим отделом экспедиции Народного Комиссариата по внешней торговле для научно-экономического обследования Обь-Печорского Севера хранителю музея ЗСОРГО А. А. Пахотину с предложением взять на себя составление карточного географического каталога по литературным источникам, относящимся к Обь-Печорскому Северу и с описанием полномочий и требований к каталогу (1920 г.)[7].

Основная часть коллекции – фотографии: портретные и групповые, семейные, снимки родственников, друзей и знакомых семьи Пахотиных, видовые снимки Омска и окрестностей.

Портретные снимки конца XIX – начала XX вв. на фирменных паспарту в основном не аннотированы. Мы можем только предполагать, кто из членов семьи Пахотиных на них запечатлен.

Часть фотографий наклеена на альбомные листы. Снимки относятся к 1910-1930-м гг. Все они подписаны по правилам новой орфографии.

Среди них интересны видовые снимки окрестностей Омска: «Васин хутор» (1910 г.)[8], «Овраг в Загородной роще»[9] (нач. XX в.), «Уголок Загородной рощи зимой»[10] (нач. XX в.), «Любина роща»[11] (нач. XX в.) и другие.

---

[1] Фонды ОГИК музея. ОМК 16119/100/

[1] Там же. ОМК-16119/41/

[2] Там же. ОМК-16119/52.

[3] Там же. ОМК-16119/54.

[4] Там же. ОМК-16119/51; ОМК-16119/53.

[5] Там же. ОМК-16119/57.

[6] Там же. ОМК-16119/43.

[7] Там же. ОМК-16119/45.

[8] Там же. ОМК-16119/76.

[9] Там же. ОМК-16119/116.

[10] Там же. ОМК-16119/119.

[11] Там же. ОМК-16119/124.

Быт состоятельных жителей Омска начала XX в. передает портретный снимок «Загородная роща. На веранде дачи»[1].

Большой интерес для нас представляют снимки «Дом генерал-губернатора»[2] и «Кордегардия при бывшем остроге, о которой упоминает Ф. М. Достоевский в «Мертвом доме»[3], так как они полностью соответствуют изображениям из коллекции открыток с видами г. Омска периода 1904 – 1905 гг., изданных известным издателем омской видовой открытки А. А. Шевелиным. Так как семья Пахотиных поддерживала дружеские связи с Шевелиными, а А. А. Пахотин увлекался фотографией, можно предположить, что именно он являлся автором этих снимков. Но, возможно, эти снимки были подарены А. А. Пахотину Шевелиным.

Замечателен портретный снимок «А. А. Пахотин в старинной кольчуге»[4] (нач. XX в.). В интерьере помещения на фоне стеллажей с книгами стоит в полный рост в три четверти влево мужчина средних лет с темными коротко стрижеными волосами, высоким открытым лбом, пышными усами. Одет в черные штаны, заправленные в высокие кожаные сапоги, темную куртку, поверх которой надета металлическая кольчуга.

В. У. Брюхановой были переданы в музей и предметы, бытовавшие в семье Пахотиных в конце XIX – начале XX вв. Интерес представляют набор гирь (кон. XIX – нач. XX вв.)[5], набор типографских шрифтов алфавита образца до 1917 г. в футляре[6]. В музей поступили также фотоаппарат А. А. Пахотина с штативом-треногой[7] (1930 – 1940-е гг.), карандашницы из бронзы и мрамора (кон. XIX – нач. XX вв.)[8], пенсне[9], свеча походная[10] (кон. XIX в.), монокуляр с перископным объективом[11] (кон. XIX – нач. XX вв.), и другие предметы, принадлежащие семье Пахотиных. Коллекция семьи Пахотиных будет интересна краеведам, исследователям, всем, интересующимся историей Омского Прииртышья.

---

[1] Там же. ОМК-16119/86.
[2] Там же. ОМК-16119/122.
[3] Там же. ОМК-16119/123.
[4] Там же. ОМК-16119/115.
[5] Там же. ОМК-16119/8-1.
[6] Там же. ОМК-16119/16-18.
[7] Там же. ОМК-16119/20-26.
[8] Там же. ОМК-16119/4-5.
[9] Там же. ОМК-16119/19.
[10] Там же. ОМК-16119/7.
[11] Там же. ОМК-16119/39.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Буслаева Г. Б. Коллекция семьи Пахотиных в фондах ОГИК музея // Материалы IX региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посв. 425-летию города Тары. – Омск, 2018. – С. 164 – 166.

2. Бикбулатова Г. Г., Чернявская Н. К. Омский государственный аграрный университет и Русское географическое общество – столетие в лицах // Национальные приоритеты России. – Омск: Омский научный вестник, 2018. – №2 (29). – С. 17 – 46.

УДК 069

Воробьева Светлана Сергеевна,
главный хранитель музейных предметов,
Историко-краеведческий музей,
Называевск,
e-mail: muzeinzv@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНДА «ПРЕДМЕТЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА» НАЗЫВАЕВСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье рассмотрен и проанализирован музейный фонд «Предметы изобразительного искусства» Называевского историко-краеведческого музея. В составе фондовой коллекции выявлены уникальные и редкие предметы. Установлены: количество авторов, крайние даты создания произведений в коллекции, крайние даты создания коллекции. Выявлены группы по жанрам и «география» авторов произведений живописи и графики. Описана экспозиционно-выставочная деятельность музея в рамках рассматриваемой фондовой коллекции. Рассмотрены проблемы сохранения фондов живописи и графики. Цель работы заключается в популяризации музейных предметов и коллекций, привлечению музейного сообщества к «диалогу» общих проблем и интересов, к обмену выставками.

Ключевые слова: Называевский музей; музейная коллекция; живопись; музей; Называевск.

Vorobyova Svetlana Sergeevna,
chief curator of Museum objects,
Nazyvaevsky Museum of History and Regional Studies,
Nazyvaevsk,
e-mail: muzeinzv@mail.ru

CHARACTERISTIC OF THE FUND «OBJECTS OF FINE ART» NAZYVAEVSKY LOCAL HISTORY MUSEUM

The article reviewed and analyzed the museum fund «Objects of Fine Arts» Nazyvaevsky Museum of History and Regional Studies. In the stock collection identified unique and rare items. The number of authors, the deadlines for creating works in the collection, the deadlines for creating the collection

are established. Identified groups by genre and «geography» of the authors of paintings and drawings. The expositional and exhibition activities of the museum are described within the framework of the stock collection under consideration The problems of preserving the funds of painting and graphics. The aim of the work is to popularize museum objects and collections, to attract the museum community to the «dialogue» of common problems and interests, to the exchange of exhibitions.

Keywords: Nazyvaevsky Museum; museum collection; painting; museum; Nazyvaevsk.

Называевский историко-краеведческий музей был основан в 1993 г. Открытие музея состоялось 8 мая 1995 г. В состав фонда Называевского историко-краеведческого музея на 1 января 2019 г. входит 6733 музейных предмета. В фондах коллекции «Изобразительного искусства» 289 единиц хранения, из них: 259 предметов основного фонда и 30 предметов научно-вспомогательного фонда (4,3% от общего числа предметов).

Коллекция объединяет близкие друг другу живопись, графику и скульптуру, представляя ценность для изучения изобразительного искусства преимущественно Омского Прииртышья. Коллекция формируется и развивается по следующим направлениям: «Древнерусское искусство», «Отечественное искусство XX – XXI вв.», «Русский художественный авангард», «Наивное искусство».

Фонд «Живописи» составляет 118 предметов, в том числе 4 иконы. Основными жанрами являются тематическая картина, портрет, пейзаж и натюрморт. Всего коллекцию живописи представляют 44 автора, крайние даты создания произведений 1967 – 2018 гг. Крайние даты формирования коллекции: 1996 – 2018 гг.

Формирование коллекции началось с приобретения картин местных художников. В 2002 г. из фонда Называевской детской художественной школы поступили пейзажи омских мастеров. Накануне юбилея Победы в 2005 г. Администрацией Называевского района был сформирован заказ на изготовление 10 портретов земляков-участников Великой Отечественной войны. В настоящее время галерея портретов входит в состав постоянной экспозиции.

Отдельной линией представлено современное направление в искусстве – авангардная живопись. В 2007 г. галерея «НИКОР» передала в фонд музея работы московских художников.

Начиная с 2008 г. фонд музея пополняется работами художников-профессионалов из г. Омска и соседних регионов страны. В коллекции со-

брана живопись членов Союза художников России, Творческого союза профессиональных художников г. Омска, г. Ишима (Тюменская область) и г. Челябинска.

Также в фонде музея собраны работы «наивных» художников. В 1993 г. были приобретены первые работы, и лишь спустя 20 лет, в 2013 году фондовая коллекция продолжила пополняться работами самодеятельных художников г. Называевска.

Наиболее ценная часть коллекции – это иконы, которых насчитывается 4 экземпляра: семейная икона «Избранные Святые» (Тобольской школы иконописи, середина XIX в.), две иконы Николая Чудотворца (Невьянской школы иконописи, первая половина XIX в.) и «щепная» икона (Тюменская область, конец XIX в.), список иконы «Богородица «Озерянская» – народная икона, написанная непрофессиональным мастером, выходцем из Западной Украины (середина XIX в.).

Коллекция «Графики» включает 136 предметов. В ее составе цветные и черные литографии, эстампы, офорты, диатипия. Всего коллекцию представляют 38 авторов, крайние даты создания произведений 1971 – 2016 гг. Даты формирования коллекции «Графики»: 1998 – 2016 гг.

Начало музейному собранию было положено в 1998 г. Самое крупное дарение – коллекция графики, переданная В. П. Гришечко (помощником президента Международной ассоциации «Искусство народов мира» по городу Омску) в 2006 г. В переданной музею коллекции представлены 38 произведений, созданных в 1970 – 1990-х гг. художниками России, Казахстана, Башкирии, Узбекистана, Чехии. Коллекция включает в себя многообразие «громких» имен, широту диапазона графических техник. Станковая графика широко представлена в коллекции работами омских художников. В 2018 г. самодеятельная художница г. Называевска подарила музею свою работу.

Скульптурный изобразительный ряд состоит из 88 предметов. В коллекции: гипсовые портреты В. И. Ленина (скульпторы Геворкян и П. Яцыно), композиционные изображения из металла омского скульптора А. А. Цымбала. Вторую часть этой коллекции составляют промышленные изделия мелкой пластики бытового назначения. Среди них: изделия из чугуна, гипсовые и фарфоровые статуэтки.

В настоящее время в коллекции представлен богатейший художественный материал. На его основе создаются разнообразные выставочные проекты, проводятся исследования, готовятся публикации.

В целях поддержки межмузейного сотрудничества в 2016 г. состоялась выставка картин называевских художников в Крутинском истори-

ко-краеведческом музее, в 2015 г. в Ишимском историко-краеведческом музее (Тюменская область). В 2015 г. тюкалинский художник Александр Куроедов представил 80 живописных полотен на персональной выставке в Называевском музее. Регулярными стали выставки как профессиональных, так и самодеятельных художников Называевского района. Открывая новые имена, музей предоставляет площадку для презентации своего творчества. Взамен художественный фонд музея пополняется. За 10 лет сотрудничества с ТСПХ на базе музея проведено 24 персональные и коллективные выставки.

Ежегодно 10-12% предметов коллекции «Изобразительное искусство» экспонируются в зале сменных выставок и на передвижных выставках.

В фондохранилище для вертикального расположения картин изготовлены ячейки из бруса. Листы с графикой оформлены в отдельные паспарту и хранятся в горизонтальном положении. Все требования Инструкции главный хранитель исполняет, но остаются проблемы: нехватка площадей и несоответствие нормам температурно-влажностного режима. Несмотря на это, коллектив музея достиг больших результатов. В копилке музея дипломы и почетные грамоты. Самыми знаковыми за последние два года: Диплом от президента ТСПХ Игнаткова И. В. (город Москва), медаль ТСПХ «За вклад в развитие профессионального искусства».

Более подробно с фондом нашего музея вы можете познакомиться на сайте Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации, сайте Называевского историко-краеведческого музея (http://muzeinzv.omsk.muzkult.ru), на страницах «Называевский музей» в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте».

УДК 069

Гришин Юрий Викторович,
старший научный сотрудник, хранитель фонда оружия,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: gjurgi55@mail.ru

КОПИРОВАЛЬНО-МНОЖИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ МИМЕОГРАФ ЭДИСОНА В ФОНДАХ ОГИК МУЗЕЯ.

Статья посвящена рассмотрению одного из экспонатов музея – первому в мире копировальному аппарату – Мимеографу Эдисона. В качестве источников при раскрытии значения и принципов работы аппарата использованы воспоминания подпольщиков социал-демократов, соратников В. И. Ленина.

Ключевые слова: мимеограф; подпольная типография; революционное движение; копировальная техника.

Grishin Yuri Viktorovich,
senior researcher, custodian of the weapons,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: gjurgi55@mail.ru

DUPLICATING MACHINE MIMEOGRAPH EDISON OGIC IN THE COLLECTIONS OF OMSK STATE MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES

The article is devoted to the consideration of one of the exhibits of the Museum – the world's first copy machine – Edison Mimeograph. As if raskrytii values and principles of operation of the apparatus used memories of the underground social Democrats, supporters of Lenin.

Keywords: mimeograph; underground press; the revolutionary movement; copying machines.

История находки этого предмета достаточно проста. Много лет этот деревянный ящик пролежал на одном из сейфов в оружейном хранилище, никем не опознанный и не атрибутированный. В ходе работы с экспонатами предмет в числе других был мною извлечен, его содержимое разложено на столе и исследовано. Изучение экспоната позволило отнести его к одному из самых ранних образцов копировально-множительной техники со всеми атрибутами трафаретной печати. Не хватало только самого главного элемента: «восковки» – специальной бумаги, пропитанной парафином, которая и используется как «матрица» или «трафарет» для нанесения текста или рисунка типографской краской на бумажный лист. Передо мной был знаменитый Мимеограф Эдисона, изобретенный великим Томасом Алвой Эдисоном в 1876 г.

Состояние аппарата было плачевным: рассохшийся ящик, сколы и трещины во всю длину верхней и нижней частей, ржавчина на металлических частях, отсутствует ручка раскатного валика. Сам валик покрыт толстым слоем разложившейся резины и типографской краски и намертво приклеен к внутренней стороне лицевой стенки. Все поверхности потерты и исцарапаны. Часть фирменного знака утрачена. В таком виде он поступил в наши реставрационные мастерские в январе 2016 г. Реставрацию проводил заведующий реставрационными мастерскими Кривдов Алексей Викторович. Вместе с деревянным ящиком подверглись реставрации и находящиеся внутри предметы: раскатный столик с рамкой, ручка ролика.

Название мимеографа происходит от древнегреческих слов «подражаю» и «пишу». Сначала этот аппарат был достаточно сложным, так как для изготовления матрицы надо было вручную изготовить оригинал «электрическим пером». Ручка, внутри которой постоянно двигалась тонкая игла, пробивала трафаретный рисунок из мелкого пунктира и создавала матрицу на специальной бумаге. Позже эту функцию стала выполнять пишущая машинка со снятой красящей лентой. Литеры пробивают контур букв на крепкой провощенной бумаге, создавая таким образом трафарет. Полученная матрица натягивалась и закреплялась в рамке-крышке. Под рамкой находился соединенный с ней шарнирными петлями раскатный столик с полированной площадкой. Надо было поднять рамку с восковкой и положить на площадку лист бумаги. Затем рамка опускалась на лист бумаги и прокатывалась резиновым роликом. При этом краска просачивалась через пробитые литерами пишущей машинки контуры букв на бумагу, оставляя копию текста, напечатанную на восковке. Рамка снова поднималась, отпечатанный лист убирался, а на его место ложился следу-

ющий чистый лист. Затем все повторялось в той же последовательности. С одной восковки можно было в зависимости от ее качества отпечатать от 100 до 300 копий.

Внутри деревянного ящика имелось пространство, используемое для хранения резинового ролика, банок с краской и самого раскатного столика с рамкой. Там же хранился и запас «восковок».

Устройство очень быстро стало незаменимым как в госучреждениях, так и в коммерческих структурах, производилось не только с США, но и в странах Старого Света. Наш экземпляр был изготовлен английской фирмой «ELLANS DUPLICATOR» в Лондоне. Надо отметить, что в наше время слово «дупликатор» из названия фирмы стало нарицательным, так же как «ксерокс» – от производителя подобного оборудования. Выпускались и использовались мимеографы данного типа вплоть до 1920-х годов, несмотря на появившиеся через несколько лет ротографы, рассчитанные на печать значительных объемов документов. В основе их работы лежал тот же принцип, однако ротографы были снабжены уже раскатным барабаном, автоматической подачей краски и бумаги, рукояткой для приведения всей конструкции в действие. Позднее появились ротаторы с электрическими двигателями. Ставили их уже в специально отведенных для них кабинетах, потому что одного стола им уже было мало, да и вес их начинался с 15 килограммов и выше. Мимеографы еще долго находились в эксплуатации благодаря своей «мобильности» и малому весу.

По воспоминаниям Пантелеймона Николаевича Лепешинского, пришедшего в революционное движение в 1880-е годы, члена РСДРП с 1898 г., а с 1900 г. корреспондента газеты «Искра», «мимеографы сыграли огромную, неоценимую роль в революционном движении в царской России». В своей статье «И дешево и сердито», опубликованной в историческом журнале истпарта «Пролетарская революция» № 2 за 1921 г. П. Н. Лепешинский подробно пишет о работе мимеографа: «Одна сторона рамки с трафаретом в двух ее углах прикреплялась кнопками к столу. От средины противоположной стороны шла бечевка к потолку, которая огибала блок (например, катушку от ниток) и затем спускалась к полу с таким расчетом, чтобы, действуя на конец ее, привязанный к носку сапога, и работая этим носком, как во время игры на рояле периодическим нажимом на педаль, можно было по произволу то приподымать, то опускать свободный край рамки. Таким образом один человек, правая рука которого вооружена валиком, левая подкладывает под рамку чистые листы и выбрасывает из-под нее отпечатанные, а кончик сапога своим движением вверх и вниз приподнимает и опускает рамку с трафаретом,

может совершенно свободно обходиться при печатании без посторонней помощи» [1, с. 188 – 190].

О мимеографах часто вспоминали участники политических событий первой четверти XX в. Так, большевик, доктор исторических наук Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич – ближайший помощник и фактический секретарь В. И. Ленина в одной из своих книг «На заре революционной пролетарской борьбы» посвятил мимеографу целую главу [2]. Есть рассказ о мимеографах в воспоминаниях и у другого историка партии, русского революционера и государственного деятеля – Сергея Ивановича Мицкевича, а также воспоминания Алексея Александровича Ганшина, первым издавшего статью полученную им от В. И. Ленина «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» [3]

Удалось установить и место работы данного аппарата. На листе картона, находившегося внутри и служащего для подкладки под рамку с восковкой после завершения работы, остались наложенные друг на друга отпечатки нескольких документов. В левом верхнем углу хорошо читается «Контроль Сибирской ж.д. УП. ... 26 февраля 1913 г.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лепешинский П. Н. И дешево и сердито // Пролетарская революция. – 1921. – №2. – 216 с.

2. Бонч-Бруевич В. Д. На заре революционной пролетарской борьбы: по личным воспоминаниям. – М.: Федерация, 1932. – С. 35 – 56.

3. Ганшин А. А. Как были изданы статьи В. И. Ульянова «Что такое “друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. – М.: Госполитиздат, 1956. – Т. 1. – С. 137 – 138.

УДК 069(39)

Дербуш Оксана Николаевна,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: onart_2010@mail.ru

ФОНДЫ ОГИК МУЗЕЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КОСТЮМА СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Статья посвящена коллекциям из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея как источнику для изучения костюма сибирских казаков. В работе затрагивается проблема реконструкции особенностей регионального костюма.

Ключевые слова: коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея; казаки; изобразительные, вещественные источники; документальная фотография; русский костюм.

Derbush Oksana Nikolaevna,
candidat of history,
leading researcher,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: onart_2010@mail.ru

COLLECTIONS OF THE OMSK STATE MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES AS A SOURCE OF STUDY OF THE SIBERIAN COSSAK COSTUME

The article is devoted to the collections of the Omsk state Museum of local history as a source for the study of the Siberian Cossacks costume. The paper touches upon the problem of reconstruction of regional costume features.

Keywords: collections of Omsk state Museum of local history; Cossacks; graphic, material sources; documentary photography; Russian costume.

Период конца XIX – начала XX в. является важным этапом развития современного общества, характеризуется большими изменениями во всех сферах его жизни – экономике, политике, праве, социальной структуре общества. Они отражаются и в костюме, который становится более удобным, универсальным. В то же время для исследователя важно выделить национальную и локальную специфику изучаемого культурного феномена.

Восстановление особенностей костюма сибирских казаков конца XIX – начала XX вв. может быть важным для исторических реконструкций страниц истории нашего края. Кроме того, изучение костюма определенной эпохи важно для проведения театральных постановок, массовых праздников, и, шире, для ведения культурно-воспитательной работы в целом.

Омск в рассматриваемый период является столицей сибирского казачьего войска, казаки составляли около 20% населения города. Кроме того, на территории Степного края располагались станицы, образующие Пресногорьковскую укрепленную линию. Поэтому краеведческий материал, собранный в фонде музея, отражает и культурные особенности такой социальной группы, характерной для территории, как сибирское казачество.

В фондах ОГИК музея можно выделить следующие виды источников, позволяющих изучать такое явление как костюм сибирских казаков.

1. Вещественные источники. Это предметы, входящие в фонд текстиля музея. Коллекция была сформирована в основном благодаря деятельности Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и передана в фонд музея в 1923 г. Кроме того, часть предметов попала в фонды музея в 1980 – 90-е гг., когда усилился интерес к истории казачества и возобновилась деятельность по сбору этнографических материалов. Наиболее значимыми являются образцы одежды и головных уборов, бытовавшие у сибирских казаков. Они включают женскую, мужскую, детскую одежду. Большой интерес представляет женский костюм – шелковая парочка, которая атрибутирована как свадебная. Комплекс женской одежды дополняется головными уборами: наколками, платками, шалями, лентами для кос. Обувь представлена образцом заготовки для туфли. Дополнением к женскому костюму этого периода служат аксессуары – небольшие сумочки ручного изготовления. В коллекции есть верхняя мужская одежда – армяки, а также такой головной убор как башлык – характерный для казачьего костюма. В коллекцию входят и образцы поясов и опоясок, предназначавшихся как для рубашек, так и для верхней одежды. Детский костюм представлен единичными предметами – вязаными башмачками, нагрудниками и чепчиками. Значимым источником могут

служить образцы ткани, вышивки и кружева ручного изготовления, а также отдельные детали одежды – кокетка для нижней рубашки, элементы оформления горловины и манжет.

2. Изобразительные источники. К ним относятся фотографии и рисунки. В их числе 36 фотокопий с акварелей Н. Каразина, посвященных истории и быту сибирского казачьего войска, а также цикл фотографий Г. Катанаева, зафиксировавших картины быта сибирских казаков на укрепленной линии в казачьих станицах. Кроме того, имеются единичные фотографии, на которых жители города Омска аннотированы именно как принадлежавшие к казачьему сословию.

По фотографиям сложно определить качество ткани, использовавшейся для изготовления одежды, но все же на многих хорошо просматривается использование фабричных тканей. Также прослеживается разнообразие особенностей кроя одежды. Можно сделать вывод о преобладании в женском костюме особенностей кроя, мало отличающегося от кроя городского костюма того времени. Мужской костюм преимущественно представлен либо военной формой, либо близок к ней, включает отдельные элементы форменной одежды, например, фуражки.

УДК 908 (571.13)

Дьякова Ольга Петровна,
старший научный сотрудник отдела хранения
и научного изучения музейных фондов,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: djakova.3525@gmail.com

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОМИЧЕЙ В 1920-Е ГОДЫ: РАБОТА И БЫТ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ НЕГАТИВОВ ОГИК МУЗЕЯ)

Статья знакомит с коллекцией стеклянных негативов 1920-х гг., которые могут стать дополнительным изобразительным источником по изучению повседневной жизни Омска в период становления советского государства. Внимание обращается на условия проживания и труда горожан, а также обеспечение граждан товарами повседневного спроса.

Ключевые слова: повседневность; коллекция негативов; 1920-е годы; новая экономическая политика; фоторепортаж; жилищные условия; безработица; промышленность; торговля; кооперация.

Dyakova Olga Petrovna,
senior researcher of the Department for preservation
and scientific study of Museum collections,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: djakova.3525@gmail.com

THE DAILY LIFE OF OMSK IN 1920-E YEARS: WORK AND LIFE (ON MATERIALS OF THE COLLECTION OF NEGATIVES OF OMSK STATE MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES)

The article introduces the collection of glass negatives of the 1920ts, which can become an additional visual source for the study of the daily life of Omsk during the formation of the Soviet state. Attention is drawn to the living and working conditions of citizens, as well as providing citizens with goods of daily demand.

Keywords: everyday life; collection of negatives; 1920ts; new economic policy; photo report; housing conditions; unemployment; industry; trade; cooperation.

Одним из магистральных направлений исторических исследований последних десятилетий стало изучение повседневной жизни людей на определенных временных отрезках. Особый интерес российских исследователей вызывают 1920-е гг., которые стали переломной эпохой, соединили черты старого и нового, советского быта, изменили жизнь всех социальных групп[1] [1; 2; 3]. Понятие «повседневность» в русском языке имеет значение будничности, привычности, обыденности, того, что происходит регулярно, изо дня в день [1, с. 10]. Источниками для изучения повседневности становятся прежде всего архивные документы, статистические данные, воспоминания и литературные источники, плакаты. Нам хочется дополнить перечень источников по истории повседневности фотоматериалами, тем более что именно в 1920-е гг. начинает царить фоторепортаж, и на снимках нового поколения фотографов оказываются запечатлены бытовые сцены, дающие емкое и эмоциональное представление о времени. В состав фотофонда Омского государственного историко-краеведческого музея входит коллекция негативов на стеклянных пластинах, выполненных во второй половине 1920-х гг. Известны имена авторов части снимков: Н. Мартынов, В. Сбруев, А. Тартаковский, А. Рыжаков, Г. Уфинцев, К. Чухрий и др. [4]. Не будучи профессионально подготовленными фотографами, тем более – фотохудожниками, они смогли сохранить для нас обстановку и передать атмосферу времени больших перемен в жизни России.

Какой же предстает на фотографиях жизнь омичей в период становления новой власти? Попробуем показать это, сгруппировав снимки по основным составляющим жизни человека. Прежде всего, это дом и семья. В 1920-е годы бытовые и санитарно-гигиенические условия в Омске остаются на прежнем, дореволюционном уровне: пыльные и грязные улицы, почти лишенные зелени, деревянные тротуары, преимущественно одно- и двухэтажные дома, в основном деревянные[2]. Выделяется каменный проспект, который теперь носит имя В. И. Ленина, и бывшая Двор-

[1] Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов: идеология и повседневность: Сборник статей / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – М. 2007. – 432 с.

[2] Омский краеведческий музей. Основной фонд (ОМК) -15162/1, 5, ОМК-15922/10.

цовая – теперь улица Республики[1], а также прилегающие к ним территории в центре Омска. Только начинают строить новые дома для рабочих, но большая часть «простых» людей живет в лишенных элементарного благоустройства домиках на окраинах города[2]. Самым нищим, трущобным районом выглядят Мариупольские землянки, расположившиеся между пивоваренным заводом М. Мариупольского и техническим училищем[3], вдоль современного проспекта К. Маркса. При этом жители землянок не выглядят изможденными или угнетенными: видно, что такие условия для них вполне привычны и приемлемы. Виды внутреннего обустройства квартир рабочих единичны[4]; на имеющихся снимках мы видим образец нового жилища рабочего: аккуратные хозяйка и ее девочки, выбеленная печь, вычищенные чугунки на плите и даже фабричная мясорубка. При этом обращает на себя внимание сборная старая мебель, так как купить новую, очевидно, было невозможно даже для рабочих с хорошим заработком.

Работа – другая важнейшая составляющая повседневной жизнь. Не секрет, что в 1920-е гг. в стране царила безработица. Так, на фотографиях мы видим десятки людей, привычно проводящих время у биржи труда в Омске[5]. Советская власть в годы нэпа решала проблему двумя путями: созданием крупных государственных предприятий и поощрением частного и коллективного предпринимательства. Создавались артели безработных и инвалидов[6], причем, как видно, им разрешалась прибыльная торговля вином и пивом.

Наряду с этим в Омске с конца 1919 г. национализируются заводы и фабрики, которые впоследствии укрупняются и перестраиваются. Так в городе появляются машиностроительные предприятия «Красный пахарь» и «Сибзавод», суконная фабрика, овчинно-шубный завод, крахмало-паточный завод, механизированный хлебозавод «Колос» и другие. В это же время строятся новые кожевенный и обозостроительный заводы, сооружаются мясокомбинат и хладокомбинат, начинают работать химкомбинат и чуть позднее – биофабрика[7]. Об уровне механизации и условиях труда на неко-

[1] ОМК-15922/1, 5, 6.
[2] ОМК-16003/23.
[3] ОМК-16003/24, 25.
[4] ОМК-16052/35, 36.
[5] ОМК-15922/9, 16042/13.
[6] ОМК-16003/55, 63, 64.
[7] Промышленное развитие Омской области. 1917-1975 гг. – Омск, 1987. – С. 230 – 236.

торых из этих предприятий можно судить по фотографиям: ужасающими с точки зрения современного человека они выглядят на овчинно-шубном заводе[1], чуть лучше – на кожевенном[2]. Аккуратными предстают и цеха, и рабочие хлебозавода[3], хорошие станки, скорее всего, еще от прежнего хозяина, стоят на суконной фабрике[4]. В цехах Сибзавода чисто, светло и просторно; на заводе «Красный пахарь» фотограф запечатлел процесс разливки расплавленного металла в емкости, которые вручную переносили рабочие. У станков появились женщины, что представляется невероятным для досоветского времени[5].

Отдельного внимания заслуживают моменты отдыха и обедов, которые фотографы зафиксировали на машиностроительных предприятиях: чаще всего перекус состоит из ломтя черного хлеба и чая или молока[6]. Впрочем, как свидетельствует снимок, на Сибзаводе была оборудована просторная и чистая столовая: рабочие едят суп за столом с белой скатертью, фаянсовой посудой, с приборами для специй[7].

Для снабжения пролетариата продуктами питания и одеждой была создана рабочая кооперация – Церабкооп[8], которая имела большую сеть разнообразных торговых точек, от больших магазинов до ларьков-повозок[9]. На снимках видно, что прилавки магазинов заполнены товарами, хотя ассортимент и не блещет разнообразием; на плакатах – призывы регулярно пополнять свой пай и укреплять советскую кооперацию[10]. Для ударников труда и тех, кто досрочно платит взносы в кооператив, – отдельные полки с лучшими товарами[11]. Имелись и специализированные магазины: медицинский от Сибмедторга[12], фототоваров от компаний «Киносибирь» и «Пролеткино»[13]. В магазине матери и ребенка можно увидеть не только товары для

[1] ОМК-16052/5,6.
[2] ОМК-16052/9,10.
[3] ОМК-16052/3,4.
[4] ОМК-16052/11.
[5] ОМК-16052/42, 43, 44.
[6] ОМК-16052/18, 19, 26.
[7] ОМК-16052/25.
[8] Церабкооп определяется как центральный рабочий кооператив, призванный удовлетворять потребительские нужды рабочего населения.
[9] ОМК-15650/7-10, 16003/6.
[10] ОМК-15650/11, 17, 16042/16.
[11] ОМК-16052/59.
[12] ОМК-15650/12.
[13] ОМК-15650/13, 16042/49.

малышей и их мам, но и плакаты просветительского характера, рассказывающие о гигиене и здоровом развитии ребенка[1].

Видимо, для более состоятельных граждан были предназначены магазины «АКОРТ»[2]. Фотографы запечатлели отдел дамского пальто в бывшем торговом корпусе Овсянниковых и Ганшиных на улице Ленина, сам этот торговый корпус, а также выглядящий вполне современно фруктовый корпус этой сети[3].

Самыми демократичным торговыми площадками оставались рынки; о Казачьем рынке того времени дают представление негативы[4] жившего по соседству Николая Мартынова [5]. По-прежнему проводилась на Базарной площади в центре города ноябрьская Введенская ярмарка[5]. Популярной была и уличная торговля, которую вели разносчики, очень часто – китайцы[6].

В целом фотохроника 1920-х гг. создает визуальный образ времени, когда повседневная жизнь людей еще была далеко не комфортной и обустроенной, но уже заметно наполнялась новым материальным и идеологическим содержанием. Медленными темпами, но все-таки начинали меняться к лучшему условия труда и быта прежде всего пролетариата, очищался и озеленялся город.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кринко Е. Ф., Тажидинова Е. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов-на-Дону, 2011. – 360 с.

2. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю. – М., 2015. – 488 с.

3. Оришев А. Б. Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа. – М., 2015. – 147 с.

4. Дьякова О. П. Деятельность государственной кинофотолаборатории при Западно-Сибирском краевом музее // Известия Омского государствен-

[1] ОМК-15650/16.

[2] АКОРТ – акционерное общество розничной торговли, действовавшее в Сибирском крае. Существовало в 1926-1934 гг. Центр управления находился в Новосибирске.

[3] ОМК-15650/14, 15, 16003/4.

[4] ОМК-15102|29-32, 16003|5.

[5] ОМК-15102/33, 34.

[6] ОМК-15102/27.

ного историко-краеведческого музея. – Омск: ОГИК музей, 2011. – №16. – С. 105 – 110.

5. Дьякова О. П. Н. Н. Мартынов и его фотоработы в фондах ОГИК музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2009. – №15. – С. 209 – 215.

УДК 069.01

Евсеева Александра Викторовна,
методист,
Музей истории Екатеринбурга,
Екатеринбург,
e-mail: museumekb@yandex.ru

КВЕСТ В ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВАРИАНТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА (ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ КВЕСТОВ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНБУРГА)

Статья посвящена особенностям проведения квестов в пространстве исторического музея. На примере квестов, созданных для посетителей разного возраста в Музее истории Екатеринбурга, показываются возможности музейного пространства для разработки легенды квеста и разбираются основные принципы построения квеста в музее. Кроме того, освещаются проблемы, возникающие в процессе подготовки игры на музейной площадке, такие как невозможность организации замкнутого пространства, отсутствие специального оборудования, построение квеста на выставках с разной тематикой и необходимость контроля за сохранностью экспонатов, и даются варианты их решения (создание квеста по типу путешествия «по станциям», введение дежурных и персонажей в игру, театрализация, музыкальные эффекты, использование карт и маршрутных листов и т.д.) Статья содержит описание различных видов квестов, проведенных в Музее истории Екатерибурга в период с 2015 по 2018 гг.: квесты детективного характера, приуроченные к празднику Хэллоуина, квесты-путеводители для пар в День Святого Валентина, квесты для детей школьного и дошкольного возраста. Также приводится опыт создания квест-рума на площадке музея «Водонапорная башня» (филиал Музея истории Екатеринбурга).

Ключевые слова: Музей истории Екатеринбурга; музей истории; квест; квест-рум; интерактивность.

Evseeva Alexandra Viktorovna,
methodist,
Ekaterinburg History Museum,
Ekaterinburg,
e-mail: museumekb@yandex.ru

QUEST IN HISTORICAL MUSEUM: OPPORTUNITIES AND OPTIONS FOR VISITORS OF DIFFERENT AGE (FROM THE EXPERIENCE OF THE EKATERINBURG HISTORY MUSEUM)

The article is focused on features of quests holding in historical museum. Museum opportunities in the development of quest legend and main principles of museum quests are illustrated by quests created for visitors of various ages in the Ekaterinburg History Museum. Moreover the article highlights the problems of making quests in the museum such as impossibility of making enclosed space for the game, lack of special equipment, proximity between exhibitions of different themes and the need for controlling the safety of exhibits. The article also presents a number of suggestions on how these various challenges could be addressed (creating quest on the model of «travelling from station to station», adding watchers and living characters into the game, theatricalizing, musical effects, using maps and itineraries etc). The article contains description of different types of quests conducted in the Ekaterinburg History Museum during the 2015-2018 period: detective quests to coincide with Halloween festivities, quests for couples on Valentine`s Day, quests for children of school and preschool age. In addition, experience on establishing «quest room» in the Water Tower (the branch of the Ekaterinburg History Museum) is given.

Keywords: the Ekaterinburg History Museum; historical museum; quest; quest room; interactivity.

За период с 2015 по 2018 гг. в Музее истории Екатеринбурга были разработаны и воплощены в жизнь квесты для посетителей разного возраста. Как показала практика, музей обладает большим потенциалом для проведения квестов. Само музейное пространство и экспозиции, отсылающие посетителей в далекое прошлое, являются благодатной почвой для создания увлекательного исторического сюжета. Так, легенду квеста «Дом с привидением», проведенного в 2015 г., мы создали на основе подлинной истории здания Музея истории Екатеринбурга, которое было построено в 1820 г. Кроме того, аутентичная атмосфера музея позволяет обойтись без применения дорогостоящего реквизита. Эффект погружения в иную реальность достигается за счет интерьера, привлечения внимания игроков к артефактам, звукового сопровождения и включения в сюжет игры живых персонажей. Например, в квесте «Подозреваются все» (2017) игроки вступали во взаимодействие с 7 персонажами (прачка, профессор и др.), среди которых они должны были вычислить преступника.

Тем не менее, в процессе работы с форматом квеста мы столкнулись с рядом сложностей, стараясь воплотить в музее классические требования построения квеста. В итоге нам пришлось изменить традиционный подход к созданию игры. Так, насыщенность информационного поля нашего музея, в котором соседствуют выставки с разной тематикой, не позволила нам ограничить игровую площадку одной-двумя запертыми комнатами по примеру квеста «выйти из комнаты». Мы нашли выход из положения, разделив пространство музея на тематические блоки и построив игру по принципу путешествия по «станциям». В результате участвовать в квесте смогли сразу несколько команд одновременно, что придало игре элемент соревнования. На каждой «станции» игроки получали задания, представлявшие собой всевозможные логические задачи. Выполнив задания верно, участники достигали цели игры (получали ключ от сундука или вычисляли преступника). Связующим же элементом между всеми станциями являлась легенда-завязка, с которой игроки знакомились в начале прохождения квеста. Например, в основу квеста «Амулет вечной любви» (2016) мы положили выдуманную историю о графе Калиостро и его амулете вечной любви, который участникам нужно было собрать из бусин, получаемых после успешного выполнения заданий на «станциях».

Вторая проблема при создании квеста в музее – это обеспечение сохранности экспонатов. Хотя по замыслу квеста участники игры должны самостоятельно решать на своем пути загадки, мы не можем их оставить наедине с музейной экспозицией. Это приводит нас к необходимости присутствия на площадке дежурных, которые следят за сохранностью экспонатов и музейного оборудования. Особенно актуально это требование при проведении детского квеста в музее. В 2017 г. был разработан квест для детей 11-14 лет «Семь амулетов». В начале игры участники получали карту музея с обозначением точек, где можно найти подсказки, и описание легенды. Таким образом, дети имели возможность свободно путешествовать по залам музея, а ведущий исполнял роль наблюдателя, который контролировал поведение детей и следил за сохранностью экспозиции. Таким же образом был построен квест «Охота на пасхального кролика» (2018), который мы предлагали пройти дошкольникам вместе с родителями.

Полностью отказаться от присутствия ведущих на площадке нам удалось в квесте для пар «Свидание в музее» (2017). Придя 14 февраля в музей, посетители получали путеводитель с заданиями и затем самостоятельно выполняли их. Мы не стали ограничивать игроков во времени. Это позволило нам отказаться от работы дежурных на «станциях», и сделать возможным проведение квеста в основное время работы музея.

В 2017 г. появился новый квест на площадке филиала Музея истории Екатеринбурга – Водонапорной башни, памятника промышленной архитектуры XIX в. Из всех игр, разработанных нашим музеем, квест «Дело о водонапорной башне» оказался наиболее приближен по формату к классической игре «выйти из комнаты». Замкнутое ограниченное пространство (11, 6 кв. м) позволило нам проводить игру только для одной группы игроков из 2-4 человек и ввести ограничение по времени. Кроме того, на этот раз мы построили сценарий уже не по принципу перехода от «станции к станции», а в виде решения задач, связанных единой логической цепочкой. Каждая полученная отгадка последовательно вела участников к конечной точке, а неправильные решения не позволяли им двигаться дальше.

Квест сегодня выступает как альтернатива классическому посещению музеев. Азарт и яркие эмоции, которые получают игроки во время квеста, делают процесс знакомства с музеем интереснее и привлекают в него новых посетителей. Но могут ли квесты и другие интерактивные формы музейной деятельности грозить превращением музея в вариант развлекательного учреждения? Насколько мы можем судить по опыту нашего музея, такой опасности в данный момент нет. Отказавшись от некоторых устоявшихся принципов проведения квеста и внедрив приемы и элементы, диктуемые особенностями музея, мы получили совершенно новый уникальный продукт, сочетающий в себе элементы приключенческой игры и интеллектуального досуга.

УДК 908

Ермола Михаил Викторович,
старший научный сотрудник научно-экспозиционного
и выставочного отдела истории,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: ermola-miha@mail.ru

ПОЧЕТНЫЙ ЗОНТ НА ВЫСТАВКЕ «ОБРАЗЫ КИТАЯ»: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ В ИССЛЕДОВАНИИ КИТАЙСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ОГИК МУЗЕЯ

В данной статье на примере одного из музейных предметов выявляется ряд проблемных вопросов, актуальных для дальнейшего исследования китайской коллекции ОГИК музея в целом.

Ключевые слова: музейная коллекция; музейный предмет; исследование музейных коллекций.

Ermola Mikhail Viktorovich,
Senior Researcher of scientific exposition and
exhibition Department of history,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: ermola-miha@mail.ru

HONORARY UMBRELLA AT THE EXHIBITION «IMAGES OF CHAINA»: PROBLEM QUESTIONS IN THE STUDY OF THE CHINESE COLLECTION OF OMSK STATE MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES

In this article, on the example of one of the museum objects, a number of problematic issues that are relevant for the study of the Chinese OGIK museum collection as a whole are revealed.

Keywords: museum collection; museum subject; study of museum collections.

Весь комплекс решаемых музеем задач, в том числе связанных с выставочной работой, замыкается на источниковедческих исследованиях как жизненно необходимых [1, с. 33]. На момент написания данных тезисов в Омском государственном историко-краеведческом музее завершает свою работу выставка «Образы Китая», открывшаяся для посетителей в декабре 2018 г. Данная выставка представляет собой показ части наиболее ценного и значительного собрания ОГИК музея, отражающего культуру народов Зарубежной Азии, – китайской коллекции. По завершении этого масштабного коллекционного показа необходимо подвести некоторый итог собственному знанию коллекций ОГИК музея.

В начале 1923 г. Западно-Сибирский музей был изъят из ведения ЗСОРГО, став самостоятельным музейным учреждением [2, с. 20], в том же году была осуществлена передача музею коллекции, собранной силами членов Западно-Сибирского отдела. Китайская коллекция входила в состав смешанной этнографической восточной коллекции, составленной в 1926 – 1927 гг. на основе инвентарной книги ЗСОРГО. В ее составе в музей был передан один из наиболее ярких и впечатляющих предметов коллекции – почетный зонт ручной работы, выполненный из шелка разных цветов, ситца и хлопчатобумажной ткани (ОМК-3476). Согласно сохранившимся учетным записям, этот предмет в 2018 г. экспонировался в музее впервые.

Данные об изготовлении, использовании и сборе этого музейного предмета даны в книге «Культура народов Зарубежной Азии в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея» 1997 г. издания. На сегодняшний день это издание является воплощением наиболее системного и подробного исследования китайской коллекции ОГИК музея. Выделением из состава восточной смешанной коллекции, изучением и описанием предметов (113 ед.) в рамках данного издания занимались В. Б. Богомолов и К. Ш. Хафизова.

На основе данных из старых инвентарных книг эти исследователи ввели в научный оборот следующие данные: почетный зонт поступил в музей ЗСОРГО в 1920 г. от бывшего полковника Евтихия Сергеевича Сергеева, который получил его в дар от 10 000 человек. Такой зонт в начале XX в. использовался китайцами в качестве почетного подарка[1]. Зонт имеет конусообразную форму (диам. 202 см, в 159 см), под краем последней оборки зонта пришиты концы разноцветных лент белого, зеленого и фиолетового шелка: больших лент – четыре, а маленьких – 93 (изначально больше, часть утрачена). На каждой ленте черной тушью в столбик написаны иероглифы:

[1] Культура народов Зарубежной Азии в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. – Новосибирск: Наука, 1997. – С. 137.

на мелких лентах написаны фамилии китайцев (дарителей); на больших лентах надписи означают: «Высочайший приказ помогать русскому войску и на пути обеспечивать продовольствием» (перевод К. Ш. Хафировой).

Нужно отметить, что у большинства других предметов китайской коллекции, собранных до 1910 г., данные о первичном приобретении, бывшем владельце и месте бытования порой вовсе отсутствуют, в этих условиях наличие подобных данных хотя бы о части предметов косвенно помогает в уточнении некоторых моментов истории всей коллекции. Но даже при этом ряд существенных вопросов остается неразрешенным. Мы не можем сказать, является ли предмет уникальным, ответить на подобный вопрос однозначно можно лишь при обнаружении идентичного предмета. На сегодня в Государственном каталоге музейного фонда РФ сведений о музейных предметах, идентичным почетному зонту, пока не размещено, а музейные фонды других государств не исследованы. Дать более детальный ответ на вопрос о конкретном месте первичного приобретения предмета возможно сегодня лишь при скрупулезном обращении к биографии самого сдатчика, что также является весьма трудоемким занятием. Решение проблем, связанных с отсутствием первичных данных о месте и контексте бытования, об обстоятельствах первичного приобретения установить сегодня крайне сложно. Самым очевидным способом решения подобных проблем для китайской коллекции ОГИК музея может стать сравнительный анализ предметов коллекции с других предметами из музейных собраний и дальнейшая атрибуция по аналогии.

Во время осуществления экскурсионной работы на выставке «Образы Китая» при общении со специалистами, изучающими китайский язык, возникли основания полагать, что иероглифы на предмете расшифрованы не в полном объеме. Иными словами, существенная проблема расшифровки иероглифического китайского письма, для осуществления которого необходимо привлечение профильных специалистов, также продолжает оставаться актуальной.

Таким образом, в контексте актуализации предметов китайской коллекции как исторических источников музейным научным сотрудникам предстоит дальнейшая масштабная работа, вероятно, связанная с выходом на международный уровень сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Самарина Н. Г. Музейное источниковедение: проблемы изучения и преподавания // Музеология – музееведение в начале XXI в.: проблемы из-

учения и преподавания: Материалы международной научной конференции / отв. ред. А. В. Майоров. – СПб., 2009. – С. 49 – 64.

2. Вибе П. П. 120 лет Омского государственного историко-краеведческого музея: хроника основных событий // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева; науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 1998. – №6. – С. 11 – 51.

УДК 908

Кокунина Анфиса Викторовна,
заведующий филиалом Омского государственного историко-краеведческого музея «Музейный комплекс воинской славы омичей», Омск,
e-mail: mkvso85@mail.ru

ЛИЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ БАЙДУКОВА ГЕОРГИЯ ФИЛИППОВИЧА В ФОНДАХ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ВОИНСКОЙ СЛАВЫ ОМИЧЕЙ

В данной статье представлен обзор личной коллекции Байдукова Георгия Филипповича, находящейся на хранении в фондах Омского государственного историко-краеведческо музея и филиала «Музейный комплекс воинской славы омичей», члена команды трансарктического перелета на самолете АНТ-25, участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза, советского летчика-испытателя, генерал-полковника авиации.

Ключевые слова: фонды Музейный комплекс воинской славы омичей; Великая Отечественная война; Байдуков Г. Ф.; Герой Советского Союза; трансарктический перелет; Сталинский маршрут; АНТ-25.

Kokunina Anfisa Viktorovna,
head of branch of Omsk State Museum of History and Regional Studies «Museum Complex of Military Glory of Omsk», Omsk,
e-mail: mkvso85@mail.ru

PERSONAL COLLECTION OF THE PARTICIPANT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR GEORGY FILIPPOVICH BAIDUKOV IN THE COLLECTIONS OF THE MUSEUM COMPLEX OF MILITARY GLORY OF OMSK

This article presents an overview of the personal collection of Georgy Filippovich Baidukov stored in the funds of the Omsk State Historical Museum of Local Lore and the branch of the Museum Complex of Military Glory of Omsk, a member of the team of the trans-arctic flight of the ANT-25, a participant of the

Great Patriotic War, Hero of the Soviet Union, Soviet test pilot, Colonel-General of Aviation.

Keywords: funds Museum of the military glory of Omsk; The Great Patriotic War; Baidukov G.F.; Hero of the Soviet Union,; transarctic flying; Stalin route; ANT-25.

В фондах Омского государственного историко-краеведческого музея и Музейного комплекса воинской славы омичей находится на хранении более 500 архивов личного происхождения, количество около 32000 единиц хранения. Среди этих архивов есть совершенно уникальный, принадлежащий Байдукову Георгию Филипповичу – советскому летчику-испытателю, Герою Советского Союза, генерал-полковнику авиации.

В архиве хранятся документы, личные вещи, фотографии, награды и книги, позволяющие восстановить историческое прошлое не только одного человека Байдукова Г. Ф., но и событие столетия – трансарктического перелета на самолете АНТ-25. Общее количество единиц хранения – 54. История беспосадочного перелета Москва – Северный полюс – Ванкувер и биографические вехи Георгия Филипповича Байдукова легли в основу данной статьи.

Георгий Филиппович родился 26 мая 1907 года в населенном пункте – разъезд Тарышта (ныне Чановский район Новосибирской области) в семье железнодорожника. В 9 лет остался сиротой. Бродяжничал, затем воспитывался в интернате. Закончил семилетнюю Чановскую школу, в архиве есть справка от 26 июля 1922 года, свидетельствующая об этом событии[1]. В 1922–1925 гг. учился в Омской профтехшколе. Это название требует уточнения, так как профтехшколой часто называли Омское техническое железнодорожное училище. В архиве имеется прошение с просьбой зачислить в Омский железнодорожный техникум на подготовительные курсы от 23 августа 1922 года[2] и билет ученика Омского технического железнодорожного училища[3]. Там же он прошел удовлетворительно летную практику на железнодорожной станции «озеро Карачи» 25.07-14.09.1923 года (справка о прохождении практики)[4], (отчет слушателя о прохождении практики)[5].

[1] Фонд ОГИК-музея, ОМК-10959/2.
[2] Фонд ОГИК-музея, ОМК-10959/1.
[3] Фонд ОГИК-музея, ОМК-10956/3.
[4] Фонд ОГИК-музея, ОМК-10959/5.
[5] Фонд ОГИК-музея, ОМК 10959/4.

В 1926 г. Байдуков добровольцем пошел в Красную Армию, был зачислен курсантом в Ленинградскую военно-теоретическую школу Военно-Воздушных Сил, затем переведен в Севастополь в военную школу летчиков. В начале 1930-х гг. он был направлен в авиационную бригаду научно-испытательного института военно-воздушных сил. Затем отшлифовывал мастерство летчика-испытателя в Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского[1].

В начале августа 1935 г. в составе экипажа Сигизмунда Леваневского и Виктора Левченко Георгий Байдуков участвовал в попытке трансарктического перелета на самолете АНТ-25, прерванного из-за технических неполадок.

После этого он продолжил дальнейшие испытания АНТ-25. 20 – 22 июля 1936 года на самолете АНТ-25 в качестве второго пилота (командир – В. П. Чкалов, штурман – А. В. Беляков) совершил беспосадочный перелет из Москвы через Северный Ледовитый океан и Петропавловск-Камчатский на остров Удд (ныне – остров Чкалова в устье Амура) протяженностью 9 374 км (полетное время 56 ч. 20 мин). За мужество и героизм, проявленные при выполнении этого перелета Байдукову Георгию Филипповичу 24 июля 1936 г. было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина.

18 – 20 июня 1937 г. на самолете АНТ-25 в составе того же экипажа Г. Ф. Байдуков совершил беспосадочный перелет Москва – Северный полюс – Ванкувер (штат Вашингтон, США) протяженностью 8 504 км (полетное время 63 часа 25 минут). Имена Чкалова, Байдукова, Белякова стали известны всему миру, они посетили много стран с официальными визитами[2]. В фондах ОГИК-музея хранятся книги с автографом Байдукова Г. Ф., «Vancouver a pictorial histori»[3] и «Soviet life»[4], подаренные ему во время посещения США в 1984 г.

14 мая 1937 г. вместе со вторым пилотом Н. Г. Кастанаевым на самолете ДБ-А установил мировой авиационный рекорд скорости полета на 2000 км в замкнутом маршруте с грузом 5000 кг, равный 280,246 км/ч.

---

[1] Сайт Министерства обороны Российской Федерации // URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/heroes/USSR/more.htm?id=11896802@morfHeroes (дата обращения 3.05.2019).

[2] Фонд ОГИК-музея, ОМК-10960/1 (билет железнодорожный льготный, Париж, 1937 г.).

[3] Фонд ОГИК-музея, ОМК-11057/11.

[4] Фонд ОГИК-музея, ОМК-11057/10.

Г. Ф. Байдуков участвовал в Советско-Финляндской, Великой Отечественной войне, командовал авиакорпусом, был заместителем командующего воздушной армией, участник множества военных операций времен Великой Отечественной войны. Имеет 46 наград, в том числе и иностранные. Архив Байдукова Г. Ф. содержит личные вещи. Это офицерский китель[1] и фуражка[2], а также наградные орденские планки (всего 45 планок), соответствующие 45 медалям и орденам[3]. В том числе настольные юбилейные медали и множество памятных значков.

После войны он занимал командные должности в военно-воздушных силах. В 1947 – 1949 гг. – начальник Главного Управления Гражданского Воздушного Флота. В 1949 – 1952 гг. – заместитель начальника НИИ ВВС по летной части. В 1951 г. окончил Военную академию Генштаба. С 1952 г. – заместитель, 1-й заместитель начальника Главного штаба Войск ПВО страны по специальной технике. В 1957 – 1972 гг. – начальник 4-го Главного Управления Министерства обороны СССР, член Военного совета Войск ПВО страны. С 1972 г. – научный консультант главнокомандующего Войсками ПВО страны. С 1988 г. генерал-полковник авиации Г. Ф. Байдуков – в отставке.

Жил в Москве. Член Союза писателей. Автор книг: «Наш полет в Америку» (М., 1937), «Записки пилота» (М., 1938), «Рассказы разных лет» (М., 1983), «Чкалов» (М., 1991) и др. Депутат Верховного Совета 1-го созыва (1937–1946 гг.). Умер 28 декабря 1994 года. Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище[4].

---

[1] Фонд ОГИК-музея, ОМК-11057/36.

[2] Фонд ОГИК-музея, ОМК-11067/38.

[3] Фонд ОГИК-музея, ОМК-11057/39.

[4] Новосибирский краеведческий портал // URL: http://kraeved.ngonb.ru/node/3311 (Дата обращения 23.04.2019).

УДК 069(908)

Котовщикова Оксана Викторовна,
ученый секретарь,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: kotovshchikovao@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ СМЕНЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.: АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ МУЗЕЙ В ОМСКЕ

Статья посвящена истории Омского государственного историко-краеведческого музея в контексте историко-культурной ситуации первых лет Советской власти.

Ключевые слова: музей Омска; антирелигиозная политика; 1920-е годы.

Kotovshchikova Oksana Viktorovna,
scientific secretary,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: kotovshchikovao@mail.ru

TO THE PROBLEM OF CHANGE OF IDEOLOGICAL INSTALLATIONS IN THE FIRST HALF OF XX C.: ANTI-RELIGIOUS MUSEUM IN OMSK

The article is devoted to the history of the Omsk State Museum of History in the context of the historical and cultural situation of the first years of Soviet Russia.

Keywords: Omsk Museum; anti-religious politics; 1920ths.

В 1920-е гг. в России происходит укрепление Советской власти и национализация ценностей. Параллельно с этим процессом политизируется общественная и культурная жизнь людей. Меняется облик адресата, для которого работает музей. Зачастую это неискушенный в высокой культуре человек. Народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский проводит политику марксистско-ленинской эстетики, краеугольным камнем которой является «народность» искусства и культуры в целом.

Социальные институты, ответственные за сохранение и передачу историко-культурного опыта, действовавшие в дореволюционной России, в этот период оказываются в ситуации радикальной ломки и в плане того, что они должны сохранять из прошлого страны, и в плане репрезентации исторического прошлого новому адресату. Появляются новые институты сохранения и трансляции культуры: клубы, культуголки. Одним из результатов этого процесса смены социальных институтов также явилось возникновение советских музеев. Например, в Омске в июне 1921 г. приказом Сибирского отдела народного образования музей и библиотека Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества были изъяты из структуры организации и переданы в систему органов политического просвещения и народного образования. «Фактическое отделение музея началось в январе 1923 года» [1, с. 31].

В 1929 – 1930 гг. требования власти к сохранению и формированию догматической картины исторического прошлого усилились. Следствием ужесточения идеологической составляющей работы музеев стал процесс реорганизации структуры Западно-Сибирского краевого музея: появление общественно-экономического отдела, подотдела войны и революции. В 1929 г. исторический отдел Краевого музея, а также историческая экспозиция подверглись критике со стороны контролирующего органа – Окружного отдела народного образования. Последовало увольнение директора Ф. В. Мелехина и ряда сотрудников (В. П. Левашовой, Т. И. Мыльниковой и др.). На Первом музейном съезде в декабре 1930 г. были четко сформулированы правила дальнейшего развития музеев. Нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов определил основные постулаты: «борьба с вещевым фетишизмом», «отказ от музеев – кунсткамер», «работа музеев на благо социалистического строительства» [2, с. 309]. В том же году музеям предписывалось начать реэкспозиции, краеведческую работу сводить к освещению достижений социалистического строительства, усилить пропагандистскую работу [3; 4].

Параллельно с идеологизацией общественной жизни в 1920-е гг. в Советской России проходили антирелигиозные мероприятия. Процесс изъятия и национализации церковных ценностей начался еще в 1922 г. (декрет об изъятии церковных ценностей в помощь голодающим) [5]. В Омске знаковым антирелигиозным событием стало разрушение Серафимо-Алексеевской часовни в 1927 г. Уничтожение культовых мест сопровождалось антирелигиозной пропагандой[1].

[1] На антирелигиозном фронте // Рабочий путь. – №25. – 20 января 1928; Задача антирелигиозной кампании // Рабочий путь. – №67. – 20 марта 1928;

В этот период Западно-Сибирским краевым музеем осуществлялись попытки сохранения здания Воскресенского Военного собора, находящегося на территории Второй Омской крепости [6], закрытого как место богослужения, и Католического костела.

В 1928 г. здание Собора было обследовано памятникоохранительной комиссией, созданной на базе Краевого музея[1]. После этой процедуры в Сибирский краевой отдел народного образования от директора музея Ф. В. Мелехина поступила объяснительная записка об использовании Воскресенского собора в случае его передачи музею. В записке адресат пишет: «целесообразно сохранить крепостной собор как самое старое каменное сооружение в Омске. На содержание здания потребуются средства. Но ремонт необходимо произвести только снаружи. Внутри здания потребуется самый незначительный ремонт. Расходы на ремонт в случае передачи музею уменьшатся в три раза против предполагаемых расходов по приспособлению здания под клуб»[2]. К записке приложена смета расходов. Тем не менее, здание пустующего Воскресенского Военного собора было передано под военный клуб [7, с. 115]. Только в 1941 г. в музей пришло письмо из Народного комиссариата просвещения с распоряжением «сообщить, сохранен ли иконостас в Крепостном соборе, состоит ли собор на учете по охране, по каким надобностям использовался, в каком состоянии находится»[3]. В ответ заместитель директора Белозеров сообщил: «здание бывшего Воскресенского собора, находящегося на территории Омской крепости, занято Военведом. Верхняя его часть, равно и колокольня, разобраны, иконостас сломлен, разобрана и каменная ограда с чугунной решеткой. Собор построен в 1773 г. При соборе находилась ценная библиотека, состоявшая из 2000 томов, от которой уцелело лишь несколько книг. На учете собор не состоит»[4]. Впоследствии собор был использован как склад картографической фабрики и снесен в 1950-х гг. Восстановлен храм в 2016 г.

25 августа 1932 г. директор Краевого музея С. И. Кочнев обратился в Президиум Омского городского совета рабочих, крестьянских и красно-

---

Сократим религию без выходного пособия // Рабочий путь. – №91. – 18 апреля 1928; Крепостной собор должен быть передан Краевому музею // Рабочий путь. – №99. – 27 апреля 1928; Казачий собор – под зал физкультуры // Рабочий путь. – №298. – 22 декабря 1928.

[1] ГИАОО Ф. Р-1076. Оп. 1 д. 114. Л. 23.

[2] ГИАОО Ф. Р-1076. Оп. 1 д. 123. Л. 23.

[3] ГИАОО Ф. Р-1076. Оп. 1 д. 206. Л. 4.

[4] ГИАОО Ф. Р-1076. Оп. 1 д. 206. Л. 7.

армейских депутатов с просьбой передать в его ведение «Костел, закрытый за отсутствием верующих католиков, желающих содержать его. Как единственное в Омске готическое здание, Костел должен быть сохранен как архитектурный образец, как памятник строительного искусства»[1].

13 октября 1932 г. музеем было получено Постановление Омского Горсовета о «целесообразности передачи здания Костела в распоряжение дирекции музея для организации антирелигиозного музея. Но ввиду исключительного положения и в связи с отсутствием помещения в городе временно использовать под детдом для беспризорников»[2]. Впоследствии в 1937 г. в здании открылся городской летний театр. В 1967 г. на месте костела построен Театр юного зрителя.

Антирелигиозный отдел, а затем музей был выделен в составе Краевого музея в 1930 г. Появление подобных отделов было в 1920-е – 1930-е гг. повсеместным явлением. «Как правило, они размещались в бывших церквях. В Сибири крупнейшие антирелигиозные музеи были в Тюмени и Иркутске» [7, с. 115]. Предполагалось, что благодаря антирелигиозному отделу церковные ценности, передаваемые из закрывающихся храмов в музей, будут доступны посетителям. В фонде Краевого музея сохранились документы, связанные с процедурами и идеями по созданию антирелигиозного отдела, а впоследствии – музея. Документ, судя по всему, созданный директором музея (подпись неразборчива) от 10 марта 1930 г., описывает структуру экспозиции «антирелигиозного отдела»[3]. Перед экспозицией ставилась задача деконструировать идеологическую составляющую религии и природу ее ценностей. Заведующим антирелигиозным отделом, а потом музеем был назначен А. И. Амосенко. Структура просуществовала с 1930 г. до февраля 1936 г. Музей расположился в здании Католического костела, была создана экспозиция, Костел был открыт для посетителей.

Экспонаты для антирелигиозного музея передавались из Успенского собора (записи в книгах поступлений от 1927, 1934, 1935 гг.), Воскресенского Военного собора (запись от 1927 г. о поступлении 157 предметов), католического костела, национализированного госфондовского имущества. Передачи предметов фиксировались под номерами и при смене директоров, при передаче предметов из одного отдела, например, художественного, в антирелигиозный музей. Часть предметов, переданных в музей из Воскресенского собора, была выявлена в настоящее время хранителем фонда редкой книги ОГИК музея, с.н.с. Р. А. Шаневой.

[1] ГИАОО Ф. Р-1076. Оп. 1 д. 114. Л. 6-7.
[2] ГИАОО Ф. Р-1076. Оп. 1 д. 114. Л. 1.
[3] ГИАОО. Ф. Р-1076. Оп. 1 Д. 124. Л. 6.

Несмотря на обращения Краевого музея по передаче зданий Воскресенского военного собора и католического костела для антирелигиозного музея, здания не были переданы. В фонде музея от 1936 г. есть свидетельства того, что антирелигиозный музей был из Костела выселен. В акте передачи музея директором Кочневым вновь назначенному директору Россомахину зафиксировано «большое количество недостающих экспонатов. Вследствие выселения антирелигиозного музея из бывшего Костела по постановлению Горсовета хранение экспонатов этого отдела из-за отсутствия помещения было скверное: экспонаты свалены на складе на улице»[1]. Таким образом, смена идеологии в стране повлекла в период 1920-х-1930-х гг. нивелирование духовных и культурных ценностей в глазах современников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Безродная О. А. Западно-Сибирский краевой музей (1921 – 1934 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2013. – №18. – С. 31 – 51.

2. Красильникова Е. И. Помнить, нельзя забыть… Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941). – Новосибирск, 2015. – 404 с.

3. Красильникова Е. И. Проблемы репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского краеведческого музея (1929 – первая половина 1941 г.) // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2014. – Вып 4 (27). – С. 51 – 59.

4. Шумилов А. И. Исторические отделы музеев Сибири (Создание и деятельность в 1920 – 1930-е гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2008. – №14. – С. 11 – 19.

5. Лебедева Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. – Омск, 2004. – 254 с.

6. Свиридовская О. Н. Западно-Сибирский Краевой музей и охрана культурного наследия в 1920-е годы // Декабрьские диалоги. – Омск, 2001. – Вып. 4. – С. 49 – 52.

7. Лебедева Н. И. История Омского антирелигиозного музея // Декабрьские диалоги. – Омск, 2001. – Вып. 4. – С. 117 – 121.

[1] ГИАОО. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 170. Л. 86.

УДК 592

Кошелева Татьяна Федоровна,
старший научный сотрудник научно-экспозиционного
и выставочного отдела природы,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: arctia@mail.ru

РЕДКИЕ ВИДЫ ШМЕЛЕЙ (РОД BOMBUS) В ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ОГИК МУЗЕЯ

В статье представлен обзор коллекции шмелей, собранных на территории Омской области и хранящихся в музее. Дается анализ редких видов, занесенных в Красные книги Российской Федерации, Омской области и других регионов России.

Ключевые слова: шмель; шмель-кукушка; Омская область; Красная книга; коллекция; музей.

Kosheleva Tatyana Fedorovna,
senior researcher of scientific exposition and exhibition
Department of nature,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: arctia@mail.ru

RARE SPECIES OF BUMBLEBEES (GENUS BOMBUS) IN THE ENTOMOLOGICAL COLLECTION OF OGIK MUSEUM

The article presents an overview of the collection of bumblebees collected in the Omsk region and stored in the Museum. The analysis of rare species listed in the Red book of the Russian Federation, Omsk region and other regions of Russia is given.

Keywords: bumblebee; bumblebee-cuckoo; Omsk region; Red book; collection; museum.

В мире известно около 300 видов шмелей из примерно 40 подродов[1], по другим сведениям, 50 подродов[2]. В России обитает 90 видов шмелей[3]. «Для территории лесостепной и степной зон Западно-Сибирской равнины создан каталог шмелей, включающий 32 вида из рода Bombus и 7 видов из рода Psithyrus» [1, с. 3 – 4]. Омскими учеными «в результате проведенных исследований было установлено, что в Западной Сибири и на сопредельных территориях известно обитание 49 видов шмелей из двух родов и 17 подродов» [2, с. 189].

В коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея хранятся 53 экземпляра шмелей. Из них определены 45 экземпляров, относящиеся к 18 видам, и 8 экземпляров остаются неопределенными. Все шмели собраны на территории Омской области во время экспедиций в период с 1993 по 2008 гг. Часть из них была передана музею в дар от омских энтомологов. Сборы были скорее случайными, но охвачены ими, в разной степени, все природные зоны области: лесная зона (Тарский, Усть-Ишимский, Большеуковский районы); лесостепная (Называевский, Калачинский, Омский, Горьковский, Москаленский районы); степная (Русско-Полянский район). При изучении коллекции шмелей выяснилось, что14 видов являются редкими и занесены в Красные книги разных рангов, 4 вида являются обычными, массовыми. Первоначальное определение видовой принадлежности шмелей было проведено автором данной статьи. В 2009 г. определение шмелей произвел А. М. Бывальцев, кандидат биологических наук, доцент Новосибирского государственного университета.

Всего в Красную книгу Омской области внесены 12 видов редких и находящихся под угрозой исчезновения видов шмелей[4]. Из них 5 видов имеются в музейной коллекции:

---

[1] Здесь живут Шмели: SHMEL.ORG [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.shmel.org (Дата обращения: 15.02.2019).

[2] Шмели – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шмели (Дата обращения: 15.02.2019).

[3] Шмели России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bombus.nsu.ru/index.php/component/bmb/?controller=points&task=splist&Itemid=102 (Дата обращения: 15.02.2019).

[4] Красная книга Омской области / Правительство Омской области, Омский государственный педагогический университет; отв. ред.: Г. Н. Сидоров, Н. В. Пликина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: изд-во ОмГПУ, 2015. – С. 101 – 105.

1. Шмель армянский Bombus armeniacus Radoszkowski, 1877[1]. Вид внесен в Красную книгу РФ как сокращающийся в численности. Занесен в Красные книги Республик Хакасия, Чувашская, Чеченская, Алтай, Башкортостан, Адыгея, Крым; Краснодарского, Ставропольского и Алтайского краев; Ростовской, Волгоградской, Белгородской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской, Кемеровской, Челябинской, Воронежской, Курской, Липецкой, Тамбовской, Самарской, Новосибирской областей.

2. Шмель Зихеля (Bombus sichelii Radoszkowski, 1859)[2]. Занесен в Красную книгу Ивановской области.

3. Шмель малый каменный (Bombus ruderarius Muller, 1776)[3]. Занесен в Красную книгу Новосибирской области как малочисленный вид с недостаточно изученными особенностями распространения[4].

4. Шмель моховой (Bombus muscorum Linnaeus, 1758)[5].

Включен в Красные книги Московской, Ленинградской, Нижегородской областей, Владимирской областей; охраняется в странах Балтии. В Красной книге РФ включен в Приложение 3 как вид, нуждающийся в особом внимании.

5. Шмель необыкновенный (Bombus confuses Schenck, 1859)[6]. Вид также внесен в Красную книгу РФ как сокращающийся в численности вид. Занесен в Европейский Красный список. Включен в Красные книги Московской, Новосибирской, Челябинской областей.

Все вышеприведенные редкие виды шмелей Омской области включены в Красную книгу как редкие, спорадически распространенные на значительных территориях. Лимитирующими факторами во всех случаях являются нарушение мест обитания в результате распашки, сенокошения, выпаса скота, применения пестицидов[7].

Ниже приводятся остальные виды шмелей из музейной коллекции, которые не вошли в Красную книгу Омской области, но считаются редкими в других странах и регионах России.

6. Шмель-чесальщик (Bombus distinguendus Morawitz, 1869). Включен

[1] Красная книга Омской области... С. 101.

[2] Красная книга Омской области... С. 101.

[3] Красная книга Омской области... С. 104.

[4] Краснокнижный вид ООПТ России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oopt.aari.ru/rbdata/1861/bio/78818 (Дата обращения 03.06.2019).

[5] Красная книга Омской области... С. 104.

[6] Красная книга Омской области... С. 106.

[7] Красная книга Омской области... С. 101 – 106.

в Международный Красный список МСОП. Включен в Красные книги Швейцарии, Чехии, Дании, Германии, Эстонии, Великобритании, Венгрии, Ирландии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, как уязвимый, находящийся на грани или под угрозой исчезновения, вымирающий вид. Находится в Красной книге Москвы, Тамбовской, Челябинской областей[1].

7. Шмель садовый (Bombus hortorum Linnaeus, 1761). Занесен в Красную книгу Челябинской области[2].

8. Подземный шмель (Bombus subterraneus). Был завезен в 1885-1906 гг. из Великобритании в Новую Зеландию для опыления клевера. В настоящее время стал там очень редким и почти исчез[3]. Включен в Красные книги Челябинской, Белгородской областей, г. Москва и в Приложение 1 к Красной книге Московской области[4].

9. Норовой шмель (Bombus lucorum Linnaeus, 1761). Один из самых широко распространенных видов рода. Включен в Красные книги Республики Мордовия и Челябинской области[5].

10. Шмель городской, или дупловой (Bombus hypnorum Linnaeus, 1758). Включен в Красные книги Челябинской области, Республики Мордовия[6].

11. Шмель пластинчатозубый, или черепитчатый (Bombus serrisquama F. Morawitz, 1888). В Красной книге РФ и Липецкой области занесен в список редких и уязвимых таксонов. Занесен в Красные книги Московской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской областей[7], Чеченской Республики, Рязанской, Смоленской областей. В некоторых частях Ев-

---

[1] Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шмель-чесальщик (Дата обращения 03.06.2019).

[2] Краснокнижный вид ООПТ России [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://oopt.aari.ru/rbdata/2205/bio/64668 (Дата обращения 03.06.2019).

[3] Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://ru.wikipedia.org/wiki/Подземный_шмель (Дата обращения 03.06.2019).

[4] Краснокнижный вид ООПТ России [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://oopt.aari.ru/bio/37264 (Дата обращения 03.06.2019).

[5] Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://ru.wikipedia.org/wiki/Норовой_шмель (Дата обращения 03.06.2019).

[6] Краснокнижный вид ООПТ России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oopt.aari.ru/bio/69090 (Дата обращения 03.06.2019).

[7] Красная книга Рязанской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://redbook-ryazan.ru/zhivotnye/bespozvonochnye/nasekomye/plastinchatozubyj-shmel/ (Дата обращения 03.06.2019).

ропы (Великобритания, Германия, Франция) вымер в XX веке[1]. Редок и локален в Ульяновской области [2]. Численность крайне низкая в Краснодарском крае[3].

12. Полевой шмель (Bombus pascuorum Scopoli, 1763). Занесен в Красную книгу Челябинской области[4].

13. Шмель-кукушка полевой (Bombus (Psithyrus) campestris Panzer, 1801). Занесен в Красную книгу города Москва[5].

14. Шмель скромный (Bombus humilis Illiger, 1806). Занесен в Красную книгу республики Карелия[6].

Ряд шмелей не относится к редким видам: шмель конский (Bombus veteranus Fabricius, 1793); земляной шмель (Bombus terrestris Linnaeus, 1758); шмель-кукушка привязанный (Bombus bohemicus Seidl, 1838); шмель-кукушка скальный или краснозадый (Bombus rupestris Fabricius, 1793).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бывальцев А. М. Шмели (Hymenoptera: Apidae, Bombini) лесостепного и степного юга Западно-Сибирской равнины: фауна и население. – Новосибирск, 2009. – 200 с.

2. Крайнов И. В., Кассал Б. Ю. Зоогеографическая характеристика представителей трибы Шмели (Hymenoptera: Apidae, Bjmbini) на территории Западной Сибири // Омский научный вестник. Биологические науки. – 2014. – №1 (128). – С. 186 – 189.

[1] Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шмель_пластинчатозубый (Дата обращения 03.06.2019).

[2] Красная книга Ульяновской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.redbook73.ru/docs/02-2-2-121.php (Дата обращения 03.06.2019).

[3] Шмель пластинчатозубый [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cicon.ru/bombus-serrisquama.html (Дата обращения 03.06.2019).

[4] Красная книга Челябинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://redbook.ru/redbook183.html (Дата обращения 03.06.2019).

[5] Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://ru.wikipedia.org/wiki/Шмель-кукушка_полевой (Дата обращения 03.06.2019).

[6] Краснокнижный вид ООПТ России [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://oopt.aari.ru/bio/36243 (Дата обращения 03.06.2019).

УДК 069(908)

Краснов Валентин Викторович,
научный сотрудник научно-экспозиционного
и выставочного отдела истории,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: valuha-12@mail.ru

ВОЕННЫЙ БЫТ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ ПО ФОТОГРАФИЯМ ИЗ ФОНДОВ ОГИК МУЗЕЯ

В работе анализируются некоторые фотографии из фондов ОГИК музея. Подчеркивается роль фотографии как исторического источника. Производится анализ и описание изображений с привлечением дополнительных материалов, актуализирующих историческое знание.

Ключевые слова: казачество; Сибирь; фотографии; военный быт.

Krasnov Valentin Viktorovich,
Researcher of scientific exposition
and exhibition Department of history,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: valuha-12@mail.ru

MILITARY LIFE OF THE SIBERIAN COSSACKS ON THE PHOTOGRAPHY OF FUNDS FROM OMSK STATE MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES

The work examines some photographs from the OGIK museum funds. Emphasizes the role of photography as a historical source. The analysis and description of images with the involvement of additional materials, actualizing historical knowledge.

Keywords: cossacks; Siberia; photos; military life.

До революции 1917 г. история сибирского казачества XX в. была описана Георгием Ефремовичем Катанаевым в работе «Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 гг.», в которой

делался упор на описание социально-этнографических вопросов. В советские годы тема казачества в Сибири изучалась слабо. Интерес к культуре сибирского казачества начался после перестройки, когда в свет вышло 3-томное исследование «История казачества Азиатской России», изданное Уральским отделением Института истории и археологии РАН[1]. Таким образом, мною предпринимается попытка взглянуть на воинский быт Сибирского казачества через фотографии периода начала XX в.

С тех времен, когда стало возможным увековечивать сцены из жизни, появилась возможность перевернуть представление зрителя о привычных вещах, представив картину с другой стороны или сосредоточив внимание на емких деталях. Благодаря чему по прошествии многих лет мы можем проследить по фотоматериалам военную службу сибирских казаков, сопровождавшуюся различными лишениями и испытаниями.

Военный быт отличается от общепринятого понимания. Энциклопедия министерства обороны Российской Федерации определяет воинский быт как уклад, повседневный порядок и условия жизни и деятельности военнослужащих, воинских подразделений и частей. Основное содержание быта составляет удовлетворение материальных и духовных потребностей личного состава, организация его отдыха, досуга и т.д., имеющее конечной целью поддержание боеготовности и боеспособности воинских формирований в целом. Регламентируется военным законодательством, воинскими уставами и приказами[2].

Формируясь как государственный институт с наказными атаманами во главе сибирское казачество и, в частности, его военный быт также складывались в процессе государственного и административного строительства. Таким образом, в результате формировалась особая военно-служивая сословная общность, что было запечатлено на фотографии. До наших дней дошло множество фотонегативов[3], датируемых началом XX в. и хранящихся в Омском государственном историко-краеведческом музее. В дальнейшем Иваном Павловичем Дрелингом с негативов были сделаны фотографии, вошедшие в фонды ОГИК музея.

Казаки обязаны были являться на службу с собственным конем, седлом с прибором и сбруей, а также со следующими предметами обмундирования

---

[1] История казачества Азиатской России: в 3 т. / гл. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995.

[2] Энциклопедия Министерства обороны Российской Федерации // URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=3958@morfDictionary (Дата обращения: 01.03.2019).

[3] ОМК-16197.

и снаряжения: папаха, башлык, 3 рубахи, 3 шт. подштанников, пара сапог, 3 пары портянок холщовых, пара портянок суконных либо шерстяных чулок, 2 пары теплых перчаток, два полотенца, сумка суконная с предметами для ремонта одежды и снаряжения, нагайка[1]. Сверх того, казакам Сибирского войска положено было иметь: два мундира с шароварами и погонами, шинель, полушубок, фуражку с чехлом, галстук, кушак, гимнастическую рубаху с погонами, попону с троком, погон (ремень) к пике, пару сеток для сена, суконный чемодан, сакву фуражную и сухарную, фуражный аркан. И все это за свой счет! Только винтовку, пику и шашку казаку давала казна [1]. На одной из фотографий была запечатлена отправка казака на службу[2]. На переднем плане стоит казак с запряженным конем. Рядом с казаком стоит семья: старик-отец в длинном сюртуке и фуражке, мать с внуком на руках и молодая жена. Мать утирает слезу, а жена прижимается к мужу – они понимают, что он может не вернуться.

Служба на линии и в походах для казаков всегда была сопряжена с нелегким военным трудом и опасностью, поэтому казачья община (станицы) стремилось подготовить казаков. Накануне призыва на площади проходили учения. Под руководством опытных казаков и офицеров новобранцы обучались боевому искусству, джигитовке, владению саблей (шашкой), конному бою, военным командам, что также было запечатлено фотографами и в дальнейшем даже вошло в фотоальбом «Сибирские казаки на службе и дома»[3]. Одним из фотоснимков стало сотенное учение[4], где группа пеших и конных казаков готовится к выполнению отработки маневров на местности. Для того чтобы казаки правильно вели себя во время боя, проводились учебные атаки[5]. Уверенные действия пикой требовали виртуозности и доведенных до автоматизма движений. Этому казаков усиленно обучали в полках: они кололи пиками лежащие и стоящие чучела, на всем скаку вдевали острие пики в маленькие колечки, развивая этим упражнением меткость удара, учились отбивать пикой шашечные удары противника из разных положений, отбивали вражеские удары пикой, делали «фланкировку» т.е. с силой вращали древко пики вокруг туловища, благодаря чему всадник становился в рукопашной схватке неуязвимым для вражеского удара [1, с. 259].

---

[1] Униформа Сибирского казачьего войска 1808-1917 гг. // URL: http://army.armor.kiev.ua/forma-2/sib-kazak.php (Дата обращения: 03.03.2019).

[2] ОМК 3998/16.

[3] ОМК 4025/1.

[4] ОМК 4025/14.

[5] ОМК 6887/49.

Учились действовать казаки и шашками в контактном бою, что было зафиксировано на снимке[1], где казаки проходят тренировку по фехтованию на улице. Одеты казаки в зимнюю форму, фуражки и длинные шинели, подпоясанные по талии. Разбившись по парам, казаки отрабатывают удары и блоки, заведя левую руку за спину. За правильностью выполнения упражнений следят урядники. Слева от казаков в защитном снаряжении занимается фехтованием другая группа.

На снимки попало также массовое занятие гимнастикой казаков 3 Сибирского казачьего полка в летний период под аккомпанемент оркестра[2]. Снимок был сделан приблизительно после 4 ноября 1910 г., когда было утверждено «Наставление для обучения войск гимнастике», по которому занятия гимнастикой стали обязательным элементом подготовки и до 1912 гг., когда резко возросла ответственность младших офицеров, и они были непосредственно включены в процесс обучения и воспитания своих подчиненных. На переднем плане можно увидеть младшего офицера. В ходе военных реформ 1905 – 1912 гг. принимались решительные меры, направленные на совершенствование физического воспитания в войсках. Для улучшения физического развития военнослужащих учебные занятия (по гимнастике и фехтованию) и физические тренировки стали проводиться систематически [2, с. 37].

Прием пищи как один из обыденных процессов был также запечатлен фотографом[3]. Как и положено, питание казаки получали в столовой, согласно уставу. На фотографии мы видим, что личные тарелки отсутствуют, так как устав внутренней службы гласил: «что на столах должны быть поставлены баки (миски), не менее как по одному на каждые 6 человек... Ложки и хлеб нижние чины приносят с собою»[4]. Кружки и стаканы, в отличие от тарелок, были индивидуальными, что можно увидеть на фотографии[5]. На фотокарточке мы видим сидящую за длинными общими столами группу казаков, которые приступили к трапезе.

Таким образом, военный быт сибирских казаков в начале XX в. представлял собой весьма пеструю палитру предписаний и указаний. Какие-то

[1] ОМК 6887/51.

[2] ОМК 6887/50.

[3] ОМК 6887/56.

[4] Устав внутренней службы. Глава VI. Распределение времени и повседневный порядок. Ст. 308 // URL: http://bergenschild.ru/Reconstruction/archive/ustav_internal_service/ustav_internal_service_6.htm (Дата обращения: 04.03.2019).

[5] ОМК 6887/57.

моменты уставом дозволялось решать по устоявшейся традиции, какие-то были строго регламентированы. Несмотря на это, казаки демонстрировали высокую боеспособность, что показали дальнейшие события Первой Мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Поварницын А. Пикой, шашкой и ружьем всю Сибирь мы бережем. Обмундирование и и холодное оружие сибирских казаков XIX – начала XX веков // Тобольск и вся Сибирь. – №14: Сибирское казачье войско / сост. В. А. Шулдяков. – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. – С. 241 – 260.

2. Изонов В. В. Подготовка русской армии накануне Первой Мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2004. – №10. – С. 35 – 39.

УДК 069.1

Михайленко Елена Олеговна,
экскурсовод,
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник,
Тобольск,
e-mail: lelyamix1990@mail.ru

ХРАМЫ ТОБОЛЬСКОГО КРЕМЛЯ

Храмы Тобольского кремля – тема, не раскрытая полностью в научной литературе, при этом она востребована при подготовке и проведении экскурсий. Собранный и обобщенный нами материал позволяет системно рассказать об истории церквей, определить их количество в разное время, отметить некоторые «статусные» особенности, указать места расположения и датировки.

Ключевые слова: церковь; Тобольск; кремль; строительство; экскурсия.

Mikhailenko Elena Olegovna,
guide,
Tobolsk Historical and Architectural Museum Preserve,
Tobolsk,
e-mail: lelyamix1990@mail.ru

THE TEMPLES OF TOBOLSK KREMLIN

The Temples of the Tobolsk Kremlin are an undisclosed topic in the scientific literature and it is in demand in the preparation and conduct of excursions. The collected and generalized materials allows us to systematically tell about the history of churches, to determine their number at different times, to note some «status» features, to specify the location and dating.

Keywords: church; Tobolsk; kremlin; construction; excursion.

Одной из самых популярных туристических возможностей в Тобольске является экскурсия по территории кремля, который представляет собой обширный историко-архитектурный ансамбль XVII – XIX вв., фактически музей под открытым небом. Слушатели во время посещения получают внушительный объем информации, в том числе знакомятся с культовыми

постройками и их историей, при этом рассказ ведется как о ныне существующих, так и об исчезнувших храмах, без упоминания о которых достаточно затруднительно выстроить экскурсионный текст.

Сведения разной степени полноты об объектах можно найти в трудах А. И. Сулоцкого [1], В. И. Кочедамова [2], С. П. Заварихина [3]. В последнее время эта информация дополнилась материалами археологических исследований, в результате раскопок выявлено еще несколько христианских кладбищ, действовавших не позднее первой половины XVIII в. На сегодняшний день такие находки являются важными указателями, позволяющими определить месторасположение древних деревянных церквей города [4, с. 307]. В известных публикациях обобщающих работ, посвященных именно храмам Тобольского кремля, нет, неизвестны и экскурсионные программы, ориентированные на эту тему. При этом ощущается необходимость создания контрольного текста, где была бы представлена основная информация, проверенная обширной источниковой базой.

Традиционно история города начинается со строительства первого острога 1587 г., в котором была возведена первая церковь, освященная в честь Живоначальной Троицы. Считается, что именно по этой причине мыс, на котором расположился кремль, получает название Троицкого. Очевидно, что в первые годы существования здесь было построено еще два храма – Спасская и Вознесенская церкви. Следует заметить, что эти объекты были деревянными и в последующем разрушались в пожарах, неоднократно перестраивались, иногда меняя свое месторасположение, которое сегодня указать можно лишь приблизительно. Согласно последним исследованиям, строительство Вознесенской церкви связано с организацией на территории кремля отдельного воеводского двора, который, в последующем, мог называться Вознесенским или Малым городом [5, с. 113].

Следующий этап церковного строительства связан с созданием Сибирской и Тобольской епархии в 1620 г., после чего примерно через год началось возведение Софийского собора, давшего название еще одному выделившемуся участку Тобольского кремля – архиерейскому (Софийскому) двору [4, с. 305]. Известно, что 14 августа 1643 г. в большом пожаре выгорел практически весь город, после чего все церковные постройки на территории крепости пришлось возводить заново [2, с. 12]. Еще один разрушительный пожар случился в 1677 г., после этого, спустя несколько лет, в 1681 г. началось строительство кирпичного Софийского собора, чем было положено начало каменному строительству в Сибири. Как продолжение этих работ вокруг архиерейского двора были поставлены стены

и башни, в том числе, в их составе возведены Святые западные ворота с надвратной часовней Сергея Радонежского [7, с. 321].

Археологические исследования, проведенные как внутри Софийского собора, так и на прилегающих к нему площадях, выявили христианское кладбище, которое, очевидно, функционировало при деревянном храме на этом месте [4, с. 307]. Это позволяет примерно определить место его расположения. Благодаря этим же исследованиям под зданием Ризницы был обнаружен и фундамент Святых северных ворот, что достаточно точно определяет участок, где находилась часовня Сергея Радонежского. Если Софийский собор сохранился до настоящего времени в несколько измененном виде, то часовня уже в наши дни была вновь отстроена по совершенно новому проекту и не совсем на «своем» месте. Еще одним храмом архиерейского двора, существующим сегодня и являющимся объектом туристического показа, является теплый Покровский собор, построенный в 40-е XVIII в. [3, с. 108 – 110].

Нелишним будет сказать, что с первых лет существования епархии установилась традиция строительства на территории Софийского двора архиерейских церквей [1, с. 24 – 25]. Сегодня это можно продемонстрировать на примере домовой церкви в честь Сошествия Святого Духа и церкви Всех Святых, находящихся на третьем и втором этажах Архиерейского дома соответственно [6, с. 108].

Иначе сложилась судьба культовых построек на территории Воеводского двора. В его северной части в 90-е гг. XVII в. была построена из кирпича новая Троицкая церковь, которая, очевидно, находилась совсем не на том месте, где ее деревянная предшественница. Спасская церковь к этому времени стояла уже далеко за пределами Тобольского кремля, там в начале XVIII столетия она была возведена с каменными стенами, которые сохранились до настоящего времени [7, с. 322].

Вознесенская церковь, долгое время стоявшая на территории воеводского двора, считалась в городе вторым собором после Софийского храма. Развернувшееся каменное строительство не могло оставить ее в стороне. И в период, когда шло создание единого ансамбля Тобольского кремля под руководством С. У. Ремезова, по проекту знаменитого зодчего на территории воеводского двора было возведено новое здание, которое рухнуло в 1717 г. После этого уже Троицкая церковь была обращена во второй городской собор. Пострадав в большом пожаре, охватившем Тобольск в 1788 г., спустя несколько лет в 1791 г. она была разобрана [1, с. 19].

Судить о местах расположения названных храмов можно на основании картографических источников, например, планов кремля авторства

С. У. Ремезова. На участке, где примерно могла находиться Вознесенская церковь, неоднократно производились археологические исследования, здесь были выявлены погребения христианского кладбища, что подтверждает сам факт существования храма, но на место его расположения указывает лишь приблизительно.

Фундаменты Троицкой церкви при раскопках могли быть обнаружены лишь случайно, после ее падения на образовавшемся участке к северу от Воеводского двора в середине XIX в. был возведен обширный Тюремный замок. При этом в один из арестантских корпусов тогда же была встроена церковь св. Александра Невского, сегодня как сам замок, так и храм являются объектами туристического показа [6, с. 151 – 152]. Плотная застройка на этом участке и ряд других обстоятельств не позволили пока произвести здесь полноценные археологические исследования.

Собранный материал позволяет во время экскурсии системно рассказать об истории церквей Тобольского кремля, определить их количество в разное время, отметить некоторые «статусные» особенности, указать места расположения и датировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сулоцкий А. И. О церковных древностях Сибири. – Тюмень, 2000. – Т. 1. – 480 с.

2. Кочедамов В. И. Тобольск (как рос и строился город). – Тюмень. 1963. – 154 с.

3. Заварихин С. П. В древнем центре Сибири. – М., 1987. – 192 с.

4. Балюнов И. В. Тобольский кремль – памятник археологии периода русского освоения Сибири // Третьи Ядринцевские чтения: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Омска. – Омск, 2015. – С. 305 – 307.

5. Балюнов И. В. Первые церкви города Тобольска // Баландинские чтения: Сборник статей научных чтений памяти С. Н. Баландина. – Новосибирск, 2018. – Т. XIII. – С. 111 – 115.

6. Козлова-Афанасьева Е. М. Архитектурное наследие Тюменской области: Научный каталог. – Тюмень, 2008. – 488 с.

7. Балюнов И. В. Некоторые результаты археологических исследований тобольских храмов конца XVII – XVIII века // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2017. – С. 320 – 324.

УДК 394

Пархоменко Наталья Борисовна,
заведующий отделом научно-просветительной деятельности
и музейного туризма,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: nataliya_ev-1993@mail.ru

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ КОНЦА XIX – XX ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ОМГУ ИМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

На первый взгляд кажется, что на современном этапе мы можем представить себе полную картину русской народной культуры Омского Прииртышья XIX – XX в. как в материальном, так и в ее духовном аспекте. Но в научной литературе слабо представлены элементарные данные о культуре, быте и повседневной жизни. Письменные источники далеко не в полной мере характеризуют материальную культуру изучаемого периода и народа. Они дают лишь общие сведения о наличии или отсутствии того или иного вида ремесла, в большей степени описаны различные отрасли хозяйства, промыслы, торговля. Несмотря на то, что изучение русских в Сибири идет достаточно продолжительный период – несколько столетий – остались вопросы, которые исследованы не в полной мере. На основе этнографических материалов, хранящихся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, мы рассмотрим средства передвижения русского населения Омского Прииртышья конца XIX – XX вв.

Ключевые слова: этнография; русские; материальная культура; средства передвижения; Сибирь; Среднее Прииртышье; Омское Прииртышье.

Parkhomenko Natalya Borisovna,
head of the Department of scientific and educational activities
and Museum tourism,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: nataliya_ev-1993@mail.ru

MEANS OF TRANSPORT OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE OMSK IRTYSH REGION IN THE LATE XIX – XX CENTURIES KEPT IN MUSEUM OF ARCHAEOLOGY AND ETNOGRAPHY OF THE OMSK STATE UNIVERSITY NAMED AFTER F. M. DOSTOEVSKY

At first glance, it seems that at the present stage it is possible to present a complete picture of the Russian folk culture of the Omsk Irtysh region of the XIX – XX centuries, both in its material and spiritual aspects. But in the scientific literature is poorly represented basic information about the culture, lifestyle and way of life. Written sources do not fully characterize the material culture of the studied period and the people. They give only general information about the presence or absence of a particular type of craft, describe in more detail the various sectors of the economy, crafts, trade. Despite the fact that the study of the Russian language in Siberia is quite a long period – several centuries, there are issues that are not fully investigated. On the basis of ethnographic materials stored in the Museum of archeology and Ethnography of Dostoevsky Omsk state University, consider the means of transportation of the Russian population of Omsk Irtysh region of the late XIX – XX.

Keywords: ethnography; Russians, material culture; means of transportation; Siberia; Middle Irtysh region; Omsk Irtysh region.

Сведения русских о Сибири мы получаем с достаточно раннего периода, примерно с XII в., но регулярными они становятся лишь со времени похода Ермака и особенно после назначения первых сибирских воевод. На протяжении длительного периода изучения материальной культуры русских существовали разные подходы, направления в освещении этой темы.

На данный момент изучение русского населения Сибири является одним из приоритетных и актуальных направлений в российской науке. Мощным толчком для этнографического и археологического изучения русского населения Омского Прииртышья, несомненно, было открытие в 1877 г. в Омске Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, через год – в 1878 г. – появился краеведческий музей.

Что касается этнографии, то примерно до середины прошлого века изучению русских Сибири почти не уделялось внимания, основной интерес исследователей был направлен на проблемы этнографии коренных народов Сибири, что объясняется задачами социалистического строи-

тельства. Открытие в 1974 г. Омского государственного университета и создания при нем Музея археологии и этнографии Достоевского (далее − МАЭ ОмГУ) положило начало систематическим этнографическим экспедициям под руководством М. А. Жигуновой, В. В. Реммлера и Г. И. Успеньева.

Большой вклад в изучение материальной культуры внесли сибирские ученые. О. Н. Шелегина исследовала жилые и хозяйственные постройки, одежду русского населения Западной Сибири XVIII – первой половины XIX вв. Также изучала одежду русских Западной Сибири последней трети XIX – первой трети XX вв. омский исследователь М. Л. Бережнова.

В имеющихся исследованиях мы можем найти ответы на многие вопросы по материальной культуре русского населения Омского Прииртышья, но все же есть моменты, которые остались не затронутыми.

Таким образом, данная работа посвящена средствам передвижения русского населения Среднего Прииртышья, под которым нами понимается территория современной Омской области, расположенной на юге Западно-Сибирской равнины конца XIX – XX веков.

Научные материалы МАЭ ОмГУ были получены в ходе многочисленных этнографических экспедиций Томского государственного университета, Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (с 2006 г. – Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН). Они являются одним из важнейших источников, как по материальной, так и по духовной культуре населения нашей страны.

В МАЭ ОмГУ выделен фонд научного архива – Фонд I. «Материалы полевых этнографических исследований», который является источником настоящей работы. Информация представлена в виде опросных листов, содержащих описание предмета (в нашем случае это средства передвижения), технологию изготовления, функциональные особенности, в большинстве случаев присутствует изображение.

Транспортные средства русских сибиряков делились на летние и зимние. Летний транспорт был колесным. Изначально колеса были деревянные, обитые железом, позднее их вытеснили колеса, изготовленные полностью из железа. Основным упряжным животным служила лошадь, о чем свидетельствует неоднократное упоминание об элементах конской упряжи[1], реже впрягали быков. Упряжь состояла из дуги, хомута, седельника и оглоблей; запрягали в телеги или сани. Телеги использовали в основном для перевозки грузов, для перевозки людей использовали крытые повозки,

[1] МАЭ ОмГУ. НА. Ф. I. Д. 18-2. Л. 65, 66.

например, фургоны. Это телега, в которую впрягалась пара лошадей, посередине была одна дышлина, а дуги не было[1].

Лодки использовались преимущественно для рыболовства, делали их из досок, конопатили, просмаливали. Дно лодки было плоским, поперек устанавливали скамейки[2].

Зимние средства передвижения представлены разнообразными деревянными санями. Сани могли быть на полозьях, к которым перпендикулярно прикреплялись поперечины[3], или без них – сани-нарты[4]. Как и телеги, сани были обычные, незакрытые – для перевозки грузов, а закрытые – для перевозки людей. Зажиточные семьи могли иметь сани-кошевки. Они были крытые, деревянные, богато украшенные, имели полог внутри, чтобы защититься от холода во время поездки[5]. Как средство передвижения широко применялись зимой и деревянные лыжи[6].

Подводя итог, отметим, что средства передвижения в Сибири могли иметь различные вариации и особенности в зависимости от предназначавшихся функций или природно-климатических условий. На территории Среднего Прииртышья преобладал гужевой транспорт, который играл важную роль в экономике Сибири.

[1] МАЭ ОмГУ. НА. Ф. I. Д. 21-1. Л. 16.
[2] МАЭ ОмГУ. НА. Ф. I. Д. 20-1. Л. 149 (174), 150 (175), 151 (176).
[3] МАЭ ОмГУ. НА. Ф. I. Д. 20-1. Л. 148.
[4] МАЭ ОмГУ. НА. Ф. I. Д. 21-1. Л. 67.
[5] МАЭ ОмГУ. НА. Ф. I. Д. 20-1. Л. 148, 150, 151; МАЭ ОмГУ. НА. Ф. I. Д. 21-1. Л. 17.
[6] МАЭ ОмГУ. НА. Ф. I. Д. 15-1. Л. 10, 11.

УДК 333.01

Пахомчик Сергей Алексеевич,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента,
маркетинга и логистики,
Тюменский государственный университет,
Тюмень,
e-mail: homa380@yandex.ru

ВКЛАД Н. Л. СКАЛОЗУБОВА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО МУЗЕЯ

Показана роль Николая Лукича Скалозубова в краеведческих исследованиях и становлении и развитии Тобольского губернского музея – одного из первых, созданных в Западной Сибири. Музей внес существенный вклад в развитие местного краеведения. Его сотрудники исследовали регион в самых разных направлениях изучения Сибири. Отмечена подвижническая и самоотверженная деятельность Скалозубова в годы его пребывания на посту хранителя (консерватора) музея на рубеже XIX – XX вв. Тобольский губернский музей имеет сложную историю своего становления и развития. В апреле текущего года исполнилось 120 лет с момента его открытия как самостоятельного учреждения. Однако еще с 1870 г. он уже фактически существовал в форме подразделения в составе Тобольского губернского статистического комитета как хранилище предметов старины. Многие поколения музейных работников внесли свою лепту в его развитие. В период с 1894 по 1903 гг. первый губернский агроном Скалозубов Н. Л., став хранителем (консерватором) музея, проделал огромную работу по превращению его из хранилища в научный и просветительский центр по изучению Сибири. Он, создав новые отделы, коллекции, активизировал выставочную и издательскую деятельность, объединил вокруг музея общественные силы, укрепил связи с отечественными и зарубежными учеными по исследованию местного края. Именно в этот период Тобольский губернский музей (ныне Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник) стал крупнейшим центром краеведения Западной Сибири.

Ключевые слова: Скалозубов Н. Л.; краеведческие исследования; Западная Сибирь; Тобольский губернский музей; подвижник.

Pakhomchik Sergey Alekseevich,
candidate of economic sciences,
associate Professor of management, marketing and logistics,
Tyumen state University,
Tyumen,
e-mail: homa380@yandex.ru

THE CONTRIBUTION OF N. L. SKALOZUBOV IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE TOBOLSK PROVINCIAL MUSEUM

The role of Nikolai Lukich Skalozubov in the study of local lore and the formation and development of the Tobolsk provincial Museum – one of the first established in Western Siberia – is shown. The Museum has made a significant contribution to the development of local lore. His staff explored the region in a variety of areas of study in Siberia. His selfless and selfless activity in the years of Skalozubov's tenure as the curator (conservative) of the Museum at the turn of the XIX – XX centuries is noted. Tobolsk provincial Museum has a complex history of its formation and development. In April this year, it was 120 years since its opening as an independent (separate) institution. However, since 1870. It already actually existed in the form of division as a part of the Tobolsk provincial statistical Committee as storage of antiquities. Many generations of Museum workers have contributed to its development. In the period from 1894 till 1903. The first provincial agronomist Skalozubov N. L. becoming the curator (conservative) of the Museum, he made a huge contribution to its transformation from a repository to a scientific and educational center for the study of Siberia. Having created new departments, collections, intensified exhibition and publishing activities, uniting public forces around the Museum, strengthened ties with domestic and foreign scientists on the study of the local region. It was during this period of time. Tobolsk provincial Museum (now Tobolsk state historical and architectural Museum-reserve) has become the largest center of regional studies of Western Siberia.

Keywords: Skalozubov N. L.; studies; West Siberia; Tobolsk provincial Museum; devotee.

Тобольский губернский музей (ТГМ) – предшественник современного Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника – имеет непростую историю своего формирования и развития. В се-

редине XIX в. в Тобольске сформировалась идея создания музея. К тому времени в России после выхода Правительственного Указа от 28 января 1835 г. начался процесс создания губернских статистических комитетов. В Тобольской губернии первое заседание статистического комитета состоялось 10 января 1836 г. Комитет работал вплоть до 1918 г. [1, с. 16]. Основателем музея стал секретарь Тобольского статистического комитета И. Н. Юшков – любитель и знаток истории. Организованное им собрание коллекций не обладало самостоятельным статусом, но числилось при статистическом комитете, не имея собственного помещения [2, с. 192 – 195]. По существу, с 1870 г. он уже фактически действовал в форме подразделения в составе Тобольского губернского статистического комитета как хранилище предметов старины. В 1886 г. губернатор Тройницкий В. А. предложил статистическому комитету к 300-летию Тобольска построить специальное здание музея. В 1889 г. была организована «Комиссия по заведованию Тобольским музеем». Был объявлен призыв к населению Тобольска о сборе средств на строительство музея. Общество Тобольска откликнулось на призыв. Было собрано 13 тыс. руб. Как отмечала местная газета, на строительство не пошло ни копейки казенных денег. 10 апреля 1889 г. музей был открыт для посетителей.

В 1890 г. было создано общество «Тобольский губернский музей» – ТГМ. В Уставе музея было записано: «Музей имеет целью ознакомление публики с Тобольской губернией и с развитием в ней культуры во всех ее формах и проявлениях посредством своих коллекций и материалов по всем отраслям естествознания, этнографии, истории, статистики, археологии, промышленности и пр., а также путем научной разработки собранных материалов» [3, с. 3]. Первый консерватор музея, директор Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы Н. А. Лыткин в 1894 г. уехал из Тобольска. Его сменил Н. Л. Скалозубов, назначенный в Тобольск губернским агрономом. Николай Лукич приобрел вкус к краеведческой работе еще в Пермской губернии, где он после окончания Петровской академии работал в земской статистике. В нем сразу разглядели большого энтузиаста и активного деятеля, подвижника, способного многое сделать на этой ниве. Он искренне считал, что знание прошлого Сибири, ее природы, условий жизни и труда местного населения, будет необходимым для успешного выполнения его прямых служебных обязанностей губернского агронома. Тем более, что никто из местных музейщиков не считал себя способным сочетать ее со своими служебными обязанностями. В. Н. Пигнатти отмечал, что до появления Н. Л. Скалозубова музей «существовал тихо и незаметно» [4, с. 49].

Д. Исламова в своей монографии [1, с. 73 – 74] выделяет четыре периода в деятельности музея: первый (1870 – 1888 гг.) – создание при статистическом комитете в качестве хранилища предметов старины; второй (1889 – 1893 гг.) – строительство специального здания и создание самостоятельного учреждения, утверждение Устава музея, развитие библиотеки, начало издания «Ежегодника Тобольского губернского музея» – ЕТГМ; третий (1894 – 1902 гг.) – вклад Н. Л. Скалозубова в развитие музея и превращение его из хранилища в научный и просветительский центр по изучению Тобольской губернии, создание новых отделов (коллекций), активизация выставочной деятельности, объединение вокруг музея общественных сил и укрепление связей с отечественными и зарубежными учеными по исследованию местного края; четвертый (1903 – 1917 гг.): укрепление материально-технической базы, расширение площадей, создание экспозиций, проведение экспедиций, экскурсий, пополнение коллекций, просветительская деятельность музея.

Музей постепенно рос, изменялся, мужал, обрастал новыми связями, контактами, проводил исследования. В 1895 г. Скалозубов в своем докладе на общем годичном собрании комитета музея отмечал: «Знание своей страны есть сила, без которой народный труд не может развиваться и прогрессировать. Накопление материалов и фактов для познания края – это первая священная задача музея»[1]. Особо следует отметить ту большую работу, которую проводил музей под руководством Н. Л. Скалозубова по организации выставок и участию в них с демонстрацией экспонатов музея (местного, общероссийского и международного уровня). Среди них: Курганская губернская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная (1895 г.), Нижегородская Всероссийская художественно-промышленная (1896 г.), Всемирная Парижская (1900 г.), Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная (1911, г. Омск). В большинстве случаев инициатором, организатором и одним из главных действующих лиц являлся Н. Л. Скалозубов [5, с. 35 – 47; 6, с. 45 – 68].

В последнее десятилетие XIX в. ТГМ развернул активную публикационную деятельность. В 1893 г. вышел в свет первый номер Ежегодника Тобольского губернского музея (ЕТГМ). Это был первый в России случай, когда музей начал выпуск своих научных трудов. За весь период существования музея с 1893 по 1918 гг. было издано 29 выпусков. При этом

[1] Скалозубов Н. Л. О дальнейшем направлении деятельности Тобольского губернского музея (Доклад читаемый хранителем музея Н. Л. Скалозубовым 24 апреля с.г. в общем годичном собрании членов комитета музея) // Сибирский листок. – Тобольск, 1895. – №32 (27 апр.).

Скалозубов был редактором и корректором ежегодника, в течение 11 лет с 1984 по 1905 гг. Самое большое число работ, опубликованных в нем, принадлежит перу Скалозубова. Он разместил 17 публикаций, посвященных разным проблемам, включая, этнографию и географию, естествознание, сельское хозяйство, музееведение и др. ЕТГМ вскоре стал авторитетным изданием, востребованным учеными, исследователями, краеведами, музееведами, как в России, так и за рубежом, стимулировал рост музея и укреплял его признание и повышал статус.

Оценивая деятельность Н. Л. Скалозубова как весьма плодотворную, многостороннюю и успешную, следует отметить его опыт по привлечению средств для развития музея. При нем ТГМ накопил изрядный опыт по многоканальному привлечению средств, полезный для современных музейщиков, то, что сейчас называют фандрэйзингом, для решения своих музейных задач. Он привлекал финансовые средства из всех возможных источников. Субсидии от Министерства земледелия и государственных имуществ, Департамента земледелия, Переселенческого управления, Губернского комитета попечительства народной трезвости, Тобольского сельскохозяйственного съезда и агрономического совещания, меценатов, пожертвования; частично зарабатывая при проведении платных мероприятий (публичных чтений, лекций, реализация литературы, использование платных услуг библиотеки, работа метеостанции и проч.). Общепризнанно, что Н. Л. Скалозубов способствовал финансированию и пополнению коллекций Тобольского Губернского Музея, устраивал в нем многочисленные чтения, популяризировал знания о природе и ее богатствах. Его слова «Знания своей страны есть сила, без которой народный труд не может развиваться и прогрессировать» стали жизненным девизом. При этом скромность, способность прийти на помощь людям в их делах, никогда не оставить человека без содействия и совета, нравственная чистота всегда присутствовали в его жизни и деятельности.

Музей на рубеже веков превратился в центр краеведения региона, солидное научное и учебное учреждение, стал объединяющим центром, своеобразным интегратором научно-культурных и исследовательских сил, комплектования уникальных собраний и коллекций, богатой библиотеки, издания уникального и единственного в своем роде печатного органа ЕТГМ, проведения разнообразных форм просветительской деятельности. К 1917 г. ТГМ получил высокое общественное признание и завоевал авторитет среди ученых, музееведов, краеведов не только России, но и на международном уровне. Очень большая заслуга в этом принадлежит большому энтузиасту, подвижнику, патриоту Сибири Николаю Лукичу Скалозубову!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Исламова Д. Развитие краеведения и музейного дела в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – 468 с.

2. Солодова (Матиканская) Т. И. Светлая личность. Жизнь и деятельность Н. Л. Скалозубова. – Тюмень, 2018. – 528 с.

3. Белобородов В. К. Тобольский губернский музей и тобольское общество // Предисловие к электронному изданию «Ежегодника губернского музея». – Екатеринбург: Баско, 2010. – 45 с.

4. Пигнатти В. Н. Николай Лукич Скалозубов и его деятельность в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. XXVII. – Тобольск, 1916. – С. 1 – 108.

5. Пахомчик С. А., Дегальцева Е. А. Первый правительственный агроном Тобольской губернии Николай Лукич Скалозубов и его влияние на развитие сельского хозяйства и кооперации края. – Тюмень: Тюменская ГСХА, 2011. – 90 с.

6. Пахомчик С. А. Деятельность Николая Лукича Скалозубова в Тобольской губернии: Монография. – Тюмень: ГАУ Северного Зауралья, 2015. – 122 с.

УДК 159.9

Прокофьева Наталья Евгеньевна,
доцент кафедры теории, истории и философии культуры,
кандидат исторических наук,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Новгород Великий,
e-mail: prokof2004@mail.ru

МУЗЕЙНЫЙ КОНТЕНТ И ИНТЕРАКТИВНЫЙ ОПЫТ МУЗЕЙНОЙ АУДИТОРИИ

Исследователи музейной аудитории используют понятие идентичности, пытаясь лучше понять характер музейного опыта отдельных посетителей. «Я»-идентичность может быть внешней и внутренней, публичной и частной, врожденной и приобретенной, является результатом диалога и сравнения себя с «другими», включает элементы социального самоопределения и культурной самоинтерпретации. «Социальная» мотивация – желание провести время с родными или друзьями – оказывает значимое влияние на выбор музея в качестве места досуга. Изучение музейного опыта посетителей фиксирует значение взаимодействия и контроля, потребность в разнообразии и степень познавательной ориентации. Современные музеи характеризуются новой пространственной формой, которая представляет собой синтез практик досуга и потребления. Интерактивное пространство музея способно удовлетворить базовую потребность индивида в игре. Каким образом происходит восприятие музейной экспозиции посетителями с определенной идентификацией (человек играющий)?

Ключевые слова: идентификация посетителей; интерактивное пространство музея; музейная экспозиция; мотивация аудитории; человек играющий.

Prokofieva Natalya Evgenievna,
Associate Professor at the Department of Theory,
History and Philosophy of Culture,
Ph.D.,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Novgorod the Great,
e-mail: prokof2004@mail.ru

MUSEUM CONTENT AND INTERACTIVE EXPERIENCE OF THE MUSEUM AUDIENCE

Researchers of the museum audience use the concept of identity, trying to better understand the nature of the museum experience of individual visitors. «I»-identity can be external and internal, public and private, innate and acquired, is the result of a dialogue and comparison of oneself with «others», includes elements of social self-determination and cultural self-interpretation. «Social» motivation – the desire to spend time with family or friends – has a significant impact on the choice of a museum as a place of leisure. Studying visitors' museum experience captures the importance of interaction and control, the need for diversity and the degree of cognitive orientation. Modern museums are characterized by a new spatial form, which is a synthesis of leisure and consumption practices. The interactive space of the museum is able to satisfy the basic need of the individual in the game. How is the perception of the museum exposition by visitors with a certain identification (the person playing).

Keywords: visitor identification; interactive museum space; museum exposition; audience motivation; man the Player.

Опыт каждого посетителя уникален, как и подлинный музей. Понимание посетителями своего опыта посещения музея, как правило, обеспечивает логику и смысл данного опыта. Посетители склонны видеть свое поведение в музее и результаты посещения в соответствии с личностными чертами, отношениями и/или принадлежностью к социальной группе. Например, опыт посещения музея может отражать восприятие себя как любознательного человека. Другие посетители используют музей, чтобы удовлетворить соответствующие своей личности роли и ценности, такие как быть хорошим родителем или опытным культурным туристом. Несмотря на общие черты в самооценках групп посетителей, выявляются индивидуальные мотивы и оценки посещения музея как выражение их собственной уникальной личности и опыта. Формирование и поддержка личной идентификации является главной мотивацией практически во всех случаях посещения музеев.

Ключевое понимание идентичности состоит в том, что каждый из нас обладает не одной идентичностью, а скорее поддерживает многочисленные идентичности, которые выражены коллективно или индивидуально в разное время, в зависимости от жизненных и индивидуальных обсто-

ятельств. Исследователи музейной аудитории используют понятие идентичности, пытаясь лучше понять характер музейного опыта отдельных посетителей[1].

Внутренние мотивы посетителей в этом контексте включают полезность посещения, согласованность контекста экспозиции, своевременность, личный смысл, возможность взаимодействия и степень сложности музейного контента для участника. В исследованиях аудитории посетителей музеев также отмечается, что удовольствие от посещения должно быть частью опыта.

Социальный подход к изучению поведения посетителей музея требует, чтобы потребление воспринималось как осмысленное поведение индивида в широком культурном и социальном контексте. Для исследователя – это взаимодействие между отдельными процессами и социальная ситуация, которая имеет первостепенное значение при рассмотрении характера опыта. Посещение музея представляется в качестве нового символического статуса, который служит для отделения культурного «нас» от некультурного «их». Многие посетители мотивированы, чтобы достичь подобного состояния в музее, получая чувство удовлетворения и удовольствия. Посетители в группах ощущают себя в пространстве музейных коммуникаций как определенная социальная единица.

Когнитивные подходы к пониманию поведения посетителей рассматривают мотивации потребителей как существенный фактор успешного управления музеем. Еще одной областью для исследования является уровень участия и участия между посетителями и экспонатами. Здесь изучение опыта посетителей фиксирует значение взаимодействия и контроля в опыте, потребность в разнообразии и степень познавательной ориентации. Современные музеи характеризуется новой пространственной формой, которая представляет собой синтез практик досуга и потребления[2].

---

[1] Falk John R. Understanding museum visitors motivation and learning // Slotsog Kulturstyrelsen. [Электронный ресурс]. URL: http://slks.dk/fileadmin/user_upload/dokumenter/KS/institutioner/museer/Indsatsomraader/Brugerundersoegelse/Artikler/John_Falk_Understanding_museum_visitors__motivations_and_learning.pdf (Дата обращения: 27.04.19).

[2] Максимова А. С. Концептуальные и методологические вопросы изучения посетителей музеев // Социология: методология, методы. Математическое моделирование. – М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2014. – №39. – С. 157-188. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=23733406 (Дата обращения: 27.04.2019).

Так, Новгородский музей-заповедник музей предлагает посетителям получить информационно-развлекательный опыт участия вместе с выставкой «Хранители детства». Выставка советских игрушек 20 – 80-х гг. XX в. из фондов Новгородского музея-заповедника и частных коллекций функционирует как пространство для интерактивного знакомства с советской историей и культурой детства. Дети советского времени значительную часть досуга проводили во дворах своих домов, поэтому в структуру выставки включено интерактивное пространство «Двор советского времени», позволяющее посетителям получить практический опыт использования некоторых детских игровых приспособлений. Посещение выставки погружает посетителей (взрослых и детей) в ситуацию активного участия и настраивает на игровую деятельность.

Другие методы формирования и функционирования музейного контента представляет выставка «Древнерусское резное дерево XIV – XVII вв.». Данная выставка развернута в небольшом зале второго этажа здания бывших Присутственных мест в Новгородском Кремле[1]. Характер и содержание выставки предлагает неторопливое повествование об историческом прошлом, побуждая посетителей скорее к созерцанию экспонатов, но не к активному взаимодействию с ними в пространстве выставки. Выставки представляют разные способы рассказа музейной истории, настройки и методы интерпретации музейного материала. Таким образом, пространство музея формируется в основном через социальное действие, оно контролируют действия аудитории, которые происходят в нем[2].

Во второй половине XX в. проводились исследования, подчеркивающие актуальность социального контекста, послужили стимулом для более тщательной работы над проектом экспозиции, показали важность так называемых оценочных исследований для внесения изменений в музейное экспозиционное пространство. Распространяются качественные исследования в сфере культурного потребления, которые включают изучение посещения музеев, а также способов организации досуговой и игровой деятельности в пространстве современного музея. На практике, в реальном

[1] Материалы официального сайта Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. [Электронный ресурс]. URL: http://novgorodmuseum.ru (Дата обращения: 27.04.2019 г.).

[2] Goulding C. The Museum Environment and the Visitors Experience./ Christina Goulding // European Journal of Marketing 34(3/4):261-278 April 2000. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/241699302_The_Museum_Environment_and_the_Visitors_Experience. (Дата обращения: 27.04.2019).

пространстве музея, происходит формирование идентичности, связанной с игрой, представляющей возможность погружения в медийное или интерактивное игровое пространство, позволяющей решать как образовательные, так и развлекательные задачи.

Целый ряд современных авторов рассматривает практики функционирования публичного пространства музея. Как меняется наше поведение в ситуации посещения музея в присутствии других, при условии взаимодействия с незнакомыми людьми, экспонатами, экспозицией в целом. Внимание исследователя музейной аудитории сейчас обращено к тому, как меняются взгляды и производятся интерпретации экспонатов, как производится новый опыт и совершается понимание экспозиции.

Для функционирования неформальных образовательных пространств в музейном пространстве важны игровые практики. По замечанию И. А. Кребель, «игра, не есть готовая схема», игра – «это свобода» [1, с. 243]. Реализация индивидуального посетителя в музее также начинается с игры, которая определяется как несерьезное, не шаблонное мышление, позволяющее по-иному воспринимать предметы и окружение, открывающее другую размерность реальности. Согласно Хейзинге, «игра стоит по ту сторону серьезности» [2, с. 70].

Через поведение посетителей выявляются следующие социокультурные и психологические детерминанты музейного опыта. Это – культурная идентификация, опыт социального взаимодействия, реализация в игровой практике, понимание смысла активности, чувство непрерывности рассказа о прошлом, участие, внутреннее отражение и воображение, конструирование стимула для создания значимого «целого», воспринимаемая аутентичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кребель И. А. Феномен игры в медиа-размерности культуры // Омский научный вестник. – 2012. – № 5 (112). – С. 241 – 244.

2. Хейзинга, Й. HOMO LUDENS: Опыт исследования игрового элемента в культуре // Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991. – 387 с.

УДК 908 (571.13)

Смирнова Татьяна Владимировна,
научный сотрудник,
филиал Омского государственного историко-краеведческого музея
«Музейный комплекс воинской славы омичей,
Омск,
e-mail: mkvso85@mail.ru

АРХИВЫ ЛЕНИНГРАДЦЕВ В ФОНДАХ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ВОИНСКОЙ СЛАВЫ ОМИЧЕЙ

В данной статье представлен обзор находящихся в фондах МКВСО личных коллекций ленинградцев, эвакуированных во время Великой Отечественной войны из блокадного Ленинграда.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; блокада Ленинграда; эвакуация.

Smirnova Tatiana Vladimirovna,
researcher,
the branch Omsk State Museum
of History and Regional Studies
«Museum Complex of Military Glory of Omsk»,
Omsk,
e-mail: mkvso85@mail.ru

ARCHIVES OF THE PEOPLE OF LENINGRAD IN FUNDS «MUSEUM COMPLEX OF MILITARY GLORY OF OMSK»

This article is about the personal collections of the people of Leningrad, which is located in the funds of the MKVSO.

Keywords: Great Patriotic War; the siege of Leningrad; evacuation.

В год 75-й годовщины полного снятия блокады Ленинграда видится необходимым обращение к исследованию архивов ленинградцев, ставших участниками и очевидцами этих страшных событий. В Великую Отечественную войну Ленинград для Третьего Рейха был одним из приоритет-

ных направлений для наступления. Уже в сентябре 1941 г. бои шли на ближних его подступах. А первый этап эвакуации населения и предприятий начался уже 29 июня [1, с. 209].

В фондах «Музейного комплекса воинской славы омичей» хранятся 12 архивов ленинградцев, эвакуированных во время Великой Отечественной войны из блокадного города, 10 из них были эвакуированы в Омскую область. Эти архивы на данный момент не изучены.

Личные коллекции включают в себя: биографические документы, документы основной деятельности, эвакуационные удостоверения, награды и наградные документы, большую часть занимают фотографии, переписки, личные вещи, брошюры, газетные вырезки, автобиографические воспоминания. Первый эвакопункт в Западной Сибири был создан в Омске. 26 июля 1941 г. он начал свою важную работу [2, с. 786]. Прибывшие направлялись в сельскую местность 46 районов области, так как предполагалось, что в селе им будет легче восстановиться после блокады [2, с. 788]. В июне 1942 г. в г. Исилькуль Омской области из Ленинграда была эвакуирована семья Надь [2]. Архив представлен вещами, которые бытовали у членов семьи и фотографиями краеведа Ф. К. Надя, его сестры М. К. Надь и отца К. Г. Надя[1]. Коллекции М. П. Меккер[2] и В. И. Осиной[3] небольшие, представлены личными документами и фотографиями. В небольшом архиве Е. В. Модестовой[4] хранятся удостоверения об эвакуации с посадочными талонами. Интересны личные коллекции Л. Н. Ефремовой[5] и А. С. Златкиной[6], которые были эвакуированы из блокадного Ленинграда детьми. Они включают воспоминания о том, как их семьи выживали в блокаду, записанные уже во взрослом возрасте, фотографии и личные вещи.

Ленинградцы прибывали в организованном порядке, индивидуально, а также вместе с эвакуированными заводами. В целом Омск и Омская область в годы Великой Отечественной войны приняли из западных регионов более 110 эвакуированных промышленных предприятий. Первыми же на омскую землю прибыли эшелоны с оборудованием и людьми радиоаппаратного завода им. Козицкого №210 [2, с. 790]. В фондах МКВСО хранятся архивы эвакуированных работников этого завода: Н. И. Макаровой[7] и

[1] МВСО-834/1-11.
[2] МВСО-837/1-4.
[3] ВМВСО-539/1-6.
[4] МВСО-1090.
[5] МВСО-535/1-9, ВМВСО-607/1-5.
[6] МВСО-533/1-6, ВМВСО-603.
[7] ВМВСО-93/7.

М. А. Муравьева[1]. Н. И. Макарова в своих воспоминаниях описывает, какая обстановка была в Ленинграде в первые дни войны, как принимала участие в подготовке окопов в районе г. Павловска. А 22 августа была эвакуирована вместе со многими работниками, собрав необходимые приборы, чертежи и документы, в г. Омск. В г. Омске им предоставили недостроенное здание педагогического института, но постепенно эвакуированных стали распределять по частным домам. Через некоторое время после прибытия в Омск Н. И. Макарова отправилась на уборочные работы в Называевский район до начала ноября. Зиму отрабатывала в отделе, а в июне снова уезжала на сельскохозяйственные работы. Также особый интерес вызывают авторские стихотворения, написанные Ниной Ипполитовной Макаровой в г. Омске в 1942 – 1943 гг. В них она раскрывает свои переживаниях о близком друге, который ушел на фронт. А. М. Медведюк был эвакуирован в 1941 г. вместе с заводом им. К. Е. Ворошилова №174 сначала в г. Чкаловск, а потом в г. Омск. В архиве Алексея Михайловича много писем от родственников, эвакуированных из Ленинграда, а также Сталинграда и Киева. Многие документы связаны с его трудовой профессиональной деятельностью. Среди них авторская брошюра А. М. Медведюка про изготовление деталей, изданная в 1942 г., а также его статья «Распространим опыт передовых инструментальщиков», опубликованная в газете «Омская правда» 7 июля 1943 г[2]. Вместе с заводом им. К. Е. Ворошилова №174 также был эвакуирован П. В. Быстров, он передал музею документы, медали и фотографии[3]. Павел Васильевич был участником обороны Ленинграда: участвовал в возведении укреплений под Колпино, работал на правом берегу Невы на сооружении противотанковых рвов и ходов сообщения, за что был награжден медалью «За оборону Ленинграда». По данным из архивной справки, 14 октября 1941 г. был эвакуирован в г. Омск. А его жена и сын остались в Ленинграде, где погибли от голода.

Среди личных коллекций ленинградцев, эвакуированных в другие регионы, представлены архивы И. П. Сапелиной[4] и Л. П. Дробыш (Ряженовой). История семьи Дробыш была записана старшим научным сотрудником МКВСО А. П. Раковой. Л. П. Дробыш (Ряженова) была вместе с семьей эвакуирована в г. Татарск Новосибирской области, когда ей было 13 лет. Старший брат Людмилы Петровны Владимир ушел на фронт и погиб, братья Анатолий и Евгений учились в школе и были мобилизованы

[1] МВСО-217/1-8.

[2] МВСО-459/1-35, ВМВСО-501/1-90.

[3] МВСО-474/10.

[4] МВСО-998/1-36.

на лесозаготовки, к моменту эвакуации были сильно истощенны. О себе Людмила Дробыш рассказала, как пряталась с младшим братом Валентином, которому было всего 4 года, от воздушного обстрела. Снаряд пробил крышу и застрял над головами детей. Когда приехали саперы и разобрали снаряд, то внутри оказался песок и записка «Чем можем, тем поможем». Также Людмила Дробыш рассказала о том, как ее мать, Прасковья Степановна, спасла жизнь маленькой девочки Людмилы Богданович, которая была эвакуирована вместе с ними в Татарск[1].

Личные коллекции ленинградцев в фондах МКВСО являются важными историческими источниками по изучению жизни ленинградцев как во время блокады, так и довоенного периода, а также пребывания в городе Омске и Омской области в период Великой Отечественной войны и после ее окончания. Материалы широко используются в научной, просветительной и выставочной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Носова М. С. Эвакуация детей из Ленинграда в Омск в годы Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Омская правда») // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в.: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д. П. Самородов. – Стерлитамак, 2018. – С. 209 – 212.

2. Кожевина М. А. Омская область и ленинградцы: жизнь во время войны // Побратимы. Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается / отв. ред. Ю. З. Кантор. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – С. 782 – 829.

3. Новиков С. В. Ференц Карольевич Надь – краевед на ветрах времени // Этнический и конфессиональный компонент в культуре и истории России и Казахстана: Сборник статей. – Омск: изд-во ИП Макшеевой Е. А., 2016. – С. 4 – 8.

[1] МВСО-509/1-32, ВМВСО-579/1-8, ВМВСО-617.

УДК 069

Сомова Юлия Аркадьевна,
кандидат исторических наук,
заместитель директора по научной работе,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: sjulia@sibmuseum.ru

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА В ОГИК МУЗЕЕ В 2013 – 2018 ГГ.

В статье анализируется опыт научно-исследовательской работы музея за последние шесть лет, рассматриваются вопросы развития информационно-издательской деятельности, проведения научных конференций и семинаров, разработки индивидуальных научных тем сотрудниками музея и их участия в научных экспедициях.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа; краеведческий музей; печатные и электронные ресурсы; музейный сайт; конференция; историко-бытовая экспедиция.

Somova Julia Arkadievna,
candidate of history,
deputy Director for Research,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: sjulia@sibmuseum.ru

RESEARCH WORK IN OGIK MUSEUM IN 2013 – 2018 YY.

The article analyzes the experience of the museum's research work over the past six years, discusses the development of information and publishing activities, the holding of scientific conferences and seminars, the development of individual scientific topics by museum staff and their participation in scientific expeditions.

Keywords: research work; local history museum; printed and electronic resources; museum website, conference; historical and household expedition.

Научно-исследовательская работа является основой функционирования и одним из главных видов деятельности Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИК музея). Будучи базой творческой работы сотрудников, она осуществляется по трем ключевым направлениям: общеисторические исследования (в том числе краеведческие), музееведение и музейное дело, а также естественнонаучные изыскания. Тематика исследований задается трехгодичными перспективными планами, которые позволяют повысить результативность труда сотрудников, сделать их исследования более целенаправленными. Итоги работы воплощаются в создании концепций музейных экспозиций и выставок, научно-методических разработок, издательских проектах, отдельных статьях и тезисах конференций.

В данной статье рассматриваются научные достижения ОГИК музея за последние шесть лет, что обусловлено отсутствием комплексных трудов, обобщающих результаты этих лет. Опыт научно-исследовательской работы в ОГИК музее в период с 1993 по 2003 гг. всесторонне рассматривается в публикации П. П. Вибе [1, с. 89 – 97; 2, с. 19 – 21]. Е. М. Бежан, изучая вопросы научно-исследовательской и издательской деятельности музея, охватывает период с 1993 по 2013 г. [3, с. 79 – 92]. Отдельные аспекты научно-исследовательской работы ОГИК музея отражены в статьях Т. М. Назарцевой [4, с. 99 – 108; 5, с. 286 – 311; 6, с. 119 – 139].

ОГИК музей является ведущим научным центром сибирского региона, на базе которого в период с 2013 по 2018 гг. было организовано и проведено несколько крупных научных мероприятий, среди них: научно-практическая конференция VII Всероссийские краеведческие чтения (Москва, 13 – 14 мая; Омск, 16 – 17 мая 2013 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «II Ядринцевские чтения», посвященная 100–летию начала Первой Мировой войны (29 – 30 октября 2014 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «III Ядринцевские чтения», посвященная 300–летию Омска (26 – 28 ноября 2015 г.). В 2016 г. на базе музея работала одна из секций Всероссийской научно-практической конференции «Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России». 30 – 31 октября 2017 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «IV Ядринцевские чтения», посвященная 100-летию Революции и Гражданской войны в России.

Научные сотрудники ОГИК музея ежегодно принимали участие в различных конференциях, форумах и семинарах, которые проходили как в России (Москва, Санкт-Петербург, Омск, Симферополь, Свияжск и др.),

так и за рубежом – Казахстан, Германия, что также подтверждает высокий уровень развития научно-исследовательской работы в учреждении. За последние шесть лет сотрудники музея приняли участие в 90 конференциях, опубликовали 242 статьи (см. Табл. 1).

Таблица 1

Участие научных сотрудников ОГИК музея в конференциях и публикации за период 2013 – 2018 гг.

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Конференции	12	12	10	25	24	7
Публикации	40	55	44	42	36	25

В 2013 – 2018 гг. было подготовлено и вышло в печать 22 научных издания по истории региона и основным направлениям деятельности музея, среди которых «Антология омского краеведения». Т. 1 (2013 г.) – Т. 2. (2015 г.), научный журнал «Известия ОГИК музея» №№18 – 21; альбом-каталог «Сибирский Авангард: живопись и графика 1910–1920-х гг. в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея» (2013 г.) и альбом-каталог «История российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея» (2017 г.); научно-популярный альманах «Омский краевед» №№6 – 7; а также сборники статей конференций; каталоги и буклеты; три книги из серии «Загадки и мифы Омской истории», автор – П. П. Вибе.

Большое значение для комплектования фонда, экспозиционно-выставочной и дальнейшей научно-исследовательской работы имели комплексные экспедиции в районы Омской области. В летний период 2013 – 2018 гг. осуществлялись выезды на территорию Тарского, Тевризского и Любинского районов Омской области, было собрано значительное число предметов, отражающих различные аспекты культуры этносов нашего края, существенно пополнились археологическая и естественно-биологическая коллекции музея.

Традиционно ОГИК музеем большое внимание уделялось и научно-исследовательской работе с молодежью, ежегодно в ноябре проходила Областная молодежная научная краеведческая конференция «Омское Прииртышье: природа, история, культура». В 2018 г. она прошла уже в 22 раз. В общей сложности за шесть лет в мероприятии приняло участие около 480 человек [7, с. 155 – 156; 8, с. 160 – 164].

Совместно с Министерством культуры Омской области было организовано 7 научно-методических семинаров для музеев муниципальных районов области, в рамках которых рассматривались актуальные вопросы музейной деятельности, оказывалась методическая помощь.

Развивалось сотрудничество и с Омским региональным отделением Союза краеведов России. С 2013 по 2018 г. было проведено 8 заседаний круглых столов, состоялось 18 лекций краеведческой направленности.

Научно-исследовательская работа сотрудников учреждения нашла отражение в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)[1]. С 2017 г. проводилась большая работа по подготовке и размещению научных изданий музея в системе РИНЦ. В результате в 2018 г. ОГИК музей вышел на 3 место в рейтинге по количеству электронных версий статей в свободном доступе среди всех музеев России. По числу цитирований работ научных сотрудников ОГИК музей входит в первую десятку. Еще один показатель востребованности научной работы, индекс Хирша, в 2018 году был равен 10, являясь также одним из самых высоких среди музеев страны. Всего в систему РИНЦ было загружено 39 изданий (книг, журналов, сборников), число статей, книг, журналов составило 710 наименований.

В марте 2015 г. был запущен обновленный музейный сайт, который в 2018 г. занял 15 место в номинации «Лучшие сайты музеев и галерей», согласно рейтингу пользователей интернет-ресурсов, опубликованному на сайте «Музеи России».

Крупнейшими научно-экспозиционными проектами музея этого периода стали создание экспозиции «Сибирский град Петров», начатое в рамках программы «Путь Петра Великого» и приуроченное к 300-летию Омска, появление нового филиала в г. Тара «Дом-музей М. А. Ульянова» (2014 г.), а также организация Музея сказки «Васин Хутор» в п. Политотдел Любинского района Омской области (2017 г.) в рамках реализации проекта «Историко-этнографический музейный комплекс под открытым небом «Любино-Малороссы».

В 2013 г. научная деятельность директора музея П. П. Вибе была отмечена Орденом «Labore et scientia» («Трудом и знанием»), учрежденным комиссией по наградам Европейского научно-промышленного консорциума в рамках программы Российской Академии Естествознания «Золотой фонд отечественной науки». П. П. Вибе было присвоено звание Академика Российской Академии Естествознания.

[1] Научная электронная библиотека. Режим доступа: https://elibrary.ru/defaultx.asp. (Дата обращения: 03.06.2019 г.).

Таким образом, научно-исследовательская работа в музее становится год от года все более целенаправленной и результативной, что выражается в качественно новом подходе к организации экспозиционно-выставочной, издательской деятельности, научно-методической и культурно-просветительной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вибе П. П. Опыт научно-исследовательской работы в Омском государственном историко-краеведческом музее // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2005. – №11. – С. 89 – 97.

2. Вибе П. П. Омский краеведческий музей и его роль в сохранении историко-культурного наследия и изучении региона: прошлое и настоящее // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2018. – №21. – С. 7 – 32.

3. Бежан Е. М. Омский государственный историко-краеведческий музей (1993-2013 гг.): вехи жизни // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2013. – №18. – С. 79 – 92.

4. Вибе П. П., Назарцева Т. М., Свиридовский О. А. «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2018. – №21. – С. 99 – 108.

5. Назарцева Т. М. Хроника музейной жизни 2013-2015 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческий музея. – Омск, 2016. – №20. – С. 286 – 311.

6. Назарцева Т. М. Хроника музейной жизни 2016–2017 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2018. – №21. – С. 119 – 139.

7. Сомова Ю. А. Культурно-образовательная деятельность Детского музейного центра Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2018. – №21. – С. 150 – 159.

8. Келлер Л. И. Из истории проведения областной молодежной научной краеведческой конференции «Омское Прииртышье: природа, история, культура» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2018. – №21. – С. 160 – 164.

УДК 021.4

Сорокин Алексей Петрович,
заместитель директора,
руководитель Центра краеведческой информации,
Омская государственная областная научная
библиотека им. А. С. Пушкина,
Омск,
e-mail: ap40in@mail.ru

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ: ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ*

*Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект №18-49-550014 р_а «Сохранение и репрезентация культурного наследия народов Омского Прииртышья в музеях исторического профиля и общедоступных библиотеках Омского региона в последней четверти XX – начале XXI века».

Данная статья затрагивает проблемы создания и функционирования музейных экспозиций и книжно-иллюстративных выставок в общедоступных муниципальных и универсальных научных библиотеках. Статья раскрывает практику использования музейно-экспозиционных приемов в краеведческой библиотечной деятельности.

Ключевые слова: музейные экспозиции; книжные выставки; публичная библиотека; краеведческая деятельность библиотек; экспозиционные приемы.

MUSEUM EXHIBITION IN THE PUBLIC LIBRARY: FEATURES OF FORMATION, FUNCTIONING AND DEVELOPMENT

Sorokin Alexey Petrovich,
Deputy Director,
Head of the regional information center,
Omsk state regional scientific library named
after A. S. Pushkin,
Omsk,
e-mail: ap40in@mail.ru

This article touches upon the problems of creating and operating museum exhibits and book-illustrative exhibitions in public municipal and universal scientific libraries. The article reveals the practice of using museum exposition techniques in local history library activities.

Keywords: museum expositions; book exhibitions; public library; local history library activities; exposure techniques.

Вопросы сохранения и репрезентации культурной памяти, организации музейной деятельности в общедоступных библиотеках, ее правовые основы, проблемы учета и сохранности коллекций, принципы функционирования и развития экспозиций, реализация мемориальной функции библиотек разрабатывают многие теоретики и практики библиотечного дела [1; 2; 3; 4]. Отдельные проблемы музейно-экспозиционной деятельности в Сибири нашли отражение в работах сибирских исследователей О. Н. Труевцевой, О. Н. Шелегиной, Н. А. Томилова и др. [5; 6; 7].

Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (1996) дал определение музея, оставив нерешенным вопрос о статусе музеев, существующих без прав юридического лица. Поэтому при создании музейных экспозиций в ОГОНБ имени А. С. Пушкина в 2013 – 2017 гг. было решено создавать музейные книжно-предметные экспозиции как «музейные проекты». Такими проектами стали проекты Центра книжных памятников (руководитель – к. филол. наук Л. Г. Пономарева) «Омский Музей книги» (2013) и «Музей миниатюрной книги А. И. Коненко» (2017). В этом же ключе следует рассматривать экспозицию «История Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина в фотографиях и документах» (куратор – зав. сектором ЦКИ, канд. филос. наук М. И. Саврушева) и ряд сопутствующих выставок и экспозиций[1].

Музей в библиотеке – это неотъемлемая часть информационно-библиотечной среды, форма репрезентации всей краеведческой информации; одной из важнейших составляющих музейной деятельности

[1] Сорокин А. П. Репрезентация культурного наследия Омского региона в музейно-выставочных проектах Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина / А. П. Сорокин, М. И. Саврушева // Музейно-краеведческая деятельность современных библиотек [Электронный ресурс]: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2018. – URL: http://conf.irklib.ru/materialy-konferentsii/ (Дата обращения 18.07.19).

является методика проектирования и создания музейных экспозиций, опирающаяся на научные подходы.

Методика создания музейных экспозиций в библиотеках объединяет формы и методы, характерные как для музеев, так и для библиотек. Она включает в себя две группы методов – научные и художественные. Эту методику разрабатывает профессор, научный сотрудник РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева Т. П. Поляков [8]. Традиционная технология предусматривает последовательную разработку научной и художественной концепции экспозиции, расширенной тематической структуры, эскизного проекта, хотя полный цикл, разработанный в музейной практике, в библиотеках реализуется не всегда.

Коллекционный метод создания экспозиции используют библиотеки, обладающие коллекциями произведений искусства, рукописных и книжных памятников по профильной для них тематике, например, РГБ (г. Москва)[1] или ГПНТБ СО РАН (г. Новосибирск), обладающая богатейшей в Сибири коллекцией рукописной и старопечатной книги XVI – XX вв. [9]

Ансамблевый метод предполагает воссоздание на основе коллекции пространственной среды, связанной с процессом, явлением или событием. Он полезен в мемориальных библиотеках, в именных, расположенных в исторических зданиях, однако возможен и, например, в новейшем здании Иркутской ОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского с мемориальной комнатой-музеем его имени (реэкспозиция 2018 г., куратор – И. И. Терновая) или в мемориальной экспозиции И. С. Шмелева Центра литературы русского зарубежья Владимирской ОНБ. Основная проблема при использовании ансамблевого метода – обеспечение физической сохранности экспонатов при их интенсивном интерактивном использовании.

Примером использования подобного метода в Омской области является мемориальная комната-музей Н. Ф. Чернокова (1891 – 1968) в Красноярской сельской библиотеке-филиале №7 ЦБС Омского района, где 9 августа 2018 года открылась комната-музей имени Н. Ф. Чернокова. Николай Федорович – своеобразный «гений места» Красноярки: библиофил, краевед, фольклорист и коллекционер, коренной уроженец старинного села. Все направления жизни и деятельности Н. Ф. Чернокова нашли свое отражение в содержании экспозиции комнаты-музея. Начало серьезному книгособирательству было положено Черноковым

[1] Музей книги: путеводитель / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. – [Москва]: Внешторгиздат, [1985]. – 136, [1] с.

в 1914 г., на службе в Петербурге, в полку гвардии. Коллекционер был знаком, наверное, со всеми омскими книжниками, владельцами частных библиотек, состоял в кружке книголюбов при Пушкинской библиотеке [10]. Информационный ряд комнаты-музея завершается воспоминаниями о Н. Ф. Чернокове его известных современников: А. Ф. Палашенкова, И. С. Коровкина, В. Ф. Бокова, Л. Н. Мартынова, И. Т. Ивановой, Л. И. Шарохи, Е. В. Калугиной.

Отдельная витрина представляет экскурсантам деятельность Н. Ф. Чернокова как внештатного консультанта Омского русского народного хора. В интерьерной экспозиции представлены личные вещи Николая Федоровича: письменный стол, шкатулка, очки, лупа и многое другое. Фонд комнаты-музея им. Н. Ф. Чернокова составляет около 1000 единиц хранения: это 330 книг и 75 журналов, брошюр, газет из личной библиотеки краеведа; переписка с друзьями и членами семьи за 45 лет; дневники Чернокова с 1917 по 1963 год, а также собрание открыток и рисунков, фотографии из личного архива дочери краеведа Надежды Николаевны, передавшей все это богатство библиотеке[1] [11].

Иллюстративно-тематический метод используется публичными библиотеками краеведческого и историко-литературного профиля, обладающими достаточным предметным и документным потенциалом, а также детскими библиотеками.

Экспозиции, основанные на художественных методах, сами являются произведениями искусства с музейно-библиотечной спецификой. Музейно-образный метод популярен в библиотеках, организующих у себя литературные экспозиции и при этом не имеющих мемориальных предметов. Отсутствие аутентичных мемориев или их условность в этом случае компенсируется символикой, разработкой и построением комплекса, художественным решением, организацией взаимосвязи экспонатов дизайнерско-экспозиционными и вербально-экскурсионными средствами.

Современные музейные проекты ОГОНБ имени А. С. Пушкина представляют собой сочетание коллекционного и музейно-образного методов построения экспозиций. «Омский Музей книги» открыт 25 апреля

[1] См. также: «Влюбленный в народную Русь…». Жизнь и творчество Николая Федоровича Чернокова / сост. Е. Н. Сергеева. – МБУ «ЦБС Омского района», Красноярская библиотека-филиал №7 им. Н. Ф. Чернокова, 2018. – 138 с.: ил.; Красноярка. Вехи истории: историко-краеведческий альманах / сост. Т. Н. Матисон и др., фотохудож. А. Ф. Фирстов. – Омск: Синяя птица, 2018. – 240 с.: ил.

2013 г. выставкой «Книжный мир кадета: по материалам фонда библиотеки Сибирского кадетского корпуса (1760 – 1917 гг.)»[1]. В 2015 г. в пространстве Музея экспонировались литературные шедевры всех эпох. В 2016 г. – экспозиция «Книжные собрания старого Омска: 300-летию города посвящается». В 2017 – «Россия – великая судьба», главная идея которой показать тысячелетнюю историю России сквозь призму редких и ценных книг ОГОНБ[2]. С 2018 г. экспозиции посвящаются юбилеям классиков русской литературы: «Редкие и ценные издания И. С. Тургенева в Омске»; «Книжный мир Александра Сергеевича Пушкина». В 2021 году экспозицию планируется посвятить 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского.

Второй музейно-экспозиционный проект – «Музей миниатюрной книги А. И. Коненко» был открыт 13 декабря 2017 г. На выставке «Необъятный мир маленьких книг», экспонируется около 700 экз., из них самая старая книга – «Антология польской поэзии» (1883 г., на польском языке). Также в экспозиции представлены миниатюрные издания, созданные широко известным стране и в мире омским художником-микроминиатюристом Анатолием Ивановичем Коненко. В витринах музея представлены шедевры микроминиатюрных изданий омского мастера, выполненные из дерева, кожи, бересты, папируса, камня[3].

Изучение истории создания библиотеки и формирования ее коллекции привело к созданию в 2013 г. экспозиции «История ОГОНБ имени А. С. Пушкина в документах и фотографиях». На экспозиции демонстрируются документы, предметы, фотографии из архивной коллекции Пушкинки. Серьезная работа над архивом и экспозицией была проведена к 110-летию ОГОНБ в 2017 г.[4]

С 2018 года работу по систематизации и сохранности архивной коллекции осуществляют сотрудники сектора истории библиотечного дела Центра краеведческой информации. В перспективных планах сектора – создание новых музейных проектов. Одним из таких новых проектов

---

[1] Отчет о деятельности ОГОНБ в 2013 году. – Омск, 2014. – С. 34, 47.

[2] Отчет о деятельности ОГОНБ в 2017 году. – Омск, 2018. – С. 50.

[3] Отчет о деятельности ОГОНБ в 2017 году. – Омск, 2018. – С. 51.

[4] Сорокин А. П. Репрезентация культурного наследия Омского региона в музейно-выставочных проектах Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина // Музейно-краеведческая деятельность современных библиотек [Электронный ресурс]: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2018. – URL: http://conf.irklib.ru/materialy-konferentsii/ (Дата обращения 18.07.19).

стала тематическая музейно-мифологическая (существует и такой интегративный метод) книжно-иллюстративная выставка 2019 г. «Высокое служение народу и Отечеству: к 25-летию Законодательного Собрания Омской области» в специализированном выставочном зале на 1 этаже. Выставка рассказывает об истории возникновения и становления органов представительной власти в России и деятельности высшего законодательного органа Омской области. Помимо книг, выставка включала фотохронику депутатской деятельности и ее предметные атрибуты.

Для местного сообщества очень важна культурообразующая роль публичных библиотек, открывающих в своих стенах музейные экспозиции. Библиотека осталась практически единственным бесплатным социальным институтом, по-настоящему общедоступным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Збаровская Н. В. Выставочная деятельность публичных библиотек. – СПб.: Профессия, 2004. – 224 с.

2. Татаринова Е. А. Выставки в библиотеке: зачем и как?: Практическое пособие. – М.: Литера, 2014. – 144 с.

3. Панкова Е. В. Выставка в библиотеке: традиционная и электронная: Учебно-практическое пособие. – СПб.: Профессия, 2016. – 151 с.

4. Прохорова Л. Д. Музеи и библиотеки: Конспект лекций. – Омск: изд-во ОмГТУ, 2010. – 56 с.

5. Труевцева О. Н. Общественные и муниципальные музеи Сибири: Исторический опыт и перспективы. – Барнаул: изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 1998. – 130 с.

6. Шелегина О. Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 2014. – 392, [3] с.

7. Томилов Н. А. Музееведение и музеи России: избранные научные работы: в 2 ч. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2016 – 2018. – Ч. 1: Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты. – Омск, 2016. – 364, [3] с.; – Ч. 2: История музеев. – Омск, 2018. – 436, [2] с.

8. Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. – М.: Вече, Институт наследия, 2019. – 592 с.

9. Алексеев В. Н. Отдел редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. Музей книги. – Новосибирск: Сова, [2004]. – [21] с.

10. Ремизов А. В. Свидетельство сибирской старины (Жизнь и твор-

чество Николая Чернокова) // Омский краевед. – Омск, 2003. – №1. – С. 92 – 103.

11. Матисон Т. Н., Сергеева Е. Н. Комната-музей при библиотеке // Омская библиотечная панорама: Межведомственный сборник статей. – Вып. 19 / сост. Г. Д. Степанова. – Омск, 2018. – С. 164 – 169.

УДК 069

Стародубцева Марина Николаевна,
методист по музейно-образовательной деятельности,
Тюменское музейно-просветительское объединение,
Тюмень,
e-mail: starodubtceva.m.n@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЕЙ

В настоящее время существенно возросла значимость музеев в культурной жизни общества. На этом фоне повышается потребность в оптимизации форм работы музеев не только с реальными, но и с потенциальными посетителями, т.е. с теми, кто может, но пока еще не пришел в музей. В статье на основе анализа данных, полученных в процессе включенного наблюдения, опроса, а также анализа интернет-ресурсов, обобщаются традиционные и инновационные формы работы современного музея с потенциальной аудиторией. Приводятся примеры использования информационных технологий, анализируется их соответствие современным мировым тенденциям. Делается вывод о недостаточной разработанности данного направления работы с посетителями и малом количестве мероприятий, основанных на принципах партиципаторности.

Ключевые слова: музей; посетители; информационные технологии; партиципаторный музей.

Starodubtseva Marina Nikolaevna,
methodologist for Museum and educational activities,
State Autonomous Institution of Culture Tyumen
museum-educational association,
Tyumen,
e-mail: starodubtceva.m.n@gmail.com

PROBLEMS OF ATTRACTING PROSPECTIVE VISITORS TO THE MODERN MUSEUM

Nowadays the significance of museums in the cultural life of society has increased substantially. In the light of this the need for optimization of the performance forms of museums increases not only for actual visitors, but also for potential

visitors, i.e. with those who can visit museum, but have not visit yet. In the article traditional and innovative forms of a modern museum performance with a prospective audience are summarized based on the analysis of data obtained in the process of the involved observation, survey, and analysis of Internet resources. Also examples of the use of information technologies are given, their compliance with current global trends is analyzed. The article concludes that the field of visitors related activity is not developed enough and a number of events based on the principles of participation is not big enough.

Keywords: museum; visitors; information technology; participatory museum.

В современном музее, являющемся не только средоточием культурно-исторических ценностей, но и центром духовной жизни, произошел ряд изменений, связанных с техническим прорывом, получившим обобщенное название «цифровой революции». Это совпало с обозначенным исследователями переходом от модели музея как хранилища элитарной культуры к идее современного музея как «народного» храма досуга и развлечений [1]. Существенно возросла значимость музеев в культурной жизни общества [2]. На этом фоне повышается потребность в оптимизации форм работы музеев не только с реальными, но и с потенциальными посетителями, т.е. с теми, кто может, но пока не пришел в музей.

В процессе исследования на основе анализа данных, полученных в ходе включенного наблюдения за деятельностью музеев гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени, опроса сотрудников музеев, а также анализа интернет-ресурсов, было обнаружено, что в настоящее время в подавляющем большинстве музеев нашей страны реализуются традиционные и инновационные формы работы с потенциальными посетителями, т.е. с теми, кто может, но пока не пришел в музей (рис. 1).

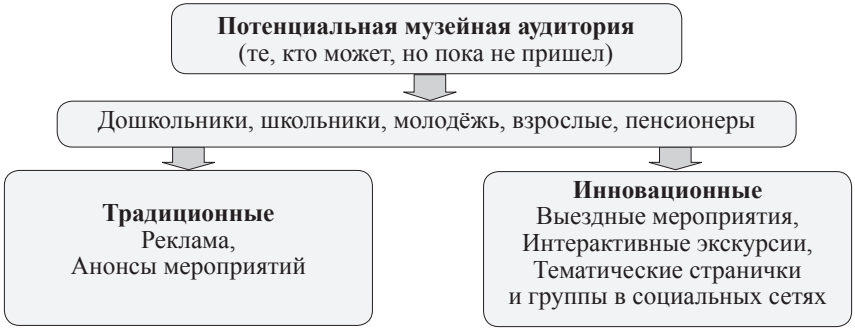

Рис. 1. Формы работы музеев с потенциальной музейной аудиторией

Традиционные формы предполагают выпуск и распространение рекламной продукции (буклеты, календари, афиши), пригласительных билетов; информирование клиентов; адресная работа с организациями и образовательными учреждениями.

Современные информационные технологии являются неотъемлемой частью коммуникативной системы и создают новые, дополнительные возможности работы музея с потенциальными посетителями [3]. Подавляющее большинство музеев имеет свой сайт в интернет-пространстве. Отличие состоит в том, что сайты музейных объединений, в отличие от самостоятельных музеев являются единой информационной площадкой для всех структурных подразделений. С одной стороны, это позволяет интегрировать и контролировать информацию, упрощает поиск сайта потенциальным посетителям, позволяет им сопоставлять возможности и мероприятия, реализуемые на разных площадках. С другой стороны, такая централизация замедляет размещение и распространение информации, делает сайт «мало-мобильным», затрудняет поиск необходимой информации.

Недостаточная мобильность и трудности в размещении информации на официальном сайте привели к необходимости активнее использовать другие IT-ресурсы. Среди наиболее значимых в настоящее время можно отметить тематические странички и группы в социальных сетях: Инстаграм, ВКонтакте. Они вызывают интерес публики, которая активно комментирует события, высказывает свое мнение о представленной информации и делится информацией с другими пользователями.

Существенный исследовательский интерес вызывает необходимость установить соответствие методов работы музеев современным мировым тенденциям. В частности, речь идет о реализации так называемой, «культуры участия» – «Participatory culture». Она предполагает свободное, деятельное и осознанное участие людей в культурных и социальных процессах, возможность для них быть не только «потребителями» или объектами воздействия, но вносить свой собственный вклад в принятие решений и создание культурных событий [4].

К сожалению, активность посетителя «участвующего», а не «потребляющего» преимущественно сводится к возможности оставлять комментарии под информацией на интернет-страничках или самостоятельно объединяться вокруг общих интересов и собраться в помещениях музея на условиях почасовой аренды. Проектов, связанных с предоставляемой потенциальным посетителям возможности участвовать в разработке мероприятий, тематических выставок и др. обнаружить не удалось.

Таким образом, можно сделать вывод о недостаточной разработанности форм взаимодействия музея с потенциальными посетителями и малом количестве мероприятий, основанных на принципах партиципаторности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бишоп К. Радикальная музеология, или Так ли уж «современны» музеи современного искусства? – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 96 с.

2. Шуклина Е. А. Партисипативный музейный проект: опыт конструирования и изучения // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – №2 (138). – С. 154 – 164.

3. Саймон Н. Партиципаторный музей / пер. А. Глебовской – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 480 с.

4. Агапова Д. Культура участия: миллионы диалогов // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. – М., 2012. – С. 8 – 20.

УДК 069

Хурчаков Александр Александрович,
научный сотрудник,
филиал Омского государственного историко-краеведческого музея
«Музейный комплекс воинской славы омичей»,
Омск,
e-mail: mkvso85@mail.ru

АРХИВЫ ВОИНОВ-«АФГАНЦЕВ» В ФОНДАХ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ВОИНСКОЙ СЛАВЫ ОМИЧЕЙ

В Музейном комплексе воинской славы омичей содержатся архивы личного происхождения воинов-интернационалистов, проходивших службу в Афганистане с 1979 по 1989 гг. Большинство ветеранов является уроженцами Омска. Имеются архивы ветеранов, ставших омичами в процессе военной карьеры. Фонд архивных документов пополняется со второй половины 1980-х гг. по настоящее время как самими ветеранами Афганской войны, так и членами семей погибших или умерших участников боевых действий. Документы «афганцев» используются при оформлении тематических выставок. Большинство из них представляет собой письма, фотографии, записные книжки, наградные документы, учебные тетради и грамоты ветеранов.

Ключевые слова: Афганистан; война; архив; воин-интернационалист.

Khurchakov Alexander Alexandrovich,
Researcher,
the branch of Omsk State Museum of History and Regional Studies
«Museum Complex of Military Glory of Omsk»,
Omsk,
e-mail: mkvso85@mail.ru

ARCHIVES OF SOLDIERS «AFGHANS» IN THE FUNDS OF THE MUSEUM COMPLEX OF MILITARY GLORY OF OMSK

The Museum complex of military glory of Omsk contains archives of personal origin of soldiers-internationalists who served in Afghanistan from 1979 till 1989. Most veterans are natives of Omsk. There are archives of the veterans who became residents in the process of a military career. The Fund of archival

documents is replenished from the second half of the 1980s to the present time by veterans of the Afghan war, and members of the families of the dead or deceased combatants. Documents «Afghans» are used in the design of thematic exhibitions. Most of them are represented by letters, photographs, notebooks, award documents, exercise books and certificates of veterans.

Keywords: Afghanistan; war; archive; warrior-internationalist.

В Музейном комплексе воинской славы омичей хранятся архивные коллекции 86 воинов-интернационалистов, проходивших службу на территории Демократической Республики Афганистан с 25 декабря 1979 по 15 февраля 1989 г.

Первая обзорная статья, посвященная им, была написана в 1988 г. заведующим «Музейным комплексом воинской славы омичей» Ларисой Алексеевной Лупинас. В 1985 – 2010 гг. в здании музея располагался клуб воинов-«афганцев», где организовывались их встречи. Лариса Алексеевна – первый собиратель их личных архивов (фотографий, писем, формы, наград). В 1988 г. в музее открыта выставка «Мы – интернационалисты». Подробно подготовка этого мероприятия описана в ее статье «Выставка «Мы – интернационалисты» в Музее воинской славы омичей» [1, с. 36 – 38]. О коллекциях личного происхождения участников локальных войн этот автор опубликовал материалы в тезисном сборнике IV Ядринцевских чтений [2, с. 290 – 293]. Об использовании архивов личного происхождения «афганцев» в музейной практике имеется статья А. П. Раковой [3, с. 35 – 37].

В архивах содержатся фотографии «афганцев». Особую ценность для истории и музейного дела они представляют в том плане, что были сделаны в Афганистане. Солдаты и офицеры, фотографируясь, рисковали погибнуть от минометного и ракетного обстрела, от снайперской пули, в боевых рейдах – угодить в засаду. Другой проблемой для советских солдат и офицеров было провезти готовые фотоснимки через советско-афганскую границу. Жесткая советская цензура контролировала все. Таможенники, сотрудники «Особого отдела» и органов государственной безопасности устраивали возвращающимся на родину воинам-интернационалистам по нескольку проверок. «Неположенные» фотографии изымались на месте. Поэтому везли «афганцы» ценные исторические источники домой на свой страх и риск. В уникальности и бесценности этих фотографий сомневаться не приходится. В настоящее время они служат великолепным материалом для подготовки тематических выставок и исследования Афганской войны

1979 – 1989 гг. Великолепным источником являются фотографии командира роты 345 Гвардейского ОПДП Александра Климакова[1].

В большинстве ветеранских архивов, кроме фотографий, содержатся письма молодых участников войны родным, близким. Письма уникальны, поскольку их, как и фотографии, тщательно сверяла цензура с допустимой к распространению информацией о войне. В них нет сведений о подвигах во время боевых столкновений с душманами, но содержится информация, проясняющая повседневную жизнь советских воинов в Афганистане. Скупо, но информативно, солдаты пишут родным, как они живут в непривычных для жителей Омска климатических условиях Афганистана. Есть сведения о трудности межнациональных отношений в Вооруженных Силах СССР. Показателен архив Андрея Обрывалина, точнее, его письмо из термезской «учебки»[2]; об обмене с афганцами вещами писал Евгений Ануфриенко[3]. Но главное место во всех письмах молодых солдат и офицеров занимают их мысли и мечты о скорейшем возвращении из враждебного Афганистана в родной сибирский Омск. Об этом пишет в письме матери погибший омич Владимир Карпов[4]. Особо важно отметить тот факт, что члены семей погибших ребят согласились передать эти бесценные реликвии в Музей воинской славы омичей, поскольку информация в них личная и не каждый родитель согласился бы отдать на хранение в музей единственную память об их не вернувшемся сыне. Но семья погибшего десантника Александра Аксенова согласилась[5].

Хранятся в архивах омичей-«афганцев» их личные вещи. Школьные тетради, почетные грамоты, водительские удостоверения, аттестаты о школьном и техническом образовании. Ценность этих документов в том, что порой рассказывают о человеке больше, чем краткие биографические сведения. Главное – уметь их правильно читать.

Часть ветеранов согласилась передать в музей даже свою военную форму и боевые награды. В архиве Сергея Сафронова хранится его офицерский китель с капитанскими погонами и знаками отличия. В архиве пулеметчика 186-го Отдельного отряда специального назначения

[1] Фонды МКВСО, Фотографии Александра Климакова. МВСО-1438/1, МВСО-1438/2, МВСО-1438/3, МВСО-1438/4, МВСО-1438/5.

[2] Фонды МКВСО, Письмо Андрея Обрывалина домой. МВСО 258/18.

[3] Фонды МКВСО, Письмо Евгения Ануфриенко домой. МВСО 243/9.

[4] Фонды МКВСО, Письмо Владимира Карпова домой от 19 ноября 1984. МВСО-1473/3.

[5] Фонды МКВСО, Письмо Александра Аксенова домой от 30 октября 1982. МВСО 238/14.

Игоря Москаленко есть его «дембельская» парадная форма, ушитая строго по фигуре, со всеми нагрудными знаками и голубым беретом.

Архивы омичей, погибших и прошедших через горнило Афганской войны 1979 – 1989 гг., продолжают пополняться. Документы из них активно применяются сотрудниками музея при подготовке тематических выставок. Имеющийся материал отлично подходит для написания научных статей и просто исследования Афганской войны как исторического события нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лупинас Л. А. Выставка «Мы – интернационалисты» // История, краеведение и музееведение Западной Сибири. – Омск, 1988. – С. 36 – 38.

2. Лупинас Л. А. Материалы омичей – участников локальных войн и межнациональных военных конфликтов второй половины XX века в фондах МКВСО // Четвертые Ядринцевские чтения: Материалы конференции. – Омск, 2017. – С. 290 – 293.

3. Ракова А. П. Афганская война 1979-1989 гг. в экспозиции музея // Словцовские чтения-96: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – Тюмень: ТОКМ, 1997. – С. 35 – 37.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ЭТНОГРАФИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 908

Адам Яков Вильгельмович,
директор,
Горьковский историко-краеведческий музей,
п. Горьковское, Омская область,
e-mail: adamjakow@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТЮКАЛИНСКОГО УЕЗДА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX В.

Статья основана на архивных данных, касающихся количества и состава образовательных учреждений в период конца XIX – начала XX в. На территории Тюкалинского уезда к указанному времени сформировалась развернутая сеть школ ведомства Министерства просвещения. Представлен значительный статистический материал, позволяющий дать характеристику системе образования начальной и средней ступени.

Ключевые слова: краеведение; образование; начало XX века; Омская область.

Adam Yakov Wilhelmovich,
director,
Gorkovsky Museum of local history,
v. Gorkovskoye, Omsk region,
e-mail: adamjakow@yandex.ru

FROM THE HISTORY OF SCHOOL EDUCATION IN TYUKALINSK DISTRICT OF TOBOLSK PROVINCE OF THE EARLY XX CENTURY

The article is based on archival data concerning the number and composition of educational institutions in the period of the late XIX – early XX century. In the territory of the Tyukalinsky district by the specified time the developed network of schools of Department of the Ministry of education was created.
The article presents a significant statistical material that allows to characterize the system of primary and secondary education.

Keyword: local history; education; beginning of XXth century; Omsk region.

На территории современного Горьковского района Омской области школы стали открываться с 1873 г. Первая школа открылась в волостном центре с. Серебряное Серебрянской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии.

К началу XX в. на территории Тюкалинского уезда Тобольской губернии сформировалась сеть школ, работающих на основании Уставов и положений разных лет.

В отчете инспектора народных училищ 5 района Тобольской губернии за 1907 г. имеется разнообразная информация о состоянии школьной сети 5 района.

В состав Западно-Сибирского учебного округа Тобольской губернии Тюкалинского уезда входили двухклассные городские училища, сельские одноклассные и двухклассные училища.

В ведении Тюкалинского уездного училищного совета к 1 января 1908 г. состояло 92 начальных народных училища, из которых одно городское приходское, 23 сельских министерства (министерские) народного просвещения (5 двухклассных и 18 одноклассных) и 68 земских училищ.

В течение года были открыты 5 училищ: одноклассных министерских – Согринское (современный Горьковский район) и Стародубское и земских начальных – Давыдовское, Николаевское (Локтинская волость) и Рыжковское. Отмечается, что, в общем, весьма желательно увеличение числа училищ.

Тюкалинское женское двухклассное приходское училище помещается в собственном здании, находится в исправленном виде, но не хватает площадей. Две учительницы занимаются с двумя отделениями в одной классной комнате. Сельские двухклассные министерские училища помещаются в собственных зданиях, соответствующих своему назначению, хотя некоторые из них холодны (Баженовское, Любино-Малоросское). При Любино-Малоросском училище начата в 1906 г. постройка зданий для учительских квартир, но за неимением средств до сих пор не окончена.

Из 18 сельских министерских одноклассных училищ 8 имеют собственные учебные здания и 10 (Котинское, Никитинское, Южно-Подольское, Андреевское, Весело-Привальское, Гурковское, Савиновское, Согринское (современный Горьковский район) и Стародубское) – в наемных квартирах, большей частью совершенно не соответствующих своему назначению. Поэтому желательна постройка особых зданий для данных училищ. Согринскому и Стародубскому училищам из министерских

средств выделено по 500 рублей на строительство училища (на каждое училище).

Из 68 сельских земских училищ 50 имеют собственные здания, 18 размещены в наемных квартирах (Николаевское Кулачинской волости, Крутихинское, Ливинское, Горско-Логское, Лежанское, Иконниковское, Саратовское, Богдановское (современный Горьковский район), Усть-Горское, Запорожское, Иоанно-Сергиевское, Надеждинское, Новопокровское, Оглухинское, Сидоровское, Ярославское, Давыдовское, Николаевское (Локтинской волости).

Из 4 учительниц Тюкалинского женского двухклассного приходского училища ни одна не имеет свидетельства на звание начальных учительниц. Законоучитель окончил курсы в духовной семинарии.

В двухклассных и одноклассных министерских сельских училищах законоучителем состоят 9 священников, а в остальных училищах, далеко отстоящих от приходских церквей, Закон Божий преподают учителя и учительницы.

Учащие сельских образцовых министерских училищ (33), из них 12 учителей и 21 учительница, по образовательному цензу подразделяются следующим образом: со специальной подготовкой и образованием – 46%, со средним и начальным образованием – 54%. Из 68 земских сельских училищ в 36 законоучителями работают священники, причем некоторые в нескольких училищах своего прихода, а в остальных училищах Закон Божий преподают учащие. Из 72 лиц учительского персонала этих училищ – 8 учителей и 64 учительницы. По своему образованию они распределены следующим образом: со специальной подготовкой и образованием – 17% и со средним и начальным образованием – 83%.

Во всех училищах обучалось 2929 мальчиков и 1025 девочек.

По вероисповеданию: православные – 2871 мальчик и 1001 девочка, римско-католического – 5 мальчиков и 4 девочки, иных христианских – 41 мальчик и 12 девочек, иудейского – 11 мальчиков и 8 девочек, мусульманского – 1 мальчик.

В Тюкалинской женском двухклассном приходском училище на 1 января 1908 г. обучалось 119 учениц.

Во всех сельских начальных училищах на 1 января 1908 г. обучалось 3835 учащихся, в том числе 2929 мальчиков и 906 девочек. Самыми многолюдными по числу учащихся являются следующие училища: Чистовское (74 учащихся), Ядринцевское (72 учащихся) и Ермоловское (55 учащихся), а из земских начальных училищ – Сыропятское (59 учащихся).

На содержание Тюкалинского женского училища израсходовано в год 2857 рублей 97 копеек, в том числе из государственного казначейства 207 рублей 47 копеек, из них 205 рублей 34 копейки на устройство рукодельного класса и на жалованье учительнице рукоделия. Тюкалинское городское общество передало училищу 758 рублей 50 копеек, а из специальных средств училища 25 рублей передано как вознаграждение преподавателю пения за первую половину года.

На содержание сельских министерских образцовых училищ израсходовано 28052 рубля 35 копеек, из них из государственного казначейства – 22080 рублей 40 копеек, из земских сборов – 3666 рублей, от сельских обществ – 2311 рублей 95 копеек.

На содержание сельских земских училищ выделено 24705 рублей 72 копейки, из них из земских сборов 19800 рублей, от сельских обществ получено 4525 рублей 72 копейки и 380 рублей от пожертвований.

Тюкалинское городское двухклассное училище в октябре 1907 г. реорганизовано в четырехклассное.

Двухклассные городские училища действовали на основании Устава 1828 г., сельские министерские училища по Уставу 1870-75 гг., а сельские земские училища по Положению 1874 г.

Частных учебных заведений на территории Тюкалинского уезда не было.

Врачебно-санитарный надзор над училищами осуществляют 98 врачей и фельдшеров.

Училища используют керосиновое освещение, все отапливаются печным отоплением, вентиляция естественная, 1 училище имеет теплое отхожее место, а остальные холодное. 52 училища используют «правильные» парты, а остальные «неправильные».

Из 3954 учащихся всех типов училищ 1396 осмотрены врачами в 1907 г., их них с хорошим питанием – 444 учащихся, со средним – 731, с плохим питанием – 221. Страдают близорукостью – 22 учащихся, искривлением позвоночника – 10, нервным расстройством – 14. В течение года заболело 336 учащихся, умерло – 7.

По сословиям учащиеся распределяются следующим образом: дворяне и чиновники – 20, духовного сословия – 27, городского сословия – 80 учащихся и 3827 приходится на сельское сословие.

Согринское одноклассное училище в д. Согринской Серебрянской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии открыто 1 ноября 1907 г. На содержание училища отпущено из государственного казначейства 100 рублей, от сельского общества – отопление, освещение и прислуга.

Помещается в наемном здании. Учащихся на 1 января 1908 г. – 16, из них 15 мальчиков, 1 девочка. Учительница Домна Ивановна Елькина окончила педагогические курсы при Тарской женской прогимназии, вероисповедания православного, жалования получает 360 рублей в год. Работает с 21 ноября 1907 г.[1]

[1] Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-125.

УДК 37.01

Аксютина Зульфия Абдулловна,
кандидат педагогических наук,
Тюменский государственный университет,
Тюмень,
доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
e-mail: aksutina_zulfia@mail.ru,

Озерова Ольга Алексеевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
e-mail: ozerova_oa@omgpu.ru

ТРАНСЛЯЦИЯ РИСКОВ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ДЕТЕЙ СИБИРИ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье поднимается актуальная проблема трансляции рисков социального воспитания детей на примере мусульманского населения в период 30-х гг. прошлого столетия. Анализ исторических фактов позволил обосновать характерологические проявления виктимизации, проявляющиеся в насильственном воздействии на детей со стороны как официальной власти, так и обывателей. Даны формы устройства детей «врагов народа». Приведены официальные статистические данные по потери численности детей-мусульман и их сиротству в те годы. Выявляются причины, приведшие к появлению большого числа детей, оставшихся без попечения родителей. Осуществляется попытка выявления приемов социального воспитания, приводящих к его рискам.

Ключевые слова: виктимизация; риски; социальное воспитание; приемы; политические репрессии; мусульмане.

Aksyutina Zulfiya Abdullovna,
candidate of pedagogics,
Tyumen state University,
Tyumen,

associate Professor of social pedagogy and social work,
Omsk state pedagogical University,
Omsk,
e-mail: aksutina_zulfia@mail.ru,

Ozerova Olga Alekseevna,
candidate of history,
associate Professor of the Department of General history,
sociology and political science,
Omsk state pedagogical University,
Omsk,
e-mail: ozerova_oa@omgpu.ru

STREAM THE RISKS OF SOCIAL EDUCATION OF MUSLIM CHILDREN OF SIBERIA IN THE 30S OF THE TWENTIETH CENTURY

The article raises the actual problem of translating the risks of social education of children, on the example of the Muslim population in the 30s of the last century. The analysis of historical facts allowed to substantiate the characterological manifestations of victimization, manifested in the violent impact on children by both the official authorities and the townsfolk. Given the form of children «enemies of the people». The official statistics on the loss of the number of Muslim children and their orphan hood in those years are given. The causes that led to the emergence of a large number of children left without parental care are identified. An attempt is made to identify the methods of social education that lead to its risks.

Keywords: victimization; risks; social education; methods; political repressions; muslims.

Социальное воспитание является одной из важнейших функций общества по формированию новых поколений граждан. По данным Ж. Фазлыева, в России проживает 36,7 млн детей, из них 400 тыс. – инвалиды, 600 тыс. – стоят на диспансерном учете, 553 тыс. – сироты [1, с. 248 – 249]. Указанные данные позволяют говорить о выраженной виктимизации детей, причиной которой являются риски социального воспитания. Одним из рисков социального воспитания выступают репрессии, поэтому раскроем явление на примере детей-мусульман Омской области в 30-е годы XX в.

Участь мусульман, не желавших выполнять непосильные требования

местных властей и желавших сохранить традиционные этно-религиозные ценности, не согласованные с идеологией советской власти, была трагична. Взрослым присваивался своего рода социальная стигмат «враг народа». Дети же в полной мере испытывали все тяготы гонений официальных органов власти. Как указывает Л. К. Полежаев: «... это продумано в Кремле: дети старше 15-летнего возраста могли быть арестованы и расстреляны, моложе – размещались в спецдетдомах, им меняли фамилии, разлучали с братьями и сестрами. Делали все, чтобы ребенок не знал, кто он и откуда» [2, с. 4]. Этот факт находит отражение и в официальных документах. В приказе №00486 НКВД СССР говорится, что детей, родители которых были осуждены, дифференцировали по степени социальной опасности. Было два сценария устройства детей: заключение в лагерь или исправительно-трудовую колонию, либо детский дом особого режима[1]. На первый план работы с детьми выходила необходимость формирования ненависти к детям «врагов народа, их социальная стигматизация. Как вспоминает жертва тех событий – Р. К. Мадинов, отец которого был репрессирован, травля происходила на вербальном уровне. Нестерпимой болью для растущего еще человека были обидные и оскорбительные слова учителя «волчонок – сын волка» [3, с. 300 – 308]. Такие поступки учителей глубокой раной сохраняются в детском сознании, хранятся в памяти ноющей раной, которую трудно пережить. Психологические травмы, полученные в детстве, оставляют отпечаток на всем последующем социальном развитии человека и его жизненном пути.

Трагедия политических репрессий привела к тому, что из южных районов Омской и Новосибирской областей тысячи детей хлынули в Казахстан. Они не могли мигрировать в сторону РСФСР, так как плохо владели или совсем не знали русского языка. Анализ документов свидетельствует, что с января по апрель 1933 г. на улицах городов и поселков Казахстана было подобрано свыше 25 тыс. детей. Общее число их в детских домах в период с 1932 г. по май 1933 г. увеличилось с 7446 до 69100 чел.[2]

В 1932 г. крестьянин Устин Дробатенко из деревни Черноусовка Омской области отправил письмо в Москву на имя председателя ЦКК-РКИ, в котором сообщал: «У нас за первый квартал умерло от голода 90 чело-

[1] Приказ №00486 Народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова от 15.08.1936. – URL.: https://ru.wikisource.org/wiki/_15.08.1937_96_00486 (Дата обращения: 16.02.2019).

[2] Кабульдинов З. Е., Озерова О. А. Дети мусульман подвергались преследованию – URL.: https://e-history.kz/ru/publications/view/deti_musulman_podvergalis_presledovaniu__4540 (Дата обращения: 18.02.2019).

век. Рядом у нас, 10 километров, – Казахстан. Там еще «лучше» обстоит дело. По дорогам валяются кости людей, и детишки оставлены в юртах» [4, с. 59]. Под грифом «совершенно секретно» руководитель Деткомиссии ВЦИК из Казахстана направил служебные письма в Москву, в котором изложил бедственное положение детей: «Дети голодные и голые, в отдельных детдомах смертность в течение одного месяца доходила до 50%. Напр., в Аулиз-Ата за 27 дней умерло 218 детей из 428, в другом – из 484-х умерло 212» [5, с. 81].

Политические репрессии начала 30-х годов привели к бедственному социальному положению детей казахской и татарской национальностей в силу ряда обстоятельств. Первое заключалось в том, что в тюркоязычных семьях были крепкие традиции этнического воспитания, связанные с сохранением национального языка как части культуры мусульман Сибири. Дети, оставшиеся без попечения родителей и забытые местными властями, интуитивно шли в сторону Казахстана, где была родная для них языковая среда. Вторым обстоятельством было то, что климатические условия в Казахстане были более мягкие по сравнению с Сибирью. И третье, то что часть детей рассчитывала на воссоединение с родственниками, проживающими на территории Казахстана.

Проведенный анализ позволяет выявить приемы социального воспитания, приводящие к виктимизации детей (Таблица 1).

Таблица 1

Приемы социального воспитания
в условиях этно-религиозной травли

Социально-психологические приемы	Правовые приемы
Нетерпимость со стороны социального окружения. Исключение из рядов пионерии (комсомола). Ограничение в получении образования. Создание невыносимых условий существования. Лишение родительского попечения. Сужение круга социальных контактов. Утрата социального статуса. Игнорирование. Разлучение с семьей.	Арест. Заключение в лагере. Ссылка в необжитые районы Сибири. Заключение в исправительно-трудовой колонии. Передача в спецдом. Отчисление из вуза. Расстрел. Слежка. Смена персональных данных ребенка.

Психологическая обработка: осуждение, оскорбления, избиения, внушение. Пристальный контроль. Вступление в брак преследовалось. Вербовка органами НКВД. Разрушение семейного единства. Скрытие информации о членах семьи. Разжигание ненависти по различию в материальном положение. Доносительство. Трансформация семейных ценностей путем освещения «героических подвигов» детей, выступавших против родителей. Уничтожение национальной культуры. Психологическое давление.	Увольнение. Лишение права голоса. Выселение. Раскулачивание. Задержание. Обыск. Допрос.

В современной исследовательской литературе отмечена цифра в 6 млн граждан, изгнанных со своей земли [6, с. 337]. Можно согласиться с тем, что «национальные операции», а фактически – попрание элементарной законности, преследовали две цели – военно-политическую и социальную. Социальная же цель привела к массовой виктимизации детей и «надлому» их во всей последующей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фазлыев Җ. Йе здә бер вәгазь. – Казан, 2010. – 544 с.

2. Полежаев Л. К. По воле Кремля: [Обращение губернатора области] // Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области: в 11 т. – Омск: Омское кн. изд-во, 2001. – Т. 4. – С. 3 – 4.

3. Бескемпирова А. К. Боль и память. – Петропавловск, 2007. – 332 с.

4. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 1997. – 273 с.

5. Папков С. А. …Дети гибнут тысячами. (Материалы руководителя детской комиссии ВЦИК о жертвах голода в Казахстане) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – №2. – С. 80 – 83.

6. Политический режим и преступность / под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. – СПб., 2001. – 365 с.

УДК 72.74.03(374.1)

Булгаева Галина Дмитриевна,
кандидат искусствоведения,
художник-реставратор,
Алтайский государственный университет,
Барнаул,
e-mail: alt_rest@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ХРАМОВЫХ ПАМЯТНИКОВ РЕГИОНА ЧЕРЕЗ ПЛАСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Исследование достопримечательных мест малой родины, имеющих историческое и культурное значение, является необходимой составляющей современного начального образования. Образовательный проект «Купола родного города» направлен на разностороннее изучение произведений храмового зодчества г. Барнаула.

Ключевые слова: образовательный проект; Барнаул; часовни; храмовое зодчество; выставка.

Bulgaeva Galina Dmitrievna,
candidate of art history,
artist-restorer,
Altay state University,
Barnaul,
e-mail: alt_rest@mail.ru

THE STUDY OF TEMPLE MONUMENTS THROUGH PLASTIC FORMS

The study of the sights of the small homeland that have historical and cultural importance is a necessary component of modern primary education. Educational project «Domes of the native city» is aimed at a diverse study of the samples of temple architecture of Barnaul.

Keyword: educational project; Barnaul; chapels; temple architecture; exhibition.

Храмовое зодчество является важнейшей составляющей русской культуры в целом. В архитектурных формах воплощается основная идея народной мысли. Именно поэтому знакомство и изучение памятников регионального значения так важно начинать с детства. Проблема изучения утраченных памятников наиболее актуальна в рамках современных научных изысканий. Этому вопросу посвящен ряд публикаций[1] [1, с. 94 – 104].

Научно-образовательный проект по изучению культурного наследия региона «Купола родного города» направлен на исследование памятников храмового зодчества города Барнаула. Данная программа охватывает такие сферы научной деятельности, как география, история, культурология, этнография, искусствоведение и другие смежные науки. Важной составляющей является ориентация ее участников во времени и пространстве, кроме того, происходит разностороннее соприкосновение с культурой и традициями. Исследование памятников архитектуры, их географического положения, культурного ландшафта и исторического значения приводит к осмыслению исторических явлений. Важной составляющей в этом случае является региональная ориентированность данной работы. Ограничение определенными рамками исследования позволило углубиться и подробно исследовать выбранный предмет. Изучение сфокусировалось на утраченных и не восстановленных часовнях г. Барнаула, а также храмах, к которым они были приписаны. Научный поиск основан на опубликованных фотодокументах, открытках с видами города, документальных описаниях, церковных описях и др. В тех случаях, когда не удавалось выявить визуальный вид утраченного памятника, приходилось обращаться к косвенным сведениям, аналогам, типовым проектам и т.д. [2, с. 97, 98]. В результате проведенной работы было выяснено, что барнаульские часовни были многофункциональными, имели разную форму и декоративное убранство, а также строились из разных материалов. История строительства каждой часовни неповторима и своеобразна. Так, часовня при Знаменском храме г. Барнаула была построена купцом второй гильдии Иваном Спорыхиным в память 300-летия Дома Романовых [3, с. 48]. Деревянная Никольская часовня возведена над одноименным святым источником. Часовня при храме Святителя Димитрия Ростовского построена по проекту И. Ф. Носовича в 1906 г. для обрамления входа в храм, после того как домовая церковь стала приходской [4, с. 53].

[1] Барнаул: энциклопедия. – Барнаул: изд-во Алтайского государственного университета, 2000. – С. 167.

Закрепление полученных знаний происходит в процессе творческой деятельности. Дети не только анализируют, сопоставляют, выявляют необходимые факты, но выполняют рельефное или объемное изображение памятника в какой-либо освоенной ими технике. Это способствует лучшему усвоению и запоминанию особенностей конструкций, названия и форм архитектурных элементов и композиционному решению. Кроме того, идет развитие мелкой моторики, что немаловажно в данном возрасте. Наиболее продуктивно эта деятельность воплощается в технике тестопластики. В каждом таком рельефе передается монументальность и основательность изучаемых строений. Принцип пейзажного рельефа позволяет воспринимать изображения на тактильном уровне, ощущать непосредственно архитектурные детали и формы. Кроме того, участники должны были выполнить небольшой реферат по исследуемым памятникам. Данный проект был реализован в изостудии «Колорит» на базе детского центра «Радуга» г. Новоалтайска. Возраст участников проекта – 7-10 лет.

Одним из результатов данного проекта стала выставка «Наше наследие», на которой представлено около 20 работ различных размеров. Экспозиция разместилась в читальном зале Детской библиотеки №7 г. Новоалтайска. Мобильность разработанной и реализованной выставки позволяет использовать работы в передвижных условиях и небольшой аудитории (10-25 человек). Реализация проекта «Купола родного города» стала отправной точкой и фактической базой для разработки и воплощения тематических уроков или занятий, которые направлены на создание условий, способствующих разностороннему развитию детей с ограниченными возможностями. Так, выполненные работы приняли участие в выставке «Трогательная история» в Алтайском государственном краеведческом музее[1]. Таким образом, представленный проект стал подспорьем для разработки урока «Культурное наследие» для слабовидящих детей. Данное направление является приоритетным для ведущих музеев и образовательных центров страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Степанская Т. М. Культовое зодчество Алтая // Алтайский сборник. – Вып. 14. – Барнаул, 1991. – С. 94 – 104.

2. Волоснов Р. Ю., Гречнева Н. В., Степанская Т. М. Образ храма в культурном ландшафте Алтая. – Барнаул: изд-во Алт. Ун-та, 2015. – 156 с.

[1] https://gorodzovet.ru/barnaul/vystavka-trogatelnaya-istoriy-event7086900.

3. Скворцова Т. В., Кривоносов Я. Е. Православные храмы Барнаула (1751-2001). – Барнаул: Азбука, 2001. – 187 с.

4. Ермакова Л. И., Скворцова Т. В. Церковь Святителя Димитрия Ростовского г. Барнаула: История и современность. – Барнаул: Алтайский дом печати. 2011. – 125 с.

УДК 908

Герасимов Юрий Викторович,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
Омский научный центр СО РАН,
Омск,
e-mail: likesoran@yandex.ru,

Здор Максим Юрьевич,
техник по ИТ,
Омский научный центр СО РАН,
Омск,
e-mail: likesoran@yandex.ru,

Корусенко Михаил Андреевич,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Омский научный центр СО РАН,
Омск,
e-mail: likesoran@yandex.ru,

Павлов Дмитрий Николаевич,
ведущий инженер,
Омский научный центр СО РАН,
Омск,
e-mail: likesoran@yandex.ru

НЕКРОПОЛЬ ПЕРВЫХ СТРОИТЕЛЕЙ ОМСКОЙ КРЕПОСТИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА

В статье представлены некоторые результаты археологических исследований, проведенных в историческом центре г. Омска в 2017 г., проливающие свет на некоторые неизвестные доселе страницы истории города. На улице Ленина, у Театрального сквера обнаружены захоронения неизвестного ранее русского кладбища, которые авторы связывают с погребениями первых строителей Омска.

Ключевые слова: археология Омска; кладбища Омска; первая Омская крепость; археологические памятники; историческое наследие.

Gerasimov Jury Viktorovich,
candidate of historical Sciences,
researcher,
Omsk scientific center SB RAS,
Omsk,
e-mail: likesoran@yandex.ru,

Zdor Maxim Yurievich,
Technician IT,
Omsk scientific center SB RAS,
Omsk,
e-mail: likesoran@yandex.ru,

Korusenko Michael Andreevich,
candidate of historical Sciences,
senior researcher,
Omsk scientific center SB RAS, Omsk,
e-mail: likesoran@yandex.ru,

Pavlov Dmitry Nikolaevich,
principal engineer,
Omsk scientific center SB RAS,
Omsk,
e-mail: likesoran@yandex.ru

THE NECROPOLIS OF THE FIRST BUILDERS OF THE OMSK FORTRESS: THE ARCHAEOLOGICAL HYPOTHESIS

In the article are presented results of archaeological researches of historic center of Omsk in 2017. This research shed light on some never-before-seen pages of town history. In result of this research, location of some elements of deliberate fortification of the First Omsk fortress was located. This allowed to recognize location of Fortress on present city map. Beyond that, were detected some interments of previously unknown Russian cemetery. Authors of the article correlate those interments with burials of first builders of Omsk.

Keywords: archeology of Omsk; Omsk cemeteries; the first Omsk fortress; archaeological sites; historical heritage.

В истории основания Первой Омской крепости до сих пор остается множество вопросов, на которые не удается ответить, опираясь только на данные письменных источников, поэтому представляется целесообразным привлечь материалы археологии. В 2017 г авторы статьи проводили археологическое наблюдение за ходом строительных работ по реконструкции улицы Ленина. В одной из строительных траншей близ ограды Театрального сквера были зафиксированы остатки захоронения, разрушенного при предыдущих реконструкциях улицы Ленина. От погребения сохранились часть могильной ямы, полуистлевшие доски гроба и фрагмент костяка – тазовые и бедренная кости. Следы еще нескольких погребений прослежены в стенке траншеи, прилегающей к Театральному скверу. Указанные находки коррелируют с данными А. Ф. Палашенкова о следах погребения, обнаруженных при рытье траншеи под фундамент трансформаторной будки напротив фасада Театра музыкальной комедии в 1947 г. [1, с. 20]. Кроме того, им упомянуто погребение, обнаруженное при ремонте Летнего театра, располагавшегося в здании бывшего костела, на северо-восточной окраине Театрального сквера [1, с. 21]. Остатки сгнивших досок указывают на принадлежность захоронения к христианской традиции, но исторических данных о существовании на этом месте кладбища обнаружить не удалось ни А. Ф. Палашенкову, ни авторам-составителям сборника «Омские некрополи. Исчезнувшие кладбища» [2, с. 14]. В то же время совокупность исторических и археологических материалов однозначно позволяет утверждать наличие организованного кладбища.

Датировка обнаруженного могильника может быть предположена только на основе косвенных признаков. Размеры и ориентация погребений, а также остатки дощатых гробов убедительно позволяют связывать обнаруженные захоронения с погребальными традициями русского населения. Площадь, занятая захоронениями, позволяет предполагать наличие нескольких сотен могил, что указывает на их связь с постоянным поселением, которое появилось в устье р. Оми только в 1716 г., после строительства Первой Омской крепости. Все могилы расположены на одном уровне, плотность невысокая, что свидетельствует об использовании кладбища в течение относительно непродолжительного времени. Ни на одной карте крепости и города, начиная с 1722 г., на этом месте кладбище не отмечено. Карта Омской крепости 1803 г. на месте некрополя, обнаруженного в 2017 г., показывает строения Ильинского и Казачьего форштадтов.

Почему не сохранилось сведений о существовании захоронений у южной окраины крепости? Ведь информация о старом кладбище Первой Омской крепости, располагавшемся на Ильинской горке, закрытом в

середине XVIII в., сохранялась еще в конце XIX в. Ответ, на наш взгляд, связан с тем, что руководство и гарнизон крепости, равно как и жители слобод, уже в конце (а скорее всего, уже в середине) XVIII в. забыли о кладбище на террасе реки. Таким образом, время функционирования обнаруженного некрополя может быть предположено в очень узких пределах 1716 – 1720-х гг. Исходя из вышеизложенного, авторы полагают, что открытое в 2017 г. кладбище связано с отрядом И. Д. Бухгольца[1]. Прямых доказательств этой гипотезе в исторических источниках нет, поэтому рассмотрим косвенные обоснования.

Первое постоянное русское поселение в устье Оми появилось в 1716 г., после неудачной экспедиции И. Д. Бухгольца за «Яркендским золотом»[2]. Следует вспомнить, что отряд был вынужден эвакуироваться из Ямышевской крепости после тяжелой зимней осады, осложненной голодом и эпидемией, в результате которых погибло значительное число участников. Неудивительно, что среди высадившихся в устье р. Оми участников неудавшейся экспедиции было множество больных и раненых, истощенных тяжелым походом. В официальном донесении И. Д. Бухгольца указано, что с ним вышли из крепости «тысеча шестьсот человек, в том числе больные и раненые»[3], но Г. Ф. Миллер сообщает о том, что из Ямышева эвакуировалось всего 700 человек[4]. Это противоречие может быть объяснено тем, что Миллер получил сведения о потерях от Бухгольца при личном разговоре, который состоялся спустя почти два десятилетия после событий, а опубли-

[1] Д. Н. Фиалков на основе архивных изысканий убедительно транскрибирует фамилию основателя Омска как Бухолц (см. работу Е. Н. Евсеева об экспедиции И. Д. Бухолца), но такое написание не стало общепринятым в современной краеведческой литературе. Авторы тоже оставляют традиционное написание.

[2] Евсеев Е. Н. Экспедиция И. Д. Бухолца и основание Омской крепости // Мосты жизни нашей / Евгений Евсеев: исследования, публикации: [Электронный ресурс]. URL: http://lib.omsk.ru/ip/evseev/node/175, свободный. (Дата обращения: 10.12.2018).

[3] Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII – начала XIX века. – Тобольск, 2015. – С. 115.

[4] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Восточная литература: [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_7/frameizm.htm, свободный. (Дата обращения: 10.12.2018).

кованы они были еще позже. Вполне возможно, что в записках Миллера отложилась численность отряда, который остался у Бухгольца в Омске, выживших после завершения похода. Действительно, следует полагать, что как в пути от Ямышева к р. Оми, так и во время пребывания здесь, раненые и больные продолжали умирать, тем более, что в месте остановки отряда не было ни припасов, ни медикаментов. Высадившись в устье р. Оми и решив строить здесь крепость, даже в качестве опорного пункта, Бухгольц должен был решить вопрос с захоронением умерших. Для этого было выбрано место на высокой коренной террасе р. Иртыш, южнее места планируемого размещения крепости. Первоначальный офицерский состав продержался в новой крепости недолго: уже зимой 1716 г. И. Д. Бухгольц покидает ее навсегда, в 1718 г. погибает Иван Каландер [3, с. 4]. В следующем году Омск покидает майор И. Г. Аксаков, а принявший гарнизон майор Вельяминов-Зернов оставался в этой должности до 1724 г. Сколько человек осталось из нижних чинов, неизвестно, но численность солдат гарнизона в 1734 г., согласно Г. Ф. Миллеру, не превышала 150 человек[1]. Очевидно, что уже в первые годы существования Омской крепости количество тех, кто высаживался на пустой берег в мае 1716 г., кто помнил первые захоронения, резко сократилось. Уже в 1717 г. начинается строительство новой, большой крепости на коренной террасе Иртыша, и первое кладбище оказывается на ее эспланаде. Возможно, это была одна из причин организации в дальнейшем нового регулярного погоста. Старое кладбище, лишенное всякого ухода и неиспользуемое, постепенно пришло в запустение, потом и вовсе исчезло, и само место его расположения стерлось из памяти солдат и слобожан. Лишь случайные находки строителей вновь напомнили об этой трагической странице в истории города.

Полученные находки и топография местности позволяют с высокой степенью приближения установить очертания могильника. Стратиграфические раскрытия близ Никольского собора и раскопки захоронений бронзового века, обнаруженных в ходе ремонта фундамента, не зафиксировали признаков погребений рассматриваемого времени. Западная часть некрополя, располагавшаяся в пределах современной улицы Ленина, возможно, была уничтожена при ее обустройстве и прокладке коммуникаций,

[1] Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Восточная литература: [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_7/frameizm.htm, свободный. (Дата обращения: 10.12.2018).

сохранилась неширокая полоса в северо-восточной зоне современного Театрального сквера, и, возможно, к северу от ул. Чкалова. Общая площадь сохранившейся части может быть оценена в 3500-4000 м^2. На ней, с учетом прослеженной частоты расположения могил, может быть расположено порядка 1000 захоронений. Топографически кладбище приурочено к бровке третьей надпойменной террасы, конфигурация которой, видимо, определила ориентацию рядов захоронений.

Приведенная реконструкция, конечно, гипотетична, но она позволяет объяснить все наблюдаемые факты и снять отмеченные в историографии противоречия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – Вып. 3 (10). – Омск, 1960. – С. 3 – 23.

2. Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища / Отв. сост. Л. И. Огородникова. – Омск: Омский дом печати, 2005. – 232 с.

3. Кочедамов В. И. Омск: как рос и строился город. – Омск: Омское книжное издательство, 1960. – 112 с.

УДК 7.047(21-21)

Горелова Юлия Робертовна,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
e-mail: gorelovaj@mail.ru

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА КАК ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ГОРОДА

В рамках данной статьи автор освещает вопрос отражения объектов архитектурно-градостроительного наследия Омска в городских пейзажах омских художников. Анализируя индивидуальные образные интерпретации разных художников, автор предпринимает попытку определить ключевые фрагменты архитектурного наследия, играющие основополагающую роль в формировании семиотического каркаса города. Основное внимание уделяется отражению наиболее значимых в семиотическом отношении архитектурных объектов и пространств, формирующих позитивный и презентабельный образ города.

Ключевые слова: образ города; архитектурно-градостроительное наследие; художественный образ; семиотически значимые объекты.

Gorelova Julia Robertovna,
candidate of history,
scientific Secretary,
Siberian branch Russian research Institute cultural and natural heritage named after D. S. Likhachev,
e-mail: gorelovaj@mail.ru

ARCHITECTURAL HERITAGE AS AN ELEMENT OF ARTISTIC IMAGE OF A CITY

In this article, the author covers the issue of reflecting the objects of the architectural and town-planning heritage of Omsk in the cityscapes of Omsk artists.. Analyzing individual figurative interpretations of different artists, the authors attempt to identify key fragments of the architectural heritage, which

play a fundamental role in the formation of the semiotic framework of the city. The main attention is paid to the reflection of the semiotic most significant architectural objects and spaces that form a positive and presentable image of the city.

Keywords: city image; architectural and town planning heritage; artistic image; semiotic significant objects.

Образ – способ взаимодействия человека и мира, посредник между сознанием человека и внешней реальностью. Образ города складывается из двух параметров. С одной стороны, он определяется обликом города, его архитектурными и природными особенностями. С другой, зависит от восприятия жителей, их установок. Существует ядро образа конкретного города, одинаковое для большинства его жителей, что достигается за счет существования в каждом городе таких объектов, которые с одной стороны выражают своеобразие данного пространства, с другой, признаются в качестве ценностей (достопримечательностей) его жителями и гостями.

В рамках настоящей публикации мы рассмотрим отражение объектов архитектурно-градостроительного наследия Омска в работах омских художников, формирующих художественный образ города. При проведении исследования мы опирались на банк изображений полотен омских художников. Всего было проанализировано 617 изображений 81 художника.

Подавляющее большинство пейзажей Омска отражают те или иные сегменты его исторического и культурного центра. Эта тенденция характерна не только для Омска, но и для пейзажей других городов. В Омске, несомненно, к таким ключевым пространствам и объектам следует отнести архитектурные ансамбли ул. Ленина (Любинский проспект) и ул. Тарской, здания Драматического и Музыкального театров, здание одного из корпусов художественного музея им. М. А. Врубеля (бывший Генерал-губернаторский дворец), ансамбль площади у Речного вокзала, здание Сибирского кадетского корпуса и др.

Исследование показало, что в категории пространств абсолютным лидером в случае с Омском является Любинский проспект, как цельное пространство он присутствует примерно в 25% рассмотренных работ, если мы добавим результаты крупных планов отдельных составляющих его объектов и зданий, то этот процент повысится до 50. В Омске нет практически ни одного художника, который хотя бы раз не уделил внимание Любинскому проспекту. Некоторых же можно смело назвать вер-

ными его поклонниками, которые редко рисуют какие-то другие места и пространства.

Приведем несколько ярких примеров, используя работы как художников советского периода, так и работы наших современников. Одной из знаковых работ, написанных с данного ракурса, является полотно мэтра омской пастели А. Н. Либерова «Город Омск» (1957). Такой же ракурс (вид из мастерской Дома художников) мы видим в пейзажах Н. Н. Молодцова «Весенний Омск», Б. Н. Николаева «Омск зимний. Эскиз картины», С. К. Белова Летний день в Омске», В. А. Сафронова «Омское утро». Можно заметить, сравнив пейзажи разных лет, в пейзажах, написанных в советский период, отсутствует изображение Серафимо-Алексеевской часовни (одной из визитных карточек Омска). Построенная в 1907 г., часовня в 1927 г. была разрушена и восстановлена только в 1994 г., то есть на момент написания картины А. Н. Либеровым здание часовни еще не было восстановлено, а к моменту написания пейзажа В. А. Сафроновым часовня была восстановлена.

Среди омских художников популярен ракурс изображения Любинского проспекта со стороны часовни Иверской Божьей матери, разрушенной в годы советской власти и восстановленной в середине 1990-х гг. Таков он, например, в работе Г. П. Кичигина «Незаконченная картина». Само здание часовни попадает в «объектив» художника В. Р. Глухих в его работе «Зимний Омск», также отображающей Любинский со стороны Драматического театра.

Изображение Любинского у разных омских художников отличается не только выбором ракурса, но и настроением и отношением к данному пространству. Некоторые художники, как например, Н. Я Третьяков, Г. П. Кичигин, в своих работах выходят на глубокий уровень философского осмысления пространства, другие – показывают его будничным и обыденным, но от этого не менее значимым и родным (В. Р. Глухих), третьи – фантазируют (как С. Е. Сочивко и Г. П. Кичигин (серия «Омск времени глобального потепления»), многие же – романтизируют его (как, например, С. В. Демиденко, В. А. Сафронов, Е. Ю. Свешникова, Е. А. Боброва).

Второй по значимости улицей Омска, согласно частотности изображения на полотнах омских художников, является улица Тарская (около 7%). Уникальность улицы Тарской состоит также в том, что она является преимущественно пешеходной и привлекает, прежде всего, своим историко-культурным значением и расположением на ней одного из немногих дореволюционных храмов Омска, сохранившихся до настоящего времени и не разрушенных в советский период, – Крестовоздвиженского

собора. Этот храм любят изображать многие омские художники. Так, например, ярким и живописным предстает образ этого храма в полотне А. А. Шакенова «Вербное воскресенье» (2005).

Для омских художников улица Тарская не исчерпывается одним храмом, о чем могут свидетельствовать полотна, на которых изображены другие памятники архитектуры, размещенные на этой улице. В качестве примера можно привести полотно Г. С. Баймуханова «Модерн на Тарской» (2004). При этом так же, как в случае с Любинским проспектом, мы можем встретить как камерные пейзажи-настроения, отражающие ностальгию по ушедшему прошлому, так и яркие праздничные картинки, относящиеся к дню сегодняшнему, отражающие мажорное настроение современной бурной городской жизни с ее непременными атрибутами – рекламными стендами, светофорами, спешащими людьми. В качестве примера первой группы можно вспомнить работу Г. С. Катилло-Ратмирова «Снега на улице Тарской». Здесь интересно обратить внимание на замыкающие композицию Тарские ворота, которые также воспринимаются омичами в качестве одной из визитных карточек города. Тарские ворота отдельно изображены и на других полотнах мастера (например «Тарские ворота», 2002).

Площадь у Никольского собора также воспринимается в качестве значимых пространств и часто отображается художниками. Пейзаж площади со стороны ул. Ленина Г. С. Баймуханова так и озаглавлен – «Никольский собор».

Если говорить об объектах, наиболее часто фигурирующих на полотнах омских художников, то чаще отображаются объекты, расположенные на Любинском проспекте. Так, изображение Дома Овсянниковых-Ганшиных часто встречается в пейзажах С. В. Демиденко («Любинский», «Ясно», «Расцвели», «Улица моя», «Врасплох», «Весенним проспектом» и др), А. И. Галковского («Зимний», «Улица Ленина»), В. Р. Глухих («Зимний Омск»), Г. П. Кичигина «Любинская горка», диптих «Дождь на Любинском» и др. В работе Г. С. Баймуханова «Реконструкция» мы видим интересный аспект жизни здания – его реконструкцию, обновление. Изображение бывшего магазина купчихи М. А. Шаниной также часто встречается на полотнах омских художников. В качестве примеров можно вспомнить картину Н. В. Бабаш «Любинский проспект», картину С. В. Демиденко «Парадный», пейзаж Г. П. Кичигина «Прогулка Любы» и др. Еще одно здание, территориально сопричастное Любинскому проспекту, – здание гостиницы «Октябрь» (до революции «Россия») – также часто изображается на полотнах омских художников. В пейзаже С. В. Демиденко «Вечерний снег» (2012) здание гостиницы выглядит нарядно и празднично.

Очень часто на полотнах омских художников встречается изображение Серафимо-Алексеевской часовни. В исторических пейзажах К. П. Белова, в картинах П. Е. Абрамова «Любинский проспект после дождя» и «С добрым утром»; в многочисленных пейзажах С. В. Демиденко (например, «Выпускной»), в пейзажах А. П. Гурганова «В Омске теплая зима» и «Белоснежный Омск», в работе В. Р. Глухих «У часовни», в картине Р. В. Нуриева «Омский мотив» и др. Интересное фантазийное окружение приобретает здание часовни благодаря творческой фантазии омского художника Г. П. Кичигина. В серии картин «Омск времени глобального потепления» есть одна, которая прямо посвящена данному фрагменту омского пространства.

Как Серафимо-Алексеевская часовня обозначает южную границу Любинского, так с севера к ансамблю Любинского примыкает еще два интересных здания, часто появляющиеся на полотнах омских художников – это здание омского Драматического театра и бывшего Торгового корпуса (ныне один из корпусов омского художественного музея им. М. А. Врубеля). Здание Драматического театра, в силу яркости своего архитектурного образа, часто привлекает внимание омских художников. Так, например, всю яркость и парадность барочной эклектики, свойственную архитектурному образу здания, передает полотно С. В. Демиденко «Гастроли» (2013). В то время как строгость неоклассики здания Торгового корпуса, находящегося напротив здания театра, можно увидеть в полотне Г. П. Кичигина «Сумерки на Любинском» (2007).

Несмотря на то, что Успенский кафедральный собор был разрушен в советский период и восстановлен только в 2007 г., его семиотическое значение для Омска остается значительным. Даже в те годы, когда Собора не существовало, художники рисовали его по памяти. Так, например, в произведениях К. П. Белова, написанных в советский период, однако посвященных тематике событий Гражданской войны (картины «Омск исторический», «Крах Колчаковской армии», «Кафедральный собор старого Омска» и др.), мы можем лицезреть практически все семиотически значимые объекты дореволюционного Омска, такие как Ильинская церковь, Серафимо-Алексеевская часовня, Тарские ворота и др. Неоднократно встречается и изображение Успенского кафедрального собора.

Отдельно необходимо подчеркнуть и тот факт, что сразу после восстановления Собора появляется целый пласт пейзажей, главным фигурантом которых является данный объект. В этой связи можно вспомнить ряд произведений, таких как: Г. П. Кичигин «Вечерний звон», Е. А. Лобова «Дорога в храм», Г. П. Кичигин «Успенский собор. Есть город золотой»,

«Успенский собор. Вечерний звон», В. Г. Заозерский «Успенский собор в Омске» и др. Другой собор Омска – Никольский – также часто отображается омскими художниками. Этот храм часто изображается в графических работах Г. С. Катилло-Ратмирова (например, «Никольский собор» 1999), в графике А. И. Галковского (например, «Казачий Никольский собор» 1998), в живописи А. Б. Сапожникова («Никольский собор» 1984), Г. С. Баймуханова «Никольский собор», 2012) и др.

Часто в пейзажах омских художников можно встретить изображение еще одной визитной карточки города – Пожарной каланчи. Частым «гостем» пейзажей омских художников является и здание Государственной думы, построенное в 1897 г. из красного кирпича в духе русского романтизма и по сей день считающееся одной из визитных карточек города. Говоря об архитектурном наследии, необходимо упомянуть, что тема деревянного зодчества часто поднимается омскими графиками, такими как И. И. Желиостов и А. И. Галковский. Образ старого деревянного Омска открывается нам в серии гравюр «Старая деревянная архитектура Омска» Ивана Желиостова, в серии работ А. И. Галковского «Омск – любовь моя» и др. Этим список достопримечательных объектов Омска, отображенных в полотнах омских художников, конечно же, не ограничивается. В омских пейзажах отражены практически все яркие архитектурные ансамбли и объекты, относящиеся к различным периодам и эпохам.

УДК 9.908

Грушина Анна Филипповна,
кандидат исторических наук,
главный редактор,
«Московский журнал. История государства Российского»,
Москва,
e-mail: mosmag@mosjour.ru

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

На примере «Московского журнала», который издается уже около тридцати лет, будет рассказано о формах и способах трансляции культурной памяти (ежемесячные устные выпуски журнала, взаимодействие с органами власти по сохранению исторического и культурного наследия, работа с родословными обществами и т.д.).

Ключевые слова: «Московский журнал», культура, краеведение.

Grushina Anna Filippovna,
candidate of history,
chief editor,
«Moscow journal. History of the Russian state»,
Moscow,
e-mail: mosmag@mosjour.ru

FORMS AND METHODS OF TRANSLATION OF CULTURAL MEMORY IN MODERN SOCIETY

On the example of the «Moscow journal», which has been published for about thirty years, will be told about the forms and methods of translation of cultural memory (monthly oral editions of the magazine, interaction with the authorities for the preservation of historical and cultural heritage, work with genealogical societies, etc.).

Keywords: moscow journal; culture; local lore.

Первый номер «Московского журнала» вышел в свет в 1791 г. Как мы знаем из истории русской журналистики, он явился основоположником данной формы издания в России.

Спустя 200 лет, в 1991 г., на волне социально-экономических преобразований в стране «Московский журнал» был возобновлен. Многообразие его рубрик говорит само за себя: Светильники веры, Сословия и уклады старой Москвы, Былое, Некрополь и т.д. Постепенно журнал становится одним из наиболее заметных периодических изданий в области москвоведения. Однако вскоре стало очевидно: ограничиться только московской тематикой невозможно. Так в 1995 г. на титуле появился подзаголовок «История государства Российского». Под нашей обложкой выходили номера, посвященные истории и современности городов и регионов России: Мордовия, Череповец, Кузбасс, Сахалин… Соответственно после выхода каждого номера проводились презентации в этих местах – встречи с читателями, общественностью, властями, что является одним из способов трансляции культурной памяти.

С 1992 г. коллектив нашего издания каждый третий вторник месяца проводил устные выпуски в Центральном доме работников искусств, на которых устраивались встречи с известными представителями творческой, научной интеллигенции страны, с видными деятелями культуры. На наших «Вторниках» поднимались злободневные вопросы современности – от переброски северных рек до сохранения историко-культурного наследия. Мы обращались к малоизвестным тогда фактам недавней истории страны. Так, один из «Вторников» был посвящен высылке из страны в начале 1920-х гг. целого ряда ярких представителей отечественной культуры, ныне известных под названием «Философский пароход».

Еще один из путей трансляции культурной памяти в 1990-х и начале 2000-х гг. – встречи с музейными работниками и архивистами непосредственно на их рабочих местах. Журнал побывал в Ясной поляне, музее академика живописи Федора Солнцева в поселке Борок Ярославской области, музее-заповеднике А. С. Пушкина в Болдине и т.д.

Параллельно журнал все эти годы вел активную издательскую деятельность. Она была многообразной и разноплановой. За прошедшие четверть века журнал подготовил сотни книг, альбомов, буклетов, посвященных изучению и популяризации отечественного исторического и культурного наследия, сборников избранных произведений забытых писателей.

В настоящее время журнал участвует в культурно-просветительских проектах Департамента средств массовой информации и рекламы

г. Москва «Почетные граждане Москвы» и «Пресса в образовании». Первое направление посвящено жизни и деятельности людей, удостоенных за выдающиеся заслуги перед столицей нашего государства высокого звания «Почетный гражданин города Москвы». Задача второго – дать педагогам и ученикам к основному курсу родной истории дополнительный материал, касающийся разных сфер российской жизни в прошлом и настоящем. Мы выпустили около сотни таких приложений. Среди них: «Галина Сергеевна Уланова», «Николай Иванович Пирогов», «Александра Николаевна Пахмутова», «Георгий Васильевич Свиридов», «Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II», «Российские железные дороги», «Русские путешественники», «Россия в Первой Мировой войне»… Каждый из выпусков представляет собой развернутое историко-биографическое или историко-аналитическое исследование.

Большое внимание мы уделяем работе нашего сайта, так как считаем интернет-пространство привлекательной площадкой для изложения наших идей, для трансляции и сбережения историко-культурной памяти.

В заключение скажем: мы не отказываемся ни от устоявшихся, ни от современных форм общения с нашими читателями. Главное, чтобы неизменным оставался пафос всей нашей журнальной деятельности, которую мы для себя кратко сформулировали так: «В прошлом России – ключ к ее будущему».

УДК 908

Елизарова Наталья Владимировна,
кандидат исторических наук,
ведущий архивист,
Исторический архив Омской области,
Омск,
e-mail: elizarova_nv@mail.ru

МЕСТА ПОГРЕБЕНИЯ ОМСКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье анализируются старинные кладбища Омска как исторический источник для изучения социально-экономической и культурной жизни региона в историческом контексте.

Ключевые слова: историческая память; коммеморация смерти; некрополь; Западная Сибирь; Омск.

Elizarova Natalia Vladimirovna,
candidate of history,
lead archivist,
Historical archive of Omsk region,
Omsk,
e-mail: elizarova_nv@mail.ru

BURIAL PLACES OF OMSK AS A HISTORICAL SOURCE

The article analyzes the ancient cemeteries of Omsk as a historical source for studying the socio-economic and cultural life of the region in a historical context.

Keywords: historical memory; death commemoration; necropolis; Western Siberia; Omsk.

В последние годы в российской науке отмечается усиление интереса исследователей к изучению мест погребения умерших. Спектр изучения кладбищ современными отечественными историками, социологами, антропологами, культурологами, специалистами по генеалогии, краеведами достаточно широк, что неудивительно: некрополь как источник обладает колоссальной информацией.

Со времен Крещения Руси погосты возникали при православных монастырях и храмах. Благодаря традиционному христианскому представлению о погребении сформировалось особое к ним отношение – как к неприкосновенной святыне; могилы предков семантически связывались с понятиями родной земли, Отечества, вековой преемственности, народного духа. Впоследствии некоторые из культовых объектов стали историко-мемориальными комплексами общероссийского значения, памятниками исторического и культурного наследия (некрополи Троице-Сергиевой Лавры, Новодевичьего и Донского монастырей и др.). Именно эти места захоронения наиболее востребованы туристами, которых привлекает обилие знаменитых имен, уникальные надгробия и поминальные архитектурные сооружения. В Омске некрополей подобного уровня нет, однако это не умаляет значения омских кладбищ, представляющих несомненный интерес для регионального краеведения.

К сожалению, большинство старинных некрополей Омска, где покоились останки людей, оставивших заметный след в истории края, безвозвратно утрачено. В 2005 г. вышел в свет справочник «Омский некрополь»[1], упорядочивший фрагментарные сведения об исчезнувших с карты Омска городских кладбищах (Бутырском, Шепелевском, Казачьем, иноверческом и др.), и создавший на своих страницах своеобразный банк данных, содержащий сведения о людях, чей прах был захоронен на вышеупомянутых погостах. Систематизированные в зависимости от места захоронения блоки персоналий в указанном выше издании являются весомым информативным источником стратификационной структуры дореволюционного Омска. Изучая сословную принадлежность лиц, погребенных на омских кладбищах, можно отметить следующие категории: дворянство, духовенство, купечество, военные (в том числе казачество), мещанство. О представителях так называемых низших сословий сведений не имеется, и в этом контексте кладбище наглядно демонстрирует признаки социально-экономического расслоения общества [1, с. 81]. Согласно метрическим книгам различных церквей Омской духовной консистории, действовавших на территории города до революционных событий 1917 г., среди умерших прихожан самым многочисленным социальным слоем было крестьянство, но информации о захоронениях его представителей не сохранилось. И причина не в тотальной ликвидации погостов в годы советской власти; даже если бы старинным омским кладбищам удалось уцелеть, могил крестьян там бы все равно не нашли. Ключевым фактором этого является распределение мест на кладбище, происходив-

[1] Омский некрополь: исчезнувшие кладбища. – Омск, 2005. – 232 с.

шее в царской России в прямой зависимости от социального статуса покойного: лучшие места (вокруг церкви, под ней) занимали привилегированные сословия, отдаленные (у ограды кладбища) предназначались для бедных. Состоятельные, именитые горожане после ухода из жизни могли рассчитывать на посмертную память: над их могилами, обнесенными оградами из прочных материалов, воздвигались дорогостоящие и долговечные памятники. На могилах бедного люда ставился простой деревянный крест; оград, как правило, они не имели. Биографические сведения, размещенные на памятниках социальной элиты, также защищали от преждевременного забвения. Гравировки надгробий служили своеобразной визитной карточкой покойного: указывались фамилия, полное имя, отчество усопшего, даты рождения и смерти, сословная принадлежность, род деятельности или профессия (чиновник, ученый, писатель, художник, музыкант, архитектор, педагог, врач), последний служебный чин (действительный статский советник, губернский секретарь), иногда – семейное положение (дочь коллежского асессора). Особо отмечались почетные граждане и меценаты. Дополнительные биографические сведения также можно выявить из некрологов, размещавшихся родственниками или сослуживцами покойного в периодических изданиях [2, с. 43]. О смерти неимущих и безвестных людей в газетах не сообщалось.

Некрополи дают представление о миграционных процессах, происходивших в стране и отразившихся на территории региона: к примеру, во время Первой Мировой войны Шепелевское кладбище расширилось за счет захоронений военнопленных, во время Великой Отечественной войны кладбище сельхозинститута пополнилось могилами работников эвакуированных ленинградских предприятий. Также городские кладбища отражают трагический след репрессивной государственной политики 20-х – 30-х гг. XX в. Так, на территории церкви Казанской иконы Божией Матери стоит четырехгранный мраморный обелиск с надписью «Упокой Господи души усопших рабов твоих»; на постаменте – имена монахинь, расстрелянных в 1930 г. большевиками (перечень имен с трех сторон).

Исследование снесенных омских некрополей дает возможность для изучения хозяйственной истории региона, позволяет охарактеризовать основные этапы городской застройки советского периода (использование кладбищенских земель под скверы и парки, возведение учреждений культсоцбыта и др.). Освоение кладбищенских участков в целях благоустройства во многом имело место по причине массированной антирелигиозной кампании, прокатившейся в 20-е – 30-е годы прошлого века,

развенчивавшей культ церкви и демонстрировавшей обществу силу циничной практичности. В диссертационной работе Е. И. Красильниковой имеется вывод о том, что противорелигиозные мероприятия способствовали «десакрализации святынь некрокультуры и пространства смерти в сознании населения» [3, с. 129], что впоследствии привело к бесхозяйственному, а местами варварскому отношению к омским погостам. Следует отметить, что подобное небрежное отношение имело место не только в советский период. Так, в 1912 г. в журнале «Археология, история и этнография Сибири» была опубликована заметка, в которой сообщалось, что на кладбища в Сибири обращается слишком мало внимания: «покосившиеся и сломанные кресты и памятники, провалившиеся могилы, густые поросли трав, отсутствие дорожек и свободного доступа к могилам – вот обычный вид сибирских кладбищ. Столетние могилы и памятники – это уже большая редкость... а пройдет еще несколько лет, и они исчезнут бесследно с лица земли благодаря вопиющему пренебрежению к памятникам старины»[1].

Некрополь, будучи одним из структурных элементов городского культурного ландшафта, представляет интерес для изучения истории повседневности. В частности, такой социальной аномалии как вандализм. Например, на протяжении многих десятилетий регулярно подвергалось осквернению Старо-Южное кладбище (по ул. Воровского), а впоследствии и часовня, построенная после демонтажа старых захоронений и реконструкции.

Омские некрополи наглядно демонстрируют взаимодействие и взаимопроникновение традиций и обычаев многочисленных наций и народностей, проживающих на территории региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Филиппова С. В. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. 12. – №4. – С. 80 – 96.

2. Елизарова Н. В. Некрологи в периодических изданиях времен Гражданской войны (на материалах Исторического архива Омской области) // Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию государственной архивной службы России. – Омск: ОмЮА, 2019. – С. 42 – 51.

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

3. Красильникова Е. И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 2016. – 554 с.

УДК 902.2

Загородникова Дарья Петровна,
ведущий инженер,
Омский научный центр СО РАН,
Омск,
e-mail: darja2007@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРОДА ОМСКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ: МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

С 2016 г. сотрудниками Лаборатории историко-культурной экспертизы Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук проводятся археологические разведки с целью мониторинга современного состояния археологических памятников на территории города Омска и его окрестностей. За прошедшие три года археологами обследованы 163 памятника, расположенные на территории города Омска, а также в Омском, Любинском, Кормиловском и Таврическом районах. Мониторинг памятников дал много новой информации относительно сохранности объектов археологического наследия и их культурно-хронологической атрибуции. Основные результаты, полученные при проведении полевого этапа работ, представлены в тексте статьи.

Ключевые слова: археологический памятник; геоинформационная система; мониторинг; современное состояние.

Zagorodnikova Daria Petrovna,
principal engineer,
Omsk scientific center SB RAS,
Omsk,
e-mail: darja2007@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE CITY OF OMSK AND ITS SURROUNDINGS: MONITORING OF THE MODERN STATE

In 2016 the staff members of the Laboratory of historical and cultural examination of Omsk scientific center of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences carried out archaeological explorations for monitoring the current state of archaeological monuments on the territory of Omsk city and

the surrounding area. Over the past three years were examined 163 monuments, located in the city of Omsk and Omsky, Lubinsky, Kormilovsky and Taurichesky districts. Monitoring of monuments gave new information about the preservation of archaeological heritage and its cultural and chronological attribution. The main results, obtained during the field phase of the work, are presented in the text of the article.

Keywords: archaeological monument; geoinformation system; monitoring; current state.

С 2016 по 2018 гг. сотрудниками Лаборатории историко-культурной экспертизы Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук выполнялись работы по наполнению базы геоинформационной системы «Археологические памятники города Омска и окрестностей» актуальными данными. Мониторинг памятников проводился на территории города Омска, а также в Омском, Любинском, Кормиловском и Таврическом районах. Вся информация о памятниках собиралась в соответствии с разработанной структурой основной таблицы базы данных, в нее входит описание месторасположения и самого памятника, его датировка, сведения о проводившихся ранее на памятнике работах, сведения о современном состоянии и т.д.

Все работы проводились в несколько этапов и в рамках проекта РФФИ №16-46-550223ра «Создание ГИС «Археологические памятники г. Омска и его окрестностей».

На первом этапе проводились архивные и библиографические изыскания, изучались научные отчеты и полевая документация, хранящиеся в архивах Музея археологии и этнографии Омского государственного университета, Музея народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Кабинета археологии Омского государственного педагогического университета. Также анализировалась краеведческая литература и научные публикации, хранящиеся в архивах Омского государственного историко-краеведческого музея и Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Кроме этого, изучена учетная документация на памятники археологии, хранящаяся в Управлении по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия Министерства культуры Омской области.

На основе архивных работ были получены сведения о 223 памятниках археологии, расположенных в границах исследуемых районов, из них

94 памятника стоит на государственной охране. Сопоставление данных разных источников показало, что 19 пунктов из сформированного списка представляют собой дублирование одной и той же информации, 8 – не являются памятниками археологии, а еще 11 представляют собой пункты исторических памятников. Таким образом, изучение архивных материалов позволило получить сведения о 196 объектах археологического наследия.

Следующий этап работ включал разработку маршрутов для экспедиционных исследований и мониторинга объектов археологического наследия. Мониторинг памятников являлся важнейшим звеном при получении актуальных данных. Благодаря непосредственному наблюдению на местности были уточнены местоположения памятников и современное состояние объектов археологического наследия, изучены степени естественного и неблагоприятного антропогенного воздействия на археологические объекты. Всего в результате полевых работ 2016 – 2018 гг. обследовано 163 памятника археологии.

Во время мониторинга существование некоторых памятников нам подтвердить не удалось, так как визуальные признаки, фиксируемые на поверхности террас, были полностью утрачены. К примеру, интенсивному воздействию антропогенного фактора подверглись памятники: поселение Луговое 4, Малокулачье 4. В аварийном состояние находятся памятники: курган Красноярка 1Б, поселение Малокулачье 1, Новотроицкое 1, курганный могильник Чернолучье 3.

Часть топографических привязок, которые давались в архивных источниках, соотнести с местностью во время мониторинга удалось, но сами памятники были раскопаны исследователями. Например, в 1990 году в рамках аварийно-спасательных работ курганный могильник Кокоровка 2 был полностью исследован А. Я. Труфановым в связи с сооружением на территории памятника магистрального газопровода[1].

Важным результатом стало уточнение культурно-хронологической атрибуции ряда памятников. Памятник Малокулачье 6, известный как поселение с неустановленной датировкой, был атрибутирован нами как могильник позднего бронзового века [1, с. 17].

Памятники Большекулачье 3 и Большекулачье 4 были открыты в 1992 г. разведывательным отрядом Омского пединститута под руковод-

[1] Загородникова Д. П. Отчет о проведении археологической разведки по правому берегу реки Иртыш от д. Луговое до с. Красноярка в Омском районе Омской области в 2017 году // Архив Музея народов Сибири. – Ф. VII-4, Диск №1. – С. 26.

ством В. В. Дубко. В результате работ был собран подъемный материал, находки представлены большим количеством фрагментов неорнаментированной керамики, собранным на территории распаханного огорода. Сам населенный пункт Большекулачье был основан в 1719 г. как село Большие Кулачи, и, таким образом, существует на данном месте почти три столетия. Культурный слой села Большекулачье XVIII – XIX веков сохранился на мысах террасы правого берега р. Иртыш и был зафиксирован при археологической разведке 1992 г. В. В. Дубко как поселения Большекулачье 3 и Большекулачье 4. Полученные нами материалы убедительно свидетельствуют в пользу того, что указанные памятники выделены без достаточных обоснований и в действительности представляют собой остатки культурного слоя села Большекулачье[1].

Памятник Малокулачье 1, обнаруженный В. В. Дубко также в 1992 г., во время разведки 2017 г. был соотнесен нами с культурным слоем села Малокулачье, основанным в 1719 г.

В результате мониторинга установлено, что 25 памятников уничтожено в результате антропогенного воздействия во второй половине XX века, еще 5 были приняты первооткрывателями за археологические объекты ошибочно, определены места расположения 19 исчезнувших памятников археологии, информация о которых сохранилась в архивных источниках.

Мониторинг объектов археологического наследия дает нам важные сведения для оценки научной значимости объектов, для определения вида охранных мероприятий по сохранению памятника. В результате проведенных исследований подготовлены данные для уточнения учетной документации и установления границ памятников.

Таким образом, на протяжении трех лет, проводя архивные и полевые работы, мы собрали большой объем информации об объектах археологического наследия, которая нашла свое отражение в структуре базы данных геоинформационной системы «Археологические памятники города Омска и окрестностей». Важной составляющей проведенных работ стал мониторинг современного состояния памятников, позволивший уточнить паспортные характеристики ряда памятников. К настоящему времени в базу внесены сведения о местоположении 185 памятников археологии. Материалы геоинформационной системы могут быть полезны в области охраны объектов археологического наследия, для написания научно-ис-

[1] Корусенко М. А. Отчет о проведении историко-культурного обследования (археологической разведки) в Омском и Любинском районах Омской области в 2016 году // Архив Музея народов Сибири. – Ф. VII-4, Диск №12. – С. 40.

следовательских работ, при создании учебных курсов в образовательной и музейной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Загородникова Д. П. Могильник Малокулачье VII – новый памятник бронзового века Омского Прииртышья // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. – Вып. 13: Материалы XIII международной научно-практической конференции (Горно-Алтайск, 24 – 27 апреля 2018 г.). – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. – С. 12 – 17.

УДК 398.33

Золотова Татьяна Николаевна,
кандидат исторических наук,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Омск,
e-mail: zolotovat2012@mail.ru

ПРОЦЕССЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРАЗДНИЧНОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОМСКОГО РЕГИОНА

В статье рассматриваются процессы межэтнического взаимодействия, которые происходят на городских и сельских праздниках Омского региона. Наиболее активной зоной межэтнических контактов и взаимовлияния в праздничной сфере являются такие праздники как Масленица, Навруз, Сабантуй, т.е. традиционные народные праздники, в основе которых лежат общечеловеческие воззрения и хозяйственно-бытовая деятельность.

Ключевые слова: праздники; Омский регион; социокультурное пространство; межэтническое взаимодействие.

Zolotova Tatiana Nikolaevna,
PhD in History,
Siberian branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev,
Omsk,
e-mail: zolotovat2012@mail.ru

PROCESSES OF INTER-ETHNIC INTERACTION IN THE HOLIDAY SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE OMSK REGION

The article deals with the processes of interethnic interaction that occur on urban and rural holidays of the Omsk region. The most active zone of interethnic contacts and mutual influence in the festive sphere are such holidays as Maslenitsa, Navruz, Sabantuy, i.e. traditional folk holidays, which are based on universal views and household activities.

Keywords: holidays; Omsk region; socio-cultural space; interethnic interaction.

В социокультурном пространстве любого региона наиболее активное взаимодействие между представителями разных этносов и конфессий происходит на праздниках в силу наибольшего эмоционального накала, скопления человеческих масс, возможности акцентировать внимание на получении новых знаний, впечатлений и общения. Целью нашего исследования является выявление наиболее активных в плане межэтнического взаимодействия категорий праздников и форм этого взаимодействия. Источником исследования послужили данные опроса, проведенного в 2015 г. Сибирским филиалом Института наследия среди городского и сельского населения Омского региона (выборка составила 275 человек из села и 805 человек из города), результаты интервью и личных наблюдений автора на городских и сельских праздниках в последнее десятилетие.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения (80,4% сельчан и 79,9% горожан) отмечает лично-семейные праздники (дни рождения, свадьбы, крестины и т.д.), и это понятно, поскольку семья является основным способом социальной адаптации и существования человека. Тем не менее, общественный уровень проведения различных праздников также имеет важное значение для жителей региона: чаще всего людей различных национальностей собирают вместе общегосударственные праздники, такие как День Победы, День России, День народного единства, в которых участвует 48% сельчан и 48,8% горожан. Среди этнически ориентированных праздников как сельские, так и городские жители отдают предпочтение традиционным праздникам своего народа – 42,9% и 40,5% опрошенных соответственно. Участие в религиозных праздниках и обрядах своего народа несколько ниже – 28,7% и 28,8% респондентов. Эти две категории праздников играют консолидирующую роль для отдельных этносов. Так, русские осознают свое единство во время проведения Рождества, Пасхи, Троицы, Родительского дня, Масленицы, казахи свято чтут традиции Навруза, татары активно общаются на Сабантуе, а для евреев объединяющим и священным является участие в праздновании Хануки и Пурима.

Особую роль в межнациональном общении играют дни рождения отдельных населенных пунктов. В Дне города принимает участие треть омичей – 32,3%. Еще больше любят День села жители сельской местности – 35,6% опрошенных. Традиционно в День города в Парке культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ собираются представители практически всех этносов Омска. В 300-летний юбилей города в 2016 г. фестиваль национальных культур «Многонациональный Омск. Сердца, звучащие в унисон» собрал на своих интерактивных площадках 34 национально-куль-

турных объединения. Начало фестиваля ознаменовалось парадом-шествием национально-культурных центров Омска по «Аллее дружбы», а затем на этнических площадках омичи и гости города знакомились с бытом и декоративно-прикладным творчеством различных народов, примеряли национальные костюмы, узнавали об особенностях национальных кухонь и угощались традиционными праздничными блюдами. В «Казачьей станице» были организованы показательные выступления по армейскому рукопашному бою, казачьей вольной борьбе и «борьбе в круге». На «Солнечной полянке» юные омичи смогли поучаствовать в национальных спортивных состязаниях и отправиться на рыбалку с Машей и Медведем, а в «Птичьей гавани» – потренироваться в изготовлении «птиц счастья», которые поместили на «Дерево дружбы». На концертной площадке выступили лучшие творческие коллективы города, исполнившие русские, казахские, еврейские, украинские, белорусские, чувашские, башкирские песни и танцевальные композиции.

Дни сел и деревень, ведущие свое происхождение от даты основания села или существовавшего здесь престольного (съезжего) праздника, являются еще более значимыми в плане межэтнического взаимодействия в силу ограниченности социокультурного пространства, близкого знакомства с односельчанами, тесных родственных связей и контактов. Так, в 110-летнем юбилее села Желанное Одесского района Омской области, который проходил 27 июля 2019 г., приняли участие более 500 человек – русские, украинцы, казахи, немцы, родившиеся здесь и съехавшиеся из Сибири, центральной России, Германии. На празднике был торжественно открыт памятник основателям села, переселенцам из Екатеринославской губернии, и мемориальные доски кавалерам Ордена Ленина. Весело и интересно прошел фестиваль «Казачья уха» с представлением блюд традиционной кухни и выступлением казачьих фольклорных коллективов, участниками которых являлись не только русские и украинцы, но и этнические немцы. Среди традиционных блюд не только уха, жареные караси, фаршированная щука и пироги, но и кавказский шашлык, который прочно вошел в праздничное меню русского застолья. Посещение краеведческого музея, фотоколлажи на стенах ДК, состязания по армрестлингу, награждения победителей спортивных соревнований, детские игры, вечерняя танцевальная программа и яркий фейерверк – все это способствовало доброжелательному общению и отдыху собравшихся. В таком праздничном пространстве происходит интенсивное взаимодействие различных этнических, конфессиональных, социально-профессиональных, поло-возрастных групп населения и активно формируется локальное и региональное единство.

Менее популярными у жителей региона являются профессиональные и корпоративные праздники, которые отмечает 28% сельчан и 29,1% горожан, но поскольку в трудовых коллективах, как правило, работают люди разных национальностей, совместные праздничные мероприятия позволяют им лучше узнать друг друга и с точки зрения этнической культуры. Так, на корпоративах русские угощают своих коллег блинами и куличами, казахи – самсой и баурсаками, армяне – гатой и пахлавой, украинцы – варениками и пампушками, татары – катламой и чак-чаком. В спортивных праздниках и мероприятиях принимает участие пятая часть опрошенных – 18,9% сельчан и 20,4% горожан. Однако, и спартакиады, и Королевы спорта играют определенную консолидирующую роль, поскольку в них принимают участие представители разных этносов, а совместное достижение побед сплачивает участников команды и заставляет уважать соперника.

Ожидаемо наименее востребованными оказались «праздники других народов»: в них принимают участие 13,1% сельчан и 14,2% горожан. Но даже этот процент опрошенных свидетельствует о том, что жители Омского региона заинтересованы в межнациональном общении в праздничном социокультурном пространстве. Наиболее массовыми и популярными в областном центре и муниципальных образованиях являются Рождество, Масленица, Сабантуй, Навруз, в проведении которых используются элементы народных обычаев (колядование, хождение с рождественской звездой, вертепный театр, ряженье, состязания, игры), фольклор и стилизованные народные костюмы. В масленичных гуляниях 2019 г. на Любинском проспекте помимо традиционно проживающих в регионе этносов участвовали также китайцы, весело фотографировавшиеся в пресс-волах русских матрешек, азербайджанцы, заинтересованно разглядывающие самовар, темнокожие представители африканских стран, с удовольствием поглощающие блины.

Особенно интересно проходит празднование Масленицы на площади перед Омским Домом дружбы, где представителями казачьих объединений организуется катание верхом на лошадях и в запряженных повозках, разыгрывается игра «баня», устраиваются игры с «блинами» и «молодецкие забавы» – перетягивание каната, состязания гиревиков, бой мешками. Здесь продаются и раздаются за заработанные в соревнованиях жетоны блины, пироги, чай, гречневая каша. Новшеством 2019 г. стал «Блинфест» – конкурс самодеятельных коллективов и национально-культурных центров (русских, украинских, финно-угорских, татаро-башкирских и др.) в приготовлении блинов и угощение ими всех желающих. Кульминацией праздника является сжигание чучела Масленицы, вокруг которого люди

разных национальностей, пришедшие на праздник, водят хороводы, поют песни и просят друг у друга прощения перед наступающим Великим постом. Интересной трансформации подвергаются некоторые существовавшие ранее обычаи: так, на масленичных гуляниях, проходящих на бульваре Мартынова, в традиционной казачьей игре «взятие снежного городка» в качестве соперников все чаще выступают команды русских и «кавказцев». Здесь же Отделом русской традиционной культуры ГЦНТ Омской области в 2017 г. был возрожден обычай женской «байги», существовавший у сибирских казаков Иртышской линии, когда казачек вывозили за селение и отпускали бежать наперегонки в одних шерстяных носках. В 2019 г. «байга» обрела популярность на общегородской Масленице на Любинском проспекте, где в забегах участвовали десятки девушек и женщин всех возрастов и разных национальностей. Этот обычай был с интересом подхвачен муниципальными образованиями области: на русской Масленице и казахском Наврузе в Москаленском районе в «байге» (в огромных поролоновых тапочках) активно участвовали и русские, и казахи, и представители других этносов.

Татарский Сабантуй также собирает огромное количество омичей и гостей города. Так, в июне 2015 г. на городском празднике Сабантуй, объединившем в праздничном пространстве «Зеленого острова» тысячи горожан разной этнической принадлежности, омичи с удовольствием участвовали в различных татарских увеселениях и забавах: девушки и женщины бегали наперегонки с коромыслом, молодые парни и взрослые мужчины бились мешками на бревне, мальчишки-подростки лазали по качающемуся бревну, все от мала до велика принимали участие в игре «попади по глиняному горшку с завязанными глазами». На сцене выступили десятки городских и сельских коллективов художественной самодеятельности разных национально-культурных объединений, прежде всего татарских и башкирских. Среди деревьев были развернуты шатры с национальными угощениями, а культурные центры из разных муниципальных районов представляли свадебные обряды своих народов.

В расширение зоны межэтнических взаимодействий все активнее вовлекается Русская Православная Церковь, которая проводит праздничные мероприятия конфессии для широких масс городского населения. Так, 28 апреля 2019 г. на территории сквера около Успенского кафедрального собора Омска были проведены Пасхальные гуляния, в которых приняли участие представители разных конфессий, а основным праздничным кушаньем, которым угощали всех желающих, оказался узбекский плов, освященный митрополитом Омским и Таврическим Владимиром.

Таким образом, мы видим, что наиболее активной зоной межэтнических контактов являются общегосударственные праздники и День города (села), объединяющие в едином праздничном пространстве различные этнические, конфессиональные и разные другого рода группы. Из традиционных народных праздников наибольшее взаимодействие происходит на Масленице, Наврузе, Сабантуе – праздниках, имеющих древнейшее происхождение, синтезировавших различные религиозные воззрения и общечеловеческие ценности, отразивших различные виды хозяйственно-бытовой деятельности, обладающих значительной развлекательно-игровой составляющей, что позволяет участвовать в них представителям разных этносов. Формы межэтнического взаимодействия в праздничном социокультурном пространстве Омского региона определяются происходящими глобализационными процессами и синтезом народной, религиозной, профессиональной и модернизационной культур.

УДК 902/904 (571.13)

Коников Борис Александрович,
кандидат исторических наук,
советник генерального директора,
Радиозавод им. А. С. Попова,
Омск,
e-mail: boris_konikov@mail. ru

ЮЖНО-ТАЕЖНОЕ ПРИИРТЫШЬЕ В ПРЕД- И РАННЕМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ (ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ)

В статье рассматривается этнокультурная ситуация в южно-таежном Прииртышье в пред- и раннемонгольское время, оценивается гипотеза, выдвинутая С. Ф. Татуровым и С. С. Тихоновым, согласно которой история южно-таежного региона, начиная со второй половины I тыс. н.э. есть история исключительно тюркоязычных этносов. Между тем, артефакты из могильников Иванов Мыс I, Паново I и других памятников указывают на оживленные контакты южно-хантыйского (усть-ишимская культура) населения с азиатскими кочевниками и, главным образом, с кыпчаками. XII – XIV вв. – время активизации процессов ассимиляции и аккультурации южно-хантыйским населением пришлых кыпчаков и отчасти монголов, результатом чего стало формирование тоболо-иртышских татар. Это подтверждают, помимо археологических, антропологические материалы из Иванова Мыса I, Паново I и других памятников.

Ключевые слова: южно-таежное Прииртышье; пред- и раннемонгольское время; Иванов Мыс I; Паново I; усть-ишимская культура; южные ханты; кыпчаки; тоболо-иртышские татары.

Konikov Boris Alexandrovich,
Candidate of historical Sciences,
advisor to the general director,
Radio plant named after A. S. Popov,
Omsk,
e-mail: boris_konikov@mail. ru

SOUTHERN TAIGA IRTYSH REGION IN THE PRE- AND EARLY MONGOLIAN TIME (ABOUT ETHNO-CULTURAL SITUATION IN THE REGION)

The article deals with the ethno-cultural situation in the South taiga Irtysh region in the pre- and early Mongolian time, estimates the hypothesis put forward by S. F. Taturov and S. Tikhonov, according to which the history of the South taiga region since the second half of the I Millennium ad is the history of exclusively Turkic-speaking ethnic groups. Meanwhile, artifacts from the burial grounds of the Ivanov Cape I, Panovo I and other monuments indicate lively contacts of the South Khanty (Ust-Ishim culture) population with Asian nomads and, mainly, with Kipchaks. XII – XIV centuries. – the time of activation of the processes of assimilation and acculturation of the South Khanty population of the newcomers Kipchaks and partly Mongols, which resulted in the formation of the tobolo-Irtysh Tatars. This is confirmed, in addition to archaeological, anthropological materials from Ivanov Cape I, Panovo I and other monuments.

Keywords: South taiga Irtysh region; pre-and early Mongolian time; Ivanov Cape I; Panovo I; Ust-Ishim culture; southern Khanty; Kipchaks; tobolo-Irtysh Tatars.

Тюркоязычный мир раннего и развитого средневековья оказал эпохальное влияние на историю и судьбы многих народов и племен Евразии. В этом ряду и южные ханты таежного Прииртышья. Интерес к взаимодействию представителей двух миров – оседлого и кочевого – и его результатам постоянен. Наше обращение к теме продиктовано тремя обстоятельствами: публикацией материалов могильника Иванов Мыс I [1], статьей С. Ф. Татаурова и С. С. Тихонова, в которой они, отталкиваясь от артефактов из Мурлинских курганных могильников, предложили новый взгляд на этнокультурную ситуацию в таежном регионе [2], и результатами анализа антропологического материала из Иванова Мыса I и Паново I, давшими пищу для размышлений о путях этногенеза тоболо-иртышских татар [3].

Иванов Мыс I и Паново I характеризуют материальную культуру, погребальный обряд, военное дело, торговые контакты и верования южно-хантыйского таежного населения пред- и раннемонгольского времени, вступившего в активную фазу ассимиляции и аккультурации степняками. С. Ф. Татауров и С. С. Тихонов полагают, что со второй половины X в. н.э. в лесостепном и южно-таежном Прииртышье распространяется среднеиртышская кимако-кыпчакская культура и «для усть-ишимской археологиче-

ской культуры просто не находится место, поскольку Среднее Прииртышье с начала I тыс. н.э. стало частью кимако-кыпчакского мира *(подчеркнуто мною – Б. К.)*, который генетически восходит к сросткинской культуре» [2, с. 110]. Со времени складывания в верховьях Иртыша и на сопредельных землях сначала кимакского, а затем кыпчакского каганатов отчетливо проявилось их воздействие на таежную культуру. Однако, убедительных данных, чтобы считать северные земли местом проживания кыпчаков нет; здесь известны лишь единичные погребения тюркоязычных всадников [4]. На Верхнем Аксеново II и Кипо-Куларах III откопаны остатки жилых и хозяйственных построек, собраны сотни артефактов, в том числе фрагменты глиняной посуды с местным декором. Все эти материалы соответствуют южно-хантыйскому комплексу; здесь нет ничего, исключая оружие, конское снаряжение и поясные наборы, что соотносилось бы с кимако-кыпчакским миром. Массив же бронзовых антропо- и зооморфных подвесок и украшений тяготеет к финно-уграм Прикамья, Приуралья, Зауралья и Нижнего Приобья. Если следовать логике авторов статьи, то упомянутые поселения и могильники оставлены кочевниками, которые, придя в тайгу, кардинально поменяли уклад своей жизни, т.е. перешли к прочной оседлости, возвели укрепления, восприняли местные верования, в быту и погребальных целях пользовались усть-ишимской глиняной посудой и т.д. Не вписывается в погребально-поминальные традиции кимаков и кыпчаков и таежный погребальный обряд.

В Ивановом Мысу I и Паново I найдены бронзовые с позолотой бляхи от конского снаряжения с сюжетом «дракон, играющий с жемчужиной», уходящим корнями в Китай. Сюда бляхи попали, скорее всего, через улус Джучи, чьи северные границы, по мнению Ю. С. Худякова, проходили по южной кромке, в том числе и омской, тайги [5, с. 105]. Согласно заключению специалистов, основой антропологического типа людей из Иванова Мыса I являлся северный монголоидный, с примесью южного, присущего сросткинскому населению [6]. Черепам из Паново I больше была свойственна европеоидность. И в целом: «…в XIII – XIV вв. на обширной территории Среднего Прииртышья произошла смена культуры (усть-ишимской – Б. К.) и языка на тюркские, что не повлекло за собой изменение антропологического типа» [6, с. 154]. Итак, за археологическими и антропологическими фактами из Иванова Мыса I, Паново I и других памятников XII – XIV вв. скрывается знаковое событие: на основе местных монголоидов (южно-хантыйская усть-ишимская культура) и пришлых кыпчаков, а также, возможно, монголов, формируется новое этнокультурное образование – тоболо-иртышские татары. Поэтому история

южно-таежного Прииртышья второй половины X-XIV вв. – это далеко не история только кимако-кыпчакской археологической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Коников Б. А. Курганный могильник Иванов Мыс I. Тевризский район. Омская область. – Омск: Амфора, 2019. – 126 с.

2. Татауров С. Ф., Тихонов С. С. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронология, культурно-этническая интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Наука, 2019. – Вып. 1. – С. 103 – 112.

3. Томилов Н. А. Татары Сибирские // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. – Новосибирск: ИД Историческое наследие Сибири, 2010. – Т. 3. – С. 232 – 234.

4. Коников Б. А., Шван Ф. Д. Исследование кипских курганов (о времени тюркизации таежного Прииртышья // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: ОмГУ, 1983. – С. 46 – 55.

5. Худяков Ю. С. Западная Сибирь в составе Улуса Джучи // Золотоордынское наследие. – Казань: Наука, 2009. – С. 104 – 109.

6. Пошехонова О. Е. Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I/II тыс. н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Наука, 2011. – №4. – С. 142 – 155.

УДК 39+911.373(=521.145):004.65

Корусенко Светлана Николаевна,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Омская лаборатория археологии, этнографии и
музееведения Института археологии
и этнографии СО РАН,
Омск,
e-mail: tomil65@rambler.ru

О СОЗДАНИИ БАЗЫ ДАННЫХ О ТАТАРСКИХ ДЕРЕВНЯХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Количество сельских населенных пунктов с каждым годом сокращается, закрываются школы, ФАПы, возрастает миграция молодежи в районные центры и Омск, что приводит к «умиранию» деревни. Татарские поселения Омской области, о которых известно по материалам ясачных книг еще с XVII, частью уже не существуют. Исчезают с карты Омской области и деревни, основанные в XVIII – XIX вв. Собранный омскими этнографами за более чем 40-летнюю историю полевых и архивных исследований материал позволяет поставить задачу систематизации источников по истории татарских деревень. В перспективе возможно создание интернет-ресурса, в котором были бы представлены карты и схемы разных столетий, исторические предания жителей, материалы архивов, научные статьи по истории деревень, а также материалы, собранные и проанализированные общественниками, учителями и школьниками. Данный ресурс способствовал бы сохранению памяти и идентичности татар Омского Прииртышья.

Ключевые слова: Омское Прииртышье; татары; интернет-ресурсы.

Korusenko Svetlana Nikolaevna,
candidate of history,
leading researcher,
Omsk laboratory of Archeology, Ethnography and Museology
of the Institute of Archaeology
and Ethnography SB RAS,
Omsk,
e-mail: tomil65@rambler.ru

ABOUT CREATION OF DATABASE OF THE TATAR'S VILLAGES OF THE OMSK REGION

The number of rural settlements is decreasing every year. Closing of schools and feldcher-midwife stations and migration of youth to district centers and to Omsk lead to «dying» of country-side. Part of Tatar settlements, known from tribute books (yasachnie books) of XVII century are no longer exist. Some villages founded in XVIII – XIX both disappeared from maps of Omsk region. The material, collected by Omsk ethnographers for more than 40-years history of field and archive researches, allows to set a goal to systematize sources for history of Tatar villages. In future in might be possible to create an Internet-resource which would content maps and charts of different centuries, historical legends of inhabitants, archive data and scientific articles about history of villages and materials, collected and analyzed by public figures, teachers and pupils. Described internet-source would contribute preservation of the memory and identity of the Tatars of the Omsk Priirtyshie.

Keywords: Omsk Priirtyshie; tatars; internet-source.

Сегодня интернет стал фактически главным поставщиком информации: к нему обращаются обучающиеся разных уровней для получения различной информации при подготовке к занятиям и выполнениям работ; здесь же действуют сетевые сообщества, в которых создаются группы по интересам; в нем выкладывают самую различную информацию заинтересованные историей своей Малой родины лица; много генеалогических сайтов, на которых также имеется информация и по истории населенных пунктов и пр. В качестве примера можно привести ресурс «Генеалогия и архивы», в котором есть раздел «Уфаген» и внутри него раздел «Деревни», в аннотации к которому написано: «Раздел «Деревни» посвящен истории сел и деревень Башкортостана. Основным источником информации является многотомник Асфандиярова А. З. «История сел и деревень Башкортостана». Публикуется с разрешения автора. Перечислим тома этого труда, с указанием районов, описанных в них»[1]. Далее указаны все районы Башкортостана, при открытии которых указаны населенные пункты конкретного района, где уже и представлена информации по истории деревни. Обычно это очень короткие тексты, в которых может быть указан год основания (если известен), количество жителей по явно архивным ма-

[1] Уфаген [Электронный ресурс] // Генеалогия и архивы: [сайт]. – URL: http://ufagen.ru/places (Дата обращения: 27.06.2019).

териалам, могут быть указаны занятия жителей и т.п. Существует, например, краеведческий ресурс – портал «Народная летопись Новосибирской области», где представлена самая разнообразная информация, в том числе и по истории деревень[1]. Информацию для данного портала поставляют сами пользователи. Есть группа «ВКонтакте» под названием «История деревень России», где есть небольшие очерки, фотографии, представлены ссылки на ресурсы (в основном, это генеалогические сайты) и т.п.[2]. Такого рода ресурсов довольно много в рунете, часто эти ресурсы связаны с различными генеалогическими сайтами. Фактически все они – продукт деятельности любителей, увлеченных историей семьи и историей Малой родины, либо выставленные опубликованные книги и, частично, архивные материалы. Есть и картографические ресурсы с представлением карты, на которой отмечены населенные пункты.

Замысел создания интернет-ресурса «Татарские поселения Омской области», возникший некоторое время назад у автора работы, предполагает иную информативную наполняемость. Интерес к татарским поселениям связан с научными исследованиями автора по этнической истории и генеалогии татар Сибири. Генеалогические изыскания действительно идут в неразрывной связи с историей тех мест, с которыми связаны определенные семейные кланы, что и приводит к тому, что часто именно на генеалогических сайтах можно найти материалы по истории поселений или ссылки на них. Татарские поселения на территории современной Омской области, о которых известно по материалам ясачных книг еще с XVII в., частью уже не существуют. Исчезают с карты Омской области и деревни, основанные в XVIII – XIX вв. Современная тенденция по отношению к сельскому населению связана с тем, что количество сельских населенных пунктов с каждым годом сокращается, закрываются школы, ФАПы, возрастает миграция молодежи в районные центры и Омск, что приводит к «умиранию» деревни. Противоположная тенденция связана с сохранением истории татарских деревень, что проявляется в большом количестве публикаций в газете «Татарский мир» на эту тему, организации секций на научно-практических конференциях, а также с обращением татарской общественности к автору сообщения о написании истории конкретных

[1] Народная летопись Новосибирской области [Электронный ресурс] // [сайт] − URL: http://letopisi54.ru/letopis/detail.php?ID=6351 (Дата обращения: 27.06.2019).

[2] История деревень России [Электронный ресурс] // Данные социальной сети «ВКонтакте». − URL: https://vk.com/village_russia (Дата обращения: 27.06.2019).

деревень. Именно последний фактор и подвиг на мысль о создании такого ресурса. Тем более, что собранный омскими этнографами за более чем 40-летнюю историю этнографических экспедиций материал (с момента создания Омского государственного университета в 1974 г. и начала систематического проведения этнографических исследований в Омской области), а также многолетние работы в различных архивах, имеющиеся научные публикации по данной теме, позволяют поставить задачу систематизации источников по истории татарских деревень. Именно научная составляющая должна стать основой ресурса, хотя не должно быть исключено и популяризаторское направление, связанное с выставлением материалов местных краеведов, школьных учителей и их учеников, т.к. данный материал чаще всего посвящен разным периодам в истории деревни, истории школ, колхозов и совхозов и т.д.

По материалам ясачных книг XVII в. на территории современной Омской области имеются сведения о 37 татарских деревнях. В материалах дозорных книг 1701 г. представлена информация о 48 летних и зимних юртах татар и о трех острожках. Информация о населенных пунктах татар также имеется в материалах 4-й – 10-й ревизий населения последней четверти XVIII – середины XIX вв., но т.к. часть материалов отложилась в архивах не полностью, а в самих ревизиях фиксировались только официально существующие деревни (без выселков и т.п.), то более правдивой является информация рубежа XIX – XX вв., основанная на материалах Первой всероссийской переписи населения 1897 г.: имеются сведения о 73 деревнях, выселках и заимках. В 1920-е гг. в Омском Прииртышье насчитывалось 68 населенных пунктов татар[1]. В настоящее время осталось чуть более 40 татарских деревень, часть из которых с каждым годом уменьшается в количественном отношении ее жителей. Поэтому актуальным является сохранение исторической памяти о существовавших и ныне существующих татарских поселениях Омской области.

Наполнение ресурса предполагается следующим образом. По каждому населенному пункту будут приведены архивные материалы (как опубликованные, так и неопубликованные), в которых имеются сведения о данном поселении или его жителях (если это переписи населения, то полностью – список жителей в определенный период времени). Еще один блок будет включать материалы, собранные в этнографических экспедициях и посвященные истории населенных пунктов. В третий блок войдут статьи ученых, в которых представлены сведения по истории и культуре татар конкретной деревни. В четвертый блок планируется вклю-

[1] Тарский филиал Исторического архива Омской области. Ф. 112. Д. 974.

чить материалы СМИ, где также отражены данные сюжеты. Еще один блок будет включать иллюстративный материал (карты XVIII – XX вв., фотографии, шежере и т.п.). В дальнейшем данный ресурс можно наполнить этнографическими материалами, в которых будут уже представлены разные стороны жизнедеятельности жителей конкретной деревни. Презентация имеющихся материалов в открытом интернет-пространстве обеспечит доступность к разного рода источникам и будет способствовать сохранению исторической памяти татар Омской области. Реализация гранта Президента РФ на развитие гражданского общества «Выставочный арт-проект современного искусства «Лица-55» о национальном многообразии жителей Омской области (проект выигран Омским региональным отделением общероссийского общественного движения «Молодежная Ассамблея народов России «МЫ – РОССИЯНЕ» по результатам конкурса 2019 г.) позволит дополнить иллюстративный блок портретами современных жителей татарских деревень.

УДК 72.035; 930.85

Матющенко Ольга Ивановна,
старший преподаватель кафедры музеологии,
культурного и природного наследия,
Томский государственный университет,
Томск,
e-mail: ad--astra@hp.tomica.ru

ВОДОНАПОРНАЯ БАШНЯ XIX В. В ГОРОДЕ ТОМСКЕ: РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА

Статья повествует о продаже объекта культурного наследия регионального значения (водонапорной башни)[1] частному лицу и о ревитализации этого объекта.

Ключевые слова: культурное наследие; памятник индустриального наследия; архитектурная доминанта; водонапорная башня; реставрация.

Matiushchenko Olga Ivanovna,
senior lecturer,
Department of museology, cultural and natural heritage,
Tomsk State University,
Tomsk,
e-mail: ad--astra@hp.tomica.ru

WATER TOWER OF THE XIX CENTURY: REVITALIZATION OF AN OBJECT

The article tells about the sale of the cultural heritage of regional importance (water tower) to a private person and the revitalization of this object.

Keywords: cultural heritage; monument of industrial heritage; architectural dominant; water tower; restoration.

[1] Водонапорная башня // Государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России [Электронный ресурс] // URL: https://kartarf.ru/dostoprimechatelnosti/151866-vodonapornaya-bashnya (дата обращения: 25.06.2019).

Общегородской водопровод был запущен в Томске весной 1905 г.[1] [1, с. 46], гораздо раньше были введены в строй локальные водопроводы, в частности, для нужд Средне-Сибирской железной дороги были построены насосная станция и водонапорная башня. Ее возвели на правом высоком берегу Томи. Первый поезд прибыл в Томск из Тайги 22 июля 1896 г. [1, с. 80]. Водонапорная башня высотой 24 метра, восьмигранная в сечении, построена в конце XIX в. для нужд железной дороги. Крыша в виде невысокой усеченной пирамиды с деревянной резьбой; покрытие – листовое железо. В облицовке башни использовано сочетание красного кирпича и местного природного материала – светло-желтого песчаника, что украшало здание и добавляло ему торжественности. Этот прием использовал архитектор К. К. Лыгин, в 1895 г. прибывший в Томск из Петербурга на должность архитектора при Управлении строительства Средне-Сибирской железной дороги. Башня являлась в XIX в. и является ныне архитектурной доминантой целого района. Выразительность композиции достигается пластикой силуэта, разнообразием применяемых материалов. Цоколь выполнен из бутового камня, основная часть – из кирпича, верхний ярус – деревянный брус «в лапу», с вертикальной и горизонтальной деревянной же обшивкой. Толщина кирпичных стен около 1 м, площадь внутри – 19 кв. м, деревянная часть просторнее – 42 кв. м в сечении.

Резервуаром для хранения воды башня была недолго. Многие годы она вовсе не использовалось, памятник индустриального наследия сложно было приспособить для практических нужд. В 1980 – 90-х гг. в башне размещалось кафе, здесь торговали мороженым, жарили шашлыки и чебуреки. К своему столетнему юбилею башня обветшала и была практически заброшена.

В 2013 г. молодой томич Александр Лунев решил, что хочет «просто жить» в этом уникальном здании, и добился, чтобы башню, памятник градостроительства и архитектуры, выставили на торги. Александр выкупил башню и землю под ней за 1,5 млн руб., подписал важнейший документ – «Охранное обязательство по сохранению памятника культуры», обязывающий исследовать состояние башни, составить «Проект реставрации и приспособления» при привлечении лицензированной экспертно-строительной компании. Проект был одобрен и заверен департаментом культуры Томской области.

Специалисты установили, что все несущие конструкции – фундамент, кирпичные стены, деревянные стены, перекрытия чердака, стропильная

[1] От чистого истока. Век томского водопровода / под ред. А. Ф. Порядина, В. П. Зиновьева. – Томск: Гала-Пресс, 2005. – 303 с.

система крыши – были в пригодном техническом состоянии. Обшивка деревянной части, дверные проемы, окна, подшив карниза, обрешетка крыши, кровельное железо и резьба под карнизом требовали ремонта и замены. Было получено разрешение на 6-этажную разбивку.

27 марта 2019 г. мы организовали встречу студентов и преподавателей кафедры музеологии ТГУ с владельцем башни А. Луневым: нам было интересно услышать историю восстановления памятника.

В течение 2 месяцев новый владелец практически в одиночку вычищал внутреннее пространство башни от гнилых досок, ломаной арматуры, бытового мусора, птичьего помета и т.п. Снаружи башня была полностью очищена от старой дощатой обшивки силами приглашенного альпиниста. У хозяина башни нет средств, чтобы оплачивать работу реставраторов, Александр и его помощники все делают сами, руководствуясь здравым смыслом. Сам себя он называет «реставрационным пиратом».

Азам строительного и реставрационного дела Александр учится на сайте YouTube: сделаны межэтажные перекрытия, заменены стропила на крыше, смонтирована лестница до 5 этажа, проведены коммуникации, сделаны наличники и вставлены окна, смотрящие на все стороны света. Утеплен и обшит деревянной дощечкой верхний ярус: ширина и направление обшивки (вертикаль и горизонталь) – все в рамках проекта, кроме цвета обшивки. Вместо оговоренного проектом серого «цвета старого дерева» у обшивки цвет «лиственница» – красновато-желтый, золотом сверкающий на солнце.

Неприятной неожиданностью оказался тот факт, что канализационные стоки из находящейся рядом спортивной школы текут прямиком под башню: эту проблему надо решать. За 6 лет работы на ремонт потрачено 3,5 млн руб.

А. Лунев выражает искреннюю благодарность посторонним людям за помощь в ремонте башни, приобретении строительных материалов и пр. Городские и областные власти, к сожалению, отстранились от всяческого участия в этом непростом деле. Ни Комитет по охране объектов культурного наследия Томской области, ни ОГАУК «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры» не считают нужным вникать в проблемы Лунева. Александр вспоминает добрым словом всего двух чиновников, которые помогли ему еще на начальном этапе «борьбы» за башню. Он благодарен М. А. Ратнеру, на тот момент заместителю начальника департамента недвижимости администрации г. Томска, за собранную информацию о возможности приватизировать данный объект муни-

ципальной недвижимости, а также Е. С. Бурыхину из муниципалитета за оказанную информационную помощь.

Что дальше? Необходимо завершить внутреннюю отделку – очистить от гнили стены, заделать трещины, отшлифовать поверхность и изготовить и разместить по периметру крыши деревянный кружевной декор.

А пока владельцу уникального здания приходится жить в котельной, расположенной рядом.

P.S.: В ноябре 2018 г. А. Лунев участвовал в «Форуме хранителей башен и подземелий» в Екатеринбурге. По общему мнению, опыт Лунева – удачный вариант сохранения объекта[1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII – XX столетиях. – Томск: изд-во Томского ун-та, 2003. – 348 с.

[1] Форум хранителей башен и подземелий открылся в Екатеринбурге [Электронный ресурс] // Свердловское областное телевидение. Новости. URL: http://www.obltv.ru/news/culture/forum-khraniteley-bashen-i-podzemeliy-otkrylsya-v-ekaterinburge/3 (дата обращения: 25.06.2019).

УДК 902/904

Павлов Дмитрий Николаевич,
ведущий инженер,
Омский научный центр СО РАН,
Омск,
e-mail: nvp-omsk@mail.ru,

Черенкова Светлана Владимировна,
ведущий инженер,
Омский научный центр СО РАН,
Омск,
e-mail: svetl.kalugina2010@yandex.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БУТЫРСКОГО КЛАДБИЩА КАК ОБЪЕКТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Г. ОМСКА XVIII – ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВВ.

В статье впервые публикуются результаты историко-культурного обследования земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению по ул. Чернышевского в ЦАО г. Омска. В результате проведенных работ был выявлен объект культурного (археологического) наследия «Грунтовый могильник «Бутырское кладбище XVIII – вторая треть XIX вв.». С учетом данных полевых исследований и историко-архивных изысканий установлены границы участка сохранившегося культурного слоя данного памятника. Также рекомендованы мероприятий по обеспечению сохранности этого объекта культурного наследия.

Ключевые слова: археологическое наследие; поиск; грунтовый могильник; участки культурного слоя; сохранение.

Pavlov Dmitry Nikolaevich,
principal engineer,
Omsk scientific center SB RAS,
Omsk,
e-mail: nvp-omsk@mail.ru,

Cherenkova Svetlana Vladimirovna,
principal engineer,

Omsk scientific center SB RAS,
Omsk,
e-mail: svetl.kalugina2010@yandex.ru

THE RESULTS OF PRELIMINARY STUDIES BUTYRSKAYA CEMETERY AS AN OBJECT OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITE OF THE CITY OF OMSK XVIII – THE SECOND THIRD OF THE XIX CENTURIES.

The article for the first time publishes the results of historical and cultural survey of the land plot subject to economic development on Chernyshevsky street in CAO, Omsk. As a result of the work was identified object of cultural (archaeological) heritage «Soil burial «butyr Cemetery XVIII – second third of the XIX century». Taking into account the data of field studies and historical and archival research, the boundaries of the site of the preserved cultural layer of this monument are established. Also recommended measures to ensure the safety of this object of cultural heritage.

Keywords: archaeological heritage; search; soil burial ground; sites of cultural layer; preservation.

Современное развитие городов в результате перестройки или расширения неизбежно сталкивается с проблемой объектов культурного (археологического) наследия, которые необходимо сохранять и популяризировать.

В июне 2018 г. сотрудниками Лаборатории историко-культурной экспертизы Омского научного центра СО РАН выполнено историко-культурное обследование на земельном участке, подлежащем хозяйственному освоению под объекты Многоквартирный жилой дом строение №1 по ул. Чернышевского в ЦАО г. Омска, площадью 1,1697 га. На участке обследования заложено 9 стратиграфических разрезов общей протяженностью 18 м и 2 стратиграфических шурфа общей площадью 2 м^2.

В результате проведенных работ установлено, что территория обследования включает две зоны, существенно различающиеся с точки зрения наличия объектов историко-культурного наследия.

На одной из них выявлен объект культурного (археологического) наследия «Грунтовый могильник «Бутырское кладбище XVIII – вторая треть XIX вв.». Объект археологического наследия локализуется в восточной части строительной площадки. На второй площадке объектов культурного наследия не выявлено.

Как нам стало известно после изучения публикаций по истории города, Бутырское кладбище было основано на рубеже XVIII – XIX вв. Оно делилось на две части: северная часть была занята «немецким» кладбищем (хоронили преимущественно иноверцев-лютеран), южная – русским[1]. Наложение архивных картографических материалов на современную карту города позволяет локализовать территорию кладбища между ул. Гусарова (Скорбященская), Чернышевского (Кладбищенская), Рабиновича (Воздвиженская) и Булатова (Екатерининская). Кладбище функционировало до второй половины XIX в. Точную дату его закрытия определить сложно. На карте 1803 г. Бутырское кладбище расположено за чертой города, но к 1879 г. развитие Бутырского форштадта привело к тому, что кладбище оказалось полностью включено в городскую черту. Вероятно, к этому времени основным участком погребения для Бутырского форштадта стало новое Шепелевское кладбище, располагавшееся за городской чертой. В 1904 г. на картах города территория Бутырского кладбища обозначена как пустырь. В 1899 г. часть территории кладбища была выделена под строительство Богородице-Братской церкви[2] [1]. К этому времени «немецкий» сектор кладбища уже был застроен жилыми кварталами.

Церковь была заложена в 1906 г., к 1910 г. строительство было завершено, церковь была освящена и начала функционировать. Здание располагалось в северной части русского сектора некрополя, в створе улицы Блохинской, ныне не существующей. В конце 1930-х гг. большая часть членов церковной общины была репрессирована, и к 1940 г. церковь была закрыта [1]. В 1939 г. в северной части бывшего Бутырского кладбища был построен корпус педагогического института, в котором в начале Великой Отечественной войны разместили эвакуированный из Ленинграда завод им. Н. Г. Козицкого[3].

В 1960-х гг. было развернуто строительство новых корпусов для расширения производства, территория завода охватила квартал в пределах улиц Герцена, Рабиновича, Гусарова, Булатова. Таким образом, завод и сопутствующая инфраструктура к началу 1980-х гг. заняли всю территорию бывшего Бутырского кладбища.

---

[1] Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. – Омск: Омский дом печати, 2005. – С. 31.

[2] Лебедева Н. И. История Омских храмов. [Электронный документ] // URL http://www.omsktime.ru/projects/church/bogorod.html.

[3] АО «Омский приборостроительный ордена Трудового Красного Знамени завод им. Н. Г. Козицкого». История завода [Электронный документ] // URL http://www.ziko55.ru/main.php?id=384.

На сегодняшний день установлено, что при строительстве завода им. Н. Г. Козицкого а также при прокладке и ремонте коммуникаций была разрушена лишь часть Бутырского кладбища. Некоторые коммуникационные траншеи прошли относительно неглубоко, тем самым не потревожив могил. На обследованном участке удалось зафиксировать несколько рядов могил, находящихся на глубине 1,5 – 2 м от современной поверхности, что указывает на наличие достаточно крупных участков кладбища, не потревоженных застройкой. Крупные участки территории между корпусами могут содержать большое количество уцелевших могил, представляющих интерес для исследования истории и культуры города Омска.

Всего на территории обследования было изучено 12 погребений, среди которых 5 детских. Могилы – глубокие ямы подпрямоугольной формы (до 1,5 м от уровня материка), размеры которых коррелируют с ростом погребенных. Умершие хоронились в дощатых гробах с крышками, головой ориентировались в западном направлении. Сопроводительный инвентарь отсутствует, лишь в одной могиле, под гробом, обнаружен керамический сосуд грубой выделки. Характерной особенностью является наличие медных нательных крестиков в детских могилах и отсутствие таковых в погребениях взрослых. Отмеченные особенности погребального обряда убедительно свидетельствуют о том, что изученные захоронения совершены согласно православным канонам и могут быть интерпретированы как остатки кладбища Бутырского форштадта. Продолжение исследований памятника позволит получить данные для изучения ряда аспектов жизни и быта омичей второй половины XVIII – XIX вв.

УДК 908+008

Петренко Ольга Владимировна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Сибирский филиал российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
Омск,
e-mail: olgap26g12@mail.ru

ОБЛАСТНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МНОГОЛИКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ, ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

В статье предлагается определить роль областной научно-практической молодежной конференции «Многоликое Прииртышье» в изучении, популяризации местной истории и культурного наследия региона, в формировании у подрастающего поколения любви к Малой родине.

Ключевые слова: краеведение; «Многоликое Прииртышье»; конференция; местная история; культурное наследие; малая Родина.

Petrenko Olga Vladimirovna,
candidate of history,
Siberian branch of the Russian research institute of cultural and natural heritage named after D. S. Likhachev,
Omsk,
e-mail: olgap26g12@mail.ru

THE REGIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «MULTILATERAL PRIVACIETY» AND ITS IMPORTANCE IN THE STUDY, POPULARIZATION OF THE HISTORY AND CULTURAL HERITAGE OF THE REGION

The article proposes to define the role of the regional scientific and practical youth conference «The Many Faces of the Irtysh River» in the study, popularization of the local history and cultural heritage of the region, in forming the younger generation of love for their small Motherland.

Keywords: regional studies; «Many-sided Priirtyshe»; conference; local history; cultural heritage; Small homeland.

Омская область сегодня, как и многие регионы РФ, столкнулась с рядом экономических и социальных проблем. В центральных СМИ и общественном сознании россиян формируется негативный образ Омска и области, малопривлекательный для жизни и туризма. За последние 5 лет Омскую область покинуло 309 953 человек из них 26% – молодые люди в возрасте от 20 до 29 лет[1]. Тему миграции населения из Омска активно обсуждают в СМИ, соцсетях, в личных беседах, экономисты и социологи также не остались в стороне. Основными причинами миграции названы: неблагоприятные социально-экономические условия, не удовлетворяющие запросам оплата труда и социальная инфраструктура города. Все эти проблемы являются определяющими и требуют разрешения. Однако, для сокращения оттока молодежи из Омской области важно также формирование и развитие духовных связей с Малой родиной, ее историей и культурным наследием. В представленном контексте интересен опыт научных конференций, посвященных изучению истории и культуры Омского Прииртышья. Отметим ежегодную областную молодежную научную краеведческую конференцию «Омское Прииртышье: природа, история, культура» (проводятся с 1996 г. Омским краеведческим музеем). В данной статье мы рассмотрим относительно молодое мероприятие – областную научно-практическую конференцию «Многоликое Прииртышье» (2016 – 2019).

Для работы использовались опубликованные и размещенные в интернете документальные и визуальные материалы: «Положение о проведении…»[2]; программы конференции[3]; отчеты/статьи по итогам мero-

[1] Основные показатели миграции населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. 2019. URL: omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/476eda00434a86b7a955abfa17e1e317/migr-2017.xlsx (Дата обращения: 2.06.19).

[2] Положение о проведении областной научно практической конференции «Многоликое Прииртышье» (2019 г.) // Портал Правительства Омской области. URL: mobr.omskportal.ru/ru/RegionalPublicAuthorities/executivelist/MOBR/olimpiada/PageContent/0/body_files/file3/mpr.pdf (Дата обращения 30.05.19).

[3] Программы: 2016 г. (http://www.ogkuipt.ru/index.php/592-mnogolikoe-priirtyshe); 2017 г. (http://www.ogkuipt.ru/index.php/729-uvazhaemye-uchastniki-oblastnoj-npk-mnogolikoe-priirtyshe); 2018 г. (http://www.ogkuipt.ru/images/doc/Priirt_itog.pdf); 2019 г. (http://www.ogkuipt.ru/images/spiski_priirtishe_2019.pdf).

приятий[1]; результаты конференции на сайте Омского государственного колледжа управления и профессиональных технологий; работы победителей на сайте Сибирского филиала Российского института культурного и природного наследия[2]; фотографии. Используется также информация, полученная методами контент-анализа и включенного наблюдения (присутствие на конференции в качестве члена жюри в 2019 г.).

Конференция «Многоликое Прииртышье›› проводится среди студентов профессиональных образовательных организаций Омска и области. Первая встреча состоялась 28 марта 2016 г., последующие три – 23 марта 2017 г., 30 марта 2018 г. и 28 марта 2019 г. Согласно «Положению о проведении…» конференция направлена на сохранение и развитие историко-культурного наследия народов Омского Прииртышья, на формирование культуры межнационального общения и ценностного отношения к культурно-историческому наследию, на приобщение обучающихся к культурным ценностям, формирование у них позитивной самооценки и конструктивных способов самореализации.

Организаторы конференции – Министерство образования Омской области, Министерство культуры Омской области, Омский государственный колледж управления и профессиональных технологий, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Омский Дом Дружбы, Музей истории профессионального образования Омской области.

---

[1] Подведены итоги областной научно-практической конференции «Многоликое Прииртышье» // Портал Правительства Омской области. URL:http://omskportal.ru/ru/RegionalPublicAuthorities/executivelist/MOBR/news/2016/03/30/2016; Культурное многообразие омского региона на студенческой конференции в Колледже // Сибирский филиал Института наследия. Омск, 2017. URL: http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=488 (Дата обращения 30.05.19); Областная научно-практическая конференция «Многоликое Прииртышье» // Сибирский филиал Института наследия. Омск, 2019. URL: sfrik.omskreg.ru/page.php?id=549 (Дата обращения 30.05.19); Многоликое Прииртышье. Итоги // Омский государственный колледж управления и профессиональных технологий (ОГКУиПТ). URL: www.ogkuipt.ru/index.php/1019-mnogolikoe-priirtyshe-itogi488 (Дата обращения 30.05.19).

[2] «Многоликое Прииртышье»: доклады победителей областной научно-практической конференции (23.03.2017, Омск) // Сибирский филиал Института наследия. Омск, 2009–2018 URL: http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=489 (Дата обращения 30.05.19).

Мероприятие проводится в три этапа. I этап – предоставление в Оргкомитет заявок и конкурсных работ. II этап – отбор работ членами жюри, определение участников очного этапа, формирование секций. III очный этап конференции проходит на базе Омского государственного колледжа управления и профессиональных технологий. Жюри формируется из числа педагогов, практиков и научных сотрудников учреждений организаторов. По итогам работы в каждой секции определяется 1 победитель и 3 призера. Победители и призеры награждаются дипломами Министерства образования Омской области и призами. Все участники III этапа получают сертификаты Министерства образования Омской области. Награждение проходит в торжественной обстановке, сопровождается музыкальными и световыми спецэффектами (в стиле «Оскара»), а также эстрадными номерами и лучшими, из представленных на суд жюри, постановками танцев народов Омского Прииртышья. Все это добавляет зрелищности и разнообразия мероприятию. За 4 года в III этапе конференции приняли участие 221 юных исследователей и 117 преподавателей из 44-х профессиональных учреждений Омска и области, они представили 189 работ.

Таблица 1

Количество участников конференции

этап	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2016-2019**
студенты БПОУ ОО, чел.					
I-II этап	55	59	73	45	232
III этап	**52**	**54**	**70**	**45**	**221**
Омск	37	38	34	31	140
Омская обл.	15	16	36	14	81
БПОУ ОО, кол-во					
I-II этап	25	29	33	25	44
III этап	**25**	**26**	**34**	**21**	**44**
Омск	16	17	19	12	25
Омская обл.	9	9	15	9	19

Участники конференции «Многоликое Прииртышье›› – студенты, обучающиеся по различным направлениям: строительство и архитектура, металлообработка, информационные технологии, сельское хозяйство, транспорт, легкая промышленность, бытовое обслуживание, общественное

питание и торговля, финансы и бухучет, а также юридические, педагогические, медицинские, творческие и культурно-досуговые специальности. Уровень исследовательских навыков студентов определяется программами гуманитарного профиля школы и профессиональных образовательных заведений. Научные руководители имеют средне-специальное и/или высшее образование различной специализации, преподают дисциплины гуманитарного, естественнонаучного и профессионального профиля. В числе кураторов победителей 20 историков, 5 филологов, 4 хореографа, 2 юриста, 2 учителя иностранных языков, 1 психолог и 1 специалист культурно-досуговой деятельности, 3 биолога, по 2 физика, химика и математика. География участников: Омск, Исилькуль, Русская Поляна, Усть-Заостровка (Омский район), Большеречье, Тара, Тюкалинск, Седельниково, Саргатка, Буняковка (Одесский район), Калачинск, Павлоградка, Таврическое, Москаленки, Муромцево, Полтавка, Тевриз.

Основные направления исследований, по «Положению…»: историческое прошлое семей (рода) разных национальностей; история населенных пунктов Омского Прииртышья; культура народов Омского Прииртышья (праздники, обряды, игры, семейные традиции, песни, литература, изобразительное искусство, обычаи, национальная кухня, народный танец, музыкальные инструменты, одежда, украшения); повседневная жизнь и межэтническое взаимодействие населения.

В научных работах конференций лидирует тема «Культура народов Омского Прииртышья», она отражена в 103 докладах, это 54% от общего числа (всего 189). Культурная жизнь Омского Прииртышья отражена в 30 выступлениях. «Традиционной культуре» посвящено больше всего работ – 79 (нематериальное наследие представлено всего в 30 из них, вера в 8). Внимание молодых исследователей привлекли 15 народов: русские (16 докладов) казахи (12), немцы (11), казаки (8), татары (7), украинцы (3), армяне (2), эстонцы, финны, евреи, азербайджанцы, грузины, башкиры, телеуты, тувинцы. В докладах представлены свадебные обряды (в 7 работах), праздники (9), кухня (8), одежда (9), танцевальная культура русских, казахов, русских немцев, башкир, евреев, казаков, немцев (11 работ). Все выступления «иллюстрировали» яркие презентации, оригинальные экспонаты – предметы творчества и быта, хозяйственная утварь, блюда национальной кухни, одежда, народные инструменты и т.п. Демонстрировались танцы, обряды, игры. Все постановки национальных танцев были подготовлены и представлены студентами-хореографами Омского музыкально-педагогического колледжа, из них 2 победителя (2016 и 2019 гг.) и 2 призера (2017 г.).

Актуальной проблемой в многонациональном регионе является толерантность его жителей. Не случайно призером 2016 г. стал доклад «В дружбе народов – единство России!». Студенты обращались в своих работах к вопросам формирования культуры межнационального общения, к исследованию развития этнической толерантности у молодежи, к культурным особенностям многонациональных семей, и т.д. (всего 11 работ).

Следующая востребованная тема – история населенных пунктов, как правило, мест памяти и/или мест рождения молодых исследователей (56 докладов, 30% от общего числа). В докладах была представлена история сельских поселений 14 из 32 районов Омской области. Больше всего выступлений было посвящено Омску (всего 12), Большереченскому (5), Русско-Полянскому (4), Омскому и Павлоградскому (3) муниципальным образованиям. По два доклада было сделано о поселках Тарского, Таврического, Горьковского районов.

Коллективная биография народов Омского Прииртышья – третья популярная тема конференции (48 докладов, 25% от общего числа). Она раскрывается интересными сюжетами: история семьи в истории страны, трудовые династии, сохранение семейных традиций и памяти поколений, старообрядцы Омского Прииртышья, земляки в годы Великой Отечественной войны, репрессированные жители, депортация немцев в Сибирь, финны в Сибири, быт и традиции советского народа и др.

Персональная история родных и земляков – участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла, узников концлагерей, героев Социалистического труда, известных творческих личностей Омска и области (поэта Л. Мартынова, композитора В. Я. Щебалина) отражена всего в 11 докладах, но от этого не стала менее востребованной и интересной. Дважды студенты, рассказавшие о трагической судьбе узников фашистских концлагерей, стали победителями (2016 и 2019 гг.).

В заключение отметим, что опыт проведения областной научно-практической конференции «Многоликое Прииртышье›› можно считать удачным. В работах молодых исследователей история и культурное наследие Омского Прииртышья предстает во всем своем разнообразии и многонациональности, и, что важно, «эмоциональности». За четыре года в этом мероприятии приняло непосредственное участие (с докладами, культурной программой, в качестве слушателей и зрителей) более 300 студентов профессиональных образовательных организаций Омска и области. Остается пожелать организаторам успехов и дальнейшего развития проекта, в частности, начать публиковать работы победителей в сборниках материалов конференции.

УДК 94 (574)

Подолько Валентина Владимировна,
магистрант кафедры этнологии, антропологии,
археологии и музеологии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: valentina1497@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КОКЧЕТАВСКОГО УЕЗДА)

Настоящее исследование посвящено выявлению процесса формирования полиэтничного населения Степного края в дореволюционный период. На примере Кокчетавского уезда рассматривается процесс переселения казаков и крестьян в Киргизскую степь. Изучаемая территория неоднократно подвергалась административно-территориальным изменениям, которые приведены в нашем исследовании. Работа основана на делопроизводственных и статистических документах.

Ключевые слова: Степной край; Кокчетавский уезд; население; межэтнические отношения.

Podolko Valentina Vladimirovna,
master's student of the Department of Ethnology,
anthropology, archeology and museology,
Omsk State University named after F. M. Dostoevsky,
e-mail: valentina1497@mail.ru

THE HISTORY OF FORMATION OF POLYETHNIC POPULATION OF KOKCHETAV DISTRICT IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

This research is dedicated to revealing the process of polyethnic population's formation in the pre-revolutionary period. On the example of Kokchetav district the process of resettlement of cossacks and peasants to the Kyrgyz steppe is considered here. The studied area has been repeatedly subjected to administrative and territorial changes, which are shown in our research. This research is based on office and statistical documents.

Keywords: Steppe region; Kokchetav district; population; interethnic relations.

В дореволюционный период посредством переселенческой политики Российской империи сформировалось полиэтничное население Киргизской степи. Переселенческая политика была направлена на решение проблемы малоземелья в Европейской России и обеспечение безопасности пограничных территорий, поэтому практиковалось переселение крестьян из малоземельных регионов во внешние округа Омской области с последующим зачислением в казачье сословие.

Административно-территориальное деление отражает экономико-географические и демографические показатели. В поисках оптимальной структуры государственного управления изучаемая территория подвергалась неоднократным административным преобразованиям. В 1822 г. Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства: Западное и Восточное. В первое вошли Тобольская, Томская губернии и Омская область. Омская область была разделена на внутренние округа – Омский, Петропавловский, Семипалатинский и Усть-Каменогорский. В 1824 г. были учреждены внешние округа − Кокчетавский и Каркаралинский [1, с. 15].

В 1854 г. в составе Западно-Сибирского генерал-губернаторства была образована Область Сибирских Киргизов, куда вошел Кокчетавский внутренний округ. Акмолинская область в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве была образована на основе Положения от 21 декабря 1868 г., протяженность области с севера на юг составила 1 000 верст, а с запада на восток – от 400 до 600 верст. Область была разделена на пять уездов: Омский, Кокчетавский, Петропавловский, Атбасарский, Акмолинский[1].

В 1880-е гг. начинается процесс введения окраин империи в общероссийскую систему управления. В 1882 г. было создано Степное генерал-губернаторство, в состав которого вошли Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области [2, с. 36]. В 1889 г. Акмолинская область была объявлена открытой для переселения крестьян на «свободные казенные участки» [1, с. 41], что способствовало усилению переселенческого движения и массовому появлению крестьянских поселков в области [1, с. 43].

Переселенцы. В середине XIX в. правительством была поставлена задача заселения внешних округов Киргизской степи, с последующим продвижением вглубь степи. Вновь практиковалось переселение крестьян из европейской части Российской империи с последующим зачислением в

[1] Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: Издание Областного Статистического комитета, 1917. – 78 с., прил. – С. 1.

казачье сословие. В 1849 г. в Киргизскую степь прибыли 90 казачьих и 480 крестьянских семейств, которые были водворены в поселения Кокчетавского внешнего округа[1]. В 1850 г. прибыли 150 крестьянских семейств из Харьковской губернии, они были размещены на зимовку в основанных в 1849 г. поселениях (станицы Котуркульская, Аиртавская, Лобановская, Арык-Балыкская, Нижне-Бурлукская, Акан-Бурлукская) и в Кокчетаве, а затем водворены в следующие населенные пункты: Щучье; Аиртау; Имантау; Верхнебурлукское; Якши-Янгистау; Зеренда[2].

Согласно ведомости о распределении казачьего населения по племенам и вероисповеданиям за 1879 г., на территории Кокчетавского уезда проживали великороссы, малороссы, белороссы, поляки, черемисы и чуваши, мордва, пермяки, вотяки, зыряне, евреи, татары, киргизы. Всего – 24 764 душ об. п.[3]

В 1881 г. были приняты «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли». Утверждение данного нормативно-правового акта означало готовность правительственных органов взять переселенческое дело под свой надзор. Кокчетавский уезд ввиду обилия пресных вод, пастбищ и плодородных почв привлекал к себе крестьян в значительно большем количестве. С 1881 по 1891 гг. в Акмолинскую область переселилось около 66 тыс. крестьян, 16,5 тыс. из них были водворены в населенные пункты Кокчетавского уезда [1, с. 42]. С 1891 по 1900 гг. в уезд прибыли 55,6 тыс. чел. [1, с. 42 – 43]. Апогей переселенческого движения наступил в период проведения столыпинской аграрной реформы: 117,7 тыс. чел. пополнили население уезда с 1907 по 1912 гг. [1, с. 43]. В 1915 г. в Акмолинской области проживали 1 579 656 душ об. п.[4]

Казахское население уезда. В ходе обследования «киргизского» хозяйства 1907 г. были обнаружены сохранившиеся у кокчетавских «киргиз» родословные и семейные хроники, согласно которым данное население ведет свое происхождение от шести родоначальников: Богиса, Кадыра, Килды, Баба, Кырзиза и Аблая. Самое раннее появление казахов на территории кокчетавских степей относится к первой четверти XVII в. Изначально ими были заняты лучшие земли в горных и лесостепных районах – территории Мизгильской, Зерендинской и Кокчетавской волостей, а затем – Чалкарской, Аиртавской и Котуркульской. В ходе исследований киргизских хозяйств в Кокчетавском уезде было зарегистрировано

[1] ГИАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 238. Л. 151.

[2] Там же. л. 142-143.

[3] ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1305. Л. 521-522.

[4] Обзор Акмолинской области за 1915 год... С. 9.

количество наличного «киргизского» населения: 1896 г. – 72 398 чел.; 1907 г. − 88 907 чел.[1]

Миграционный процесс привел к изменению удельного веса казахского населения в национальном составе области, в то время как их численность увеличилась. Если в 1897 г. «киргизы» составляли 51% (79 000 чел.) от населения уезда (155 461 чел.), то к 1917 г. данный показатель существенно изменился. В 1917 г. в уезде проживали 354 500 чел., 35% из них – казахи (123 800) [1, с. 47].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что на динамику этнического состава населения и межэтнические отношения главным образом повлияла переселенческая политика Российского государства, обусловленная нехваткой земель в Европейской России и необходимостью продвижения вглубь Киргизской степи. Вошедшие в состав Империи территории сохраняли свое культурное и религиозное своеобразие; были созданы благоприятные условия для социально-экономического и культурного развития населения казахской степи. В результате переселений Киргизская степь из моноэтничного региона превратилась в полиэтничный. Этнический состав региона кардинально изменился, но народы взаимодействовали, что привело к разрушению межэтнических социально-культурных границ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абуев К. К. Кокшетау: Исторические очерки. – Кокшетау, 2011. – 253 с.

2. Ремнев А. В. Степное генерал-губернаторство в административных планах самодержавия конца XIX – начала XX вв. // Степной край Евразии. Историко-культурные взаимодействия и современность: Тезисы докладов и сообщений IV Международной конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Г. Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова. – Омск: изд-во ОмГУ, 2005. – С. 36 – 41.

[1] Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Повторное исследование 1907 года. – СПб., 1909. – С. 30 – 31.

УДК 316.723

Селезнева Ирина Александровна,
кандидат исторических наук,
директор,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
им. Д. С. Лихачева,
доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: ir_selez@mail.ru

ЭКОПОСЕЛЕНИЕ КАК ПОИСК НОВОГО СЕЛЬСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири», проект №19-09-00487а.

На основе опыта полевого этнографического исследования экопоселений Омской области рассматривается поиск новых вариантов сельской жизни. Главная составляющая данного поиска – идейная мотивация к изменению образа жизни. На практике это выражается в поиске тех, кто разделяет определенные взгляды на обустройство жизни в сельской местности, попытках совместить жизнь на природе, вдали от городской суеты, но с использованием современных знаний и технологий.

Ключевые слова: экопоселения; деревня; идейные основания; Омская область.

Selezneva Irina Aleksandrovna,
candidate of Historical Sciences,
director,
Siberian branch of the Russian Research Institute of Cultural
and Natural Heritage named after D. S. Likhachev,
associate Professor,
Department of Ethnology, Anthropology, Archeology and Museology,

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky,
Omsk,
e-mail: ir_selez@mail.ru

On the basis of experience of field ethnographic study of Omsk region ecological settlements the search of new variants of rural life is considered. The main component of such search is ideological motivation to change the way of life. In practice, this is expressed in the looking for those who share certain views on the arrangement of life in rural areas, attempts to combine life in nature, away from the city, but with the use of modern knowledge and technology.

Keywords: ecovillage; the village; the ideological foundation; Omsk region.

Устойчивое развитие сельских территорий является стратегически важной государственной задачей. Ее игнорирование приводит к усилению социально-экономических и экологических проблем (обострение продовольственной проблемы, увеличение безработицы, снижение уровня жизни и демографического роста населения). Проблема устойчивого социально-экономического и экологического развития сельских территорий России нашла отражение в государственных программах развития сельского хозяйства 10 лет назад. Начиная с 2014 г. вступила в силу федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 – 2017 годы и на период до 2020 года». В 2015 г. принята «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года». Принятие данных программ активизировало научное изучение факторов, влияющих на устойчивое развитие сельской местности.

Сельская этнография, исследования деревни находятся на периферии научных интересов современной российской этнологии и антропологии. Однако изменения, происходящие в современной сельской России, тесно связаны с трансформациями всего современного общества. Проблемы включенности сельских территорий в общий фон социокультурных преобразований, разные стратегии сельского образа жизни, наличие традиционного и модернистского вариантов освоения пространства и формирование на их основе абсолютно разных образов сельских поселений являются недостаточно изученными в современной отечественной науке. Особенно это касается региональных, в том числе, сибирских территорий. Выявление и фиксация традиционных и модернистских стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири позволят определить точки опоры для развития азиатской территории России.

Сбалансированное развитие сельских территорий является сдерживающим фактором маргинализации населения, выражающемся в разрыве связей между поколениями, прерывании процесса трансляции устоявшихся норм и ценностей. Деградация и девальвация деревенского образа жизни, отставание его по многим показателям комфортности от городских условий сочетается с нарастающим в обществе недовольством городской средой и поиском альтернативных вариантов организации сельского образа жизни. Это выражается в форме более-менее длительного (сезонного, долговременного) сознательного ухода людей из пространства крупного города. Здесь наблюдается широкий спектр проявлений – от стремления устроиться на сезон на даче или в деревенском доме с формированием тех или иных культурно-бытовых особенностей такого стиля жизни – до создания радикальных долговременных антиконсьюмеристских экологических поселений, где сам факт бегства из города подкрепляется мощным идеологическим обоснованием.

В итоге формируются разные стратегии освоения пространства сельских территорий, которые включают не только социально-экономические, но и социально-культурные практики, формирующие образы сельского жителя и сельской жизни. Это актуализирует изучение общественного мнения и форм репрезентации сельского образа жизни.

Проведенное исследование позволяет классифицировать известные нам экопоселения, взяв за основу идеологические основания. На данный момент основная часть экопоселений Омской области подразделяется на три группы: 1) поселения, основанные на представлениях об изобретаемой «древнеславянской» религии и экологической этике; они включают в себя весьма специфические варианты, вроде поселений, воплощающих идеалы т.н. Церкви православных староверов-инглингов, возглавляемой известным о. Патером Дием (Александром Хиневичем); 2) анастасиевские поселения, в основе которых положена идеология широко распространенного в России нового религиозного движения «Звенящие кедры России», или «Анастасия»; 3) поселения, в основу которых положена неоиндуистская идеология.

К первой группе относятся экопоселение на урочище Юрт-Бергамак Муромцевского района, поселение Азъ Градъ Омского района, экологическая община в д. Тимшиняково Тарского р-на. Идеи движения «Звенящие кедры России» положены в основу поселений Черноозерье (Имбирень) Саргатского района, Колобово (Малинкино) Муромцевского района, Березовка (Обережное) Горьковского района. Они составляют вторую группу поселений. Третья группа представлена активно строящимся экопоселени-

ем «Северная столица» рядом с населенным пунктом Сосновка Азовского района Омской обл. По данным интервью, записанных в этом поселении, идеология поселенцев базируется на учении вайшнавизма, кришнаизма.

Разумеется все многообразие идеологических установок, на основе которых строятся экопоселения, не ограничивается приведенными выше вариантами. Кроме того, в публикациях приводятся данные об экопоселении в Восточном Казахстане, объединяющем все религии, где шаманизму отведено ведущее место [1, с. 117]; экологической коммуне анархистов в Ленинградской области; планируемом поселении феминисток; экопоселке программистов и IT-специалистов, и т.п.[1].

Несмотря на различные идейные установки, основные принципы устройства экопоселений и организации жизни в них сводятся к понятиям гармоничного взаимодействия с окружающей средой, создания условия для гармоничного развития личности и долгой здоровой жизни на лоне природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Харитонова В. И. «А у нас все шаманы – православные...»: современный (нео)шаманизм и проблема культурной идентичности // Сибирские исторические исследования. – 2016. – №1. – С. 105 – 133.

[1] Орбелиани И. Строители коммунализма. Как в России устроен дауншифтинг // Известия. – 2018. – 20 июня.

УДК 947.1 (571.13)

Татауров Сергей Филиппович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Омск,
e-mail: tatsf2008@rambler.ru

ТАРСКАЯ КАЛАНЧА ИЛИ ПРО ПОЖАРЫ В ГОРОДЕ ТАРЕ И КАК С НИМИ БОРОЛИСЬ

Исследование посвящено одной из самых злободневных проблем для города Тары в XVII – XIX вв. – борьбе с пожарами. Неоднократно город страдал от опустошительных огненных стихий, когда сгорала значительная часть города вместе с крепостными сооружениями, храмами и жилыми домами. Это была беда деревянных сибирских русских городов. Горели Тобольск, Томск, Тюмень, но для Тары это было более серьезно, так как она застраивалась в рамках острожных и крепостных стен в неимоверной тесноте. Ситуация стала постепенно разрешаться в XVIII в. и к его завершению городским властям удалось справиться с масштабными пожарами, локализовав их до отдельных зданий. Но только с середины XIX в. пожарная охрана стала оперативно бороться с огненной стихией. Для этих целей была построена каланча. Археологические раскопки в 2011 г. выявили место расположения каланчи и частично исследовали ее основание. Она была построена из мощных лиственичных бревен, что позволило ей простоять почти 100 лет. В ходе раскопок были найдены предметы, относящиеся к пожарному депо, которое располагалось рядом с каланчой – фрагменты рукавов, формы и кокарда пожарного. Данное исследование открывает некоторые моменты противостояния города и пожаров, рассказывает о мерах, которые предпринимали тарчане в борьбе с огненной стихией.

Ключевые слова: Сибирь; город Тара; планиграфия; пожар; каланча; археология; кокарда.

Tataurov Sergei Filippovich,
candidate of history,
Senior researcher,

Institute of archeology and ethnography SB RAS,
Omsk,
e-mail: tatsf2008@rambler.ru

TARSKY KALANCHA OR ABOUT THE FIRE IN THE CITY TARA AND HOW TO FIGHT WITH THEM

The research is devoted by one of the most topical problems for the city of Tara in the 17 – 19th centuries – the fight against fires. The city was repeatedly exposed to devastating fiery elements, when the considerable part of the city with fortifications, temples and houses burned down. It was the trouble of the wooden Siberian Russian cities. Tobolsk, Tomsk, Tyumen burned, but for Tara it was more serious, as it was built up within the framework of the guard and fortress walls in incredible narrowness. The situation began to be gradually resolved in the 18th century and to its end the city authorities managed to cope with the large-scale fires, having localized them to certain buildings. But only from the middle of the 19th century fire protection began to struggle with fiery elements quickly. For these purposes the kalancha was constructed. Archeological excavations in 2011 year revealed the location of a kalancha and partially investigated its basis. It was constructed of powerful larch logs that allowed it to stay nearly hundred years. During excavation there were found the objects, relating to the fire station, which was located near the tower – fragments of sleeves, uniforms and the firefighter's cockade. This research opens some moments of opposition of the city and the fires, tells about measures which citizens of Tara undertook in fight against fiery elements.

Keywords: Siberia; city Tara; planigraphy; fire; kalancha; archeology; cockade.

Первый шурф, заложенный в 2007 г. в историческом центре Тары, показал многочисленные прослойки от пожаров, которые происходили в городе фактически от его основания и до настоящего времени. После 11 лет проведенных в городе археологических раскопок историю города Тара можно с полным правом назвать «историей пожаров». Г. Цветкова в книге «Тарская мозаика», изданной к 400-летию города, писала, что, Тара горела много раз. «1824, 1669, 1709... Пожар 8 сентября 1669 года испепелил 380 дворов в остроге, 65 русских, 163 бухарских и татарских, церкви, приказную избу, воеводский дом, амбары и другие ка-

зенные постройки. Воевода князь Мещерский, описывая в Москву, что город «Згорел Божьей волей» заметил: «дворы были тесны гораздо и улицы были узки»» [1, с. 22].

Причиной пожаров в подавляющем большинстве случаев был «человеческий фактор». Обращение с огнем очень строго регламентировалось. Например, летом, во избежание пожаров, запрещалось в избах топить печи, воеводам делалось исключение, но с тем условием, «что поварня будет в земле» [1, с. 40]. Но зачастую выкинутая головешка, незакрытая заслонка печи или забытый костер, на котором сжигался мусор, приводили к катастрофическим последствиям.

Была у жителей города еще одна пагубная страсть, которая часто становилась причиной пожаров, – курение. Курительные трубки, сначала для шара (смеси табака, опиума и трав), затем для табака в культурных слоях Тары фиксируются с середины XVII в. Приведем выдержку из одного письма, опубликованного К. В. Канаки в «Тарской мозаике»: «… Отвлекаясь здесь от своих выписей, замечу теперь, что высказанное опасение целиком оправдалось в городе Таре незадолго до моего приезда. Ввечеру 14 мая 1815 года, отпущенный на собственное пропитание посельщик Василий Литвинов курил трубку. Блаженствовал он не где-нибудь, а на крыльце дома, занимаемого земским исправником г. Дзюрковским. Когда приблизилось время спать, ходил он с той же трубкой в сенной сарай за одеждой и после такого его хождения, в короткое время произошел пожар, который невозможно было затушить ввиду поднявшегося ночного ветра. Кроме обывательских домов, о которых и речи нет, сгорели и присутственные места. Полностью сгорели все хозяйственные службы и дом исправника с бумагами, дом майорской дочери Баженовой, в котором помещался Земской Суд, флигель Почтовой Экспедиции со службами. При этом сгорел весь архив Земского Суда, вещи подвергнутых задержанию, также хранящиеся в этом доме, почтовые бумаги и прочее. И все это только потому, что все упомянутые дома находились, вернее сказать, теснились, на одном усадебном месте [2, с. 48].

Причиной пожаров были и природные явления: молнии частенько били в маковки тарских церквей. В 2011 г. во время сбора материалов по конфессиональной истории Тары в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) научным сотрудником Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра СО РАН Е. А. Строговой было обнаружено дело, касающееся восстановления в 1631 г. после пожара от молнии одной из Тарских церквей – Пятницкой [3].

Прямое подтверждение пожаров зафиксировано в ходе археологических раскопок: стратиграфия культурного слоя города состоит из угольно-зольных прослоек следов сгоревших зданий. Через некоторое время пожарища разравнивались, засыпались мусором, суглинком и песком и на этом месте строились новые здания. Рубка зданий велась непосредственно на месте их возведения и строительный мусор не убирался. Следствием этой практики стал быстрый рост напластований культурного слоя, особенно в XVII – первой половине XVIII вв. В настоящий момент культурные останки в центре города составляют в районе крепости 4-4,5 м, в районе острога – 2-2,5 м и на месте расположения крепостных и острожных стен 0,8-1,2 м.

В ходе исследований в острожной части города зафиксирована значительная теснота жилых и хозяйственных объектов – если в крепости мы зафиксировали усадебный характер застройки, то в этой части ее можно назвать дворовой, где междомового пространства практически не было, жилые и производственные (сапожные, гончарные, ткацкие мастерские) помещения были совмещены, а свободные площадки служили дворами сразу для нескольких хозяев. Вследствие этого в этой части города мы не зафиксировали заборов или заплотов как разграничивающих систем собственности или хозяйственной специфики территорий. Небольшие загородки и плетни служили для содержания мелкого рогатого скота, свиней и птицы. Про такую застройку говорили: «Бабы через улицу из окна в окно горшки ухватом передают». Такая теснота и была основной причиной масштабных пожаров в Таре.

Ситуация с пожарами, вернее с их предотвращением, начинает меняться в начале XVIII в. Тара очень долго восстанавливалась после спалившего весь город пожара 1669 г., но стихийное бедствие 1709 г. перечеркнуло все старания тарчан. Наступило время Петровских реформ, коснулись они и пожаров: были сделаны весьма важные распоряжения по «некоторому упорядочению тушения пожаров». Города, в том числе и Тара, стали медленно перестраиваться, это коснулось как фортификации Тарской крепости и острога, так и общей планиграфии Тары. Верхняя часть города стала строиться строго по прямоугольно-квартальной схеме. Острожные укрепления были перенесены дальше от центра города.

После крупных пожаров в городах Переяславле, Волхове, Москве в 1737 г. государством были приняты дополнительные меры по охране от пожаров. В городах созданы особые патрули и караулы из воинских подразделений, которые существовали до 1762 г. Поскольку в Таре находился военный гарнизон, то и на ее улицах появились такие патрули.

Непосредственно острожную часть города существенно «проредили»к середине XVIII в. и на плане 1747 г. мы видим уличную застройку, которая шла параллельно бывшим укреплениям острога, которые после их срытия превратились в самую широкую улицу. Существенно отодвинулась городская застройка от стен Тарской крепости. Раскопки в этой части города позволяют утверждать, что с того времени данная территория уже не застраивалась. Но все эти перестроения не решили городских проблем, Тара продолжала гореть. Только с воцарением Екатерины II ситуация начинает меняться: центр города приобретает строгую, характерную для других городов Российской империи планиграфию. С 1782 г. по указам Екатерины II государство в городах фактически начинает содержать отдельные подразделения пожарной охраны за счет казны.

Существенные ограничения вошли в правила застройки города. В 1785 г. было принято Городовое Положение, согласно которому г. Тара был предписан план с расписанием «по каким фасадам в г. Таре и по каким улицам полагается строение домов... Деревянные домы по кварталам строить по фасадам на каменных жилых погребах, на каменных фундаментах и бескаменных фундаментах, кто какие пожелает, но чтоб всякое деревянное одно от другова не ближе было 5-ти сажень, не выше 6-ти аршин и не больше каждой деревянный корпус строить 12-ти сажень.., кровли крыть тесом и гонтом и дранью, а соломою крыть недопущать. Магазеины, анбары поблизости рек в нарочитом растоянии от жила, кожевни и протчие заводы, скотские бойни по течению реки ниже города в таких местах, дабы от них в городе не происходило нечистоты и дурного воздуха, пивоварни при реке выше скотских боев и тех заводов, кузницы при въезде в город у больших дорог, и все сии строении строить в таком расстоянии от жила, чтоб не угрожали опасностию пожара» [1, с. 33].

К концу XVIII в. в Таре, по примеру других российских городов, сложилась административно-хозяйственная система, которая постепенно превратила город в один из самых благоустроенных и чистых в Сибири. Спустя полтора века после своего основания город справился с масштабными пожарами, которые неоднократно наносили опустошительный урон. Но Тара, как и другие города Российского государства, продолжала гореть (уже локально) и последовал следующий ряд мероприятий по укрощению огненной стихии.

8 сентября 1802 г. манифестом Александра I в России было создано Министерство внутренних дел. С того времени во главе полиции в крупных городах были поставлены обер-полицмейстеры, которые одновременно осуществляли централизованное управление пожарной охраной,

тем самым мы можем говорить, что с этого времени в России появляется профессиональная пожарная охрана. В 1804 г. Александр I утвердил указ о строительстве пожарных каланчей в государстве – для нашего исследования это знаменательный документ.

В ходе подготовки к исследованиям в острожной части города в районе, примыкающем к северной части тарской крепости, при изучении планов города 1861 г. и фотографий конца XIX в. выяснилось, что здесь размещалась пожарная каланча и здание пожарной охраны (депо). Документов по открытию в городе пожарной части пока не найдено, очевидно, что в Таре как в городе с военным гарнизоном функции контроля над огненной стихией выполняла инвалидная команда. В пользу этого довода может служить то, что здание инвалидной команды, вместе с «домом пожарных инструментов» на планах города конца XVIII в. находятся практически на том же месте, где впоследствии располагалось пожарное депо. Для восстановления планиграфии города 2 половины XIX – 1 половине XX вв. определение местоположения каланчи было важно в плане выявления определенного репера. Дело в том, что в 30-х гг. XX в. каменные храмы в Таре, кроме Спасской церкви, были разрушены, и центр города претерпел сильные изменения: каланча позволяет восстановить положение утраченных объектов.

В 2011 г. между зданием гостиницы «Иртыш» и дорогой по ул. Успенской был заложен раскоп и практически на уровне современной дневной поверхности были зафиксированы столбы – остатки каланчи. В ходе работ выяснилось, что в раскоп попал только одна сторона и угол каланчи. Длина стороны 12 м, поэтому площадь основания объекта составляет 144 м^2. Каланча была построена из лиственичных бревен диаметром около 0,6-0,8 м. Бревна были закопаны в грунт почти на 2 м на расстоянии 1 м друг от друга и с наклоном внутрь (к центру каланчи) на 10-15°. Между собой бревна скреплены с внутренней стороны брусовой обвязкой (при помощи системы пазов), так как железных скоб и шпилей зафиксировано не было. Высоту каланчи сложно определить, но по панораме города, где она стоит в одной проекции с Успенским и Никольским соборами, ее высота была примерно около 25-30 м.

Пока сложно сказать о времени строительства тарской каланчи. Судя по находкам монет в культурном слое, связанном с этим комплексом, он был поставлен не ранее 60-х гг. XIX в. Но оговоримся, что это пока предварительное заключение.

Культурный слой в исследованной части составляет 2,2 м и содержит следы двух мощнейших пожаров. Следы огня присутствуют и на сохра-

нившихся бревнах каланчи, но очевидно, что она стояла после пожаров. Судя по фотографии конца XIX в. можно определить и источник высоких температур: со стороны коренного берега Иртыша к каланче подступают поленницы дров дровяной биржи городского базара, на краю которого собственно и находилась каланча, видимо, эти поленницы неоднократно горели.

В ходе раскопок было найдено несколько предметов, относящихся к пожарному депо. Само здание вероятнее всего находилось под гостиницей «Иртыш», а находки рассредоточены по окружающей территории. В первую очередь это фрагменты рукавов, также пострадавшие от пожара, и пряжки от поясов пожарных. В 2018 г. была найдена кокарда с фирменной фуражки пожарного. Кокарда была свернута в трубочку, но благодаря омским реставраторам ее удалось развернуть, и мы увидели прелюбопытное изделие. Это кокарда пожарного Российской империи, с которой отломали корону и выпилили шлем (на нем тоже был имперский символ). Впоследствии советская власть ввела свою кокарду, немного подправив шлем и заменив корону звездой.

Можно восстановить ситуацию: тарский пожарный, оставшись на своем посту после прихода Советской власти, вручную переделал свой фирменный знак. Не просто выбросил и пришил, допустим, звезду, а оставил свою кокарду как символ верности своей профессии. Тарским краеведам можно попытаться установить владельца этого знака: не так много пожарных было в городе в конце XIX в. и совсем единицы служили до и после Октябрьской революции.

После сноса Успенского и Никольского соборов каланча в этом районе стала вторым по высоте сооружением, уступая только Спасской церкви. Пострадавшую от пожаров каланчу обшили досками и в таком виде она простояла примерно до 1963 – 64 г. Документов о ее сносе нет. Из рассказов тарчан старшего поколения в последние годы каланчу не использовали, она сильно обветшала и представляла угрозу для населения. В связи с этим в ночное время около нее был пост охраны. В конце концов, ее разобрали на дрова и на хозяйственные нужды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Цветкова Г. Я. Город на речке Аркарке // Тарская мозаика – Омск: Омское книжное издательство, 1994. – С. 6 – 45.

2. Канаки К. В. Тарская мозаика // Тарская мозаика. – Омск: Омское книжное издательство, 1994. – С. 46 – 59.

3. Строгова Е. А., Татауров С. Ф. История одного пожара // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: Материалы VI региональной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения А. В. Ваганова (г. Тара, 1 – 2 марта 2012 г.). – Омск: Амфора, 2012. – С. 72 – 77.

УДК 904

Татауров Филипп Сергеевич,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела культурного наследия,
Омский государственный историко-культурный
Музей-заповедник «Старина Сибирская»,
Омск,
e-mail: fil_opossum@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ОСВОЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗНАМЕНСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В археологии русских Среднего Прииртышья поиску и культурной атрибуции новых памятников уделено недостаточно внимания. Ряд районов, через которые с севера на юг шло освоение и заселение края русскими в XVII – XVIII вв., практически не исследован, все археологические раскопки проводятся исключительно в городе Тара и его окрестностях. В данной статье представлены результаты разведочных работ, проведенных в 2017 – 2018 гг. на территории Знаменского района Омской области. В частности, было выявлено два поселения XVII – XVIII вв.: Кабузаска и Мамешево, давшие интересную предметную коллекцию. Кроме этого, поднимаются проблемы, связанные с усилением антропогенного влияния на археологические памятники в данном регионе в последние годы.

Ключевые слова: археология русских; Западная Сибирь; Среднее Прииртышье; XVII – XVIII вв.; охрана культурного наследия.

Tataurov Philipp Sergeevich,
candidate of history,
senior researcher of cultural heritage department
of Omsk State Historical and Cultural
Museum-Reserve «Antiquity Siberian»,
Omsk,
e-mail: fil_opossum@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE RUSSIAN DEVELOPMENT OF THE MIDDLE IRTYSH REGION IN THE TERRITORY OF THE ZNAMENSKY DISTRICT OF THE OMSK REGION: MODERN CONDITIONS AND PERSPECTIVES OF RESEARCH.

In the archeology of the Russians of the Middle Irtysh region, not enough attention is paid to the search and cultural identification of new archeological sites. A number of areas through which the region was settled by Russians in the XVII – XVIII centuries from the north to the south have practically not been investigated; archaeological excavations are currently being conducted exclusively in the Tara city and its neighborhood. This article presents the results of archaeological exploration works, carried out in the 2017 – 2018 years in the Znamensky district of the Omsk region. In particular, two settlements of the 17 – 18th centuries was revealed: Kabuzaska and Mameshevo, where an interesting collections of artefacts were found. In addition, once again raised the problems associated with the increasing anthropogenic influence on archaeological sites in this region in recent years.

Keywords: Archeology of the Russians; Western Siberia; Middle Irtysh region; XVII – XVIII centuries; protection of cultural heritage.

На протяжении многих лет характер освоения и заселения Западной Сибири русскими, а также их адаптация к новым природно-климатическим и этнокультурным условиям региона изучались в основном по письменным источникам. Примерно четверть века назад начало складываться научное направление «Археология русских», серьезно расширив источниковую базу по данной проблематике, однако исследования проводятся в основном в городах (Мангазея, Томск, Тара, Тобольск и др.) и острогах (Саянский, Кузнецкий, Умревинский и др.). Изучение русских сел и деревень в Сибири систематически проводится только в Омском Прииртышье, но и здесь до настоящего времени изучено лишь три памятника (Бергамак-I, Изюк-I, Ананьино-I – под руководством Л. В. Татауровой).

Несмотря на то, что по письменным и картографическим источникам были составлены подробные схемы расположения русских и татарских деревень на Оби, Иртыше и их притоках в первой трети XVIII в. [1, с. 77 – 81], археологическое обследование первопоселенческих деревень, слобод и форпостов практически не проводилось. Однако даже поверхностное изучение подобных памятников представляется важным по ряду причин. Во-первых, это способствует накоплению источниковой базы

по процессам расселения и адаптации русских в Западной Сибири. Во-вторых, это помогает уточнить и раскрыть характер формирования этносоциальной группы русских сибиряков и их культурных традиций, а также влияние русского мира на культуру аборигенов. В-третьих, постановка на государственный учет вновь выявленных памятников дает им хоть какую-то защиту от разграбления «черными археологами».

В связи с этим в 2017 – 2018 гг. автором этой статьи были проведены археологические разведки на территории Знаменского района Омской области с целью поиска памятников, оставленных русским населением в XVII – XVIII вв.

Сравнивая картографические источники XVII и XVIII вв. с современными картами, нетрудно заметить, что большинство деревень, основанных переселенцами на территории современного Знаменского района Омской области, существуют и в настоящее время. Это означает, что обнаружить на их территории участки, сохранившиеся в непотревоженном виде с XVII-XVIII вв., практически невозможно.

Несмотря на это, в результате проведенных археологических разведок было выявлено два памятника, относящихся к XVII – XVIII вв.

Первый – поселение Кабузаска-I. Деревня обозначена на листе 92 «Хорографической книги Сибири», составленной С. У. Ремезовым, причем, судя по соответствующему значку, в ней имелась часовня или церковь. Упоминает этот населенный пункт и Г. Ф. Миллер в своем «Описании…» 1734 г.[1] На карте Тарского Прииртышья 1825 г. деревня уже отсутствует [2, с. 109]. Памятник расположен на мысу коренной террасы р. Иртыш в 2 км к северу от села Бутаково. На его поверхности фиксируются жилищные ямы и западины, культурный слой насыщен большим количеством лепной керамики, характерной для русских поселенческих комплексов Сибири XVII – XVIII вв., а также костями животных. Результаты раскопок дают понять, что деревня, скорее всего, просуществовала чуть более 100 лет, с середины XVII и примерно до второй трети XVIII в.

Второй выявленный памятник – поселение Мамешево-I. Деревня с соответствующим названием была основана в начале XVII в., здесь жили служилые люди, посаженные на государеву пашню. В 1624 г. в ней насчитывалось 5 дворов. Она также указана на листе 92 «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова, описана Г. Ф. Миллером в 1734 г.[2]

[1] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – Вып. VI. – С. 93.

[2] Там же. – С. 93.

В XVII – XVIII вв. деревня располагалась в пойме р. Иртыш, на полуострове, образованном озером Мамешевским, которое, в свою очередь, имеет старичное происхождение (ширина озера – 100-150 м). Однако, вероятно из-за того, что в половодье поселение неоднократно подвергалась затоплению (высота берега от уреза воды в июле – 1-3 м), в 1806 г.[1] его жители перебралась на высокую коренную террасу р. Иртыш, где деревня существует и в настоящее время.

Поверхность памятника неровная, фиксируются небольшие овражки, глубиной 1-1,5 м, возвышения и жилищные западины, культурный слой начинается практически от уреза воды. Сборы с поверхности дали большое количество материала XVIII в. Это железные ножи, грузила биконической формы, фрагменты стеклянных штофов, изделий из кожи, железный топор, чернолощеная лепная керамика, обломок жернова. Кроме этого, на берегу был найден обломок человеческой кости, что свидетельствует о наличии некрополя в непосредственной близости от поселения.

Оба памятника подверглись значительным разрушениям в результате действий «черных археологов». На поверхности зафиксированы многочисленные «закопушки» (вырезанные куски дерна), а на памятнике Мамешево-I даже рекультивированные шурфы размерами до 100х100 см. По рассказам местных жителей, грабители не боятся проводить даже многодневные раскопки. Практически полное отсутствие контроля над состоянием археологических памятников, а также доступность специального оборудования (металлдетекторов) для широкого круга пользователей приводят к тому, что разграблению подвергаются даже памятники Нового времени, где, казалось бы, вероятность обнаружить какую-то уникальную, ценную вещь очень низка.

Подводя итоги выполненных работ, можно сделать два основных вывода. Во-первых, было выявлено и атрибутировано два поселения русских первопоселенцев, относящихся к XVII – XVIII вв. На поселении Мамешево-I была собрана представительная коллекция археологического материала, на основании которого можно говорить о перспективности проведения дальнейших археологических исследований на памятнике с целью изучения материальной культуры русских сибиряков. Новые сведения ложатся в источниковую базу для построения геоинформационных систем по исторической экологии, системам жизнеобеспечения и культурного ландшафта. Во-вторых, в очередной раз можно констатировать серьезные проблемы в плане сохранения исторического наследия. Недостаточный контроль над

[1] Список населенных мест Сибирского края. – Том 1. Округа Юго-Западной Сибири. – Новосибирск, 1928. – С. 48.

состоянием археологических памятников вкупе с низким уровнем сознательности населения региона постепенно приводит к тому, что непотревоженный объект для изучения становится найти практически невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Татаурова Л. В., Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веке (по материалам археологических исследований) – Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.

2. Крих А. А. Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX века). – Омск: ИД Наука, 2016. – 263 с.

УДК 908

Тихонов Сергей Семенович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Омская лаборатория археологии, этнографии
и музееведения ИАЭТ СО РАН,
Омск,
e-mail: semchi957@gmail.com

ЧЕТЫРЕ ВАРИАНТА ЛЕГЕНДЫ О МОГИЛЕ ХАНА КУЧУМА

Место погребения хана Кучума – последнего правителя Сибири из рода Чингиса – неизвестно. Наиболее вероятно, что он был похоронен в урочище на р. Нор-Ишим близ оз. Каргальчик – современная Тенгиз-Кургальджинская впадина в Сары-Арке (Центральный Казахстан). Однако, среди жителей Кузбасса (Крапивинский район Кемеровской области) существует несколько вариантов легенд о могиле хана Кучума в Мартайге – западный склон Кузнецкого Алатау в верховьях рек Кучуманда и Улуманда на Абатовой горе. Легенда локальна, отлично передает специфику географии района, но совершенно недостоверна с исторической точки зрения.

Возможно, что легенда была создана тюльберами, небольшим тюркоязычным народом, проживавшим по рекам Тайдон, Верхняя, Средняя и Нижняя Терси (правые притоки Томи), в так называемой Тюльбертайге, и по томскому левобережью в верховьях рек Иня, Южная Уньга, а также по Мунгату. В настоящее время тюльберы обрусели.

В первой половине XVIII в. на границу Томского и Мунгатского дистриктов Томской губернии, на свободные земли приходят русские, воспринявшие легенду и использовавшие ее для объяснения некоторых географических реалий и идеологического обоснования своего присутствия в Среднем Притомье.

Ключевые слова: хан Кучум; тюльберы; глубина исторической памяти; этноархеология; краеведение.

Tikhonov Sergey Semenovich,
Candidate of historical Sciences,
Senior researcher,
Omsk laboratory of archeology, Ethnography
and museology of IAET SB RAS,

Omsk,
e-mail: semchi957@gmail.com

FOUR VERSIONS OF THE LEGEND OF THE GRAVE OF KHAN KUCHUM

The place of burial of Kuchum Khan – the last ruler of Siberia from the Genghis clan – is unknown. It is most likely that he was buried in the tract on the river nor Ishim near oz. Kargalyk – modern Tengiz-Kurgaldzhino depression in Sary-ARKA (Central Kazakhstan). However, among the residents of Kuzbass (krapivinsky district of Kemerovo region) there are a number of legends about the tomb of Khan Kuchum in Marraige – Western slope of the Kuznetsk Alatau in the upper reaches of the rivers Cucamonga and Alumanda autoway on the mountain. The legend is local, perfectly conveys the specifics of the geography of the area, but completely unreliable from a historical point of view.
It is possible that the legend was created tullbergi, a small Turkic people living along the rivers House, Top, and bottom Srednaya Tersi (right tributaries of the Tom river), in the so-called Colbertisme and Tomsk left Bank in the upper reaches of the river Inya, southern GA, and also on Mugatu. Currently thullbery Russified.
In the first half of the XVIII century, on the border of Tomsk and Mongolskogo districts of the Tomsk province, on the availability of land come to the Russian, took the legend and used it to explain some of the geographical realities and the ideological justification of their presence in an Average of Pretome.

Keywords: Khan Kuchum; tulbery; depth of historical memory; ethnoarchaeology; local history.

Как минимум с 1862 г. по настоящее время среди жителей среднего течения Томи (Крапивинский район Кемеровской области) бытуют легенды о захоронении хана Кучума на горе Абатова в верховьях рек Кучуманда и Улуманда (правые притоки р. Тайдон, правого притока Томи) на западном склоне Кузнецкого Алатау на водоразделе верхних притоков рек Чулым и Томь. Это глухая труднодоступная горно-таежная местность, покрытая черневой тайгой, с большим количеством малых рек, речек и ручьев.

Первый вариант легенды записал в 1862 г. Федор Степанович Голубев, сын священника из Пензы, чиновник Томской казенной палаты, коллежский асессор, золотопромышленник. Его информатор – Алексей Дмитриевич Мальков, 1797 г. р., житель д. Аил Кузнецкого округа Томской губер-

нии, крещеный инородец-татарин *(тюльбер – С. Т.)*, который считал, что его предки – прямые потомки Кучума.

Вот текст легенды: «Когда Ермак вытеснил Кучума из Искера и даже из пределов Сибирского царства (в нынешней Тобольской губернии) в местность или в тайгу, ныне находящуюся в Томской губернии, Кузнецкого округа, в Алтайском крае, то Кучум поселился на реке, ныне называемой Кучу-Мында, где он и помер и похоронен с живой девицей, а над могилой насыпаны три кургана (шихана). Средний шихан больше остальных, и под ним именно находится могила самого Кучума, а под двумя боковыми зарыто его имущество. Эти курганы тамошние ясашные инородцы находили и хотели было разрыть, но их удержал страх пред разными ужасами, которые, по преданию, должен испытать дерзновенный смельчак.

Речка Кучу-Мында течет из высокой горы Абат и впадает с правой стороны в речку Тайдан, а последняя, с правой же стороны в реку Томь. Выше Кучу-Мынды, в 8 верстах, находится речку Улу-Мында, также приток Тайдана. Она получила такое название от князя Улума, племянника царя Кучума» [2, с. 3].

Второй раз легенда была записана в 1957 г. со слов Терентия Ермолаевича Смертина, 1860 г. р., жителя деревни Поперечное (Поперечка), по его словам, потомком Кучума по материнской линии. Предположу, что легенду записал Николай Данилович Конев, учитель истории Крапивинской средней школы, краевед, основатель районного музея.

Текст легенды следующий: «Кучум с телохранителями спасся после поражения на устье Ирмени, и пробирался на лодке в Монголию. На берегу р. Тайдон он заболел и умер. Его похоронили в кургане у трех сосен в 15 верстах от устья Тайдона неподалеку от речки Кучуманда. С Кучумом похоронили среднюю дочь Улуманду, а старшая дочь, желая уцелеть, убежала, воспользовавшись непогодой, темной ночью, и прихватив сумку с золотом. Она выехала тайгой на устье речки Луговушка и переправилась в грозу через Томь, разлившуюся весной. Во время грозы она поклялась, что на том месте, где река вынесет ее на берег, она поставит часовню в честь Николая Чудотворца»[1].

Третий вариант легенды я слышал в конце 1960 – начале 1970 гг. от моего деда Евдокима Андреевича, 1888 г. р. и его сыновей Михаила (1923 г.р.), Семена (1930 г.р.) и Ивана (1941 г.р.), жителей д. Крапивино. Он несколько отличается от предыдущих, и в нем есть комментарии: «Кучум убежал от русских на Томь и похоронен на Кучуманде в верховьях. Потому и реку так назвали. Его дочь Улуна уехала на коне, и где через Томь переправилась,

[1] Живем крапивинской судьбой. – Новосибирск: ЦЭРИС, 2004. – С. 29 – 30.

там часовню поставила. Выплыть она могла только на низкий берег, это на Займище, у Острога. Могилу потом хранили. До революции там горели свечи. А сама могила была в пещере. Посещали могилу Сироткины, род раньше такой был. В 1950 гг. кто-то со школьниками искал могилу. Старики знали его».

Последний известный мне вариант рассказала журналист Елена Теплова со слов жителей д. Тараданово в 2017 г.: «Хан Кучум хотел покорить Сибирь, но его разбили войска Ермака. Кучум пробирался в Монголию и умер. Согласно правилам для татарских князей, подданные хотели его похоронить вместе с женой, а молодая женщина не хотела быть заживо погребенной. Она попросила исполнить ее последнюю волю и дать прокатиться ей на коне хана. Она уехала и больше ее никто не видел. А татары из золота отлили женщину и похоронили вместе с ханом. Похоронен он на Абатовой горе в устье Тайдона. Где точно – никто не знает, но там есть три сосны»[1].

Историческая часть легенды не выдерживает критики, и ее можно поставить в один ряд с преданиями о любви юношей и девушек, превратившихся в реки Бия и Катунь, Томь и Ушайка, Баянзас и Саянзас. Что касается сведений географических, то они великолепно отражают реальность.

Судя по распространению легенд – бассейн р. Мунгат (левый приток Томи) – легенда локальна. Возможно, ее создали тюльберы Баянской и Тюльберской волостей Мунгатского дистрикта Томской губернии, и затем восприняли русские, осваивавшие среднее течение Томи в начале XVIII в. [6, с. 133 – 136].

Легенды интересны тем, что, во-первых, позволяют уточнять глубину исторической памяти населения, определяемую пока в 3-4 поколения [4, с. 133 – 138; 5, с. 409 – 410; 7, с. 270 – 273], а во-вторых, вносят коррективы в процесс изучения этнографо-археологических комплексов народов Сибири в целом [1; 3, с. 79 – 125], и тюльберов в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бережнова М. Л., Корусенко М. А., Полеводов А. В., Татауров С. Ф., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ – Омск: ИД Наука,

[1] Легенды Кузбасса 2.0. Томь – Тайдон – Крапивинский – Медвежка – Зеленогорский. [Электронный ресурс. Дата обращения 19 мая 2019]. Доступ – https://www.youtube.com/watch?v=2HvUBN_W-tQ.

2016. – 294 с. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; Т. 14).

2. Голубев Ф. Могила Кучума // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. – №139 от 1 декабря 1891. – С. 3.

3. Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию: учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск: ИД Наука, 2009. – Т. 11. – С. 79 – 125.

4. Тихонов С. С. Художник В. Д. Вучечевич-Сибирский и глубина исторической памяти народа // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: ОГИК музей, 2012. – №17. – С. 133 – 138.

5. Тихонов С. С. К вопросу о микротопонимике малого сибирского города и глубине исторической памяти его населения (по материалам города Тары, Омская область) // Третьи Ядринцевские чтения. – Омск: ОГИК музей, 2015. – С. 409 – 410.

6. Тихонов С. С. Этнографо-археологические комплексы русских Притомья и возможности их изучения (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2013. – №3 (97). – С. 133 – 136.

7. Тихонов С. С. Об устной истории гражданской войны и глубине народной памяти // Социально-политические кризисы в истории России. – Шадринск, ШГПУ, 2018. – С. 270 – 273.

УДК 39

Федоров Роман Юрьевич,
старший научный сотрудник,
Тюменский научный центр СО РАН,
Тюмень,
e-mail: r_fedorov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЙ ОБРЯДА «СВЕЧА» У БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант №18-09-00028).

У потомков белорусских крестьян-переселенцев конца XIX в., проживающих в д. Осиновка Викуловского р-на Тюменской обл., сохранился обряд почитания и переноса иконы «Свеча» (Воскресение Христово). В соответствии с ним, икона на протяжении года находится в одном из домов жителей деревни. На Рождество она переносится в другой дом, который временно становится своеобразным сакральным центром поселения. В местах выхода переселенцев на территории Восточного Полесья широкое распространение имело почитание братских свечей. Часто такие свечи изготавливались по обету и были посвящены какому-нибудь православному святому. В ряде случаев объектом почитания становился комплекс, состоявший из свечи и патрональной иконы. У белорусских переселенцев, проживающих в Осиновке, в качестве организующего объекта этого обряда выступает лишь икона, тогда как практика изготовления братской свечи оказалась утраченной. Несмотря на это, данный обряд сохранил высокую степень аутентичности. На основе анализа полевых материалов и их сопоставления с этнографическими описаниями, сделанными в местах выхода переселенцев, рассмотрены особенности бытования и трансформаций обряда «Свеча» в Западной Сибири.

Ключевые слова: обряд «Свеча»; народные православные традиции; крестьянские переселения; белорусы в Сибири.

Fedorov Roman Yurievich,
Senior research associate,
Tyumen scientific center SB RAS,
Tyumen,
e-mail: r_fedorov@mail.ru

THE FEATURES OF «THE CANDLE» RITUAL OF THE BELARUSIAN PEASANTS-MIGRANTS IN SIBERIA

The ritual of honoring and transfer of an icon «Candle» (Resurrection of Jesus) have remained at descendants of the Belarusian peasants-migrants of the end is 19th century, living in the village of Osinovka of Vikulovsky district of the Tyumen Region. According to this ritual, the icon is placed for one year to the house of one of the village residents. For Christmas the icon transfers to the other house which becomes a temporary sacral center of the village. In the places of an exit of migrants in the territory of East Polesia a wide circulation had honoring of brotherly candles. Such candles often used to make on a vow and were devoted to some Orthodox saint. In some cases the complex consisting of a candle and an icon became object of honoring. The Belarusian migrants living in Osinovka keep only the tradition of the honoring of an icon but have lost the practice of production of a brotherly candle. Despite it, this ceremony keeps high degree of authenticity. The features of preservation and transformations of the ritual «Candle» in Western Siberia are considered on the basis of the analysis of the field materials and their comparison to the ethnographic descriptions made in places of an exit of migrants.

Keywords: «The Candle» ritual; folk Orthodox traditions; peasant migrations; belarusians in Siberia.

На территории Викуловского р-на Тюменской обл. в конце XIX в. сложился куст деревень, основанных переселенцами из Могилевской губернии. Среди этнических традиций, привнесенных белорусами в Сибирь, важное место занимает почитание и обряд переноса иконы «Свеча», сохранившие свое бытование в д. Осиновка. В соответствии с ними почитаемая местными жителями икона «Свеча» (Воскресение Христово) на протяжении года хранится в доме одного из жителей деревни. На Рождество совершается перенос иконы в другой дом. Он сопровождается рядом обрядовых действий. Путь для переноса иконы устилается соломой. Жители Осиновки и приехавшие гости встают на колени на устланном соломой

пути, выстроившись в ряд. Двое мужчин проносят над ними киот с иконой. Дом, в котором хранится икона, превращается в своеобразный временный сакральный центр деревни, заменяя в ней церковь.

Среди исследователей одной из первых интерес к этому обряду в конце 1980-х гг. проявила тюменский фольклорист Л. В. Демина. В 2003 г. воспоминания старожилов об осиновской «Свече» были описаны Г. А. Крамором [1]. Изучение обряда «Свеча» было начато нами с 2009 г. в ходе регулярных этнографических экспедиций в Викуловский район [2]. В 2011 г. нами была проведена совместная экспедиция с белорусским этнологом О. А. Лобачевской, которая положила начало исследованиям, целью которых являлось сопоставление обряда с его аналогами, существовавшими в местах выхода переселенцев [3].

На территории Полесья, откуда были родом предки переселенцев, широкое распространение имели братские свечи. Этнографические описания связанных с ними обрядов, сделанные в конце XIX – начале XX вв., дают возможность реконструировать практику их бытования, которая сложилась в Белоруссии на момент крестьянских переселений в Сибирь. В публикациях тех лет неоднократно встречались описания традиций изготовления общинных или мирских свечей [4, с. 176]. В соответствии с ними жители деревни жертвовали воск для большой свечи, которая на протяжении года хранилась в доме одного из местных жителей. Часто такие свечи изготавливались по обету в случае бедствий или были посвящены какому-нибудь православному святому. В некоторых деревнях на них одевали специальные «рубахи», также она могла иметь выступы, похожие на руки, что придавало свече антропоморфные черты [5, с. 386]. Д. К. Зеленин связывал истоки этого обряда с практикой братчин [5, с. 385]. Позднее к такому же объяснению склонялась М. М. Громыко [6, с. 368]. Ф. А. Жудро отмечал, что свеча могла «заводиться» как всей сельской общиной (громадскія свяча), так и принадлежащими ей лицами, связанными тем или иным общественным положением, к которым автор в качестве примеров относил нищих, вдов и холостых людей. При этом Ф. А. Жудро отмечал, что «лица, устраивающие «свечу» являются членами одной корпорации, считаясь связанными союзом братства, под покровительством выбранного им патрона» [7, с. 233]. В качестве святого патрона чаще всего выступали Христос, Богородица, Святитель Николай, Параскева Пятница и др. На территории Восточного Полесья в честь этих святых помимо восковой свечи в домах также хранили их иконы. Таким образом, в этом регионе в качестве организующего объекта этого обряда нередко выступал комплекс икона+свеча. Его особенности были подробно исследованы белорусским

этнографом Г. И. Лопатиным [8; 9]. Примеры подобных комплексов представлены в экспозиции Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова.

У белорусских переселенцев, проживающих в Викуловском р-не Тюменской области, сохранилась лишь патрональная икона «Воскресение Христово», которая передается из дома в дом без традиционной братской свечи. В настоящее время нет возможности получить достоверный ответ относительно того, носили ли когда-то местные жители вместе с иконой братскую свечу или она отсутствовала изначально, т.к. единственным источником по истории бытования этого обряда являются устные рассказы, которые у разных информаторов имеют ряд отличных друг от друга версий. В соответствии с одной из них, икону переселенцы могли привезти из Белоруссии, но наиболее вероятно, что она была приобретена переселенцем Иваном Ковальковым в Таре или Усть-Ишиме не позднее 1905 г. Судя по письму, икона является образцом иконописного промысла, связанного с народной традицией и ориентированного на массового потребителя [3, с. 74]. Икона заключена в трехчастный деревянный киот, который местные жители называют «абажуром». Вокруг расположенной под стеклом главной иконы размещены житейные клеймы, а также отдельные литографические иконы. Все находящиеся в киоте иконы заключены под стекло и украшены фольгой и бумажными цветами. Рядом с киотом хозяева дома ставят небольшой туесок с зерном, в который вставляются зажигаемые перед иконой свечи. Для подтверждения сибирской версии приобретения иконы большое значение имеет возможность ее атрибутирования специалистами по народной иконописи Омского Прииртышья. Помимо происхождения иконы, остается открытым вопрос, почему ее перенос осуществляется на Рождество, а не на Пасху.

Наиболее вероятно, что осиновская «Свеча» является единственным сохранившимся на сегодняшний день примером подобных традиций, которые были более 100 лет назад были привнесены белорусскими переселенцами на территорию Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Крамор Г. А. В краю медовых лип: экспедиция в Викуловский район // Коркина слобода. – 2003. – Вып. 5. – С. 102 – 123.

2. Федоров Р. Ю. Обряд «Свеча» у белорусских переселенцев в Западной Сибири // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклярыстыкі. – Вып. 10. – Мінск: Права і эканоміка, 2011. – С. 465 – 469.

3. Лобачевская О. А., Федоров Р. Ю. «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – №1 (16). – С. 72 – 82.

4. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1902. – Т. 3. – 535 с.

5. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.

6. Громыко М. М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 446 с.

7. Жудро Ф. А. Свеча – белорусский церковно-бытовой праздник // Могилевские епархиальные ведомости. – 1893. – №13. – С. 232 – 236.

8. Лопатин Г. И. «Ікона звалась свячой…»: из опыта изучения обряда «Свячы» в Восточном Полесье // Антропологический форум, 2008. – №8. – С. 402 – 416.

9. Лапацін Г. И. «Ікона звалась Свячой…». Абрад «Свяча» у прасторы традыцыйнай культуры Гомельшчыны. – Гомель: Барк, 2013. – 116 с.

УДК 902

Федотова Ирина Владимировна,
и.о. главного хранителя музейных предметов,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: ivputintseva@mail.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ОМСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

В годы Гражданской войны в Омске активизировались археологические изыскания. Они проводились местными и приезжими любителями древностей. В 1918 г. был открыт уникальный археологический объект «Омская стоянка». В статье рассказывается об этом событии и некоторых других сюжетах омской археологии того времени. Представлена деятельность некоторых представителей сибирской интеллигенции во время Гражданской войны и в послевоенный период.

Ключевые слова: комплекс памятников «Омская стоянка»; Западно-Сибирский отдел Русского географического общества; Омский государственный историко-краеведческий музей; интеллигенция в годы Гражданской войны.

Fedotova Irina Vladimirovna,
acting chief curator of Museum objects,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: ivputintseva@mail.ru

CIVIL WAR IN RUSSIA AND OMSK ARCHAEOLOGY

In Omsk the archaeological researches were intensified during the Civil War. Researches were carried out by local and visiting lovers of antiquities. In 1918, a unique archaeological object «Omsk site» was opened. The article tells about this event and some other subjects of Omsk archeology of that time. The activity of some representatives of the Siberian intelligentsia during the Civil War and in the post-war period is presented.

Keywords: complex of monuments «Omsk site»; West-Siberian department of the Russian Geographical Society; Omsk State Museum of History and Regional Studies; intelligentsia during the Civil War.

В 2018 г. исполнилось 100 лет со времени начала Гражданской войны в России. Но в этом же году отмечалась и столетняя годовщина открытия «Омской стоянки» – одного из самых крупных археологических памятников Западной Сибири. Вспомним, как произошло выявление этого объекта в свете общих процессов в омской археологии тех лет и в контексте научной жизни Сибири в годы Гражданской войны.

«Омскую стоянку» открыл в 1918 г. Сергей Александрович Ковлер (1882–1960 гг.) – известный омский врач, с 1916 г. – член Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества (далее ЗСОИРГО, ЗСОРГО). В 1918 г. он стал председателем отдела охраны памятников старины Сибири при ЗСОРГО [1, с. 34]. Открытие «Омской стоянки» было довольно типично: памятник частично разрушился и обнажился культурный слой. Сборы на обнажениях С. А. Ковлер продолжал вплоть до 1920 г. [2, с. 7]. Часть найденных в окрестностях Омска предметов была передана С. А. Ковлером в Государственный Западно-Сибирский краевой музей (название ОГИК музея в 1923 – 1933 гг.) в начале 1920-х гг. Из научного паспорта на коллекции Ковлера, составленного археологом А. И. Петровым в 1979 г., следует, что фрагменты керамики и каменные орудия могли быть найдены на «Омской стоянке»[1].

Часть артефактов с «Омской стоянки» была передана С. А. Ковлером в Государственный исторический музей в 1923 г. [2, с. 8]. Здесь с ними познакомились выдающийся отечественный археолог Василий Алексеевич Городцов и его ученица, молодой исследователь Варвара Павловна Левашева, заложившая в конце 1920-х гг. основы археологии Среднего Прииртышья [3, с. 123].

Пальму первенства в открытии памятника оспаривал другой видный деятель омской науки – Петр Людовикович Драверт (1879 – 1945 гг.) – выпускник естественного отделения физико-математического факультета Императорского Казанского университета [4, с. 7]. Драверт оказался в Омске в ходе событий Гражданской войны. В 1917 г. он отправился в длительную экспедицию по Уралу и Сибири; белочешский мятеж не позволил Драверту вернуться в Казань. В Омске он активно включается в научную

[1] Петров А. И. Научный паспорт на археологическую коллекцию ОМК-4489 // Архив фонда археологии ОГИК музея. – Омск, 1979. – 2 с. Рукопись.

жизнь, также став членом ЗСОРГО. Позже Петр Людовикович стал преподавать в Омском сельскохозяйственном институте [4, с. 8; 5, с. 227].

Начало работ П. Л. Драверта на «Омской стоянке» относится уже к послевоенному времени – к 1923 г. [3, с. 119]. Современные ученые постепенно склоняются ко мнению, что С. А. Ковлер и П. Л. Драверт открыли «Омскую стоянку» независимо друг от друга и вели сборы в разных местах растянутого вдоль Иртыша на сотни метров памятника [1, с. 97].

Открытие «Омской стоянки» произошло во время Гражданской войны. То, что Омск в это время стал «белой столицей» России, стало причиной оживления культурной и научной жизни. В Омск стекались бежавшие из «красной» России артисты, писатели, ученые. В городе оказались научные кадры, связанные с археологией, что характерно не только для Омска. Л. Ю. Китова отмечает, что подъем в археологических исследованиях Сибири в 1919 г. связан с тем, что часть исследователей после Октября 1917 г. перебралась сюда. Для большинства ученых это было связано с желанием выжить, «так как в Сибири, несмотря на повсеместные голод и болезни, до 1921 г. было прожить немного легче, чем в столицах. Гражданская война [...] ускорила процесс формирования новых археологических центров в Сибири» [6, с. 85]. Правда, в Омске не оказалось исследователей масштаба Н. К. Ауэрбаха, Г. П. Сосновского, Г. К. фон Мергарта (как в Красноярске) или С. А. Теплоухова и С. А. Руденко (как в Томске)[1] [6, с. 85]. Интересно отметить, что Н. К. Ауэрбах приехал в Красноярск из Минска в 1918 г., когда тот оказался перед угрозой взятия неприятелем. Г. П. Сосновский появился в Красноярске, скрываясь от белогвардейских карательных отрядов, Г. К. фон Мергарт оказался в Сибири как военнопленный австро-венгерской армии. С. А. Теплоухов по решению правительства А. В. Колчака вместе с другими преподавателями и студентами был отправлен в Томский университет из Перми[2] [6, с. 85]. Таким образом, на судьбу многих археологов, связавших свою жизнь (или какую-то ее часть) с Сибирью, повлияли события Первой Мировой войны, Революции и Гражданской войны.

В Омске в 1919 г. работал Александр Владимирович Попов – врач (эпидемиолог, прозектор) и краевед Оренбуржья. Родился А. В. Попов в 1867 г. По недавно выявленным данным из иркутских архивов,

[1] Китова Л. Ю. Сергей Александрович Теплоухов // Российская археология. – 2010. – №2. – С. 166–173. URL: http://kronk.spb.ru/library/kitova-lyu-2010.htm (Дата обращения: 23 октября 2018).

[2] Там же, с. 166 – 173.

А. В. Попов скончался 5 декабря 1937 г.[1] С 1890-х гг. вел раскопки курганов на территории Оренбургской губернии, Уральской и Тургайской областей. В 1903 – 1918 гг. возглавлял Ученую архивную комиссию. В 1905 г. им был разработан проект «Правил» об охране памятников древности[2] [7, с. 129]. В годы Гражданской войны Попов спас от уничтожения библиотеку Оренбургской духовной семинарии, музейные экспонаты, десятки тысяч ценнейших архивных документов [8, с. 87 – 89]. А. В. Попов вспоминал: «...революция застала меня в должности временного врача Ташкентской железной дороги [...]. Я оставил службу *(осенью 1918 г. – И. Ф.)* на железной дороге и, следуя общему настроению, уехал с семьей в Троицк, откуда весной 1919 г. направился в Сибирь, в Омск, так как мне казалось, что сюда не докатится тяжкая волна Гражданской войны. В Омске я нашел службу в Министерстве путей сообщения по врачебной части, а затем при падении Колчака был эвакуирован в Иркутск»[3].

В Омске 4 апреля 1919 г. его избрали в члены ЗСОРГО и поручили провести раскопки памятников археологии близ Омска. Вероятно, он исследовал курганную группу у с. Новотроицкое и археологические объекты под станицей Захламенской. Некоторые предметы из фонда археологии ОГИК музея могут происходить из материалов раскопок А. В. Попова. А. В. Жук приводит любопытные сведения, что местные крестьяне запомнили эти раскопки как раскопки «чешского отряда армии Колчака». Омский период деятельности А. В. Попова завершается его отъездом в Иркутск, где он продолжил свои археологические изыскания [9, с. 11].

Таким образом, в Омске в 1918–1919 гг. наблюдался интерес к археологии. Эта ситуация являлась характерной для многих крупных городов Сибири того времени. В Омске изыскания проводили местные и приезжие ученые. Но они не являлись историками, археологами по профессии, хотя имели археологические знания, навыки работы с памятниками. Их старания заложили базу для последующих работ археологов-профессионалов.

---

[1] Судоргина Т. В. Гражданский подвиг Александра Попова // URL: https://orenlit56.ru/index.php/d-2/item/134-grazhdanskij-podvig-aleksandra-popova (Дата обращения: 23.10.2018).

[2] Судоргина Т. В. Гражданский подвиг Александра Попова // URL: https://orenlit56.ru/index.php/d-2/item/134-grazhdanskij-podvig-aleksandra-popova (Дата обращения: 23.10.2018).

[3] Судоргина Т. В. Гражданский подвиг Александра Попова // URL: https://orenlit56.ru/index.php/d-2/item/134-grazhdanskij-podvig-aleksandra-popova (Дата обращения: 23.10.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Коников Б. А. Археологический комплекс «Омская стоянка»: в поисках тысячелетий (научно-популярные очерки) / под ред. Г. Г. Гурьяновой. – Омск: Золотой тираж, 2014. – 204 с.: ил.

2. Жук А. В. Омская стоянка: открытия, первые коллекции и первые впечатления // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. – Омск: ИД Наука, 2013. – С. 5 – 34.

3. Коников Б. А. Археология Омска: ил. энцикл. / [авт.-сост. Б. А. Коников; науч. ред. А. В. Жук]. – Омск, 2016. – 407 с.

4. Артемьева О. Н. Поэт сибирской науки // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: ОГИК музей, 1999. – №7. – С. 7 – 10.

5. Дербуш О. Н. Собрание артефактов периода Гражданской войны в фонде текстиля Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: ОГИК музей, 2018. – С. 225 – 229.

6. Китова Л. Ю. Формирование в Красноярске центра изучения археологических памятников Сибири // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2008. – №4, т. 2. – С. 85 – 93.

7. Набокина Т. А. Организационная структура и полномочия членов уральских губернских ученых архивных комиссий // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №23 (238). – История. – Вып. 47. – С. 126 – 131.

8. Тугай Т. И. Председатель Оренбургской ученой архивной комиссии А. В. Попов в 1917-1918 гг. // Оренбургский край: Архивные документы. Материалы. Исследования: Сборник работ научно-исследовательской краеведческой лаборатории ОГПУ. – Вып. 4. – Оренбург: ОГПУ, 2008. – Библиогр.: с. 87 – 89.

9. Жук А. В. История археологического изучения в Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х гг. // Новое в археологии Среднего Прииртышья. – Омск: изд-во ОмГУ, 2007. – Вып. 4. – С. 4 – 18.

УДК 94 (571.13)

Чередова Светлана Юрьевна,
аспирант,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: streletc28@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ.)

В статье рассматривается культурный ландшафт города Омска, сложившийся на конец XIX – начало XX веков, как важный фактор формирования исторической памяти горожан. Культурный ландшафт включает основные институты, выступающие хранителями и трансляторами культурных ценностей, архитектурную среду с ее памятниками и памятными знаками, а также коммуникационное поле, активными факторами которого являются личности. В статье как опорные точки культурного ландшафта представлены библиотеки, научно-исследовательские и культурно-просветительные общества, музеи. Важным каналом процесса формирования исторической памяти становится празднование юбилеев писателей и общественных деятелей, годовщин исторических событий.

Ключевые слова: историческая память; культурный ландшафт; библиотеки; просветительские и исследовательские общества; юбилеи; Омск.

Cheredova Svetlana Yurievna,
postgraduate,
Omsk state University named after F. M. Dostoevsky,
Omsk,
e-mail: streletc28@mail.ru

CULTURAL LANDSCAPE AND ITS ROLE IN SHAPING HISTORICAL MEMORY (ON THE EXAMPLE OF OMSK IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)

The article deals with the cultural landscape of the city of Omsk, formed at the end of XIX – beginning of XX centuries, as an important factor in the

formation of historical memory of citizens. The cultural landscape includes the main institutions acting as custodians and translators of cultural values, the architectural environment with its monuments and memorials, and also the communication field which active actors are persons. The article presents libraries, research and cultural-educational societies, museums as the reference points of the cultural landscape. An important channel in the process of formation of historical memory is the celebration of anniversaries of writers and public figures, anniversaries of historical events.

Keywords: historical memory; cultural landscape; libraries; educational and research societies; anniversaries; Omsk.

Бурные политические события в Российской империи актуализировали проблему осознанного проведения образовательной политики, поставившей цель воспитать подрастающее поколение с патриотических, религиозных и монархических позиций. Используя систему образования, власть запустила механизм создания необходимых ей акцентов символической репрезентации исторического прошлого. Можно сказать, что власть начинает процесс формирования исторической памяти. Историческая память является одной из форм индивидуальной и коллективной/социальной памяти – как память об историческом прошлом. Через нее происходит оживление разделяемых образов исторического прошлого, это имеет особенное значение для конструирования социальных групп [1, с. 414]. Термин, появившийся гораздо позже, как нельзя лучше отражающий суть развернувшегося процесса. Опыт России в этом плане не уникален. Власть, особенно в периоды кризисов выражает заинтересованность в историческом знании и формировании соответствующих ценностей в обществе, прежде всего, в интересах собственной легитимизации.

Свой вклад в формирование как социальной, так и исторической памяти вносят, помимо учебных заведений всех форм и уровней, различный спектр учреждений культуры, роль которых в конце XIX – в начале XX вв. выполняли библиотеки, музеи, культурно-просветительские общества и др. Эти организации не только отражали, но и формировали культурный ландшафт города. В отличие от учебных заведений библиотеки напрямую не оказывали воздействие на формирование исторической памяти, но само их существование, наличие в них исторической научной и популярной литературы давало возможность приобщиться к трудам передовой исторической мысли, использовать полученную информацию в написании домашних сочинений, в ответах на экзамене, и, наконец, ради

удовлетворения собственной жажды знаний. Период конца XIX – начала XX вв. характеризовался взлетом популярности исторической науки, многие исследователи отмечают нарастание интереса к истории как к науке и к истории как знанию о прошлом своей родине. Учебные заведения Омска могли похвастаться собраниями сочинений Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, позже были приобретены труды В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и др[1]. Пополнение библиотечных фондов проходило под строжайшим надзором администрации.

Частью культурного ландшафта, который оказывал влияние на формирование исторической памяти, помимо библиотек были музеи. Первым музеем стал музей Западно-Сибирского отдела ИРГО. В 1883 г. благодаря усилиям Русского географического общества музей стал доступен для посетителей. Единственным недостатком работы музея стала теснота помещений и отсутствие собственного здания, это не давало развернуться работе музея во всю силу. Фонды музея обладали неплохими коллекциями, собранными в основном во время экспедиций. В 1896 г. музей, наконец, получает собственное здание, и одним из направлений просветительской деятельности становится организация научно-популярных лекций и докладов [2, с. 42].

Важными моментами формирования исторической памяти стали празднования различных памятных и юбилейных дат, связанных с историей и культурой России. Омские учебные заведения, музеи, культурно-просветительские и научные общества принимали активное участие в праздновании различных исторических дат: 200-летнего юбилея Полтавской битвы (1909 г.), 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости (1911 г.), 100-летия победы в Отечественной войне (1912 г.), 300-летия Дома Романовых. Праздники проходили по программе, одобренной Августейшим монархом.

По поводу празднования этих событий создавались специальные комиссии, которые занимались подготовкой юбилея. В их компетенцию входило: составление запросов на Высочайшее имя и на имя Акмолинского губернатора о разрешении празднования, программы юбилея, концертных программ, «Торжественных актов». Эти комиссии заказывали бюсты, портреты представителей царственного дома, для установки их в учреждениях, садах и т.п.[2]

Не оставались незамеченными и юбилеи писателей, обществен-

[1] ГИАОО.Ф. 115. Оп. 1. Д. 9.

[2] Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813 – 1913. – М., 1915. – С. 162.

ных деятелей. В учительской семинарии в форме литературно-музыкального утра или вечера праздновали: 500-летие со дня смерти С. Радонежского, 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова[1]. Чествование юбиляра происходило по тому же сценарию, что и празднование исторических дат, но менее торжественно. В учебных заведениях устанавливались бюсты или портреты юбиляров, к которым возлагались венки, цветы, гирлянды из живых листьев. Обязательно совершались церковные службы с провозглашением вечной памяти юбилярам. Население города тоже принимало участие в праздновании таких юбилеев. Устраивались народные чтения, где рассказывались биографии, читались их произведения. Оформлялись стенды с иллюстрациями к ним, силами местного общества любителей драматического искусства ставились пьесы. В «Епархиальных ведомостях» помещались статьи с биографиями юбиляров, описанием их заслуг перед Отечеством. В других газетах печатались стихи, фельетоны, дружеские шаржи [3, с. 136].

Таким образом, сложившийся в конце XIX – в начале XX вв. культурный ландшафт давал возможность не только учащимся омских учебных заведений приобщаться к знаниям, но и более широкой публике за счет посещения библиотек, музеев, активной работы просветительских организаций узнавать историю родного края и отечества. Празднование значимых юбилейных событий в начале XX в., как бы оно ни контролировалось и ни направлялось администрацией, все равно подразумевало творческий подход, более подробное знакомство с информацией о юбилейной дате. Продолжительная подготовка к самим праздникам, обширность программы, участие школьников в общегородских мероприятиях, привлечение внимания горожан безусловно оказывали влияние на складывание исторической памяти, закрепление координат исторических событий, на их ценностное восприятие. Особое место во всех мероприятиях занимала церковь. Важную роль в организации праздников играли средства массовой информации с их возможностями тиражирования и пропаганды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011. – 560 с.

2. Попов Д. А. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX веков. – Омск, 2006. – 511 с.

[1] ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 40, 48, 62, 93.

3. Быкова А. Г. Культурно-массовые мероприятия в жизни Омска (конец XIX – начала XX вв.) // 280 лет Омску: история и современность: Тезисы докладов и сообщений научной конференции / под ред. А. П. Толочко. – Омск: ОмГУ, 1996. – С. 134 – 136.

Список сокращений и аббревиатур

ВА ГРМ – Ведомственный архив Государственного Русского музея

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи

ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ВСЕХБ – Всесоюзный Совет Евангельских Христиан-Баптистов

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ЕТГМ – Ежегодник Тобольского губернского музея

ЕКЭ – единая краеведческая экспозиция

ЗСОИРГО – Западно-Сибирский Отдел Императорского Русского географического общества

ЗСОРГО – Западно-Сибирский Отдел Русского географического общества

КГБ – Комитет Государственной Безопасности

КПОГА – Коми-Пермяцкий окружной государственный архив

КСЖД – Комитет Сибирской железной дороги

МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского − Музей археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

МЗИГИ – Министерство земледелия и государственных имуществ

МОСХ – Московское общество сельского хозяйства

ОблОНО – Областной отдел народного образования

ОГИК музей – Омский государственный историко-краеведческий музей

ОмГАУ – Омский государственный аграрный университет

ОмГУ – Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ОР ГЭ – Отдел рукописей Государственного Эрмитажа

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

СДРК – Совет по делам религиозных культов

СКР – Союз краеведов России

СКЦ – Сибирский культурный центр

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СПбГУКИ – Санкт-Петербургский университет культуры и искусств

ТГМ – Тобольский губернский музей

ТГУ – Томский государственный университет

ТМПО – Тюменское музейно-просветительское объединение

ТОКМ – Тюменский областной краеведческий музей

ТСПХ – Творческий союз профессиональных художников

ФАП – фельдшерско-акушерский пункт

ХВЕ – Христиане Веры Евангельской

ЦК КПСС – Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза

Содержание

Доклады пленарного заседания

Беневаленская Е. Н. Историко-краеведческие исследования и формирование региональной идентичности.....5

Вибе П. П. Омск – столица белой России: мифологизация в пространстве публичной истории.....9

Демин М. А. Алтайские исследователи 1950 – 1970-х гг.: от краеведческих изысканий к научным обобщениям.....20

Жигунова М. А. Презентация этнической культуры русских в деятельности современных учреждений города Омска.....24

Кокоулин В. Г. «Война памятников» и «Война памяти» в постсоветской России.....29

Красильникова Е. И. Юбилеи Новосибирска: политика и память.....36

Кротт И. И. Западная Сибирь как центр «европейских» инноваций: хозяйственные практики сельских предпринимателей в конце XIX – начале XX вв.....41

Леонтьева О. Б. «Белые пятна» и конфликтные зоны региональной памяти: Гражданская война в исторической памяти Самары.....46

Менщиков В. В. Итоги и перспективы развития курганского исторического краеведения.....50

Рыженко В. Г., Рыженко Л. И. К проблеме трансформации современного краеведческого движения: участие краеведов, краеведческих музеев и библиотек в акции «Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин» (2013 – 2018 гг.).....54

Томилов Н. А. Омский этнографический научный центр: к 45-летию начала формирования.....60

Чуркин М. К. Историческая «травма» колонизации в рецепции сибирского областничества (вторая половина XIX – первая четверть XX в.).....66

Шиловский М. В. Вопросы истории региона в книге Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония»....72

Краеведческое движение провинции и изучение местной истории

Абдрахманова К. К. Воспоминания женщин Казахстана о Великой Отечественной войне....80

Абселемов С. А. Колонизация Степного края в оценках имперских экспертов второй половины XIX – начала XX вв....84

Алиева Г. М. Г. Н. Потанин, открывший Европе культуру народов Азии....89

Вибе П. П., Беляева О. Г. Периодические и серийные издания Омского государственного историко-краеведческого музея как фактор консолидации краеведческих сил региона....94

Гребенкин А. Н. Послужные списки офицеров Орловского Бахтина кадетского корпуса как исторический источник....100

Громова О. А. Политика и памятники: тенденции увековечивания в монументальных формах памяти о Гражданской войне (на примерах малых городов Сибири 1920-х – 1980 гг.)....104

Гумиров Т. Ф. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири как источник для изучения барабинских татар....108

Елеуханова С. В. Тыловая повседневность женщин Актюбинской области в годы Великой Отечественной войны....112

Кабакова Н. В. Периодическая печать как источник изучения повседневной истории Омской области периода конца 1930-х – первой половины 1940-х гг....116

Каткова Е. И. Общественно-политическая жизнь Омска 1917 – 1919 гг.: по страницам периодической печати....120

Келлер Л. И. Омское краеведение в период перестройки....125

Козлова А. А. Повседневная жизнь молодежи Западной Сибири в условиях Великой Отечественной войны (на примере Омска).....129

Конев Е. В. Советское государство и протестантские общины Омской области в период хрущевской оттепели.....133

Косыгина С. В. Естественное движение населения Омска и уездных городов Акмолинской области в 1913 – 1926 гг.....137

Кузнецова А. В. Наследие педагога и краеведа П. Т. Сигутова: возможности использования при изучении локальных культурных пространств Омской области.....141

Ландик О. А. Письма краеведа В. М. Самбурского как отражение процесса создания общественных музеев начала 1960-х гг. в Омской области.....146

Лосунов А. М. Память о Н. М. Ядринцеве в белом Омске.....150

Менщиков И. С., Сахно А. С. Деятельность Московского общества сельского хозяйства в Курганском уезде.....155

Назарцева Т. М. Сельские краеведы Омской области.....160

Наумов С. С. Памятное пространство малых городов Омского Прииртышья (по материалам местных информационных ресурсов).....165

Ремизов А. В., Сорокин А. П. Жизнь и творчество омских краеведов в серии «Биобиблиографика» ОГОНБ им. А. С. Пушкина.....170

Сергеев К. В. К истории государственного переворота 18 ноября 1918 г. в г. Омске.....176

Сизов С. Г. Дети в белом Омске в годы Гражданской войны.....181

Стельмак М. М. К вопросу об антисемитских взглядах А. В. Колчака.....187

Струкова О. В. Историческое краеведение как элемент современного исторического образования.....191

Шатова Н. Н., Шелегина О. Н. Молодежная интернет-викторина «Мы – земляки!» как вектор краеведения.....195

Музей и общество

Адамсон А. Р. Часы LE ROI A PARIS на выставке «Как измерить время» ОГИК музея.....202

Акимченков В. В. Севастопольский музей революции: технологии и средства в изучении историко-культурного наследия региона.....206

Анкушева К. А. Научно-практическая конференция «Словцовские чтения» в контексте научно-исследовательской деятельности и профессиональной коммуникации (по опубликованным сборникам материалов).....210

Ахунова Э. Р. Экспозиционная работа в Омском музее просвещения как основа репрезентации объектов материальной и духовной культуры народов Омского Прииртышья.....215

Балюнов И. В. Археологические коллекции с городища Потчеваш в экспозициях Тобольского губернского музея.....219

Блинова О. В. Из первых поступлений в музей ЗСОИРГО: жертвенные чаши.....224

Буслаева Г. Б. Коллекция семьи Пахотиных в фондах ОГИК музея.....229

Воробьева С. С. Характеристика фонда «Предметы изобразительного искусства» Называевского историко-краеведческого музея.....235

Гришин Ю. В. Копировально-множительный аппарат мимеограф Эдисона в фондах ОГИК музея.....239

Дербуш О. Н. Фонды ОГИК музея как источник изучения истории костюма сибирского казачества конца XIX – начала XX вв.....243

Дьякова О. П. Повседневная жизнь омичей в 1920-е гг.: работа и быт (по материалам коллекции негативов ОГИК музея).....246

Евсеева А. В. Квест в историческом музее: возможности и варианты проведения для посетителей разного возраста (из опыта создания квестов в Музее истории Екатеринбурга).....252

Ермола М. В. Почетный зонт на выставке «Образы Китая»: проблемные вопросы в исследовании китайской коллекции ОГИК музея.....256

Кокунина А. В. Личная коллекция участника Великой Отечественной войны Байдукова Георгия Филипповича в фондах Музейного комплекса воинской славы омичей.....260

Котовщикова О. В. К проблеме смены идеологических установок в первой половине XX в.: Антирелигиозный музей в Омске.....264

Кошелева Т. Ф. Редкие виды шмелей (род bombus) в энтомологической коллекции ОГИК музея.....269

Краснов В. В. Военный быт сибирских казаков по фотографиям из фондов ОГИК музея.....274

Михайленко Е. О. Храмы Тобольского кремля.....279

Пархоменко Н. Б. Средства передвижения русского населения Омского Прииртышья конца XIX – XX вв. по материалам Музея археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.....283

Пахомчик С. А. Вклад Н. Л. Скалозубова в становление и развитие Тобольского губернского музея.....287

Прокофьева Н. Е. Музейный контент и интерактивный опыт музейной аудитории.....293

Смирнова Т. В. Архивы ленинградцев в фондах Музейного комплекса воинской славы омичей.....298

Сомова Ю. А. Научно-исследовательская работа в ОГИК музее (2013 – 2018 гг.).....302

Сорокин А. П. Музейные экспозиции в публичной библиотеке: особенности создания, функционирования и развития.....307

Стародубцева М. Н. Проблемы привлечения потенциальных посетителей в современный музей.....314

Хурчаков А. А. Архивы воинов-«афганцев» в фондах Музейного комплекса воинской славы омичей.....318

История культуры, этнография и археология

Адам Я. В. Из истории школьного образования Тюкалинского уезда Тобольской губернии начала XX в.....324

Аксютина З. А., Озерова О. А. Трансляция рисков социального воспитания мусульманских детей Сибири в 30-е гг. XX в.....329

Булгаева Г. Д. Изучение храмовых памятников региона через пластические формы.....334

Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Корусенко М. А., Павлов Д. Н. Некрополь первых строителей Омской крепости: археологическая гипотеза.....338

Горелова Ю. Р. Памятники архитектурно-градостроительного искусства как элемент художественного образа города.....380

Грушина А. Ф. Формы и способы трансляции культурной памяти в современном обществе.....344

Елизарова Н. В. Места погребения Омска как исторический источник.....353

Загородникова Д. П. Археологические памятники города Омска и его окрестностей: мониторинг современного состояния.....358

Золотова Т. Н. Процессы межэтнического взаимодействия в праздничном социокультурном пространстве Омского региона.....363

Коников Б. А. Южно-таежное Прииртышье в пред- и раннемонгольское время (об этнокультурной ситуации в регионе).....369

Корусенко С. Н. О создании базы данных о татарских деревнях Омской области.....373

Матющенко О. И. Водонапорная башня XIX в. в городе Томске: ревитализация объекта.....378

Павлов Д. Н., Черенкова С. В. Результаты предварительных исследований Бутырского кладбища как объекта археологического наследия Омска XVIII – второй трети XIX вв.....382

Петренко О. В. Областная научно-практическая конференция «Многоликое Прииртышье» и ее значение в изучении, популяризации истории и культурного наследия региона.....386

Подолько В. В. Формирование полиэтничного населения Степного края в дореволюционный период (на примере Кокчетавского уезда).....392

Селезнева И. А. Экопоселение как поиск нового сельского образа жизни.....396

Татауров С. Ф. Тарская каланча или про пожары в городе Таре и как с ними боролись.....400

Татауров Ф. С. Археологические памятники русского освоения Среднего Прииртышья на территории Знаменского района Омской области: современное состояние и перспективы исследования.....408

Тихонов С. С. Четыре варианта легенды о могиле хана Кучума.....413

Федоров Р. Ю. Особенности бытования и трансформаций обряда «Свеча» у белорусских крестьян-переселенцев в Сибири.....418

Федотова И. В. Гражданская война и омская археология.....423

Чередова С. Ю. Культурный ландшафт и его роль в формировании исторической памяти (на примере Омска конца XIX – начале XX вв.).....428

Список сокращений и аббревиатур.....433

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ПЯТЫЕ ЯДРИНЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
Материалы
V Всероссийской научно-практической конференции
на тему:
«КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

(Омск, 30 – 31 октября 2019 г.)

Ответственный редактор П. П. Вибе
Ответственный секретарь Ю. А. Сомова
Корректор В. А. Шаркова
Верстка Е. В. Терентьева

Сдано в набор 26.09.2019.
Подписано в печать 03.10.2019 г.
Бумага офсетная Формат 60x84/16
Усл.п.л. 27,8
Тираж 150 экз. Заказ №316282

Отпечатано в типографии «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»)
644007, г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34